

«Уральский государственный педагогический университет»
ИНСТИТУТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ
Кафедра теоретической и прикладной лингвистики

**«АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГЕРМАНИСТИКИ,
РОМАНИСТИКИ И РУСИСТИКИ»**

Часть I

МАТЕРИАЛЫ
ежегодной международной научной конференции
5–6 февраля 2010 г.
г. Екатеринбург, Россия

ЕКАТЕРИНБУРГ 2010

УДК 811.1/.2
ББК Ш 140/159
А 43

Под редакцией
доктор педагогических наук, профессор
Н. Н. Сергеевой

Научный редактор
кандидат педагогических наук, доцент
Е. Е. Горшкова

А 43 *Актуальные* проблемы германистики, романистики и русистики

Материалы ежегодной международной научной конференции, Екатеринбург, 5–6 февраля 2010 г. [Текст] / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2010. –Ч. I – 359 с.

Сборник включает статьи докладов и сообщений, прочитанных в рамках конференции «Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики», организованных кафедрой теоретической и прикладной лингвистики, ГОУ ВПО «Уральского государственного педагогического университета» 5–6 февраля 2010 г. Для студентов, аспирантов и преподавателей, филологических и лингвистических специальностей высших учебных заведений.

УДК 811.1/.2
ББК Ш 140/159

Оглавление

Пленарные доклады	7
<i>Комарова З. И.</i> Проблемы языка науки	7
<i>Пестова Н. В.</i> Новая художественно-эстетическая парадигма в литературе начала XX века: к 100-летию немецкого экспрессионизма ..	24
<i>Сергеева Н. Н.</i> Обучение профессионально-ориентированному аудированию в неязыковом вузе	35
<i>Чудинов А. П.</i> Ведущие направления политической метафорологии	43
Общетеоретические проблемы германистики, русистики, индоевропеистики: исследования в области терминоведения, лексикологии, языковых систем и др.....	48
<i>Антонова И. В., Ануфриева М. А.</i> Особенности синтаксического оформления коммуникативных фразеологических единиц (на материале КФЕ семантического поля 'богатство')	48
<i>Ануфриева М. А., Антонова И. В., Федуленкова Т. Н.</i> Природа компонента фразеологизма	52
<i>Богуславская Е. Л.</i> Относительное местоимении <i>WHICH</i> . Смена Парадигмы?	56
<i>Василенко А. П.</i> Фразеологическая символика	60
<i>Виноградова Е. Л., Ануфриева М. А., Федуленкова Т. Н.</i> Моделированность как феномен фразеологии	64
<i>Влавацкая М. В.</i> Комбинаторная семасиология от лексического значения слова до концепта	69
<i>Гурова Ю. И.</i> Историческо-семантический анализ этимологических дублетов современного английского языка	76
<i>Гурова Ю. И.</i> Семантическая и этимологическая характеристика глаголов продолжения перемещения современного английского языка ..	81
<i>Десятова М. Ю.</i> Диалектная дифференциация сицилийского	86
<i>Елфимова К. С., Хостай И. С., Федуленкова Т. Н.</i> Виды классификаций библейских фразеологизмов	91
<i>Задорожная А. В.</i> О возможности изменения ведущего члена в синонимических рядах средств выражения будущего (на материале английского языка)	95
<i>Кантышева Н. Г.</i> Понятийная структура экологического аудита	101
<i>Коваленко В. В., Ануфриева М. А.</i> Фразеологические единицы и их функции	108
<i>Коковина К. А., Шишова Л. В., Никулин Е. О.</i> The question of equivalence of the phraseological unit and the word	114
<i>Кокорина Ю. Г.</i> Когнитивное терминоведение и археологическое знание (к проблеме междисциплинарных исследований)	117
<i>Колочкова О. В.</i> Стадийность и неравномерность протекания процесса адъективации причастных форм в русском языке	124

Коровушкин В. П. Общетеоретическая категориально - понятийная база терминосистема междисциплинарных социально - лингвистических наук.....	127
Котляров И. Д. Малоизвестные проблемы исторической фонетики французского языка.....	136
Лукин О. В. О роли логики в теории частей речи.....	143
Маркина С. В. Параллелизм в сфере межсловных связей в русском языке.....	150
Матвеева И. В. Особый статус третьего лица в коммуникативном акте (на материале немецкого языка).....	156
Меликова И. Э. Наречия и наречные сочетания во французском языке.....	161
Мишина Н. О. Лексико-фразеологическое воплощение и развитие синтаксического концепта.....	165
Непомилуева Т. И., Шишова Л. В. Глагол 'MAKE' и его значение..	169
Орехов Б. В. О статусе слова «поэтизм» в системе лингвистической терминологии.....	173
Петухова Е. В. Звукосимволизм в англоязычной терминологии искусства.....	177
Плетнева Н. В. Лексико-семантические особенности усечений в современном английском языке.....	184
Разводовская Я. В. Терминология интердисциплинарной области «репродуктивное здоровье»: понятийный состав.....	188
Розанова Е. В. О ядерных семах категории собирательности.....	193
Сандалова Н. В. Синонимия русских и английских юридических терминов (лексикографический аспект).....	199
Скребова Е. Г. К вопросу о классификации сложноподчиненных предложений немецкого языка.....	205
Сошникова Н. В., Шишова Л. В, Федуленкова Т. Н. К понятию вариантности в фразеологии.....	211
Суралева О. Ю. Гендерный аспект в области фразеологии: исследовательский вектор.....	216
Тезина Е. В. Проблемы упорядочения составных терминов сотовой связи.....	223
Федотова Е. Г., Виноградова Е. Л., Роменская О. М. Пословичные фразеологические единицы: виды вариантности.....	228
Федуленкова Т.Н., Хостай И. С. К таксономии вариантов фразеологических единиц библейской этимологии.....	231
Хрущева О. А. Терминологическая вариативность в исследованиях БЛЕНДИНГА.....	237
Чукреева Е. И. Сопоставительное исследование терминосистем стоматологического оборудования в русском и английском языках.....	242
Шадрина Ю. Ю. Лексико-семантическая классификация лексики как основа для исследования местоимений - прилагательных....	247

Сопоставительная лингвистика и переводоведение.....	252
<i>Алексеева М. Л.</i> Безэквивалентная лексика, лакуна и реалии в аспекте теории перевода.....	252
<i>Аликова Т. А.</i> Перевод комического как проблема культурной компетенции читателя на материале романа Дж. Барнса «История мира в 10½ главах».....	257
<i>Велижанина Е. М.</i> Лингвостилистические средства как способ передачи сакрально-интерпретативной перспективы в тексте новозаветной притчи (сопоставительный аспект).....	262
<i>Волкова Е. В., Палий О. Л.</i> Об особенностях перевода прозаических произведений М. И. Цветаевой на английский язык.....	268
<i>Волобуева О. Н.</i> Формальные особенности фразеологизмов и их экспрессивная функция (на примере фразеологии интеллектуальной сферы русского и английского языков).....	273
<i>Диасамидзе Л. Р.</i> Сдвиг гендерной идентичности в компьютерно-опосредованной коммуникации (на материале политических блогов).....	278
<i>Ерофеева Е. В.</i> Способы передачи русских реалий в переводе детектива Б. Акунина «Азазель» на французский язык.....	285
<i>Запелалова Л. А.</i> Фразеологизмы со значением единичности как элемент языковой картины мира (на материале русского и английского языков).....	288
<i>Конопляник Е. А.</i> Лингвистические ограничители: межкультурный аспект (на материале современного немецкого языка).....	293
<i>Лебедева О. Г.</i> Классификации видов переводческой деятельности.....	297
<i>Мальцева И. Г.</i> Цветовая концептуализация мира (на примере поэзии Г. Тракия и его переводов на русский язык).....	303
<i>Миронова Д. А.</i> Факторы, определяющие степень переводимости трансформированных прецедентных высказываний (на примере англоязычной публицистики).....	309
<i>Нечаева Е. Ф.</i> Фундаментальное отношение «Я – другой» в русском и французском языковых сознаниях.....	316
<i>Обухова Т. А.</i> Обозначения кратковременности в русском и французском языках.....	321
<i>Олешиков М. Ю.</i> Когнитивный аспект лингвистического анализа текста/дискурса.....	325
<i>Пасечник Т. Б.</i> Внутренняя форма как компонент семантической структуры фразеологизма (на материале сопоставительного исследования русских и английских фразеологизмов с числовым компонентом).....	331
<i>Пестовская С. Н., Хромова А. С., Федуленикова Т. Н.</i> Деловая фразеология в межкультурной коммуникации.....	334
<i>Пименов Е. А., Пименова М. В.</i> Общее и специфичное социальных концептов <i>БЕДНОСТЬ</i> и <i>POORNESS</i>	339
<i>Смирнова Ю. Л.</i> Политические эвфемизмы в средствах массовой информации.....	349
<i>Ширпулжева Н. В.</i> ЛСП «Действие животного» на основе лексикографических источников русского языка.....	353

Пленарные доклады

Комарова З. И.

Екатеринбург, Россия, zikomarova@bk.ru

Проблемы языка науки

Вопрос о специфике выразительных средств науки, давно привлекающий внимание ученых и филологов, превратился в XX веке в самостоятельную проблему, у которой с разной степенью отчетливости проявились общенаучный, общелингвистический, собственно терминологический, философский и, как следствие, историко-философский аспекты.

А.Х. Султанов¹

В наши дни наука стала решающим фактором самой цивилизации и определяющим условием успешности или неуспешности существования любого общества. А бурное развитие научного знания и расширение возможностей новых технологий в современном мире привлекают внимание ученых разных специальностей к вопросам **языка науки** (Н.Ю. Абелян, О.С. Ахманова, Л.Б. Баженов, М.Бунге, М.Вебер, Н.Бор, Н.Б. Гвишиани, М.М. Глушко, В.Г. Горохов, А.Н. Колмогоров, В.В. Мартынов, У. Найсер, Е.С. Никитина, В.В. Налимов, Г.И. Рузавин, Д. Серл, М. Фридмен, В.С. Швырев, Э. Шредингер, А. Эйнштейн, В.Н. Ярцева и др.).

Можно выделить целый «ряд предельно актуальных проблем, связанных с языком науки» [Никитина 2010].

Во-первых, проблема языка науки связана с глобальными вопросами о границах могущества науки, поскольку вопрос о языке науки «встроен» в вопросы о том, **что, как и зачем** мы изучаем, насколько достоверно наше знание и с какой **точностью, однозначностью и полнотой** способен его выразить созданный для этой цели **язык**. Объективная сложность заключается в том, что существует противоречие между континуальностью знаний и дискретностью языка, которым эти знания выражаются,

¹ См.: [Султанов А.Х.2007:2005].

между непрерывной динамикой мысли и статичной запечатленностью её в слове и тексте.

Во-вторых, вторая половина XX века (века кибернетики) решает проблему формализации научного знания, и следовательно, и проблему формализации языка изложения научных данных. Дело не только в создании новых символических языков (типа языков химии, математики, логики и др.), сколько в построении формализованных языков для представления содержания научных текстов в системе искусственного интеллекта, т.е. возникает комплекс задач, связанных с кибернетической трансформацией языка науки [Иванов Вяч.Вс. 2004; Марчук 2007 и др.].

В третьих, проблема языка науки – это проблема его связи с тем языком, на котором говорит человек и который является первым и вечным источником языка науки. И здесь возникает целый ряд очень важных проблем, связанных прежде всего с выяснением того, насколько «оторвался» язык науки от обыденного языка. Можно ли делать «переводы» с языка науки на язык бытовых представлений. Учитывая то, что язык науки – это язык повышенной компрессии смысла, думается, что сделать новое научное утверждение на бытовом языке невозможно. Другая проблема связи языка науки с естественным языком – это влияние языка науки на свой материнский источник. Так, В.Н. Ярцева, рассматривая взаимодействие языка науки и общего языка, задает вопрос: «Может ли развитие научного стиля направлять языки в сторону сближения?» и отвечает на этот вопрос положительно [Ярцева 1975: 92].

Таким образом, «можно без преувеличения сказать, что анализ языка науки – одна из главных проблем науки» наших дней [Никитина 2010 : 3]

Основная сложность состоит в том, что раскрыть понятие языка науки можно только на скрещении нескольких областей знания и деятельности: семиотическом, логико-философском, науковедческом, лингвистическом и терминологическом.

Очень кратко остановимся на каждом из них.

I. Начнем с **семиотического направления**, т.е. семиотики как «первой науки», которая, по словам В.А. Канке, «стоит у входа всех наук», поскольку во всех науках используется концепт **знака** [Канке 2008:188]

Для анализа языка науки исходными являются следующие положения: 1) знаки и знаковые системы в природе и обществе образуют **континуум**, который по своей цельности сопоставим с эволюционным континуумом жизни; 2) в этом континууме естественный язык не только хронологически, но и по своим семантическим характеристикам и универсальности занимает **среднее положение** между семиотиками искусств, передающими наглядно-образное содержание, и семиотиками наук – носителями абстрактно-логического знания; 3) семиотики искусств и наук и их произведения принципиально более трудны для понимания, чем язык, поэтому язык, выполняя **посредническую функцию**, помогает разобраться в фантазиях поэтов и построениях ученых; 4) в сравнении с семиотиками искусств, язык – более надежный передатчик информации, т.к. обеспечивает взаимопонимание участников коммуникации, но в сравнении с семиотиками наук, язык менее надежен (в силу нестрогости своих значений, многозначности и симонимии), зато усваивается естественным путем и поэтому общедоступен; 5) семиотическое пространство имеет тенденцию к расширению и уплотнению, особенно интенсивно растет число искусственных левополушарных знаковых систем науки [Мечковская 2004 : 376-399].

Все это позволяет считать, что действительно изучение научного знания, безотносительно к знаковой системе, фиксирующей это знание, лишено смысла. Потому семиотическая компонента в языке науки обязательна, поскольку объективированное научное знание, рассмотренное как семиотическое (знаковое) позволяет исследовать его в разных аспектах: семантическом, синтаксическом и прагматическом.

II. Язык науки в логико-философской интерпретации.

Обсуждение вопроса о научном методе в аспекте форм языкового выражения знания стимулировало идею создания **идеального языка нау-**

ки. Прологом к данному направлению выступает картезианская идея всеобщей математики (*mathesis universalis*), а импульсом создания идеального языка науки явилось осознание недостатков естественного языка – орудия обыденного общения и познания (Г. Лейбниц, Ф. Бэкон, Г. Фреге, Б. Рассел, Л. Витгенштейн).

Этот поиск на несколько столетий направил философскую мысль не столько на проблемы бытия, сколько на проблемы **познания** и потому не удивительно, что философия XX века стала преимущественно **философией языка** и изучала то, как язык соотносится с миром (Ф. Татарский, Г.Н. Гудлин, К.Р. Поппер, У. Куйан, У. Дэвидсон, Р. Рорти, К.О. Апель, М. Хайдеггер, Х.Г. Гадамер, Т. Кун, Ж. Деррида, Ю. Хабермас, Х. Райхенбах) и стала «золотым веком в истории философии» [Кохановский и др. 2008 : 475].

Особо важным этапом стало формирование **неклассической теории познания**, ключевыми идеями которой стали 1) идея активности познающего субъекта и субъект – субъектная гносеологическая схема познания; 2) идея предпосылочного знания, в результате которой подходы к реальности должны быть необходимо опосредованы анализом форм её языкового представления и учетом того, что реальность не столько **отражается**, сколько **создается в языке**; 3) антифундаментализм, согласно которому снята установка на поиск незыблемого фундамента научного познания в виде окончательных истинных идей; 4) потребность в познании обуславливается конкретной проблемной ситуацией, детерминирующей познавательные инструменты – смыслы высказываний; 5) тезис Дюгема-Куайна о нагруженности факта теорией; 6) идея о логико-семантической замкнутости категориальных аппаратов научных теорий, что позволяет осмыслить проблемы преемственности научного знания и возможности межнаучного синтеза [Кохановский и др. 2008; Лекторский 2001; Налимов и Мульченко 1972; Степин 2000].

Такова методологическая база современного подхода к языку науки. Исходя из этого **я з ы к н а у к и** в настоящее время понимается в

двух смыслах: широком и узком.

В широком смысле язык какой-либо науки (назовем его вслед за С.Е. Никитиной – язык науки 1-А) приравнивается к системе специальных научных знаний, т.е. к самой науке, либо к её теории и её логике, в частности, к понятийному аппарату и способам рассуждений и доказательств. При этом существенно то, что во всех этих употреблениях под **я з ы к о м н а у к и** понимаются некоторые глубинные основы научного текста, не сводимые к языку текста поверхностного [Никитина 2010 : 9]. При этом точного определения этого понятия не дается [Канке 2008 : 324].

Узкое понимание термина **я з ы к н а у к и** дается в логике (назовем его язык науки 1-Б): «**Язык науки** – система понятий, знаков, символов, создаваемая и используемая той или иной областью научного знания для получения, обработки, хранения и применения знаний. В качестве специального языка конкретных наук обычно используется некоторый фрагмент естественного языка, обогащенный дополнительными знаками и символами... » [Ивин, Никифоров 1997 : 381]

Как видно из этой дефиниции, язык науки 1-Б представляется в виде набора некоторых формальных знаковых систем с правилами их интерпретации.

Таким образом, если анализ языка науки 1-А включает в себя описание структуры научного знания, то анализ языка 1-Б заключается в описании типов терминов и предложений, посредством которых это знание объективизируется, хотя в целом разграничение философских и логических проблем анализа языка науки очень условно. Скорее всего язык науки 1-Б является способом представления языка науки 1-А.

При этом язык науки 1-Б состоит из нескольких слоев: выделяются **объектные языки** и вспомогательные языки, или **метаязыки**. Первые фиксируют знания об объектах науки, вторые строят и описывают первые. Объектный язык в свою очередь может делиться на несколько слоёв. Для языка современной физики, например, выделяются три слоя: **1) л о г и ч е с к и й**, к которому относятся логические правила, выводы,

знаки для обозначения кванторов, связей и операций; 2) совокупность математических выражений, обслуживающий физические теории; 3) собственно физические термины [Канке 2008 : 271-272].

Иногда в языках науки различаются не два слоя (объект – языки и метаязыки), а три: язык данных (язык наблюдений), язык, на котором формулируется гипотезы, и метаязык, выполняющий функцию аргументации (философский, методологический и др.) [Никитина 2010 : 11].

Иными словами, в логико-философском направлении вопрос о соотношении метаязыка и языка-объекта трактуется хотя и не совсем однозначно (например, по Р. Карнапу, «всякая наука и есть язык этой науки»), но тем не менее метаязык естественных наук не «консубстанционален» с предметом изучения [Гвишиани 2008 : 245].

Отметим сразу же, что иначе обстоит дело с языком лингвистики как науки: «язык лингвистической науки (иначе метаязык языкознания) определяется как «язык второго порядка», т.е. как особая семиотическая система, которая используется тогда, когда говорят о языке же. Естественный человеческий язык при этом выступает как язык-объект..., т.е. язык научного описания оказывается «консубстанциональным» с языком-объектом: имеет тождественную с ним субстанцию, или материальное выражение» [Гвишиани 2008 : 25].

Таким образом, различное понимание термина **м е т а я з ы к** в логико-философском направлении, с одной стороны, и в языкознании - с другой, может рассматриваться как случай «**м е ж д и с ц и п л и н а р н о й**», или **в н е ш н е й о м о н и м и и** [Комарова 1991 : 103-104; Комарова, Краев 2008 : 150; Гвишиани 2008 : 25].

Однако мы уже вступаем в круг проблем языка науки с позиции лингвистики.

III. Язык науки в лингвистической интерпретации.

Язык науки с позиции лингвистики содержит иную проблематику, хотя сам термин имеет, как и в предыдущем направлении, две основные интерпретации: широкую и узкую, что является результатом истории фор-

мирования самого понятия **я з ы к н а у к и** [Комарова, Хасаншина 2009 : 61-69].

Поскольку «в конечном счете всякое научное знание воплощается в тексты и познается только через тексты» [Герд 2005 : 16], то в широкой интерпретации язык науки можно приравнять к **языку научных текстов** (назовем его языком науки 2-А). Объектом анализа языка науки в этом смысле являются все знаковые уровни письменной формы языка – лексика, морфология, синтаксис с точки зрения их функционирования в научных текстах (М.М. Бахтин, Р. Барт, О.Д. Митрофанова, В.В. Налимов, Л. Ольшевская, Л.В. Славгородская, Л. Хоффман, Ю. Кристева...).

В свою очередь язык научных текстов можно рассматривать либо как **функциональный стиль** (А.Н. Кожин, М.Н. Кожина, О.А. Крылова, Л.В. Одинцов, М.П. Котюрова, О.Б. Сиротинина, А.Н. Васильева, Е.А. Баженова, Н.В. Данилевская, А.П. Сковородников, Т.Б. Трошева, В.Е. Чернявская...), либо как особый **функциональный язык**, выходящий за рамки общелитературного языка (Б. Гавранек, В.П. Даниленко, Л. Дрозд, А.И. Комарова...).

В первом случае анализ языка научных текстов входит в компетенцию функциональной стилистики, а также стилистики речи, прежде всего – научной речи и научных жанров; во втором случае осознается различие между понятиями **с т и л ь** и **я з ы к**, введенное Б. Гавранеком [ЛЭС 2002 : 390], а потому анализируются функции языка научных текстов – функции объективации и передачи научного знания. В этом случае научный текст рассматривается как «форма фиксации научного знания и способов его представления» [Герд 2005 : 18].

Вторая, более узкая интерпретация понятия **я з ы к н а у к и** связана с пониманием его как особой знаковой системы, состоящей из специального словаря и специального синтаксиса, причем каждый элемент этой системы соответствует элементу конкретно-научного знания (язык науки – 2-Б). Как писал Ш. Балли, «научный язык совпадает с понятийно-логическим языком» [Балли 1961 : 144].

Такие языки входят в научный текст, составляя тем самым часть языка науки 2-А и делая его естественным – искусственным образованием. К языку науки 2-Б относятся формализованные, искусственные языки и язык любой науки [Комарова, Хасаншина 2009 : 25-32], центральным объектом которых являются терминология, о чем разговор пойдет в 4-м направлении.

Толчком к расширению проблематики языка науки 2-А и 2-Б явилось то, что в наши дни в отечественной и мировой лингвистике «намечаются контуры новой модели языка, которая в ряде существенных отношений отличается от привычных моделей, сложившихся в последней четверти XX века» [Плунгян 2008 : 7-20].

Обозначим перечень предпочтений, характерных для нового взгляда на задачи современной лингвистики

1. Перенос акцента со слова и предложения на **текст**, точнее на **дискурс**, которые, по мнению М.М. Бахтина, и «есть первичная данность (реальность) всякой гуманитарной дисциплины» [Бахтин 1979 : 294].
2. Внимание к **квантитативному** компоненту языка (учет наиболее частотных элементов в дискурсе!), поскольку, по мнению Б.Н. Головина, «язык системен, а речь частотна», что в наши дни признается сильным ходом на пути поиска научной истины в науке о языке [Комарова, Краев 2008 : 166-168].
3. Осознание **вероятностной** природы языка и его **синхронной вариативности** [Налимов 2003; Плунгян 2008].
4. Внимание к **диахронической вариативности**, что особенно важно при изучении динамики языковых явлений.
5. Осознание перспективности **лексикографического** формата представления языкового, лингвистического, а также – других типов научного знания [Комарова 1991; 2004; Комарова, Прошина 2008; Терминология и знание 2009; Дубичинский 2009].
6. Установка на **«теорию узуса»** американских и европейских уче-

ных (Дж. Байби, Т. Гивон, К. Крофт, С. Томпсон, Р. Лангакр, Я.Г. Тестелец, Е.С. Кубрякова, А.Е. Кибрик...) с ориентацией на дискурсивную практику в противовес «системному» подходу.

7. Для исследователей, опирающихся на **узу**, крайне важна **эмпирическая база**, т.е. представительная совокупность текстов на данном языке, что стимулировало развитие **корпусной лингвистики** (Н.Ф. Алефиренко, А.Н. Баранов, Н.Б. Гвишиани, О.Ю. Герви, А.П. Ершов, А.Е. Кибрик, О.Н. Ляшевская, Ю.Н. Марчук, А.Н. Молдаван, Н.В. Перцов, В.А. Плунгян, Т.И. Резникова, С.Д. Шелов...).
8. В настоящее время **национальные корпуса** – это не просто дань техническому прогрессу и более удобный **инструмент** для поиска иллюстративного материала, но именно примета **новой идеологии** изучения языка, для которой язык, собственно говоря, и **есть корпус** [Плунгян 2008 : 12], т.е. корпусная лингвистика сосредоточила своё внимание на идее выбора и лингвистике речи, а потому национальные корпуса языков – это одновременно и база, и инструмент лингвистического исследования, и третий, обязательный формат представления языкового знания и языка (вслед за традиционными грамматиками и словарями).
9. Смысл **корпусно-ориентированной** лингвистики в том, что она позволяет изучать **действительно существующие явления** в языке, а не мнимые явления, поэтому исследования, базирующиеся на корпусах, сильно отличаются от исследований, созданных в «докорпусную» эпоху [Плунгян 2008 : 19].
10. Стратегическим направлением в современной лингвистике стала **междисциплинарность** [Вяч. Вс. Иванов 2004; Налимов 2003; Марчук 2007; Комарова, Краев 2008; Комарова, Хасаншина 2009; Комарова, Шагеева 2009...] и **полипарадигмальность** [Кубрякова 2004; 2009; Парадигмы научного знания в современной лингвистике; Гвишиани 2008; Никитина 2010].

Это современная идеология лингвистики способствовала, с одной стороны, более четкому размежеванию проблематики науки 1-А, 1-Б и 2-А, 2-Б, а с другой, - осознанию «соизмеримости» логико-философской и лингвистической интерпретации языка науки [Кубрякова 2004; 2009], что стало импульсом для осознания терминологической интерпретации языка науки, рассмотренное в следующем разделе.

IV. Язык науки в терминологической интерпретации.

Поскольку научная мысль реализуется, как мы уже подчеркивали, в соответствующем языке, а взаимодействие наук проявляет себя как взаимодействие их концентуальных аппаратов, то проблема языка науки должна быть поставлена, прежде всего, как проблема **терминологическая**.

Не случайно и то, что нередко проблема междисциплинарности осознается как проблема упорядочения терминологии, что подчеркивается как современными философами: «...междисциплинарность часто опознается как проблема упорядочения терминологии в ситуации междисциплинарного многоголосия» [Соколовский 2000 : 56], так и изучается как проблема гармонизации терминов и терминосистем в современном терминоведении [Лейчик 2007; Комарова 2008; 2009].

Особую остроту эта проблема приобрела в условиях мощных научно-информационных потоков, обрушившихся на российскую науку в постсоветский период. Следовательно, современное терминоведение как **метанаука** [Лейчик 1990; 2007; Комарова 2002; Авербух, Карпова 2009; Гринев-Гриневиц 2008] является тем полем, на котором возможен **межнаучный** синтез, а в нашем случае – синтез всех ранее рассмотренных направлений в анализе проблем языка науки.

Правда, мы не остановились отдельно на **наукovedческом направлении**, поскольку считаем, что науковедение (как наука о науке!), к сожалению, в наши дни вряд ли может рассматриваться как самостоятельная комплексная наука, поскольку «не располагает собственной какой-либо общей теорией» [Кохановский и др. 2008 : 10] и «перекрывается» логико-философским направлением. Хотя необходимо отметить определенный

вклад в проблематику языка науки некоторых современных науковедов, к примеру, В.С. Степина, концепция которого высоко оценивается в философии науки [Кохановский и др. 2008 : 577-587].

Итак, в самом общем виде проблема разработки языка науки базируется на следующих основных терминоведческих идеях: 1) история термина – это история почти трехтысячелетних попыток человека сделать слово **орудием мысли**, а потому термин является предметом изучения нескольких десятков наук, интегрированных современным терминоведением как **метанаукой** [Лейчик 2007; Гринев-Гриневиц 2008; Комарова 2008...]; 2) концепция термина как логико-языкового конструкта (единицы вторичного семиозиса), в котором, по П.А. Флоренскому, «свершается» акт познания, т.е. квалификация термина как **гносеологической категории** [Татаринов 2006], которой должна быть присуща **гносеологическая точность** [Бугорская 2009 : 18]; 3) понимание системности терминов в русле идейных новаций постклассических гносеологии и эпистемологии, т.е. системность термина рассматривается как «отраженный» признак конструированного (системного) научного знания; 4) в парадигме когнитивного терминоведения **термин** понимается как информационно-когнитивная структура, аккумулирующая специальные знания, необходимые в процессе научной коммуникации и профессионально-научной деятельности (Л.М. Алексеева, М.Н. Володина, Е.И. Голованова, З.И. Комарова, В.М. Лейчик, Л.А. Манерко, С.Л. Мишланова, Л.А. Морозова, В.Ф. Новодранова, В.Д. Табанакова, В.А. Татаринов, С.Д. Шелов...); 5) осознание первичности сферы фиксации термина [Лейчик 2007], в связи с чем специфику термина следует изучать в его реальном функционировании, прежде всего, в «родных», научных текстах/дискурсах, а также и «неродных» текстах, т.е. текстах других функциональных стилей и подъязыков; 6) смещения центра внимания с термина на построение концептуальных каркасов научных теорий и их терминологической манифестации, с одной стороны, но поскольку система научных понятий выражает структуру знания об объекте и способах его описания, т.е. онтологию и гносеологию какой-либо научной

области, а система терминов в той или иной степени коррелирует с системой понятий, выражая структуру знания [Комарова 1991; 2004], то, с другой стороны, справедливо мнение А.С. Герда о том, что ключ к решению вопроса о термине лежит в моделировании максимально полной структуры конкретного научного знания [Герд 2005 : 7]; 7) отсутствие изоморфизма между системами понятий и системами терминов в силу ассиметричного дуализма языкового знака-термина и его вариативности, а также потому что а) не все понятия выражаются вербально, а могут быть представлены в иной знаковой форме; б) некоторые понятия или не имеют, или ещё не нашли терминологического выражения; 8) осознание термина как **свернутого текста** (Л.М. Алексеева, Л.Н. Мурзин...), с одной стороны, и **термина как имени дефиниции**, с другой стороны [Гвишиани 2008; Комарова 1991, 2004, 2008, 2009], а также разграничение понятий **терминология** и **терминосистема** позволяют квалифицировать **содержание понятия** и **значение термина** (в объеме дефиниции), что существенно для научного описания как объективации знания при его моделировании [Комарова 2002; 2004; Лингвистическое моделирование] и для научного описания как уровня изложения [Гвишиани 2008; Комарова 2008; Лингвистическое моделирование 2009; Никитина 2010]; 9) описание терминосистем и терминополь всегда связано с разработкой разного типа классификаций не только самих терминов, но и классификаций отношений (Е. Вюстер, Н.Б. Гвишиани, А.С. Герд, И. Дальберг, Вяч. Вс. Иванов, Т.Л. Канделаки, Г.Я. Мартыненко, С.Е. Никитина, В.И. Постовалова, Н.А. Слюсарева, С.В. Чебанов, С.Д. Шелов...); история классификаций дана Чебановым, Мартыненко [2008 : 328-390].

Такая терминоведческая база позволила уточнить целый ряд основополагающих понятий языка науки.

Во-первых, выявить два конкурирующих в наши дни понимания языка науки в его лингво-терминологических разновидностях: **подъязык**; **язык для специальных целей** – ЯСЦ, или (**Language for special purposes** - **LSP**); **профессиональный язык**: 1) смежное для терминоведения поня-

тие функциональной стилистики, обозначающее наиболее развитую сферу функционирования терминов и терминосистем [Татаринов 2006 : 348] и 2) специализированная форма национального языка, обслуживающая не общую, а частные коммуникативные сферы: науку, технику и т.д. [А.И. Комарова 2004 : 12; Комарова, Краев 2008 : 25-26].

При этом термины: **подъязык** и **LSP** понимается 1) как синонимы [Андреев 1965 : 23; Ярцева 1975; Герд 2007; Никитина 2010] или 2) LSP ограничено областью науки и техники [Суперанская 2003 : 70; Гвишиани 2008 : 215-217].

Отметим, что феномен социально-функциональной классификации является существенным свойством всех развитых национальных языков: так в немецкоязычных странах язык профессионального общения стал именоваться *Fachsprachen*; во франкоязычных странах – *France medicale*, *France chemie* ; англоязычных – *LSP*, который занял доминирующую позицию в международном научном общении, хотя русскоязычный эквивалент-акроним **ЯСЦ** в отечественной науке непопулярен, предпочтение отдается термином *подъязык*, *субъязык* или *язык профессионального общения* [Авербух, Карпова 2009 : 28; Гвишиани 2010 : 215-225].

При этом в программной статье Л. Хоффманн показывает, что полное исследование LSP включает четыре основных программы: 1) философский (методологический) анализ решает вопрос о том, насколько язык исследования является адекватным средством выражения научных идей; 2) стилистический анализ выявляет функциональное расслоение LSP (общезыковой, общенаучный и частнонаучный лексиконы и морфологосинтаксическая специфика); 3) терминологический анализ связан с кодированием знания посредством создания научного текста/дискурса; 4) статистический анализ, применяемый по всем уровням LSP преследует цель создания полного описания какого-либо терминологического феномена через корреляцию его количественных и качественных параметров [Hoffman 1989].

Во-вторых, уточняются параметры языка науки в его горизон-

тальном срезе: а) **объектный** язык включает в себя необходимые лексико-семантические средства для фиксации знаний о соответствующей системе объектов: он жестко ориентирован на определенную онтологическую систему и б) **метаязык** ориентирован не на фиксированную предметную область, а на язык-объект: его основная функция состоит в построении, описании и выявлении закономерностей объектного языка. Следовательно, метаязык можно определить как знаковую систему, которая интерпретируется на другую, т.к. связь между языком-объектом и метаязыком задается всегда отношением **интерпретации** [Ким 2002 :47; Комарова, Хасаншина 2009 : 37].

А также параметры языка науки в его вертикальном срезе: **язык науки** (структурированное научное знание) предстает как многослойное иерархическое образование, верхний слой которого включает три крупных блока: 1) категориально-понятийный аппарат; 2) терминосистему (терминополь); 3) средства и правила формирования понятийного аппарата и других (базовых и небазовых) терминов. Каждый из этих блоков свою очередь содержит в качестве субэлементов отдельные логико-языковые образования (второго, третьего и т.д. уровней). [Комарова, Краев 2008 : 23-31; Комарова, Хасаншина 2009 : 37-40; Никитина 2010 : 10-11].

В-третьих, продуктивной идеей для анализа языка науки является идея отождествления **метаязыка** с **ЯСЦ** [Куликова, Салмина 2002 : 101; Гвишиани 2008 : 3]. Это ещё раз подтверждает, что метаязык представляет собой естественно-искусственное образование. Это неоднократно подчеркивается многими исследователями: и в строго логическом смысле о метаязыке можно говорить применительно к **формализованной системе** [Вяч. Вс. Иванов 2004 : 8].

Завершая анализ понятия **язык науки**, считаем необходимым подчеркнуть, что проблематика языка науки рассматривалась в этой статье лишь в той степени, в которой это было минимально достаточно для создания «соединительного канала» между четырьмя основными интерпретациями языка науки.

А потому за пределами статьи оказалось множество вопросов, связанных с кардинальной проблемой современной науки: **типы знания и их вербализация в языках** [Терминология и знание 2009]. В частности почти незатронутым оказался важнейший вопрос о **способах описания и представления языка науки** (т.е. методика моделирования научного текста [Гвишиани 2008 : 242-243]), который был поставлен и практически решен в целом ряде наших исследований междисциплинарного и полипарадигмального характера [Комарова 1991; 2002; 2004; 2008; 2009; Комарова, Краев 2008; Комарова, Прошина 2009; Комарова, Хасаншина 2009; Комарова, Шагеева 2009 и др.], а также в целом ряде диссертационных работ, защищенных в последние годы в совете Д 212.283.02 при Уральском педагогическом университете.

Библиографический список

- Авербух К.Я., Карпова. О.М.* Лексические и фразеологические аспекты перевода: учебное пособие. – М.: Академия, 2009. – 176 с.
- Андреев Н.Д.* Статистико-комбинаторные методы в теоретическом и прикладном языкознании. – Л.: Наука, 1965. – 403 с.
- Балли. Ш.* Французская стилистика. – М.: Изд-во иностр. лит., 1961. – 396 с.
- Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – 423 с.
- Бугорская Н.В.* Методологические проблемы описания лингвистической терминологии: автореф. дис... д-ра филол. наук. – Барнаул, 2009. – 30 с.
- Гвишиани Н.Б.* Язык научного общения: Вопросы методологии. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 280 с.
- Герд А.С.* Введение в изучение языков для специальных целей. – СПб.: Изд-во ун-та, 2007. – 60 с.
- Герд А.С.* Языки науки и техники как объект лингвистического изучения//Прикладная лингвистика. – СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2005. – С. 12-21.
- Гринев-Гриневиц С.Д.* Терминоведение. – М.: Академия, 2008 – 304 с.
- Денисов П.Н.* Проблематика языков науки//Современные проблемы терминологии науки и технике. – М.: Наука, 1969. – С. 62-90.
- Дубичинский В.В.* Лексикография русского языка: учебное пособие. – М.: Наука: Флинта, 2009. – 432 с.
- Иванов Вяч.Вс.* Лингвистика третьего тысячелетия: Вопросы к будущему. – М. Языки русской культуры, 2004. – 2008 с.
- Ивин А.А., Никифоров А.Л.* Словарь по логике. – М.: Владос, 1997. – 384 с.
- Канке В.А.* Первая наука//Философия науки: краткий энциклопедический словарь. – М.: Омега-Л., 2008. – 328 с.
- Ким В.В.* Структура языка науки//Новые идеи в философии науки и науч-

- ном познании. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2002. – С. 35-54.
- Комарова А.И.* Функциональная стилистика: научная речь. Язык для специальных целей (LSP). – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 192 с.
- Комарова З.И.* Семантизация в терминологии//Очерки научно-технической лексикографии: Изд-во СПб. ун-та, 2002. – С. 33-47.
- Комарова З.И.* Семантические проблемы русской отраслевой терминологии: дис... д-ра филол. наук, - Екатеринбург, 1991. – 401 с.
- Комарова З.И., Краев С.В.* Ядерные служебные слова в русском подязыке информатики: квантитативно-квалитативное исследование: монография. - Екатеринбург: Уральское литературное агентство, 2008 – 303 с.
- Комарова З.И., Прошина А.А.* Моделирование двуязычного словаря-тезауруса по экономике: монография. – Екатеринбург: Форум-книга, 2009. – 276 с.
- Комарова З.И., Хасанишина Г.В.* Латинизированный семантический мета-язык в русском агрономическом подязыке: монография. – Екатеринбург: Уральское литературное агентство, 2009. – 334 с.
- Комарова З.И., Шагеева А.А.* Когнитивные функции цитаты в естественно-научном тексте. – Екатеринбург: Изд-во УГТУ-УПИ, 2009. – 249 с.
- Комарова З.И.* Гармония/дисгармония терминов в русском научном дискурсе в аспекте гармонизации // Язык и культура: сб.ст. – Екатеринбург: Изд-во УГТУ-УПИ, 2008. – С. 61-86
- Комарова З.И.* Объективные факторы, обуславливающие гармонию/ дисгармонию терминов в русском научном дискурсе//Актуальные процессы в различных типах дискурсов: функционирование единиц языка, социолекты, современные речевые жанры: Матер. конф. – М. – Ярославль: Рамдер, 2009. – С. 230-240.
- Кохановский В.П.* и др. Основы философии науки.– Ростов-на/Д.:Феникс, 2008.– 603 с.
- Кубрякова Е.С.* В поисках сущности языка//Вопросы когнитивной лингвистики. – 2009. – №1. – С. 5-13.
- Кудрякова Е.С.* Язык и знание. На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 500 С.
- Куликова И.С. Салмина Д.В.* Введение в металингвистику (системный, лексикографический и коммуникативно-парадигмальный аспекты лингвистической терминологии). – СПб.: Сага, 2002. – 352 с.
- Лейчик В.М.* Терминоведение: Предмет, методы, структура. – М.: КомКнига, 2007. – 256 с.
- Лекторский В.А.* Эпистемология классическая и неклассическая. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 256 с.
- Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 2002. – 685 с.
- Лингвистическое моделирование: коллективная монография.* – Тюмень: Вектор Бук, 2009. – 186 с.
- Марчук Ю.Н.* Компьютерная лингвистика. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 317 с.
- Мечковская Н.Б.* Семиотика: Язык. Природа. Культура: курс лекций. – М.:

- Академия, 2004. – 432 с.
- Налимов В.В.* Вероятностная модель языка: О соотношении естественных и искусственных языков. – Томск – М: Водолей Publishers, 2003. – 368 с.
- Налимов В.В., Мульченко З.М.* К вопросу о логико-лингвистическом анализе языка науки//Проблемы структурной лингвистики. – М.: Наука, 1972. – С. 75-93.
- Никитина С.Е.* Семантический анализ языка науки: На материале лингвистики. – М.: Либроком, 2010. 146.
- Парадигмы научного знания в современной лингвистике. – М.: РАН ИНИОН, 2008. – 184 с.
- Плунгян В.А.* Корпус как инструмент и как идеология: о некоторых уроках современной корпусной лингвистики//Русский язык в научном освещении.– 2008. – №2(16). – С.7-20.
- Степин В.С.* Теоретическое знание. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 744 с.
- Султанов А.Х.* Слово и термин: Прологомены к философии имени: монография. – М.: РУДН, 2007. – 207 с.
- Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В.* Общая терминология: Вопросы теории. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 246 с.
- Татаринов В.А.* Общее терминоведение: Энциклопедический словарь. – М.:Московский Лицей, 2006. – 528 с.
- Терминология и знания: Материалы I Международного симпозиума. – М.: Ин-т рус. языка им. В.В. Виноградова РАН, 2009. – 220 с.
- Чебанов С.В., Мартыненко Г.Я.* Из истории типологических представлений //Структурная и прикладная лингвистика. – Вып.7. – СПб.: Изд-во СПб. ун-т, 2008. – С. 328-390.
- Шелов С.Д.* Терминологическая база знаний WinTerm: сводка лингвистических и компьютерных результатов: М., Ин-т рус.яз. им. В.В. Виноградова РАН, 2009. – 220 с.
- Ярцева В.Н.* Развитие языка науки//Наука и человечество. – М.: Наука, 1975. – С. 92-103.
- Kotarova Z.I.* Terminographical semantisation: Techniques and Methodology//Russian Terminology Science (1992-2002). – Austria, Vienne: Term Net, 2004. – P. 316-336
- Hoffman L.* Towards a theory of LSP//Fachsprache. – 1989. – Н. 1-2
- © Комарова З. И., 2010

Пестова Н. В.
Екатеринбург, Россия

Новая художественно-эстетическая парадигма в литературе начала XX века: к 100-летию немецкого экспрессионизма

Понятие «смены парадигмы художественного сознания» в немецкоязычной литературе прочно связано с экспрессионизмом (1910 – 1924/25), с началом которого «закончилась одна культурная эпоха и вместе с ней закончился ее язык». Именно так считал Г. Бенн, размышляя о начале экспрессионизма во вступлении к ретроспективной антологии экспрессионистской поэзии 1955 г. «Лирика экспрессионистского десятилетия»: «От Гете до Георге и Гофманстала немецкий язык имел единую окраску, единое направление и единое чувство, теперь со всем этим было враз покончено, восстание началось. Восстание с извержениями, экстазами, ненавистью, новой тоской человечества, разрушением языка и мира» [Benn 1966: 14]. Высокие мысли, благородные чувства и чистые страсти вдруг сменились копанием в самых черных глубинах человеческой души. Разумеется, такое желание заглянуть внутрь человека и раньше прорывалось у натуралистов и импрессионистов Р. Демеля, А. Хольца, А. Момберга, О. цур Линде, но, как полагает немецкий литературовед Э. Лонер, «немецкая литература не испытала от них особых импульсов и серьезных потрясений. По-настоящему модернизм с его чувствительностью, неудовлетворенностью действительностью начинается с экспрессионистов» [Lohner 1956: 83]. Их «невостребованный энтузиазм» (Г. Гейм) и «незаполненная полнота жизни» (А. Дрей) в эпоху колоссальной ломки всех устоев стали источником мировоззренческого радикализма и эстетического экстремизма. Идеально-прекрасному экспрессионизм предпочел «ужасное..., если только оно возвещало витальность» [Хофман 2004: 271]. Большая часть произведений раннего экспрессионизма в той или иной мере соприкасается с асоциальной или деклассированной личностью, которая вдруг выдвинулась на фоне прочего благополучного человечества на передний план и, увеличенная

экспрессионистской оптикой до пугающих размеров, затмила своим безобразием, бесстыдством и ущербностью все прочие традиционные субъекты и объекты лирики, прозы и драмы. Фигуры на границе приличий и норм или полные аутсайдеры составили доминанту тематического фундамента экспрессионизма и во многом определили степень его провокационности и эпатажности. Благополучному обывателю показался скандальным интерес молодых поэтов к нищим, бродягам, калекам, проституткам, больным, умалишенным, аморальным типам, населившим городские трущобы и места разнообразных платных удовольствий, а также жертвам урбанизации и индустриализации. На фоне искусственной жизни в искусстве, воспеваемой югендстилем, струящихся локонов, завитков, лилий и лебединых шей, эстетизма и отгороженности от мира в круге Георге экспрессионизм обрушился на разомлевшего бюргера всей мощью и неприкрытостью оборотной стороны жизни. Из самых потайных уголков человеческой природы полезли на свет непристойные, низменные, скабрзные желания и мысли; прорвались на волю подавляемые прежде агрессивные разрушительные силы; эротичность приняла самые уродливые формы и значительно потеснила традиционную любовную лирику. Деформированная и ущербная во всех отношениях личность замкнула на себе комплекс других мотивов: насилие, убийство, суицид, болезнь, алкоголь, наркотики. Появление морфия и кокаина в обществе совпало по времени с экспрессионизмом и в реальности стало причиной безвременного ухода из жизни многих представителей этого поколения. Натурализм в изображении человека как «куска мяса», «грязного жирного пятна» достигает апогея в медицинском взгляде на него Г. Бенна в его цикле «Морг» 1912 года. Даже природа выступает в этой лирике только в качестве «иронического ландшафта» (Клубунд), на которой проецируются экзистенциальные состояния изолированной, отчужденной личности, этакого «пятна из человека, что сморщилось и скоро /В болоте захлебнется, позорном, белом» («Und ein Fleck /Aus Menschen schrumpft zusammen und ist bald /Ertrunken in dem schmähhlichen weißen Sumpf») [Lichtenstein 1989: 53]. Романтическая топика традиционной лири-

ки природы становится жуткими элементами очужденного пространства: «Звезды подрагивают нежно, как эмбрионы /на пуповине невидимой» («Die Sterne zucken zart wie Embryos /An einer unsichtbaren Nabelschnur») [Blass 1910] и «ядовитая луна похожа на жирных пауков тумана» («Der giftige Mond, die fette Nebelspinne») [Lichtenstein 1996: 59], а «солнце тлеет словно жирной лысины огонь» («Die Sonne glüht als fette Feuerglatze») [Hoddis 2001: 47].

Анализируя подобную «новую метафорику» сонета яркого представителя раннего экспрессионизма П. Больдта (1885–1921) «Осеннее чувство»: «Огромный предзакатный солнца шар /В болото соскользнул, этот черный гной реки, /лакаемый туманом...» («Der große, abendrote Sonnenball /Rutscht in den Sumpf, des Stromes schwarze Eiter, /Den Nebel leckt.») [Boldt 1979: 31], критик справедливо заметил, что «этот стих, как топором, разрушает старое и новое поколение» [Plagge 1913: 16]. Литература раннего экспрессионизма демонстрирует сотни аналогичных образцов смены художественно-эстетической парадигмы. Одним из ярких примеров такого рубежного явления стала вышедшая в Гейдельберге в 1912 году в издательстве Рихарда Вейсбаха первая антология экспрессионистской лирики «Кондор» [Kondor 1912], которая расколола литераторов на «новых и старых», а литературную критику – на два непримиримых лагеря. Гейдельберг, пронизанный академическим духом университетской жизни, овеянный славой таких ученых, как Макс Вебер, Карл Нойман, Карл Ясперс, Фридрих Гундольф и многих других, не раз принимавший Стефана Георге, привыкший к размеренному, изысканному жизненному укладу и чтивший духовные традиции, вдруг оказался в центре грандиозного литературного скандала. Инициатором издания и составителем антологии был Курт Хиллер, известный не столько как литератор, сколько как литературный политик и идеолог движения, вдохновитель многих начинаний, благодаря которым ранний немецкий экспрессионизм обрел свое имя и многие организационные формы, а поздний стал «активизмом» [Habereder 1981].

Осенью 1909 года в Берлине он со своими университетскими

друзьями Э. Лёвенсоном, Я. ван Годдисом, Э. Унгером и Дж. Вольфзоном создал «Новый клуб» («Der Neue Club»), «объединение озабоченных судьбой искусства молодых людей между двадцатью и двадцатью пятью» (К. Хиллер). История этого клуба и двух его форумов, «Неопатетического кабаре» («Das Neopathetische Cabaret») и «Гну» («Gnu»), является предысторией «Кондора». Практически все поэты, выступавшие в «Неопатетическом кабаре», открытом 01.06.1910 для «искателей приключений духа» (К. Хиллер) в ателье на Курфюрстендамм, а позже и в «Гну», вошли в состав авторов антологии: Г. Гейм, Э. Бласс, М. Брод, Ф. Хардекопф, Э. Ласкер-Шюлер, С. Фридендер, Ф. Верфель. Своими отличиями в формах презентации от обычных кабаре Берлина «Неопатетическое кабаре» вызывало крайнее раздражение обычной для таких заведений буржуазной публики и критические публикации в прессе, но необычайно воодушевляла молодых писателей и поэтов и давала выход их амбициям. Эпатажность и провокация отличали все без исключения мероприятия «Неопатетического кабаре» с июля 1910 по декабрь 1911 г., нередко они заканчивались шумными скандалами, но «Кабаре» видело себя трамплином для молодых поэтов и предоставляло им свою сцену несмотря на негативную реакцию публики. Просуществовав два года, «Новый клуб» распадается прежде всего из-за разногласий между Я. ван Годдисом, инициировавшим и возглавившим выпады недовольных молодых членов клуба в адрес старших, и К. Хиллером. Внезапно возникшая ненависть Годдиса к Хиллеру, с которым он был так дружен с 1907 г., в тот момент была необъяснима, впоследствии же оказалась одним из первых симптомов душевной болезни и дальнейшего дистанцирования поэта от всех близких ему людей. Под предлогом административных разногласий в руководстве клуба К. Хиллер в сопровождении друзей Э. Бласса и А. Вассерманна выходит официально из состава членов клуба и организует литературное кабаре-конкурент «Гну». Журнал «Аktion» 13 марта 1911 г. помещает характерный для К. Хиллера анонс об этом событии: «Наш сотрудник д-р Курт Хиллер сообщает, что он выходит из состава “Нового клуба”, руководимого им со дня его основания, по при-

чине наскучившего ему бестактного поведения некоторых членов клуба; он придает большое значение тому, чтобы в дальнейшем его не считали ответственным за все поступки этого объединения». Этот раскол стал причиной того, что среди авторов «Кондора» нет Я. ван Годдиса, поэзию которого Хиллер очень высоко ценил, т.к. она «в полной мере соответствовала его теории мозговой лирики, точнее, была синтезом сенсуальных, сентиментальных и ментальных элементов» [Hiller 1966: 254].

Литературные вечера «Гну» проводились с осени 1911 года в книжном магазине Reuss&Pollack и в «Café Austria». По случаю его открытия на первом вечере Хиллер сформулировал основные принципы той литературы, которую он собирался представлять и пропагандировать в кабаре: «Чувственность и скептицизм – вот что есть искусство» [Цит. по: Habereeder 1981: 47]. «Гну» также вносит свою лепту в открытие и популяризацию новых талантливых поэтов и готовит почву для совместного выступления в «Кондоре». 23 ноября 1911 года М. Брод представляет членам клуба молодого Ф. Верфеля, который до этого был известен только у себя в Праге. 15 декабря 1911 года Верфель читает перед публикой «Гну» стихотворение, которое делает его на угро знаменитым и становится не только его собственной визитной карточкой, но и знаковым произведением всего движения. Впервые с трибуны он декларирует доминирующее экспрессионистское мироощущение как тотальную чуждость: «На земле ведь чужеземцы все мы» («Fremde sind wir auf der Erde alle») [Werfel 1992: 60]. Ошеломляющее воздействие на посетителей кабаре произвела поэзия Г. Гейма в его собственном исполнении: «Когда Гейм читал в „Гну“ свое стихотворение „Война“, по спине у нас катился холодный пот — он сумасшедший, одержимый...» [Meuer 1948: 29]. Постепенно «Гну» завоевало очень широкий круг почитателей, иногда на вечерах присутствовали до тысячи слушателей, что при тогдашнем изобилии культурных мероприятий Берлина и возможности широкого выбора городских развлечений свидетельствовало о необычайной популярности этих литературных вечеров.

В воспоминаниях, написанных Хиллером после возвращения из эмиграции в 1955 году («Leben gegen die Zeit», 1969), приводится обоснование выбора авторов антологии. Критерии этого выбора можно назвать симптоматичными для возникновения и существования всех организованных группировок экспрессионизма. Такой выбор характеризует как самого Хиллера и его сборник, так и весь экспрессионизм в целом: «Год спустя после моего вступления в военный флот литературы я издал „Кондор“... это „суровое собрание радикальных строк“. Четырнадцать сотрудников: Бласс, Макс Брод, Артур Дрей, С. Фридлендер, Герберт Гроссбергер, Хардекопф, Гейм, Хиллер, Кронфельд, Ласкер-Шюлер, Рубинер, Шикеле, Верфель и Пауль Цех. Среди них единственный Гроссбергер, с кем я не познакомился лично и о судьбе которого я не имел ни малейшего понятия. Я включил его стихи просто потому, что они мне понравились. Так же как и все прочие. Я старался при составлении ансамбля быть ультраобъективным, т. е. не учитывать личных сим- и антипатий. К Броду я относился несколько двояко, к Ласкер-Шюлер и подавно, а „человека“ Шикеле просто не выносил. Но так как их стихи кое-чего стоили, а именно, отличались новизной по сравнению с типичным продуктом эпохи Георга/Гофмансталь/Рильке, то их следовало также включить. Только вот со стихотворениями ван Годдиса не получилось. Он бы мне просто не дал их, не говоря уже о том, что мое приглашение ему стало бы для меня унижительным свидетельством отсутствия самоуважения. Естественно, что его нет в „Кондоре“. Отсутствуют также: Пауль Больдт, Вальтер Хазенклевер, Макс Германн-Нейссе, Эрнст Вильгельм Лотц и Георг Тракль. Когда я в 1911 году составлял „Кондор“, Больдта, Хазенклевера, Лотца и Тракля „еще не было“, превосходный Германн-Нейссе „уже был“, но как лирик он еще не развернулся в полную силу, во всяком случае, внешне. И Готфрид Бенн в „Кондоре“ отсутствует, так как он „начал быть“ только некоторое время спустя; но даже если бы этот первенец и появился уже в 1911 году, я бы точно так же не взял этого автора „Morgue“; мое нет относительно него было непоколебимым... Готфрид Бенн – я точно не знаю, как он ко мне

относился; я же в полной мере был его врагом, хотя и раскланивался с ним» [Цит. по: Raabe 1989: 179].

К. Хиллер сделал все, чтобы антология привлекла к себе внимание и имела читательский успех, поэтому даже в ее внешнем оформлении, качестве бумаги и типографского шрифта (классическая Antiqua) он и Р. Вейсбах позаботились об изысканности и эстетичности книги, отдав ее в лучшую на тот момент типографию в Германии В. Другулина в Лейпциге и заранее прорекламирив ее в «Биржевом листке немецкого книгоиздательства» 17 мая 1912 г. Дальнейшие события превзошли самые смелые ожидания издателя. Авторы сборника «новой лирики» продемонстрировали, что для них не существовало «неэстетического материала» и запретных тем. Жугковатые и безысходные сценарии немотивированных переживаний с затемненным смыслом, гротеск и словесная эквилибристика, нагнетание неясного через нагромождение абстрактных образов и понятий; тягостное, болезненное состояние лирического «я» посреди неживой природы и враждебного городского ландшафта – сплошная «метафизика нервов» и почти все это, словно в насмешку, в жесткой форме сонета – за это большая пресса растерзала «Кондор» с такой яростью, которая обычно была совершенно не свойственна вялому немецкому обывателю начала 1910-х гг. Публикация этой антологии имела эффект разорвавшейся бомбы и вошла в историю экспрессионизма как «война Кондора» [Der “Kondor-Krieg” 1996]. Поток брани, злословия, насмешек и колкостей вылился на Хиллера и его детище. «Кондор» заклеили как «нездоровую, ненемецкую книгу», как «печальную поделку», «беспородное стихоплетство» и «дезориентацию художественного вкуса»². Критики калибра К. Крауса обрушили на сборник весь свой сарказм: «Я считаю Эльзу Ласкер-Шюлер большой поэтессой. Я считаю все, что по-новому озвучено вокруг нее, дерзостью». Едких замечаний удостоились как сами поэты, так и К. Хиллер: «На 9/10 эти стихи неотличимы друг от друга, несмотря на бросающуюся в глаза неприятную оригинальность... Наверное, было бы лучше вообще обойти их молча-

² Здесь и далее критические высказывания приводятся по указанному изданию.

нием, но они обретают симптоматическое значение благодаря вызывающему поведению их издателя К. Хиллера». Таков был суровый вердикт К. Крауса. По мнению другого критика антологии, Ю. Баба, «большая часть кондорцев – дерзкие дилетанты. Из того, что в Кондоре хорошо, нет ничего нового (Ласкер-Шюлер, Верфель), а из того, что является новым, нет ничего хорошего». Во многих высказываниях в прессе, нередко анонимных, уничижительным нападкам подверглась характеристика К. Хиллером этой поэзии как «самых ценных после Рильке стихов». Э. Мюзам иронизировал по этому поводу: «...если *это* – лучшие, как их величает Хиллер, то мы на пороге чистого банкротства немецкой лирики». В крайне оскорбительных контекстах цитировались стихи Ф. Хардекопфа, Ф. Верфеля, А. Кронфельда, А. Дрея, высмеивалась их странная и непонятная образность. Критик Дрооп обращал внимание читающей публики, что «у Артура Дрея руки тонкие, как тряпки, его шаги лают как собаки..., что он более не может держаться на земле, <...> ржавеют его кости..., но и во всем остальном он заслуживает нашего сочувствия». Критик иронизировал: «Когда Герберт Гроссбергер утверждает о себе самом: „Я то ужасное, что не случилось никогда“ – мне не хочется возражать ему».

Представители другого лагеря, напротив, усмотрели в «Кондоре» новую немецкую лирику в ее ранней стадии развития. Так, Штауб восторженно восклицал: «Радикализм! По *нему* мы узнаем новое поколение! Только сейчас оно заявило о себе в книге, которая, несмотря на столь короткий срок с момента выхода в свет, разделила литературный мир на два жестоко враждующих войска. Сталкивались ли умы когда-либо столь же мощно? И не доказывает ли страстность этой битвы, что нарождается нечто великое, нечто новое, к чему добропорядочное обывательское мышление должно сначала привыкнуть?».

Точных сведений о том, как «Кондор» получил свое имя, не сохранилось, однако известно, что К. Хиллер во всех своих проектах отличался экстравагантным вкусом и имел склонность присваивать своим литературным замыслам экзотические и вычурные имена животных (как, на-

пример, «Гну»). Название «Кондор» было весьма символичным: кондор — самая крупная хищная птица, она в состоянии с самых высоких вершин Кордильер без труда взмыть ввысь еще на несколько тысяч метров. Этот образ навевающий ужас птицы-исполина, без сомнения, родился в фантазиях Гейма. Редкая из книг в такой же степени явилась зеркалом своего времени и столь четко обозначила границу между традиционным, привычным и радикально новым и необычным. Не только название антологии и 97 вошедших в нее стихотворений, но и действительно провокационное предисловие, которое К. Хиллер предпослал им, было нацелено на читательский резонанс и эпатирование публики. Такая «активистская», или «поведенческая» составляющая авангарда – неотъемлемая часть экспрессионистского движения. Ранний экспрессионизм в Германии так же, как русский футуризм или немецко-швейцарский дадаизм, пытался вовлечь в творческий акт публику и в своих наиболее ярких публикациях, печатных органах и организованных группировках демонстрировал активное противодействие буржуазным порядкам и всячески эту публику эпатировал новаторскими идеями и экстравагантными выходками. Такой чрезвычайный интерес авангарда к реакции публики, к рыночным законам *publicity*, к полемическим столкновениям с критиками и теоретиками искусства современные исследователи авангарда объясняют «его новым сознанием, основанным на эстетике восприятия, поскольку авангард увидел в публике непосредственный инструмент своего творчества» [Ханзен-Лёве 2001: 66]. Такого рода «активизм» характеризуется как «гносеологический эксперимент», так как эта «эпатирующая агрессия, „пощечина общественному вкусу“, будучи не рукоприкладством, а эстетической провокацией, через смех побуждает к рефлексии» [Там же: 65].

Отчасти провоцируя такую рефлексию, Хиллер сознательно написал предисловие антологии невероятно преувеличенным «акробатическим стилем» с использованием большого количества иностранных заимствований и окказиональных образований. В нем он причисляет себя и опубликованных авторов к «аристократии искусства» и противопоставляет свою

гвардию «жалким эпигонам из последователей Георге» или «по-бывательски ограниченным авторам Heimat-Literatur». По замыслу Хиллера, антология вознамерилась стать первым манифестом, который во всей полноте представил поэзию художников одного поколения (10 берлинцев, 2 пражца и 2 гейдельбергца). Это вступление К. Хиллер построил как концепцию эстетической теории, принципиально отличавшейся от прочих современных направлений. Его основным требованием была «интеллектуализация» поэзии. В антологии этот принцип впервые обрел свою окончательную форму и определил направление творчества многих поэтов. Предпочтение было отдано поэзии нервного интеллектуала-горожанина и его непростым и очень осозанным впечатлениям. Тема «большого города» в экспрессионистской «кондорской» версии обрела те черты «демоничности и динамичности», которые позже были причислены к стилеобразующим чертам литературного экспрессионизма. Но в «Кондоре» также отчетливо представлено и отсутствие стилового единства в языковом воплощении даже внутри единой городской тематики. По многообразию темпераментов и языковых тенденций этот сборник является типичным продуктом раннего экспрессионизма, «единства в котором, – как выразился Э. Бласс, – не наблюдается» [Blass 1980: 3]. Однако он во весь голос заявил о рождении нового этапа немецкой лирики и своей целенаправленной и осознанной программой впервые собрал под одним знаменем разрозненные молодые поэтические силы. «Мы клика поэтов, которые сегодня считают себя в Берлине новым поколением» [Hiller 1912: 2], – пишет Хиллер. Он охарактеризовал их как «сецессион поэтов», подчеркивая их намерение быть «отклонением от всех существовавших до этого норм». Таким образом, «Кондор» вместе с обоими авангардистскими журналами – «Штурмом» Г. Вальдена (с марта 1910 г.) и «Акцион» Ф. Пфемферта (с февраля 1911 г.) – стоит у самых истоков этого движения. К. Хиллер был обижен на К. Пинтуса за то, что тот 8 лет спустя в антологию «Сумерки человечества» («Menschheitsdämmerung», 1920) включил только шестерых из четырнадцати «кондорцев», что он «забыл, кто пробил брешь в этой

стене». П. Раабе, желая исправить эту «оплошность», переиздает антологию и в послесловии подробно излагает историю ее возникновения, восстанавливая справедливость по отношению к литературному первенцу экспрессионизма и отстаивая тезис, что из «сецессиона поэтов» «Кондора» родилась «фаланга экспрессионистской литературы». П. Раабе полагает, что *единство* поколения, в котором ему, как правило, отказывают историки литературы, тем не менее, есть, и проявилось оно прежде всего в образовании таких группировок, как «Кондор», в «совместном выступлении молодых авторов, чего нельзя сказать об их языке и стиле» [Raabe 1964: 1].

Библиографический список

- Ханзен-Лёве О. А. Русский формализм : методологическая реконструкция развития на основе принципа остранения. М., 2001.
- Хофман П. Основы современного искусства : введение в его символические формы / пер. с нем. А. Белобратова. СПб., 2004.
- Benn G. Einleitung // Lyrik des expressionistischen Jahrzehnts : von den Wegbereitern bis zum Dada. 3. Aufl. München, 1966.
- Blass E. Der Nervenschwache // Der Sturm 1, 1910/11.
- Blass E. Die Straßen komme ich entlang geweht. Heidelberg, 1912. Цит. по изд.: München ; Wien, 1980.
- Boldt P. Herbstgefühl // Boldt P. Junge Pferde! Junge Pferde! : das Gesamtwerk : Lyrik. Prosa. Dokumente / hrsg. von W. Minaty. Mit einem Vorwort von P. Härtling. Olten und Freiburg im Br., 1979.
- Der «Kondor-Krieg» : ein Literatur-Streit. Fußnoten zur Literatur / hrsg. von M. Stark. Bamberg, 1996. Heft 36.
- Habereder J. Kurt Hiller und der literarische Aktivismus : zur Geistesgeschichte des politischen Dichters im frühen 20. Jahrhundert. Frankfurt / Main ; Bern, 1981.
- Hiller K. Begegnungen mit «Expressionisten» // Hiller K. Radioaktiv : Reden 1914 – 1964. Wiesbaden, 1966.
- Hiller K. Die Jüngst-Berliner // Heidelberger Zeitung. Monatsbeilage № 7. 22. Juli 1911.
- Hoddis van J. Italien // van Hoddis J. Weltende : die zu Lebzeiten veröffentlichten Gedichte / hrsg. von P. Raabe. Zürich, 2001.
- Kondor. Die lyrische Anthologie / hrsg. K. Hiller. Heidelberg : Verlag von Richard Weissbach, 1912.
- Lichtenstein A. Winter // Lichtenstein A. Dichtungen. Zürich, 1989.
- Lichtenstein A. Nebel // Menschheitsdämmerung. Ein Dokument des Expressionismus / hrsg. K. Pinthus. Berlin, 1920. Цит. по изд.: Hamburg, 1996.
- Lohner E. Die Lyrik des Expressionismus // Expressionismus. Gestalten einer literarischen Bewegung / hrsg. von H. Friedmann, O. Mann. Heidelberg, 1956.

Meyer A. R. die maer von der musa expressionistica. Düsseldorf-Kaiserwerth, 1948.

Plagge H. Junge Pferde! Junge Pferde! [Rez.] // Wiecker Bote. 1913/14. H. 10.

Raabe P. Nachwort // «Der Kondor»: Entstehung und Wirkung. Berlin, 1989.

Raabe P. Die Zeitschriften und Sammlungen des literarischen Expressionismus : Repertorium der Zeitschriften, Jahrbücher, Anthologien, Sammelwerke, Schriftenreihen und Almanache 1910–1921. Stuttgart, 1964.

Werfel F. Fremde sind wir auf der Erde alle // Werfel F. Gesammelte Werke in Einzelbänden : Gedichte aus den Jahren 1908–1945 / hrsg. von K. Beck. Frankfurt/Main, 1992.

© Пестова Н. В., 2010

Сергеева Н. Н.

Екатеринбург, Россия

Обучение профессионально-ориентированному аудированию в неязыковом вузе

Обучение иностранному языку в неязыковом вузе носит практический характер. И одна из практических целей овладения иностранным языком заключаются в развитии умения понимать на слух иноязычную речь, построенную на основе изучаемого языкового и речевого материала (аудирование, говорение).

Обучение такому аспекту как аудирование является неотъемлемой частью программных требований по изучению иностранного языка и связано с определенными трудностями, которые приводят на практике к тому, что обучение рассматриваемому нами виду речевой деятельности приобретает ярко выраженный формальный характер и сводится к заучиванию текстов по темам, вопросам и ответов по их содержанию.

Следует отметить, что при аудировании понимание идет от узнавания формы к расширению ее значения, т.е. осознание формы высказывания ведет к пониманию его содержания. На учебной стадии процесс аудирования проходит следующие этапы: слышу - узнаю - мысленно расшифровываю - проговариваю про себя - понимаю.

Мы считаем, что обучению аудированию в неязыковом вузе следует придать профессиональную направленность уже с первого семестра первого курса. В данном случае под профессиональной направленностью понимаем подготовку студентов в процессе обучения ИЯ к будущей про-

фессиональной деятельности: к использованию ИЯ в сфере профессионального общения и профессиональной подготовки. Предметно-логическое содержание обучения аудированию должно соотноситься с будущей профессией студентов: языковой и речевой материал различного уровня организации характеризуется направленностью на решение профессиональных задач; действия с этим материалом развивают речевые умения профессионального общения; предметное содержание находит отражение в рамках профессиональной тематики применительно к ситуациям профессионального общения.

Мы выделяем следующие этапы обучения профессионально-ориентированному аудированию в неязыковом вузе:

1 этап, начальный, аудирование с элементами профессионально-ориентированного обучения, 1 семестр 1 курс;

2 этап, средний, профессионально-ориентированное аудирование, 2 семестр 1 курс, 3-4 семестры 2 курс;

3 этап, заключительный, (старший), профессионально-ориентированное аудирование, дополнительная квалификация «Переводчик профессионального и делового профиля» (3-4 курс), магистратура, аспирантура, докторантура, дополнительное профессиональное образование.

Снятие трудностей аудирования играет существенную роль для развития способностей при формировании навыков и развитии умений. Определение трудностей восприятия иноязычной речи на слух является первостепенной задачей при обучении аудированию. Следует признать многообразие и разноплановость трудностей аудирования (Е.И. Пассов, Р.К. Миньяр-Белоручев, Н.В. Елухина и др.). Для разработки классификации трудностей мы взяли за основу группы трудностей, обозначенные И.Н. Алексеевой и Н.В. Елухиной: трудности, связанные с языковой формой сообщения; со смысловым содержанием сообщения; с условиями предъявления сообщения; с источниками информации; трудности, обусловленные индивидуальными особенностями обучаемых.

Мы считаем целесообразным разделить трудности на три группы: субъективные трудности, которые связаны непосредственно с личностью обучаемого, объективные трудности, не имеющие отношения к личности обучаемого, и методика обучения аудированию, которая является недостаточно разработанной в отношении развития умений и формирования навыков аудирования.

Основными группами навыков аудирования являются:

а) навыки подсознательного распознавания грамматических форм речи на морфологическом уровне и на синтаксическом уровне и их соотношение с определенным значением. Им можно дать название грамматических навыков аудирования;

б) навыки непосредственного понимания слов и словосочетаний. Это лексические навыки аудирования;

в) навыки подсознательного восприятия и различения звуковой стороны речи: звуки, звукосочетания, интонация, так называемые фонетические навыки аудирования.

Главное заключается во взаимодействии вышеперечисленных трех групп навыков. В аудировании все зависит от того, насколько навыки первой и второй групп были связаны с навыками третьей группы, т.е. формировались ли они в условиях восприятия и понимания речи на слух, достаточен ли был такой процесс в количественном и качественном отношении.

Формирование этих навыков обеспечивается целенаправленной тренировкой механизмов памяти, внимания, мышления, вероятностного прогнозирования, участвующих в слуховом восприятии речи, и овладением языковым материалом путем постепенного преодоления присущих ей трудностей.

Аудирование, по мнению Е.И. Пассова, как умение, основываясь на перечисленных навыках, не является суммой навыков. **Умение аудировать – способность** владения этими навыками в целях понимания на слух каждый раз новых сообщений в новых ситуациях.

Следует определить причины неуспешности обучения аудированию в неязыковом вузе:

- 1) несмотря на то, что аудирование входит в программные требования, специальное обучение аудированию в неязыковом вузе неосуществляется;
- 2) аудирование, как правило, отдельно не оценивается;
- 3) отсутствуют учебно-методические материалы по обучению аудированию;
- 4) не соблюдаются принципы обучения аудированию (предлагаемые тексты являются недоступными для восприятия на слух, аудирование проводится нерегулярно, что в результате приводит к снижению мотивации к данному виду речевой деятельности);
- 5) не исследованы многие вопросы, без решения которых обучение аудированию не может быть достаточно эффективным;

Следует отметить, что организовать эффективное обучение аудированию возможно только с учётом трудностей этого вида речевой деятельности. Комплекс упражнений по аудированию должен быть направлен на преодоление вышеуказанных трудностей. Посильность упражнений должна обеспечиваться

- постепенностью и последовательностью включения и отработки трудностей иноязычного аудирования,
- целенаправленностью упражнения на преодоление одной новой трудности.

В последнее время выделилось направление методики обучения профессионально-ориентированному аудированию, которое нашло своё отражение в разработке частных методик обучения аудированию-

с использованием мультимедийных средств в условиях технического вуза (на материале французского языка) (Яковлева В. А., 2003),

аутентичных видеофрагментов при обучении английскому языку в рамках элективного курса в вузе (Дворжец О. С., 2007),

2010. Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики

учебной аудиокниги как средства развития аудитивных умений студентов языкового вуза очно-заочной формы обучения (Тарахова Л. Ю., 2010),

аутентичных художественных фильмов как средства развития профессионально-направленной социокультурной компетенции студентов экономических специальностей (Чикунова А. Е., 2010),

развития способностей студентов неязыкового вуза к аудированию иноязычной речи (Зудова Я. В., 2005).

В основу перечисленных частных методик положен специально разработанный комплекс упражнений для формирования навыков и умений профессионально-ориентированного аудирования. Он традиционно включает упражнения, направленные на формирование речевых и языковых навыков. В его основу была положена классификация неречевых и речевых упражнений С.Ф. Шатилова. Последовательность работы над аудиотекстами определяет типы упражнений.

В соответствии с данным подходом нам представляется целесообразным выделить следующие виды упражнений по обучению профессионально-ориентированному аудированию:

I. Упражнения на антиципацию

Языковые – фонетические; лексические; грамматические.

Фонетические упражнения – повторение вслух, имитация интонации. **II. Формирующие упражнения**

Формирующие упражнения предполагают последующее понимание и запоминание информации (времени, места, события, действующих лиц, описания события, факта). Индивидуальные особенности, например, какого-либо прибора, рекомендации по его применению, сфера применения, стоимость являются дополнительной информацией.

Формирующие упражнения проводятся после прослушивания текста. Их задачей является формирование глобального, селективного и детального понимания.

Глобальное понимание обозначает понимание информации в целом. Упражнения, формирующие глобальное понимание, могут иметь следующие формулировки:

Селективное понимание – это вид профессионально-ориентированного понимания, который предполагает умение выбрать профессионально значимую информацию, понять ее, запомнить и употребить в речи.

III. Профессионально-деятельностные упражнения

Профессионально-деятельностные упражнения (условно-речевые и речевые упражнения по теме текста) приближают возможность свободного профессионального общения, подготавливают его. Внутри профессионально-деятельностных упражнений существует прогрессия по степени свободы устно-речевого высказывания: от более жестких, регламентированных на основе прослушанной, понятой и запомненной информации (заданность ситуации, лексики, содержания высказывания) – к более свободным, творческим высказываниям.

Профессионально-деятельностные упражнения дублируют ситуации профессионально-ориентированного общения. Мы стремимся отразить в них как можно больше ситуаций профессионально-ориентированного общения.

В свою очередь, профессионально-деятельностные упражнения делятся на оценочные и структурно-функциональные упражнения.

Профессионально-деятельностные упражнения являются ведущим видом упражнений.

IV. Креативные, или подлинно-речевые, упражнения

Упражнения с выходом в диалогическую и монологическую речь с оценкой события, факта, явления в подлинно-коммуникативной ситуации могут иметь следующие формулировки:

В процентном соотношении представляется целесообразным распределять упражнения следующим образом: формирующие упражнения –

2010. Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики

50 - 40 %; профессионально-деятельностные упражнения – 20 - 45 %; упражнения на антиципацию – 30 - 10 %; креативные – 0 - 5 %.

Ситуации обучения профессионально-ориентированному аудированию относятся к предметному содержанию обучения.

Вслед за Е.И. Пассовым одним из основных критериев классификации ситуаций мы рассматриваем “адекватность процессу общения”. Здесь мы выделяем “естественные ситуации”, характеризующиеся наличием определенного круга предметов, обстоятельств, побуждающих к речевой деятельности, речевому поступку. Так, в рамках неязыкового вуза *естественными ситуациями* профессионально-ориентированного аудирования можно назвать:

- международные конференции, форумы, симпозиумы, конгрессы;
- тематические международные семинары;
- круглые столы с участием иностранцев;
- дискуссии, дебаты по специальным вопросам;
- лекции, сообщения по актуальным темам;
- радиопередачи профессиональной направленности;
- рекламные ролики профессиональной ориентации;
- официальные визиты (присутствие на официальных выступлениях официальных лиц, государственных деятелей);
- прием группы, делегации (участие, сопровождение);
- прием должностного лица;
- интервью;
- беседы с целью обмена информацией о технических новинках по определенным специальностям;
- деловые встречи;
- переговоры (о продажах и поставках товаров);
- переговоры по поводу заключения договоров, контрактов с предварительным обсуждением деятельности фирмы, предприятия;

2010. Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики

- переговоры по телефону (умение ответить на телефонный звонок и позвонить, дать информацию по телефону своему собеседнику, умение принять телефонограмму и отправить ее);
- презентации экспонатов на международных выставках;
- презентации образовательных программ зарубежных высших учебных заведений;
- сопровождение учебных делегаций по взаимнообмену (введение в специфику работы различных кафедр, структурных подразделений вуза и др.);
- научные студенческие конференции (представление доклада на иностранном языке, умение понять вопрос и ответить на него);
- семинары по деловому иностранному языку.

Под *искусственными ситуациями* мы понимаем перенесение перечисленных выше профессиональных ситуаций в учебную аудиторию и создание модели речевого общения по данным профессиональным ситуациям.

Поскольку ситуации могут быть определены как системы взаимоотношений общающихся, которые, в свою очередь, могут “задаваться» такими факторами, как социальный статус человека, его роль как субъекта общения, выполняемая деятельность и нравственные критерии, исходя из концепции Е.И. Пассова, мы выделяем ситуации социально-статусных взаимоотношений в общении специалистов по профессиональным вопросам:

- ситуации официально-делового общения,
- общение по узкоспециальным профессиональным вопросам,
- образовательные программы.

При обучении профессионально-ориентированному аудированию следует развивать механизмы аудирования с помощью систематической тренировки на основе специальных упражнений, направленных на решение

профессиональных задач, и аутентичных аудиотекстов профессионального содержания.

1. Дворжец О. С.. Методика работы с аутентичными видеозаписями при обучении английскому языку в рамках элективного курса в вузе (продвинутый уровень). 2007.
2. Яковлева В. А.. Обучение профессионально - ориентированному аудированию с использованием мультимедийных средств в условиях технического вуза (на материале французского языка). 2003.
3. Зудова Я. В. Дидактические основы развития способностей студентов неязыкового вуза к аудированию иноязычной речи. 2005
4. Чикунова А. Е. Использование аутентичных аудиотекстов как средства развития профессионально-направленной социокультурной компетенции студентов экономических специальностей. 2010.
5. Тарахова Л. Ю. Учебная аудиокнига как средство развития аудитивных умений студентов языкового вуза очно-заочной формы обучения. 2010.

© Сергеева Н. Н., 2010

Чудинов А. П.

Екатеринбург, Россия

Ведущие направления политической метафорологии

В современной политической метафорологии сложилось три основных направления в исследовании политической метафоры – риторическое, когнитивное и дискурсивное [Будаев, Чудинов 2006, 2007].

Первое из них развивает традиционные взгляды на метафору, восходящие еще к Аристотелю. В этом случае метафора понимается как некое украшение мысли, способствующее успешности воздействия на адресата. В применении в американской лингвистике это направление обычно называют риторическим, однако в соответствии с российскими традициями названное направление в изучении метафор воспринимается как относящееся преимущественно к семантике и стилистике. Одним из первопроходцев в изучении политической метафоры по праву считается Майкл Осборн, чьи работы по архетипичным метафорам послужили точкой отсчета для исследовательской традиции изучения метафор в риторическом направлении политической лингвистики. Исследовав обращения политиков к электорату, М. Осборн пришел к выводу, что в политической речи независимо от вре-

мени, культуры и географической локализации коммуникантов неизменно присутствуют архетипичные метафоры (archetypal metaphors). Политики, желающие в чем-то убедить адресата, используют образы природного цикла, света и тьмы, жары и холода, болезни и здоровья, мореплавания и навигации (Osborn 1967). Такие метафоры опираются на универсальные архетипы и служат основой для понимания людьми друг друга и в то же время создают основу для политического воздействия и убеждения.

Помимо архетипичных и специфичных политических метафор внимание исследователей в прошлом веке было направлено на анализ аргументативного потенциала политической метафористики. По понятным причинам материалом для таких исследований служили метафоры в выступлениях победивших на выборах политиков. Так, С. Дафтон (Daughton 1993) исследовала метафоры в первом инаугурационном обращении Ф.Д. Рузвельта, Х. Стелцнер рассмотрел метафоры в речи Дж. Форда ([Stelzner 1977]). В работах Р. Айви проанализированы метафоры и их взаимодействие с изложением фактов в речи Г. Трумана и его антисоветской доктрине (Ivie 1986, 1999). Вместе с тем метафоры в идиолектах политиков, оппозиционных существующей власти и претендующих на нее, также рассматривались как важный материал для исследования метафорической аргументации в целом (Blankenship 1973; Henry 1988).

Анализ архетипичных метафор в идиолектах политиков был направлен не только на поиск подтверждений того, что метафоры обладают значительным аргументативным потенциалом, но и на выявление причин прагматических неудач. Как показывает Х. Стелцнер, американский президент Дж. Форд объявил, что намерен вести войну с инфляцией, но не смог проводить соответствующую политику и «доказать подлинность однажды произнесенной метафоры, которая требовала от него больше, чем он хотел или мог сделать» (Stelzner 1977: 297).

В основе второго направления лежит когнитивный подход, в соответствии с которым метафора представляет собой одну из форм мышления, особенно эффективную в условиях осмысления каких-то новых реалий,

стремления по-новому взглянуть на что-то, казалось бы, хорошо известное, преобразовать свойственную адресату картину мира. Основными предпосылками когнитивного подхода к исследованию метафоры стали положение о ее ментальном характере (онтологический аспект) и познавательном потенциале (эпистемологический аспект). Ведущая роль в становлении этого направления принадлежит Марку Джонсону и Джорджу Лакоффу, однако они создавали свою теорию отнюдь не на пустом месте, поскольку когнитивный подход к метафоре возник значительно раньше. На феномен метафоричности мышления обращали внимание Д. Вико, Ф. Ницше, А. Ричардс, К. Льюис, С. Пеппер, Ф. Барлетт, М. Бирдсли, Х. Ортега-и-Гассет, Э. МакКормак, П. Рикер, Э. Кассирер, М. Блэк, М. Эриксон и другие исследователи. Так, еще в 1967 году М. Осборн указывал на то обстоятельство, что человек склонен ассоциировать власть с верхом, а все нежелательные символы помещать внизу пространственной оси, что соответствует классу ориентационных метафор в теории концептуальной метафоры, а в разработанной М. Осборном теории архетипичных метафор просматриваются истоки теории «телесного разума». Относительным аналогом концептуальных метафор можно считать метафорические кластеры, представляющие систему политических метафор (Jamieson 1980).

Дискурсивный анализ политических метафор направлен на изучение способов воспроизводства социального, гендерного, расового или этнического неравенства. Это направление тесно связано с идеями Р. Водак и Т. ван Дейка. Примером дискурсивного исследования может служить публикация Э. Рефайе (Refaïe 2001), посвященная изучению метафорического представления курдов-иммигрантов, ищущих убежища в Европе. Исследуя осмысление иммиграции в австрийских газетах 1998 г. (в этот период иммиграция значительно усилилась), Э. Рефайе выявляет, что доминантные метафоры изображают курдов, как нахлынувшую водную стихию, как преступников, как армию вторжения. Регулярная апелляция к этим образам во всех исследованных газетах представляется показателем того, что «мета-

форы, которыми мы дискриминируем», стали восприниматься как естественный способ описания ситуации.

Схожие результаты получают исследователи из США, где традиционно остро стоит проблема иммиграции из Латинской Америки. Например, в монографии О. Санта Ана (Santa Ana 2002) рассматривается метафорическое представление иммиграции из Латинской Америки. Как показывает автор, все выявленные метафорические образы приносят в осмысление «чужаков» негативные смыслы: пожар, наводнение, военное вторжение, болезнь, животные и др. Подобное мировидение и связанные с ним оценочные инференции регулярно воспроизводятся не только в американских СМИ, но и в законодательных актах США, регулирующих образование на испанском и английском языке, трудоустройство и другие аспекты жизни латиноамериканских иммигрантов (Johnson 2005, Hardy 2003).

Риторическое (семантико-стилистическое), когнитивное и дискурсивное направления в современной политической метафорологии являются ведущими, но не единственными. Во многих современных исследованиях когнитивный или риторический анализ политической метафоры дополняется на основе использования методов, характерных для теории культуры (лингвокультурологии), психологии (психолингвистики), социологии, социальной философии (социолингвистики), теории дискурса, сопоставительной и типологической лингвистики. Отметим также, что в целом ряде случаев те или иные методики одни специалисты считают вариантами когнитивных, риторических (стилистических) или дискурсивных, тогда как другие специалисты определяют указанные теории как относительно самостоятельные направления.

Значительный интерес представляет также проблема параллельного использования различных научных методов в рамках одного исследования: даже предварительные наблюдения показывают, что совмещение одних методов ведет к эклектике, тогда взаимодействие других методов приводит к более полному пониманию сущности явления.

Библиографический список

Будаев Э.В., Чудинов. А.П. Метафора в политическом интердискурсе. Екатеринбург, 2006

Будаев Э.В., Чудинов. А.П. Зарубежная политическая лингвистика. Екатеринбург, 2007.

© Чудинов А. П., 2010

Общетеоретические проблемы германистики, русистики, индоевропеистики: исследования в области терминоведения, лексикологии, языковых систем и др.

Антонова И. В., Ануфриева М. А.

Северодвинск, Россия, treasureisland@yandex.ru

Особенности синтаксического оформления коммуникативных фразеологических единиц

(на материале КФЕ семантического поля 'богатство')

К коммуникативным фразеологическим единицам относим фразеологизмы, образованные на основе переосмысления пословиц [Федуленкова 1996: 90], приобретения ими более широкого ситуативного смысла [Федуленкова 2006: 251] и поднявшиеся тем самым на определенный уровень фразеологической абстракции [Мелерович 2009: 39]. Пословицы же с буквальным значением всех компонентов рассматриваем как фразеоматические образования [Кунин 1964: 199].

Проведенный анализ синтаксической структуры избранных КФЕ показывает, что они принимают форму повествовательных, побудительных и вопросительных предложений. Повествовательные предложения в свою очередь могут иметь форму простых утвердительных предложений. Подлежащим в них в большинстве случаев выступает существительное, которое может употребляться: а) без определения: *Plenty breeds pride* – *Богатство – причина гордости*; б) с определением: *Gold dust blinds all eyes* – *Золотая пыль слепит глаза*. При этом определение может иметь не только подлежащее, но и существительное в функции объекта: *A heavy purse makes a light heart* – *От тяжелого кошелька сердцу становится легче*. Повествовательные предложения могут также иметь форму простых отрицательных предложений.

По утверждению А.В. Кунина, в пословицах не встречается вопрос в отрицательной форме [Кунин 1970: 344], но проведенное нами исследование показало, что это не так, ср: *What cannot money do?* При этом, как правило, в коммуникативных фразеологизмах не используется частица

not с предикативной формой глагола, с которой она сливается в единую отрицательную форму: *doesn't, didn't, isn't, aren't, wasn't, shan't* и т.д. В их структуре встречаются только отрицательные формы *don't* и довольно редко *can't*.

Подлежащее в изучаемых КФЕ – простых отрицательных предложениях – может быть выражено: а) местоимением: *You can't take it with you – Все на тот свет с собой не унесешь*; б) существительным без определяющего слова: *Penny is no dainty – Деньги – не роскошь*; в) существительным с определяющим словом: *Much money is not everything – Много денег – не все*.

Что касается коммуникативных фразеологизмов со структурой сложноподчиненного предложения, то они являются наиболее распространенными в английском языке. Среди них выделяется группа предложений с ограничительным определительным придаточным предложением, вводимым относительным местоимением *that* с местоимением *he* в функции подлежащего главного предложения.

В английском языке существуют два структурных типа подобных предложений: 1) придаточное предложение следует за главным: *He is wise that is rich – Том, кто мудр, том богат*; *He is rich enough that wants nothing – Достаточно богат тот, кто ничего не хочет*; 2) придаточное предложение, вводимое местоимение *that*, стоит между подлежащим *he* и остальными членами главного предложения: *He that has not silver in his purse, should have silk on his tongue – Том, у кого нет серебра в кошельке, должен обладать шелковым языком*; *He that has a goose, will get a goose – Том, у кого есть гусь, получит еще гуся*.

Тожественные структурные типы наблюдаются и в случае, когда придаточное предложение вводится относительным местоимением *who*: *He is rich enough who lacks not bread – Богат тот, кто не нуждается в хлебе*.

По утверждению А.В. Кунина, второй тип (с относительным местоимением *who*) более распространен, чем первый (с местоимением *that*) [Кунин 1996: 345]. В соответствии с полученными данными нашего исследова-

дования КФЕ, принадлежащих к семантическому полю «бедность», можно утверждать, что более распространенным является первый тип, так как соотношение изучаемых КФЕ данного вида, принадлежащих к первому и второму типу, составляет 12:1, соответственно.

Исследуемый фразеологический материал позволяет также выделить немногочисленную группу сложноподчиненных предложений с условным придаточным предложением, вводимым союзом *if*, и следующим за главным предложением: *Jack would be a gentleman if he had money* – Джек был бы джентльменом, если бы у него водились деньги; *Idleness must thank itself if it goes barefoot* – Праздность должна сама себя благодарить за то, что ходит босиком; *Money would be gotten if there were money to get it with* – Деньги можно было бы достать, если бы были деньги, с помощью которых их можно было бы раздобыть.

Среди рассматриваемых нами коммуникативных фразеологизмов, имеются так же сложноподчиненные предложения с придаточными предложениями времени, вводимыми союзом *when*: *When money speaks the world is silent* – Когда деньги говорят, мир молчит; *When we have gold, we are in fear, when we have non we are in danger* – Когда у нас есть золото, мы в страхе, а когда у нас его нет, мы в опасности.

Исследуемые коммуникативные фразеологизмы, являющиеся сложными предложениями, могут иметь форму сложносочиненного предложения с различной связью частей.

1. Противительно-уступительная связь: *Beauty is potent but money is omnipotent* – Красота великая сила, но деньги – всемогущая; *Knowledge makes one laugh, but wealth makes one dance* – Имея знания, можно смеяться, но имея богатство, можно танцевать.

2. Противительно-ограничительная связь: *Money is a good servant, but a bad master* – Деньги – хороший помощник, но плохой хозяин.

3. Соединительно-следственная связь: *As the carl riches he wretches* – Пока товарищ богат, он жалкий человек.

4. Соединительно-относительная связь: *Set a beggar on horseback, and he'll ride to the devil* – *Посади нищего на лошадь и он отправится к черту*;

Put two pennies in a purse and they will draw together – *Положи два пенса в кошелек и они сольются воедино.*

Среди пословиц со структурой сложносочиненного предложения встречаются бессоюзные сложносочиненные предложения, обозначающие причинно-следственную связь компонентов: *Much coin, much care* – *Много денег, много забот*; *By wisdom peace, by peace plenty* – *Мудростью к гармонии, гармонией к богатству.*

Анализ избранного ряда коммуникативных фразеологизмов в форме побудительных предложений показывает, что среди них имеются простые, сложносочиненные и сложноподчиненные предложения.

1. Простые предложения могут не включать или включать отрицание: а) без отрицания: *Put money in the thy purse* – *Клади деньги в свой кошелек*; б) с отрицанием: *Dally not with women or money* – *Не играй с женщинами и деньгами.*

2. Сложносочиненные предложения: *Set a beggar on horseback, and he'll ride to the devil* – *Посади нищего на лошадь и он отправится к черту*; *Lend your money and lose your friend* – *Дай денег займы и потеряй друга.*

3. Сложноподчиненные предложения: *Never spend your money before you have it* – *Не трать деньги, пока не получишь их.*

Вопросительные предложения среди исследуемых английских фразеологизмов встречаются редко: *What will not money do?* – *Чего не могут деньги?* *What cannot gold do?* – *Чего не может золото?*

Особенности синтаксического оформления говорят о разнообразии структурной организации изучаемых фразеологизмов, что, по всей видимости, является следствием их коммуникативной активности.

Библиографический список

Кунин А.В. Английская фразеология: Теоретический курс. М.: Высш. шк., 1970.

Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. М.: Высш. шк., 1996.

Кунин А.В. Основные понятия английской фразеологии как лингвистической дисциплины и создание англо-русского фразеологического словаря: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 1964.

Мелерович А.М. Языковая мотивировка фразеологического значения и фразеологическая абстракция // Фразеология: Избранные труды / отв. ред. и сост. Т.Н. Федуленкова. – Архангельск: Поморский ун-т, 2009. – С. 37-44.

Федуленкова Т.Н. Изоморфизм и алломорфизм в германской фразеологии (на материале английского, немецкого и шведского языков): Дис. ... д-ра филол. наук. – Северодвинск, 2006.

Федуленкова Т.Н. Коммуникативные фразеологические единицы как объект прикладной лингвистики // Проблемы прикладной лингвистики: Сб. материалов семинара. Пенза: Пензенский гос. пед. ун-т, 1996. С. 90-94.

© И. В. Антонова, М. А. Ануфриева, 2010

Ануфриева М. А., Антонова И. В., Федуленкова Т. Н.
Северодвинск, Россия

Природа компонента фразеологизма

Вопрос о сущности компонента фразеологической единицы (ФЕ) до сих пор остается актуальным, так как природа компонента понимается учеными по-разному [Федуленкова, Сошникова 2009: 89]. Тем не менее, теоретические концепции большинства лингвистов строятся на признании словной природы компонентов ФЕ. С позиций словности компонента, а следовательно, и рассмотрения ФЕ как сочетания слов исходят в своих фундаментальных трудах такие видные представители отечественного языкознания, как В.В. Виноградов, А.И. Смирницкий, А.М. Бабкин, Н.Н.Амосова, А.В. Кунин, И.И. Чернышева, В.Л. Архангельский, А.Д.Райхштейн, Ю.А. Гвоздарев и другие.

Предостерегая от сведения вопроса о "фразе" целиком к проблеме слова, В.В. Виноградов писал, что соотносительные и взаимосвязанные компоненты сложного фразеологического целого, выступающего в речевой

деятельности как особая семантическая категория, являются элементами словными, которые в живом словесном единстве высказывания объединены "в новом категориальном синтезе". Более того, В.В. Виноградов ставил перед исследователями фразеологии задачу "изучения структуры разных видов значений слова с целью выделения таких категорий словесных значений, которые лежат в основе различных процессов фразообразования" [Виноградов 1977: 119].

Отмечая наличие основанной на идиоматичности семантической цельности у фразеологических оборотов, А.И. Смирницкий писал, что они имеют "строение свободного, собственно грамматического сочетания слов", то есть компоненты фразеологических единиц рассматривались как слова, причем достаточным основанием для этого считалось совпадение компонентов ФЕ со словами, входящими в свободные словосочетания, хотя бы по оформлению [Смирницкий 1956: 206].

Заостряя внимание на специфике семантического взаимодействия сочетающихся в фразеологизмах элементов и настаивая на изучении интралингвистических факторов семантического изменения слов в составе ФЕ, Н.Н. Амосова подчеркивала, что новый аспект проблемы переосмысления слов открывается перед исследователями наблюдениями над "формами функционирования фразеологических единиц, над семантическими связями между их компонентами, над случаями вычленения одного из компонентов фразеологической единицы с возникающим в результате такого вычленения сдвигом его семантики под воздействием целостного значения исходного словесного комплекса" [Амосова 1967: 8].

Доказывая, что ФЕ обладает всеми свойствами лингвистического знака и указывая на его асимметричность как единицы глобального десигната, с одной стороны, и раздельно-составного десигнатора, с другой, В.Л. Архангельский писал: "Фразеологическая единица в качестве интегрантов десигнатора имеет ограниченное число строго определенных слов, каждое из которых вне данной фразеологической единицы также является знаком" [Архангельский 1968: 25].

Давая определение фразеологической единицы, А.В. Кунин констатирует, что ФЕ – "это устойчивое сочетание слов с полностью или частично переосмысленным значением" [Кунин 1970: 210]. При этом факт словности компонента фразеологической единицы означает, что она является раздельноформленным образованием, и этим самым подчеркивается также опосредованность значения ФЕ словами, ее составляющими.

Подвергая анализу вторичные семантические процессы, И.И.Чернышева показывает их связь с диалектикой фразообразования, которая, по убеждению автора, и проявляется в том, "что слова-компоненты фразеологической единицы, утрачивающие свое лексическое значение, присущее им в лексико-семантической системе данного языка и образующие в устойчивом комплексе за счет перераспределения сем новое, фразеологическое значение, могут в дальнейшем приобрести семантическую отдельность" [Чернышева 1976: 259].

Современный уровень семантического анализа фразеологии показывает, что, как правило, фразеологическая абстракция бывает неполной [Мелерович 1976: 49], и, демонстрируя тем самым неспособность слова достичь абсолютной абстракции от самого себя, почти полностью ликвидирует возможность констатации семантической опустошенности компонента фразеологической единицы.

Утверждая, что именно слова служат составными частями фразеологических единиц, Ю.А. Гвоздарев уделяет большое внимание изучению взаимоотношений между компонентами ФЕ с целью показать, как от комбинации различных видов компонентов зависит степень аналитичности/ синтетичности ФЕ, наиболее важными при этом считая следующие отношения между составляющими ФЕ: а) отношения между компонентами определенной фразеологической единицы, б) отношения между компонентами ФЕ и ее общим значением, в) отношения между компонентами различных ФЕ как в плане выражения, так и в плане содержания, г) отношения между компонентами ФЕ и отдельными словами языка, д) отношения

между отдельными ФЕ, взятыми как определенные фразеологические структуры.

Автор показывает, что элементы, составляющие фразеологические обороты разных типов, ничем особенно не отличаются от обычных слов со свободными значениями в фонетико-акцентологическом плане и сохраняют к тому же некоторые парадигматические формы. Он приходит к выводу, что "даже компоненты неразложимых фразеологических единиц выделимы в потоке речи, имеют определенную грамматическую оформленность, поскольку сами фразеологические единицы в своей основе имеют грамматические образцы, действующие или действовавшие в языке" [Гвоздарев 1977: 20].

На признании словной природы компонентов фразеологических единиц основаны также исследования таких видных лингвистов-фразеологов, как Ю.Ю. Авалиани, А.И. Алехина, С.Б. Берлизон, Ф.А. Литвин и др. В одной из последних крупных работ В.Н. Телия, вышедшей в конце XX века и посвященной семантическим, прагматическим и лингвокультурологическим аспектам русской фразеологии, также находим признание словности компонентов всех типов фразеологических единиц [Телия 1996: 58].

Наиболее убедительные доказательства словного характера компонентов фразеологических единиц представляют нам окказиональные авторские употребления ФЕ в тех или иных стилистических целях.

Итак, основу фразеологизации составляет слово как ось пересечения его парадигматических и синтагматических отношений. Присоединяясь к сторонникам словной трактовки компонентов ФЕ, подчеркнем, что во фразеологической единице компонент воспроизводит свой генетический источник – слово – как в формальном, так и в содержательном плане, осуществляя такие универсальные для различных языков функции, как функция поддержания раздельнооформленности ФЕ, функция обеспечения возможностей узуальной вариативности ФЕ, функция обеспечения возможностей окказиональных изменений ФЕ, функция предопределения трансфор-

мационных возможностей ФЕ, функция участия в создании образности ФЕ и некоторые другие.

Библиографический список

- Амосова Н.Н. Значение фразеологии как особой отрасли языкознания // Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе: Вологда, 1967. – С. 5-12.
- Архангельский В.Л. Проблема устойчивости фразеологических единиц и их знаковые свойства // Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц: Материалы межвузовского симпозиума. – Тула, 1968. – С. 21-29.
- Виноградов В.В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины // Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М.: Наука, 1977. – С. 118-139.
- Гвоздарев Ю.А. Основы русского фразообразования. – Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1977.
- Кунин А.В. Английская фразеология: Теоретический курс. – М.: Высш. шк., 1970.
- Мелерович А.М. К вопросу о языковых формах выражения фразеологической абстракции // Вопросы русского языка: Проблемы лексики и синтаксиса. – Ярославль, 1976. – Вып. XI. – С. 46-55.
- Смирницкий А.И. Лексикология английского языка. – М.: Изд-во лит. на иностр. яз. 1956.
- Телия В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – Москва: Школа "Языки русской культуры", 1996.
- Федуленкова Т.Н., Сошникова Н.В. Компонент фразеологической единицы в схеме денотации // Проблемы практики преподавания и теории языка: Сб. науч. статей. Вып.2. – Архангельск, 2009. – С. 89-93.
- Чернышева И.И. Textoобразующие потенции фразеологических единиц (на материале немецкой фразеологии) // Лингвистика текста: Сб. науч. тр. / Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. М. Тореза. – 1976. – Вып. 103. – С. 256-263.

© Ануфриева М. А., Антонова И. В., Федуленкова Т. Н., 2010

Богуславская Е. Л.

Екатеринбург, Россия, eboguslavskaya@yahoo.com

Относительное местоимени WHICH. Смена Парадигмы?

Относительные местоимения, подобно предлогам и союзам, выполняют в предложении связующую функцию, т. е. способствуют осуществлению связи между частями предложения. Помимо связующего значения,

они выступают также в качестве самостоятельных членов предложения. В сложноподчиненном предложении (СПП) с определительным придаточным «союзный элемент выступает в составе придаточной части в качестве семантического заместителя (субституента) одного из членов главной части...» [Распопов 1973: 149].

В зарубежных грамматиках английского языка и работах исследовательского направления принято выделять два ряда относительных местоимений:

а) *wh*-формы: *who*, *whom*, *whose*, *which*;

б) *that* и нулевую форму [Quirk et al. 1985: 366].

Под «нулевой формой» относительного местоимения или наречия понимается бессоюзное присоединение определительной придаточной части.

Выбор относительного местоимения зависит от ряда факторов, как собственно лингвистических, так и социальных. Так, например, в зависимости от используемых относительных местоимений варьирование определительных придаточных, соотнесенных с одушевленным антецедентом, может быть представлено в виде следующей стилистической шкалы:

книжн.-письм. The man *whom* I saw was called Smith.

нейтр.-разг. The man *who* I saw was called Smith.

разг. The man *that* I saw was called Smith.

The man \emptyset I saw was called Smith [Вейхман 2002: 446].

К числу наиболее значимых лингвистических факторов относятся одушевленность/неодушевленность антецедента и тип определительной придаточной части, которая может быть ограничительной и описательной. Ограничительная придаточная часть выражает неотъемлемый в данной ситуации признак антецедента, ограничивает объем его значения и уточняет его. Устранение придаточного изменяет смысл предложения. Описательная определительная часть присоединяется к антецеденту, выражающему уже ограниченное понятие. Она служит для сообщения дополнительных сведений об объекте и может быть опущена без ущерба для смысловой и грамматической законченности главной части. На письме описательные придаточные части обычно отделяются запятой.

Способы подчинения ограничительных придаточных более разнообразны: для этой цели используются все перечисленные выше средства, тогда как описательные вводятся главным образом местоимениями *who* или *which*. Относительные наречия встречаются довольно редко, употребление бессоюзной связи недопустимо. Относительное местоимение *that* обычно рассматривается как союзное слово, вводящее только ограничительные придаточные, однако в некоторых случаях *that* используется в исторически присущей ему функции местоимения, вводящего описательные придаточные.

В исследованиях диахронического характера отмечается, что процесс смены парадигмы, завершённый для относительного местоимения *that*, не обошёл стороной и относительное местоимение *which*. Примерно с начала XX века в устной речи в ограничительных определительных придаточных с неодушевленными antecedентами предпочтение отдается местоимению *that* и нулевой форме, в то время как *which* употребляется все более редко [Romaine 1982: 129]. В настоящее время в устной речи *which* используется исключительно для введения описательных определительных придаточных [Biesenbach-Lucas 1987: 15].

Целью проведенного нами исследования было изучение парадигмы относительного местоимения *which* в письменной речи современного английского языка. Материалом послужили публикации многотиражных ежедневных периодических изданий Великобритании и США: *The Daily Mail*, *The Daily Telegraph*, *The Guardian*, *The Los Angeles Times*, *The New York Times*, *USA Today*. Объем выборки составил 584 СПП с определительной придаточной частью. Из анализа были исключены предложения, в которых союзное слово *which* вводило так называемые «событийные относительные придаточные» (*event relative clauses*), относящиеся к содержанию всей главной части в целом, поскольку такие конструкции не являются собственно определительными. В. Я. Плоткин синтаксически характеризу-

ет их как обстоятельства, с семантической же точки зрения — как «циркумстанты результата или сопутствующих условий» [Плоткин 1989: 80].

Проведенный анализ показывает, что в письменной речи американского варианта английского языка в ограничительных определительных придаточных с неодушевленными антецедентами употребляется исключительно *that*, относительное местоимение *which* вводит только описательные определительные придаточные. В британском же варианте английского языка подобного разделения функций не наблюдается: *which* все еще встречается в ограничительных придаточных, причем по частотности практически не уступает *that*. Таким образом, процесс смены парадигмы относительного местоимения *which* в письменной форме существования английского языка можно считать завершенным только для американского варианта английского языка.

Библиографический список

- Вейхман Г.А. Новое в грамматике современного английского языка. – М.: Астрель: АСТ, 2002. – 544 с.
- Плоткин В.Я. Строй английского языка. – М.: Высшая школа, 1989. – 239 с.
- Распопов И.П. Очерки по теории синтаксиса. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1973. – 220 с.
- Biesenbach-Lucas S. The use of relative markers in Modern American English // Variation in Language: NWAV-XV at Stanford / Ed. by Denning K. M., Inkelas S., McNair-Knox F. C., Rickford J. – Stanford, CA: Stanford U. Dept. Of Linguistics, 1987. – P. 13—21.
- Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J. A Comprehensive Grammar of the English Language. – London: Longman, 1985. – 1779 p.
- Romaine S. Socio-Historical Linguistics: Its Status and Methodology. – Cambridge: Cambridge University Press, 1982. – 315 p.
- The Daily Mail [Электронный ресурс]. Дата обновления: 21.01.2010. – URL: <http://www.dailymail.co.uk> (дата обращения: 21.01.2010).
- The Daily Telegraph [Электронный ресурс]. Дата обновления: 21.01.2010. – URL: <http://www.telegraph.co.uk> (дата обращения: 21.01.2010).
- The Guardian [Электронный ресурс]. Дата обновления: 21.01.2010. – URL: <http://www.guardian.co.uk> (дата обращения: 21.01.2010).
- The Los Angeles Times [Электронный ресурс]. Дата обновления: 31.01.2010. – URL: <http://www.latimes.com> (дата обращения: 31.01.2010).
- The New York Times [Электронный ресурс]. Дата обновления: 31.01.2010. – URL: <http://www.nytimes.com> (дата обращения: 31.01.2010).
- USA Today [Электронный ресурс]. Дата обновления: 31.01.2010. – URL: <http://www.usatoday.com> (дата обращения: 31.01.2010).

© Богуславская Е. Л., 2010

Василенко А. П.

Брянск, Россия, Anatvasilenko@mail.ru

Фразеологическая символика

Общеизвестно, что фразеологизм – единица, где отражены языковой, исторический, культурный, мифологический контексты. Поэтому в структуре устойчивого оборота обнаруживают как лингвистические (например, грамматическое содержание, лексическая наполняемость), так и экстралингвистические параметры, хранящие, в частности, символичные значения, некие образные ассоциации, возникающие при прочтении фразеологизма. Например, компонент *крест*, входящий в состав оборота *нести (свой) крест* – символ сильного человеческого страдания (ассоциируется с библейским сюжетом восхождения Иисуса на Голгофу).

Ассоциации (символы) преданно хранят сведения эпохи, в которую был (или есть) актуален фразеологизм, но не всегда эти сведения доступны носителю языка, что приводит к забвению устойчивого оборота, его перехода в разряд устаревших.

Например, фразеологизм *сы́рная неделя* (современное название *масленица*). Известно, что, данный праздник – один из древнейших. Согласно Церковному Писанию, в этот период запрещается есть мясную пищу, а допускается вкушать только сыр и яйца. Вот почему седмица (неделя) называлась *сырной*. Такое название сохранялось до реформы орфографии в России начала XX века. Вполне объяснимо, что у современного носителя языка нет былой референции к истокам возникновения имени.

Другой пример, *в бо́зе почи́ть*. Для обычного пользователя русского языка данное сочетание покажется бессмысленным набором языковых знаков, поскольку на данный момент упомянутые правила произношения и написания отсутствуют в современном языке. Глагол *почи́ть* имеет устаревшее значение ‘уснуть, спать, отдыхать’ (ср. *почить на лаврах*), другой компонент фразеологизма *бо́зе* – одна из форм имени существительного Богъ (бог). Здесь происходит замена задненёбной на согласную (ср. лик

– лице, княгиня – князь). Такой процесс называется переходным смягчением. Церковнославянское по происхождению *в бóзе почи́ть* (буквально: уснуть в Боге) означает ‘умереть мирно, веруя, отдать свою душу Богу’.

Ещё один историзм – *лить колокола*, который передает значение ‘врать, рассказывать небылицы’.

На Руси отливка колоколов была делом сложным, и для него требовалось мастерство. Если в работе происходило малейшее нарушение, то неудача была обеспечена: пропадал металл или колокол получался с неверным, дребезжащим звоном.

Литейщики использовали собственные приспособления, чтобы колокол получался наилучшего качества. У каждого мастера были свои секреты. Многие из кудесников к тому же становились суеверными: боялись, чтобы их работу не сглазили, выдумывали странные приметы, без которых якобы ничего не получится, свято веря в них. Так, считалось, что чем невероятней удастся пустить слух о своей работе в кузнице, чем больше народа этому поверит, тем звонче выйдет колокол. Поэтому в народе мастеров литейного дела стали называли колдунами.

Вот и пошел обычай во время отливки колокола распространять самые нелепые слухи. Позднее сочетание слов *лить колокола*, а также само слово *заливать* стали символом ‘выдумывать бог знает что’.

В приведенных примерах рассмотрено исчезновение ассоциативной связи фразеологического оборота с действительностью ввиду естественных исторических преобразований в языке. Тем не менее, утрачивая опосредованную связь с реальией, символика продолжает жить внутри самого фразеологизма и актуализируется лишь в ходе не поверхностного анализа, как, скажем, в *поджечь хвост, сам не свой, не покладая рук, поклониться в пояс* и т.п., а в результате этимологических разысканий, которые вскрывают причину исчезновения связи ассоциативного образа с современным состоянием языка.

В общем плане, символизму и связанным с ним ассоциативным смыслам приписываются такие качества, как образность (иконичность),

мотивированность, комплексность содержания, архетипичность (первоначальная модель, впервые сформированный исконный тип), универсальность в отдельно взятой культуре, встроенность в структуру мифологии, литературы и искусства [Шелестюк 1997: 125 – 126].

Для языковедов оказывается более естественным феноменологическое понимание символа как вещи, наделённой смыслом. Важнейшей особенностью символа является вещьность, т.е. прямая опосредованная принадлежность миру вещей. Например, *череп* – в европейской культуре символ опасности, однако его первичные ассоциации связаны с анатомическим строением позвоночных животных.

Символика всегда культурно специфична и зависит от конкретных исторических условий (ср.: двуглавый *орёл* как символ русской государственности или *серп и молот* как символ советской страны) [Баранов, Добровольский 1995: 76].

Как видно, специфика языкового символа состоит не в мотивации языкового знака, связанной с ней переносным значением, как это характерно для тропов, а с картиной мира, фоновыми знаниями [об этом, например, Черданцева 1988: 85].

В становлении фразеологической символики огромную роль играет образно-ассоциативное мышление, присущее человеку, а также стереотипность поведения представителя культурно-языкового сообщества.

Условно можно обозначить несколько ступеней формирования символического значения.

На первой ступени образуется связь с неким качеством, состоянием, процессом и т.п. Возникает социальная конвенция (договорённость), в ходе которой происходит закрепление зародившейся ассоциации с объектом реального мира. Например, за *чёрным* цветом в европейском менталитете закрепляется 'траур, смерть, трудность, лишения', а, скажем, в Индии, данное понятие приписывается *белому* цвету.

Ещё примеры. Такой известный продукт жизнедеятельности пчёл, как *мёд* хорошо известен своим вкусовым качеством – сладостью: *уста как*

мёд – символическое значение ‘сладко, приятно на вкус’. Сравнительный оборот *как королева* в индуизме будет большим комплиментом представительницам слабого пола, потому что королева считается священным животным, – что не принято в русской традиции, где, наоборот, в адрес женщины подобные слова прозвучат оскорблением.

На второй ступени символическое значение переходит в тексты (особенно художественные, а также устное народное творчество). Здесь происходит не только закрепление в сознании носителя языка, но и невольное сравнение, сопоставление разного уровня.

Например, трава *полынь* имеет горький вкус. Поэтому зачастую в фольклоре можно проследить использование данного имени с тем, чтобы передать ‘тоску-печаль’, типа: *Жизнь моя – полынь-трава!* Здесь символическое значение ещё слабое и не включается в содержание слова. Но, находясь на переходном этапе, когда возможно закрепление за самим словом сакральных смыслов, вероятно переход на следующий уровень.

На третьей ступени наблюдается сращивание значения слова, обозначающего, как правило, конкретный предмет (вещь), с фразеологизмом. В составе фразеологизма соответствующий компонент приобретает символически мотивированное значение, которое у него вне фразеологизма возникнуть бы не могло.

Например, *медведь на ухо наступил*. Так повелось, что символ неуклюжести, неповоротливости закрепляется за медведем, хотя мало кому известно, насколько ловко этот зверь, вылавливая рыбу в реке. Уж если и говорить о неуклюжести, то уместно будет вспомнить слона *в посудной лавке*. Но опять-таки, это подтверждение того, что символизм – это, в первую очередь, социальная конвенция.

Итак, за *медведем* закрепляется символ человека, который не имеет музыкального слуха, не способен ориентироваться в системном потоке звучащих нот. Разумеется, в природных условиях косолапый зверь не интересуется такими вещами. Однако носитель языка к лексеме *медведь* всё-таки присоединяет сему ‘неуклюжесть’, а в пределах состава компонентов

медведь на ухо наступил десемантизированное слово *медведь* получает ‘некомпетентность в музыке от природы’ (ср.: *руки не оттуда растут*).

Если символическое значение компонента наблюдается в целой серии фразеологизмов, то оно становится легко вычисляемым: *поднять меч, опустить меч, вырвать меч, огнём и мечом* – меч как символ войны.

Фразеологическая символика обычно понимается как определённый контекст (исторический, мифологический, культурный и т.п.), который способствует глубинному осознанию культурного содержания фразеологизмов и пополнения символического потенциала языковой системы в целом.

Библиографический список

Баранов, А.Н., Добровольский, Д.О. Знаковые функции вещных сущностей / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский // Язык-система. Язык-текст. Язык-способность. – М.: Институт русского языка РАН, 1995. – С. 80 – 90.

Черданцева Т.З. Внутренняя форма идиом и национально-культурная специфика их мотивированность (сопоставительный аспект описания) // Лексикографическая разработка фразеологизмов для словарей различных типов и для Машинного фонда русского языка. Материалы к методической школе-семинару. Сб. статей. / Отв. ред. В.Н. Телия. – М.: Научный совет по лексикологии и лексикографии. Институт русского языка АН СССР, 1988. – 124с. – С. 80 – 87.

Шелестюк Е.В. О лингвистическом исследовании символа (обзор литературы) // Вопросы языкознания, 1997. – № 4. – С. 125 – 134.

© Василенко А. П., 2010

Виноградова Е. Л., Ануфриева М. А., Федуленкова Т. Н.
Северодвинск, Россия, jenni1509@yandex.ru

Моделированность как феномен фразеологии

В период становления фразеологии как науки моделированность фразеологизмов как лингвистический феномен полностью отрицалась, и фразеологизмы рассматривались как единичные немоделированные образования. Дело в том, что основатели теории фразеологии, предпринимая

значительные усилия отделить фразеологию от лексикологии и учредить ее как самостоятельную лингвистическую дисциплину, провозгласили тезис о структурно-семантической немоделированности фразеологических единиц, трактуемый ими как невозможность построения всех видов и типов фразеологических единиц (ФЕ) по заданной структурно-семантической модели с предсказуемым значением [Федуленкова 2006а: 23]. История фразеологии как науки сложилась так, что в течение длительного времени структурно-семантическая немоделированность принималась лингвистами в качестве одного из важнейших категориальных свойств фразеологизмов.

В ряду наиболее убежденных противников моделированности ФЕ находился А.И. Смирницкий. Ученый отстаивал свою точку зрения, заключающуюся в том, что только немоделированные словосочетания могут быть фразеологизмами [Смирницкий 1956: 208]. Доказывая статус немоделированности ФЕ, А.И. Смирницкий приводил в пример модель целого ряда переменных словосочетаний с грамматической структурой «существительное + существительное» *first morning, first day, first evening*, которая, естественно, исключает фразеологизм *first night* по причине семантической трансформации и, как следствие, по причине приобретения фразеологического значения, дефиниция которого представлена в толковом словаре в следующей формулировке *'the first public performance of a play, film/ movie'* [OALD, т.1, с. 480]. С другой стороны, лингвист доказывал, что ни один фразеологический ряд не может быть образован по аналогии, или по той же структурной модели, что и ряд переменных словосочетаний. В данном случае это означает, что по модели фразеологической единицы *first night* (соответствие в русском языке – 'премьера спектакля, фильма') не могут быть свободно образованы фразеологические единицы *second night, third night, fourth night* и т.д., означающие, соответственно, вторую, третью, четвертую и т.д. премьеру.

Почти до конца своей жизни А.В. Кунин разделял эту точку зрения А.И. Смирницкого [Кунин 1996: 48]. Давая характеристику структурно-семантической устойчивости ФЕ, А.В. Кунин утверждал, что ФЕ явля-

ется раздельнооформленным образованием и не обладает типовым значением, то есть не может служить образцом для создания аналогичных ФЕ по структурно-семантической модели. В качестве весьма экзотического исключения автор приводил следующие устойчивые выражения: *to out-Zola Zola* (превзойти самого Золя), *to out-Joseph Joseph* (превзойти самого Иосифа Прекрасного скромностью), образованные, по модели фразеологизма-шекспиризма *to out-Herod Herod* (переиродить самого Ирода, переусердствовать, перестараться) [Кунин 1972: 39].

Но приведенные примеры показывают, что под структурно-семантической моделью переменного сочетания слов понимается лексико-синтаксический образец, который допускает варьирование лексических переменных в рамках определенного семантического инварианта. Или, в соответствии с определением А.В. Кунина, «модель переменного сочетания слов – это регулярное образование однотипных переменных сочетаний слов по определенной структурно-семантической схеме вокруг опорного знаменательного слова» [Кунин 1996: 84]. Отметим, что в традиционной лингвистике все еще поддерживается мнение, что в силу своей уникальности фразеологические единицы не могут быть созданы по такой модели-схеме, т.к. эта модель является порождающей и поэтому обладает прогнозирующей и объяснительной силой.

Анализ лингвистической литературы показывает, что уже с 70-х годов ученые допускали моделированность как феномен фразеологии. Так, С.Г. Гаврин, В.М. Мокиенко, Ю.А. Гвоздарев, А.Д. Райхштейн в это время утверждали, что, если рассматривать проблему структурно-семантической моделированности фразеологизмов под иным углом зрения – с точки зрения плана описания, а не порождения ФЕ, то такая моделированность не только теоретически возможна, но и представляет собой объективную реальность.

Подчеркнем, что новый методологический подход к решению вопроса о наличии/ отсутствии моделированности фразеологизмов связан с начавшимся в 70-е годы интенсивным сопоставительным изучением язы-

ков отечественными лингвистами, связанным с выявлением общих и специфических черт в изучаемых языках [Аракин 1979: 25]. Именно в ходе типологических исследований фразеологии за основу семантической моделированности ФЕ была принята типология их внутренней формы как ретроспективно-семантического признака [Мокиенко 1976: 12], что способствовало переходу изучения феномена моделированности фразеологии в план описания. Предсказуемость значения фразеологических единиц как обязательный элемент порождающих моделей была исключена из содержания фразеологических моделей и было доказано таким образом, что структурно-семантическая моделированность ФЕ может рассматриваться в плане описания.

В конце 70-х годов в лингвистическую литературу входит термин *фразеологическая модель*, под которой понимается структурно-семантический инвариант ряда устойчивых сочетаний, схематически отражающий относительную стабильность их формы и значения [Мокиенко 1980: 43]. На обширном фразеологическом материале славянских языков В.М. Мокиенко одним из первых показал, что процесс развития фразеологической единицы обычно идет от широкой моделированности к немоделированности, чему во многом способствует кодифицирующая роль литературного языка. Но немоделированность даже таких, так называемых, *строго детерминированных* ФЕ, как сращения (напр., *red tape*), в понимании языковедов все еще остается относительной, так как ФЕ даже самой высокой степени устойчивости сохраняют структурную тождественность или аналогичность соответствующим типам синтагм, характерным для того или иного языка. При этом подчеркивается также межъязыковой характер некоторых фразеологических моделей, обнаруженных в процессе анализа фразеологии современного русского и других языков [Солодуб 1996: 68].

Считаем, что в фразеологии, несомненно, существуют структурно-семантические модели. Под структурно-семантической моделью фразеологических единиц мы понимаем типовые схемы взаимодействия специфической знаковой структуры ФЕ со структурой их прототипов – пере-

менных сочетаний слов. Именно сопоставительные исследования фразеологических единиц разных языков убеждают лингвистов в существовании моделированности в области фразеологии [Федуленкова 2006б: 37] и наглядно показывают, что фразеологическая модель представляет собой единство структурных и семантических констант, хотя и являющихся в определенной степени относительными. Моделирование предполагает схематизацию, определенное отвлечение от конкретной формы и значения, поэтому семантические оттенки фразеологических единиц, так же как и их многозначность, в данном случае не принимаются во внимание.

Далее вопрос заключается в том, являются ли фразеологические модели порождающими. «Все синхронные модели в сфере фразеологии, – пишет А.В. Кунин, – являются не моделями порождения, а моделями описания, так как они действуют на некотором узואльно-ограниченном материале и не могут служить правилом для свободного образования новых фразеологизмов. Все эти модели и их лексическое наполнение относятся к языку, т.е. являются парадигматическими, а лексическое наполнение модели переменных сочетаний является синтагматическим, т.е. относится к речи, так как моделируемые обороты обладают только речевым статусом» [Кунин 1996: 93]. Подчеркивая узואльную ограниченность фразеологического материала, автор, по нашему мнению, скорее приближается к утверждению непродуктивности или слабой продуктивности фразеологических моделей, чем к констатации их непорождающего характера.

Порождающая модель, как правило, предполагает наличие конструктивного принципа образования знака, а именно, принципа соединения означаемого с означающим. Порождающая модель представляет комплекс инвариантов, включая инвариант плана содержания, инвариант плана выражения и инвариантный способ их соединения, то есть способ образования нового знака. В качестве инвариантов выступают различного рода константы: в качестве инварианта плана содержания – семантические константы, в качестве инварианта плана выражения – структурные константы (компоненты, грамматико-синтаксические конструкции) и др. [Федуленко-

ва 2003: 73]. Исследования последних лет показывают, что фразеологические модели отвечают этим требованиям и поэтому их можно считать моделями порождения. Слабая продуктивность фразеомоделей, по сравнению с моделями переменных сочетаний слов, не противоречит их сущности, так как обусловлена рядом дополнительных ограничений в выборе переменных.

Библиографический список

- Аракин В.Д. Сравнительная типология английского и русского языков. Л., 1979.
- Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка: Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз., 2-е изд., перераб. М., Дубна, 1996.
- Кунин А.В. Фразеология современного английского языка: Опыт систематизированного описания. М., 1972.
- Мокиенко В.М. Противоречия фразеологии и ее динамика: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1976.
- Мокиенко В.М. Славянская фразеология. М., 1980.
- Смирницкий А.И. Лексикология английского языка. М., 1956.
- Солодуб Ю.П. К вопросу о совпадении фразеологических оборотов в различных языках // Вопросы языкознания, 1982, № 2, с. 106-114.
- Федуленкова Т.Н. Изоморфизм и алломорфизм в германской фразеологии (на материале английского, немецкого и шведского языков): Автореферат дис. ... д-ра филол. наук. Северодвинск, 2006а.
- Федуленкова Т.Н. Изоморфизм и алломорфизм германской фразеологии, основанной на синекдохе (на материале английского, немецкого и шведского языков) // Вестник Поморского университета: Серия «Гуманитарные и социальные науки». Архангельск, 2003. № 2 (4). С. 66-74.
- Федуленкова Т.Н. Одномерные и двумерные модели в английской, немецкой и шведской фразеологии: Монография. Архангельск, 2006.
- © Виноградова Е. Л., Ануфриева М. А., Федуленкова Т. Н., 2010

Влавацкая М. В.

Новосибирск, Россия, vlavatskaya@list.ru

Комбинаторная семасиология от лексического значения слова до концепта

Комбинаторная семасиология представляет собой описание соотношения семантики слова и его сочетаемости и является одной из составляющих комбинаторной лексикологии, исследующей синтагматические связи и комбинаторные свойства лексических единиц. Фундаментом ком-

бинаторной семасиологии является, с одной стороны, теория лексического значения слова, с другой, - теория сочетаемости, т.к. значение слова и его сочетаемость находятся в отношении взаимозависимости и неотделимы друг от друга. Комплексное рассмотрение значения сочетательных особенностей слова способствует детальному исследованию природы сочетаемости лексических единиц, ограничений на сочетаемость, функций сочетаемости, а, следовательно, и дальнейшему становлению комбинаторной семасиологии как науки. Однако понятие лексического значения слова в процессе своего развития претерпело значительные изменения и приобрело весьма объёмные семантические рамки.

В лингвистической литературе насчитывается большое количество работ, посвященных семасиологии, или области изучения значений слов и словосочетаний, которые используются для называния предметов, понятий и явлений действительности. Все эти категории лежат в основе языкового знака – двусторонней единицы, обладающей планом выражения и планом содержания. Лексическое значение каждого языкового знака (слова) помимо основных представлений о реальной действительности отражает и другие, ассоциативные связи, соотносимые с данным предметом или явлением.

Проблема лексического значения слова была весьма актуальна на протяжении всего XX в., ей посвящали свои теоретические труды В.В. Виноградов, Л.М. Васильев, В.Г. Гак, В.А. Звегинцев, М.В. Никитин, Л.А. Новиков, А.И. Смирницкий, И.А. Стернин, А.А. Уфимцева, Дж.Р. Фёрс, С.Дж. Филмор, Дж.Ф. Аллен, Д. Льюис и многие другие.

Различное понимание сущности лексического значения можно наблюдать по его дефинициям, данным в разные периоды времени. В середине XX века под лексическим значением понималось «известное отображение предмета, явления или отношения в сознании..., входящее в структуру слова в качестве так называемой внутренней его стороны, по отношению к которой звучание слова выступает как материальная оболочка» [Смирницкий 1956: 152]. А.А. Уфимцева описывает лексическое значение

как соотношение внешней стороны слова с отображением какого-либо явления в коллективном сознании носителей языка [1962].

В ходе развития теории акцент на понимании сущности значения смещался в зависимости от доминирующего направления в языкознании. В 40-60-е годы прошлого столетия внимание лингвистов было обращено к обычному, или «узуальному» значению слова, его нормативному употреблению. Доказательство этому можно найти в толковых словарях русского языка, где значения, употребления и оттенки значений фиксировались весьма непоследовательно и хаотично. Такой подход к описанию значения был обусловлен исторической необходимостью, что объясняется становлением ещё не окрепшей в то время науки о значениях и крайней сложностью самого анализа.

В начале 60-х годов был выделен дифференциальный подход, которому дали начало идеи о лексическом значении как о структурном образовании в терминах «фигур плана содержания» Л. Ельмслева [1960]. Его концепция легла в основу нового для того времени метода исследования – компонентного анализа, с помощью которого в дальнейшем описывалась семантика различных групп слов. Согласно дифференциальному подходу значение слова является элементарной структурой и включает в себя какое-то количество дифференциальных признаков (сем), необходимых для противопоставления одного значения другому (Н.Г. Комлев, Ю.Д. Апресян, И.А. Мельчук и др.). Исходя из данной концепции, основной функцией языкового знака является разграничение компонентов значения (сем). Позднее дифференциальная модель семантических признаков была дополнена рядом существенных интегральных составляющих и получила название интегрального направления. В результате разложения значения по дифференциальным признакам в нём остаются компоненты, которые не поддаются разложению и имеют общие черты (Ю.С. Степанов, Д.Н. Шмелёв, В.М. Никитин и др.). В основе данного подхода лежит концепция значения как отражательного явления, в которой особое место уделяется про-

цессу актуализации значения в речевом употреблении. Важно отметить, что данные направления не исключают друг друга.

Позднее в плане структурного направления и коммуникативной лингвистики в теории лексического значения проявил себя иерархический подход, согласно которому значение состоит из семантических блоков разной величины: мегакомпонентов – самых крупных составляющих частей значения (лексический и структурно-языковой); макрокомпонентов, или значимых обязательных компонентов, присутствующих в значении любого слова (грамматический, денотативный, коннотативный, функционально-стилистический); микрокомпонентов – минимальных компонентов значения, отражающих отличительные признаки обозначаемого предмета (семы) (И.А. Стернин, Л.М. Васильев и др.). Следует подчеркнуть, что в рамках «блочного» изучения лексического значения правомерно говорить об аспектном его изучении, под чем понимают «различные проявления значения в системе языка и речи» [Стернин 1985: 41].

С течением времени и развитием семантической теории внимание лингвистов стали привлекать нетипичные использования и оттенки значения, которые могут актуализироваться только в речевом употреблении. В связи с этим Л.А. Новиков отмечает, что слова и выражения в своей эстетической функции параллельно с обычным употреблением образуют ещё один ярус системы, вследствие чего «значение слова предстаёт как подвижное, в виде амплитуды колебаний: от своего обычного, постоянного значения... до значения, соотносительного с семантикой того слова, с которым сочетается данное слово...» [1982: 132]. Этот факт подтверждает мысль о том, что лексическое значение слова – это сложное образование, всецело зависящее от окружения данной лексической единицы.

К началу XXI века вниманию лингвистов стали подвергаться «разнообразные способы употребления слова, представляющие его лексическое значение как подвижное и вариативное» [Касымова 2007: 79]. Согласно А.А. Залевской, в последнее десятилетие наблюдается явная тенденция перехода от традиционного изучения значения отдельного слова к

осознанию того, что оно функционирует не само по себе, а как сложное взаимодействие языковых и энциклопедических знаний и является средством проявления индивидуальной картины мира во всем объёме её сущностей, отношений, эмоциональной оценки и т.д. [цит. по Касымова 2007: 79].

Однако, как отмечает О.А. Михайлова, в современных теориях структура лексического значения трактуется по-разному в зависимости от уровня анализа и позиции исследователя: 1) как бесструктурное образование, обобщённо; 2) как структура, состоящая из минимального набора элементов; 3) как бесконечно сложная и избыточная структура [1998: 86].

Анализ подтверждает, что сегодня большее внимание уделяется отображению в лексическом значении каких-либо явлений, которые сформированы в языковом сознании носителей языка и зависят от связей с другими явлениями. Более того, выделяется и детально исследуется индивидуальный смысл в значении лексических единиц. Эти факторы послужили базой для включения значения слова в более широкий научный контекст и стали предметом исследований когнитивной лингвистики, психолингвистики и лингвокультурологии. В связи с этим практически все языковеды признают, что слово реализует своё лексическое значение в составе синтаксических единиц и является как структурным, так и смысловым элементом. В предложении слова перестают существовать как отдельные лексические единицы – они вступают в предикативные отношения чтобы образовать смысловое целое. При этом становится одинаково важным учитывать смысловой потенциал и структуру высказывания.

Можно утверждать, что через значение лексической единицы, которое выражается не само по себе, а через слова-распространители в процессе создания высказывания, через организацию семного состава слова и лексико-семантических вариантов можно выйти на содержание сформированного в языковом сознании носителя языка концепта.

Концепт получает языковое выражение в процессе коммуникации, вербализуясь и репрезентируясь с помощью языковых средств. Слово отражает лишь часть концепта и потому в языке имеется большое множество

различных лексических единиц, которые возникают при стремлении человека выразить чувства и эмоции в его сознании, используя вербальные средства выражения. Оставаясь в языковом сознании, ментальный образ не нуждается в словах. Тем не менее, единственным способом его вербализации является слово, которое способствует пониманию индивидуального, группового и общенационального когнитивного (концептуального) знания. По результатам многочисленных исследований установлено, что концепт репрезентируется в языке лексемами, словосочетаниями, фразеосочетаниями, синтаксическими структурами (предложениями) и текстами, т.е. теми категориями, которые являются предметом исследования когнитивной лингвистики. Возникшее понятие синтаксического концепта — сокращенное обозначение термина «концепт, объективируемого (вербализуемого, репрезентируемого) синтаксическими средствами».

Как подчёркивают З.Д. Попова и И.А. Стернин, в семантическом пространстве языка различаются лексические, лексико-фразеологические и синтаксические концепты, то есть концепты, которые объективированы соответственно словами, фразеосочетаниями или синтаксическими структурами. Отсюда следует, что семантика слов, фразеосочетаний, предложений и текстов является ключом к содержанию концептов. Через семантику языка можно выделить концептуальные признаки (компоненты концепта), поскольку они соотносятся с семантическими признаками (семами) в значении слова; то, что при семантическом препарировании открывается в семемах лексемы, соотносится со слоями концепта; если семемы структурированы по семам, а семантемы по семемам, то концепт жестко не структурирован, не ограничен, имеет размытые края своего содержания [2007].

Итак, в ранних работах по семантике лексическое значение представлялось как устоявшееся отображение предмета или явления в сознании людей (см. работы В.В. Виноградова, А.И. Смирницкого, А.А. Уфимцевой и др.). Работы последних лет выполняются в рамках когнитивной лингвистики и рассматривают уже не лексическое значение, а концепт, т.е. весьма сложное образование, не имеющее чётких границ и соотнесённое как с

коллективным, так и с индивидуальным сознанием носителя языка (см. работы З.Д. Поповой и И.А. Стернина, А.П. Бабушкина и др.). В лингвокультурологии концепт изучается в тесной связи с культурой и представлениями определённого этноса (см. работы С.Г. Тер-Минасовой, С.Г. Воркачёва, В.И. Карасика и др.). Психолингвистическое направление характеризуется проведением ассоциативных экспериментов в целях описания ассоциативно-вербальной сети представителя конкретного народа (см. работы А.А. Залевской, Е.Ф. Тарасова, Н.В. Уфимцевой, Р.М. Фрумкиной и др.).

Концепт – это весь потенциал значения слова, включающий в себя помимо основного смысла комплекс ассоциативных приращений, реализующихся в речи при определённом наборе слов в контексте. Концепт – глобальная мыслительная единица, представляющая собой квант структурированного знания [Попова, Стернин 1999: 4]. Так, наряду с традиционной семантикой, областями изучения «лексическое значение → концепт» стали когнитивная лингвистика, психолингвистика, лингвокультурология, межкультурная коммуникация, а также комбинаторная семасиология, сферой изучения которой являются синтагматические ассоциации, связанные с тем или иным концептом.

Таким образом, с развитием антропоцентрической парадигмы в языкознании интерес к лексическому значению как некоему застывшему образованию в рамках традиционной лексикологии перешёл к концепту – образованию более приближенному к человеку, его менталитету, индивидуальности и образу жизни. Можно заключить, что современный этап науки о языке характеризуется исследованиями не чисто языковых категорий и явлений, а категорий ментальных, неразрывно связанных с когнитивной составляющей языкового сознания носителя языка.

Библиографический список

- Ельмслев Л. Прологомены к теории языка. Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 1 М., 1960. - С. 264-389.
Касымова О.П. Позиционные свойства языковых единиц. М.: изд-во МГОУ, 2007. -180с.

- Михайлова О.А. Ограничения в лексической семантике. Екатеринбург: изд-во Уральского университета, 1998. -240с.
- Новиков Л.А. Семантика русского языка. М.: Высшая школа, 1982. -272с.
- Попова З.Д. Стернин И.А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. Воронеж: изд-во ВГУ, 1999. -30с.
- Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж: Истоки, 2007. -250с.
- Смирницкий А.И. Лексикология английского языка. М.: изд-во иностранной литературы, 1956. -260с.
- Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж: изд-во Воронежского университета, 1985. -170с.
- Уфимцева А.А. Опыт изучения лексики как системы. М.: изд-во АН СССР, 1962. -287с.

© Влавацкая М. В., 2010

Гурова Ю. И.

Санкт-Петербург, Россия, gurovayulia@yandex.ru

Историческо-семантический анализ этимологических дублетов современного английского языка

Расширение словарного запаса слов каждого языка происходит разными путями. Это могут как внутриязыковые способы, так и внешние. Самым основным внеязыковым способом являются заимствования из других языков. Это происходит в процессе коммуникации с другими народами, когда каждый из народов знакомится с новыми явлениями, понятиями, вещами, которых нет в своей картине мира, и соответственно перенимает (=заимствует) понятия, слова, обозначающие эти новые явления. Если новые слова оказываются нужными, они входят в состав языка и ассимилируются в нем.

По классификации И.В. Зыковой заимствования попадают в язык двумя путями: через устную речь и через письменную речь. Слова, пришедшие в язык через устную речь, в основном принадлежат ранним периодам истории, и являются чаще всего короткими и претерпевают значительные изменения во время их адаптации в языке. Заимствования же по средствам письменности получили распространение в последнее время. Они сохраняют свою орфографию (правописание) и некоторые особенности их

звуковой формы. Ассимиляция таких слов в языке занимает длительное время [Зыкова 2006: 105].

Займствования в английский язык начали поступать еще в древне-английский период. Историческое соприкосновение с римской культурой принесло в язык много новых слов и понятий. Поскольку римляне и германцы воевали и вели торговлю, появилось много слов, связанных с этим, также в VII веке при распространении христианства в язык пришли исконно латинские слова, но переведенные с греческого языка, так как священные книги писали на древнегреческом языке. Таким же способом в английский язык пришли слова, связанные с наукой, школой и частично с административным управлением.

В эпоху Возрождения возник большой интерес к античной древности, к литературе и искусству древнего Рима, что стало причиной появления в обиход языка настоящей классической латыни. Этот процесс наблюдается и во многих других языках Европы. Поэтому, начиная с XII века, порой очень сложно определить, каким способом слово появилось в языке, попало ли оно напрямую из латинского языка или через какой-либо другой язык – преимущественно латинский [Амосова 1956: 109].

Следствием прихода таких займствований в язык явилось появление этимологических дублетов. Историческое сходство многих этимологических дублетов в настоящее время сложно проследить. Они ушли очень далеко друг от друга по формам, значениям, использованию, поэтому их сложно сопоставить, не зная, что они являются дублетами.

Этимологические близнецы (так по-другому называют дублеты) часто являются результатом хронологически разделенных займствований из ресурсов языка. Сюда входят слова, пришедшие в язык из французского в период Нормандского завоевания, а позже снова пришедшего после его развития. Чаще всего речь идет о латинском и римском языках. Часто, включая индоевропейские языки, такие слова, как *beef* (*говядина*) и *cow* (*корова*), одно германского происхождения, другое пришло из римского, на самом деле восходят к одному протоиндоевропейскому корню. Поздние

лингвистические исследования говорят также о культурных и исторических причинах. Зачастую название животного приходило из германских языков, а название мяса, которое готовят, приходило из римских языков. Так как английский необычный в этом проявлении язык, он заимствовал большое количество слов из двух особых ветвей одного лингвистического семейного дерева, и поэтому он имеет сравнительно/относительно высокое количество поздних видов этимологических дублетов.

Для анализа были выбраны слова из этимологического словаря английского языка. Словарь насчитывает около 22170 слов, около 3594 этимологических дублетов. Вот некоторые из них:

Глагол *to chase* имеет значение в английском языке «to follow someone or something quickly in order to catch them» [MED 2007: 242], «гнаться, гоняться за; охотиться» [Дубровин 2004: 77]. Датирован 1297 г. из др. фр. *chacier* «поймать» от лат. *captiare* «попытаться схватить». Значение «бежать за» появилось в 1350 г. Восходит к и.-е. корню *captiare*.

Глагол *to catch* имеет значение в английском языке «to stop and hold something that is moving through the air, especially an object that someone throws; to get hold of and stop someone you have been chasing so that they cannot escape» [MED: 224], «ловить, поймать, схватывать, успеть» [Дубровин: 73]. Датирован 1205 г. из др. фр. *cachier* «поймать, схватить» от лат. основы *captiare* «попытаться схватить, гнаться/охотиться». Восходит к и.-е. корню *captiare*.

Данные ЛЕ восходят к общему и.-е. слову *captiare*, были заимствованы в разное время, *catch* в 1205 г. от слова *cachier*, *chase* позже в 1297 г. от уже изменившегося слова *chacier*.

Существительное *a channel* в английском языке имеет значение «a television and the programmes that it broadcasts, a method used for communicating information or for sending or receiving something, a narrow passage made in the ground so that water can go alone» [MED: 238], «пролив, канал, русло; фарватер; проток, путь, источник, *млв.* канал» [Дубровин: 76]. Датирован 1300 г. со значением «дно, по которому течет вода» из др. фр. *chanel*, обра-

зованного от лат. *canalis* «желобок, канал, водопроводная труба». Данная ЛЕ распространилась, получила образный смысл и вербальное значение в 1590-х. Значение «цепь телеграфного соединения» (1848 г.), возможно, привело к возникновению значения «диапазон чистоты для радио- и теле-сигналов» (1928 г.).

Существительное *canal* в английском языке означает «an artificial river, a passage in the body shaped like a tube» [MED: 209], «канал» [Дубровин: 69]. Заимствован примерно в 1449 г. от лат. *canalis* «труба, канал» от *canna* «тростник, камыш». Первоначально имело значение «труба для жидкости», затем в 1673 г. появилось новое значение «искусственный водный путь».

Данные ЛЕ восходят к латинскому слову *canalis*. Слово *channel* заимствовано в 1300 г. через фр. язык, а *canal* в 1449 г. напрямую из лат.

Глагол *maintain* в английском языке имеет значения «to make something stay the same, to make regular repairs to a building, road, vehicle, to continue to say that something is true, even if other people do not believe you, to provide someone with the money and other things that they need in order to live» [MED: 910], «поддерживать, сохранять, содержать, утверждать, *tex.* обслуживать, содержать в исправности» [Дубровин: 266]. Датирован 1250г. со значением «практиковаться обычно/по привычке» от др. фр. *meinténir* (старо-французский *mainténir*), восходит к лат. *manu tenere* «держат в руке», от *manu*, аблатив от *manus* «рука». Значение «продолжать, поддерживать» появилось в 1350 г.; «поддерживать» с 1375 г.; «поддерживать в разговоре» с 1340 г.

Прилагательное *manual* в английском языке имеет значение «involving the use of your hands; operated without electricity; operated by a person instead of automatically or using a computer» [MED 2007: 918], «ручной, с ручным управлением» [Дубровин 2004: 269]. Датирован 1406 г., восходит к лат. *manualis* «принадлежащий руке», от *manus* «рука, сила, пересилить, вооруженная сила, почерк», от реконструированной и.-е. осн. **men-* «рука, держать в руке», значение сущ. появилось с 1431 г. и первоначально значи-

ло «псалтырь, используемый священником», с др.англ. *manuel*, от позд.лат. *manuale* «обложка, книга карманного формата», от лат. *manualis*.

Данные ЛЕ восходят к лат. основе *manus*, основа *maintain* заимствовано в 1250 г. через фр. яз., *manual* заимствовано в 1406 г. из лат.

В английском языке существительное *face* имеет значение «the front part of your head, where your eyes, nose, and mouth are; a side of a mountain or building that is high and very steep; one side of a coin» etc. [MED: 525], «лицо; гримаса; лицевая сторона, лицо; циферблат» [Дубровин: 163]. Заимствовано 1290 г. из др.фр. *face* от реконструированной основы **facia*, восходит к лат. *facies* «внешность, форма, фигура», второе значение «лицо, выражение (лицо)»; возможно относится к *facere* «делать», заменило англ.фр. *andwlita*. Глагол *to face* «противостоять, стоять лицом к лицу» впервые появилось в 1465 г. Значение «to lose face (или save face)» относится к 1876 г., считается произошедшей от китайского *tu lien*.

В английском языке прилагательное *factitious* имеет значение «very formal artificial» [MED: 526], «искусственный, поддельный» [Дубровин: 164]. Было заимствовано в 1646 от лат. слова *factitius* «искусственный», от *factus*, прош. прич. *facere* «делать» (ср. фр. *faire*, исп. *hacer*), от реконструированной и.-е. осн. **dhe-* «класть, делать».

Слова восходят к латинской основе *facere*. Существительное *face* заимствовано примерно в 1290 г. через др.-фр., прилагательное *factitious* заимствовано в 1646 г. от лат.

Анализ литературы и примеров по данному вопросу показал, что они появляются в языке как заимствования в разное время и через различные языки, чаще всего мы сталкиваемся с дублетами, произошедшими из латинских основ. Меньшее количество дублетов восходят к общей индоевропейской основе, которая чаще всего является реконструированной.

Причинами появления этимологических дублетов являются заимствования слов из разных языков, восходящих к одной исторической основе или корню. Этимологические дуплеты – это слова не только этимологически (генетически) восходящие к одной и той же основе, но и имеющие в

языке различное значение, произношение и написание. Например, *catch u chase, channel u canal* и др. Таким образом, дифференцирующей, определяющей семьей исходного понятия является фактически «генетический этимон» (от греч. *etymon* - истина), как исходное слово, от которого произошли существующие в современном языке слова [ССИС: 1999].

Перемены, которые происходили с VI по XV век, носили естественный характер и не были подкреплены никакой теорией. Люди старались говорить также, как говорили их соседи, и все, кто хоть сколько – нибудь умел писать, старались запечатлеть звуки своей речи на бумаге. С распространением грамотности английский язык замедлил свое изменение, но он продолжает меняться и по сей день. Простота использования правил, а также богатство словарного запаса, который по прежнему продолжает расширяться, позволила английскому языку за последние полвека стать международным языком общения.

Библиографический список:

Амосова Н.Н. Этимологические основы словарного состава слова современного английского языка // Н.Н. Амосова. - М., 1956.

Дубровин М.И. Современный англо-русский и русско-английский словарь // М.П. Дубровин // 2-е издание. - М., 2004.

Зыкова И.В. Практический курс английской лексикологии // И.В. Зыкова // A practical course of English Lexicology. - М., 2006.

ССИС: Современный словарь иностранных слов // изд-е "Дуэт", "Комета". – СПб., 1994.

MED: Macmillan English Dictionary for Advanced learners. - Oxford, 2007.

Online etymology dictionary. Ресурс доступа: www.etymonline.com

© Гурова Ю. И., 2010

Гурова Ю. И.

Санкт-Петербург, Россия, gurovayulia@yandex.ru

Семантическая и этимологическая характеристика глаголов продолжения перемещения современного английского языка

Осуществляясь в пространстве и реализуясь во времени, движение, собственно, и отделяет глагол от имени, в котором сема движения отсутствует. Движение или перемещение является основным признаком глагола во всех языках мира.

Исследуемые в нашей работе глаголы группы пешего перемещения характеризуются наличием у них категории действия и процесса – динамических признаков (волевой акт и самопроизвольный признак соответственно). Лексико-семантические группы глаголов перемещения в различных языках, в общем, относясь к предикатам физической сферы признаков, образуют особую систему, представляющую специфическую лексико-семантическую микроструктуру словаря. Все составляющие систему глаголов перемещения являются гипонимами по отношению к гиперониму – перемещение в пространстве [Никитин 2001-I: 85]. Гиперсемой будет общая для всех слов данного лексико-семантического разряда признаковая функция, которая для рассматриваемых глаголов определяется как «движение, производимое при помощи частей тела». Гипосема содержит специфическое различие – конкретный инструмент – часть тела, при помощи которого выполняется движение.

Семантическое пространство поля перемещения в современном английском языке характеризуется многочисленностью значений. Наиболее продуктивным методом семантического измерения парадигмы глаголов перемещения в пространстве является фиксация разнообразных способов перемещения, которые объединены в семантические группы. Все семантические группы образуют синонимический ряд. Каждый из семантических сегментов, объединяющих глаголы, обнаруживает ядро, формируемое значениями лексем с полностью совпадающими семантическими описаниями (синонимы), и периферию, образуемую лексическими единицами, частично совпадающими с семантическими описаниями (квазисинонимами).

В нашем случае, структурирование синонимической группы глаголов продолжения перемещения основывается с учетом данных тезауруса Роже [RIT], наиболее авторитетных толковых, синонимических и дефиниционных словарей, английских и русских. Как показывают результаты проведенного исследования, семантические сегменты не изолированы друг от друга, они достаточно плотно сопрягаются с периферийными лексемами.

Рассмотрим семантическую характеристику глаголов продолжения перемещения. В значении данной группы глаголов отдается приоритет передаче информации о направлении движения, имеющего обобщенный характер.

Функциональную значимость данной группы представляют следующие глаголы: *to advance* «продвигаться вперед; наступать; продвигаться, повышаться (о цене)» глагол указывает на действие: двинуться, пройти, проехать вперед в направлении к чему-либо, достичь успеха в чем-либо, получить повышение по службе, работе, выдвинуться, получить дальнейшее развитие, приблизиться к завершению.

Глагол *to proceed* «отправляться, приступать, перейти к чему-либо; происходить, действовать, поступать» состоит в референции процесса: начать что-либо, приняться за что-либо, близко подойти, подступить; устаревшее значение – настойчиво обратиться, пристать (с просьбой, вопросами и т.п.). К ним примыкает глагол *to progress* «продвигаться, прогрессировать, развиваться, совершенствоваться», значение которого рассчитывает на разумное продвижение вперед по пути прогресса, прогрессирование, совершенствование со стороны объекта, постепенное усиление, увеличение.

Опираясь на данные семантического исследования глаголов продолжения перемещения, попробуем провести историко-этимологический анализ.

С точки зрения истории языкознания XIX в. отмечен решающим поворотом - сравнительно-историческая точка зрения на язык преобладает и открывает сравнительно-исторический метод, где компаративность является средством, а исторический подход к языку - главным принципом исследования. На основе сравнительно-исторического метода возникла новая лингвистическая дисциплина - этимология.

Поскольку этимология занимается изучением истории словарного состава, этимологический анализ должен производиться на основании

комплексного подхода, который включает в себя фонетический, словообразовательный, морфологический, семантический анализы историко-культурного и понятийного поля на основе принципа множественной этимологии, внутренней и внешней реконструкций.

В рамках этимологии на основании сравнительно-исторического метода восстанавливаются (реконструируются) наиболее древние словообразовательные структуры. «Каждое слово содержит своеобразную тайнопись своей жизни... Ни одно слово не является замкнутой системой. Любая лексема – это своеобразный микромир языка, включающий различные сложные генетические словообразования. Слово является бесценным хранилищем истории» [Маковский 1986: 18]. Мы рассматриваем этимологическую характеристику глаголов данной подгруппы на основе сравнительно-исторического метода.

Группа глаголов продолжения перемещения характеризуется следующими историко-этимологическими показателями:

Значение глагола *to advance* в современном английском языке определяется как «продвигаться вперед; наступать; продвигаться, повышаться о цене» [ERD: 20]; «to move forward, often in an aggressive or threatening way; to move or put somebody/ something forward; to make progress» [OALD: 17]. Глагол датирован XVI в. ср.ан. формой *auancen, avancen*, фр. *advancer* «идти вперед», образован фр. приставкой *avant-* «перед», соответствует лат. приставке *ab-* «от», *ante-* «перед» [CDEE: 5], первоначальное значение – «идти вперед».

Значение глагола *to proceed* в современном английском языке определяется как «продвигаться вперед; наступать; продвигаться, повышаться о цене» [ERD: 515]; «to go on to a further or to the next stage; to begin or continue something; to move or travel in a particular direction» [OALD: 922]. Глагол через др.фр. форму *proceder* восходит к лат. основе *procedere* «идти вперед» [CDEE: 73], первоначальное значение – «продвигаться вперед».

Значение глагола *to progress* в современном английском языке определяется как «продвигаться, прогрессировать, развиваться, совершен-

ствоваться» [ERD: 517]; «to make progress; to advance or develop towards a better or finished state; to move forward in time» [OALD: 925]. Глагол через др.фр. форму *progrez* восходит к лат. основе *progressum* «продвижение вперед», *progressus* «идти вперед» [CDEE: 182]. Лексикографические материалы указывают на то, что глагол может быть возведен к и.-е. корню **gardh-* «быть ненасытным; стремиться бороться» [CDEE: 589]. Значение глагола получило развитие на основе метафорической трансформации «стремиться, развиваться».

В данном разряде неодинаковое количество лексем романского (2) и и.-е. (1) происхождения. Развитие лексики происходит в период XII-XVI вв.

На основе исследования, проведенного в настоящей работе, было установлено, что существующие лексикографические материалы дают возможность достаточно точно определить относительное лингвистическое время возникновения глаголов продолжения перемещения.

В результате рассмотрения вопроса о структурных и семантических особенностях группы глаголов приближения было установлено, что значимость данной группы глаголов как одной из составляющей семантической микроструктуры словаря обусловлена фундаментальностью самого феномена движения. Данный феномен представлен базовым категориальным параметром глагольности во всех языках мира.

Основой формообразования новых сем служит базовое значение, трансформируемое в той степени точности, которая необходима и достаточна для знакового обозначения нового самостоятельного понятия. Данный процесс характерен для лексем в пределах одного языка; у заимствований это происходит в результате трансформации формы и содержания этимона языка-источника.

Библиографический список:

Маковский М.М. Английская этимология. М.: Высшая школа, 1986.

Никитин М.В. Концепт и метафора / М.В. Никитин // Проблемы теории европейских языков / *Studia Linguistica*. - Вып 10. – СПб: Тригон, 2001-I. – С.16-90.

CDEE: Concise Dictionary of English Etymology / Walter W. Skeat, 1993.

ERD: English-Russian Dictionary V.K. Muller. – М.: Russian Language Publishers, 2004.

OALD: Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English / A.S. Hornby. – Oxford University Press, 1995.

RIT: Roger's International Thesaurus / Ed. by R.L. Chapman. – Glasgow: Harper Collins Publishers, 1996. – 1058 p.

© Гурова Ю. И., 2010

Десятова М. Ю.

Москва, Россия, m-desyatova@yandex.ru

Диалектная дифференциация сицилийского

Сицилийский распространён на острове Сицилия, где на нём говорит около 5 млн. чел, а также в 30 общинах, расположенных в других областях Италии: в Центральной и Южной Калабрии, Пульи, Саленто. Всего говорящих на всех сицилийских разновидностях насчитывается около 10 млн. чел.

Относительно статуса сицилийского нет никакой определенной позиции. В научной литературе его называют диалектом, хотя совершенно очевидно, что этот термин подразумевает разновидность какого-нибудь языка [Словарь 2006: 54] и в этом случае совершенно непонятно, какого именно языка. Диалектом итальянского сицилийский быть никак не может, поскольку его формирование проходило самостоятельно и параллельно с языком Данте. Глубокие расхождения между итальянским и сицилийским на фонетическом, лексическом, морфологическом и синтаксическом уровне доказывают, что мы имеем дело с принципиально иным языковым образованием. Поэтому представляется целесообразным использовать в отношении сицилийского термин «язык», который существует в виде многочисленных диалектов и говоров. Как известно, сицилийский имеет непрерывную древнюю литературную традицию, сложившуюся благодаря Сицилийской поэтической школе XIII в. Тем не менее, кодифицированной

литературной нормы до сих пор не выработано, нет единого мнения и о принципах орфографии.

Сицилийский язык принадлежит к т.н. группе идиомов «Крайнего юга», наряду с центрально-южными калабрийскими и салентийскими диалектами, объединенных на основании общих фонетических, морфосинтаксических и лексических черт. Идиомы «Крайнего юга» являются частью большой южно-итальянской диалектной зоны (отграниченной на севере линией Ла Специя – Римини) в силу сходных структурных процессов, но при этом имеют и целый ряд обособленных черт, позволяющих рассматривать их в отдельной группе. Такими чертами являются:

- 1) особая система ударного вокализма, называемая «сицилийской»;
- 2) отсутствие процессов метафонии гласных среднего подъема (западные сицилийские диалекты);
- 3) ясное произношение конечных безударных гласных;
- 4) унификация латинских –о и –и в –и;
- 5) специфическое (переднеязычное) произношение некоторых согласных и групп согласных /r/ /tr/ /đđ/ /štr/, которое может иметь разные решения (но всегда в русле тенденции) в зависимости от говора;
- 6) отсутствие апокопы инфинитивов;
- 7) использование простого перфекта как единственной формы для обозначения прошедшего времени;
- 8) значительные лексические расхождения по сравнению с соседними южными идиомами; [Avolio 1995: 73]
- 9) использование глагола *habere* вместо *tenere*;
- 10) популярность способа образования мн.ч. существительных на –а и –iга/ - ига : *tri-gghjorna* «три дня», *jochira* «игры», *sonnura* «сны», *vuoschira* «леса».
- 11) неизменяемые по числам и родам притяжательные прилагательные *me, to so* «мой», «твой», «его».
- 12) наличие указательных местоимений, обозначающих место, удаленное от говорящего и близкое к тому, к кому обращена речь: *chissu, ssu*,

приблизительно, «вон тот», например: *dammi ssa pinna* «дай мне вон ту ручку». Наряду с местоимениями употребительны наречия места с тем же значением: *ddocu* - приблизительно «вон там» [Trovato 2002: 844-845].

В целом, следует отметить, что на уровне фонетических и морфосинтаксических процессов все диалекты Крайнего Юга демонстрируют относительное единство, тогда как их лексический состав отличается высокой степенью дифференциации [Avolio 1995: 83]. Подобное явление можно объяснить большим количеством иноземных влияний, которые претерпели крайне-южные земли Италии: греческое, арабское, испанское, галло-романское.

Несмотря на то, что Сицилия представляет собой компактное пространство в географическом отношении, ее языковой состав обнаруживает неоднородность и пестроту, которое делает затруднительной его классификацию. Без преувеличения можно сказать, что в речи каждого сицилийского селения присутствует свой набор отличительных черт. По замечанию Дж. Руффино, сицилийские говоры и диалекты вообще не поддаются классификации [Ruffino 1984: 161]. Кроме того, диалекты сицилийского типа бытуют не только на острове, но и за пределами Мессинского пролива. В этой связи необходимо сфокусировать внимание не на выделении количества типов сицилийской речи, но на выявлении путей, по которым шли инновационные процессы, и границ этих процессов [Ruffino 1991: 92-93]. Впрочем, такой подход не исключает деления сицилийского диалектного континуума на три зоны: западную, центральную и восточную, которые, в свою очередь, подразделяются на диалекты провинций. Говоря о классификациях, следует отметить, что первые классификации сицилийского проводились еще в XIX в и основывались на характерных фонетических признаках исследуемых зон. Этот критерий служил и в дальнейшем основой почти всех классификаций. Одним из важных фонетических признаков являлась метафония, присутствующая в центральной и восточной диалектной зоне Сицилии: диалекты Мадоние, Агридженто, Катанини, Сиракузы,

Мессины, и отсутствующая в западных сицилийских диалектах, например в палермитанском, трапанезе и др. [Rufino 1997: 365-366]

Рассмотрим основные дифференциальные признаки трех диалектных зон.

Западные сицилийские диалекты

Западные диалекты делятся, в свою очередь, на диалекты провинций Палермо, Трапани и Агридженто. В лексике отмечается явное присутствие арабского элемента, противопоставляющего эту группу восточным диалектам, в которых соответствующие лексемы имеют латинское или греческое происхождение: так, в диалекте Трапано употребляется *casirìa* < араб. *qasīṭa* «цветочный горшок» (ср. в восточных диалектах грецизм *grasta, grastèra, gastèra*). В том же диалекте, наряду с диалектами Палермо и Агридженто, утрачены некоторые архаические слова, присутствующие в восточных диалектах: *casusu* «ребенок», вместо которого употребляется *piciriddù/ picciutteddu*. В то же время могут сохраняться латинские слова, заимствованные из греческого и заменившиеся в других зонах на норманнские: *mira* < греч. *μύρα* «межевой столб» (ср. *pilèri/ pilièri*). Таким образом, западная диалектная зона на лексическом уровне сочетает как инновационные, так и консервативные тенденции [Avolio 1995: 86]. В фонетике, как уже говорилось выше, отсутствует метафония. В диалекте Палермо бытует замена *g* на смычный *j* на конце слога перед согласным следующего слога: */pojta/* (*porta*) «дверь», */passapojtu/* (*passaporto*) «паспорт», */palejmu/* *Palermo*.

Восточные сицилийские диалекты

В группу восточных диалектов входят диалекты провинций Мессины, Рагузы, Катании и Сиракузы, а также северо-восточные диалекты, структурно близкие к диалекту Мессины. Эта зона характеризуется неустойчивым безударным вокализмом, аферезой *a-* в глагольных формах, например и *scattu* вместо *l'ascattu* «я его покупаю». В юго-восточной части Сицилии наблюдается переход */dʒ/ > /gg'/: leggiu>legghiu* «легкий» и */k'>/tʃ/ : chiovi>ciovi* «идет дождь». Для области между Мессиной, Таорминой и Сант'Агата ди Милителло характерно удвоение начального */b/:*

bbucca «рот»отсутствие ассимиляции групп /nd/, /mb/: quandu вм. quannu «когда», palumba вм. palumma «голубь». В морфосинтаксических формах наблюдается предпочтение диминутивного суффикса –ittu: piccittu «малюсенький», bidđittu «красивенький», непопулярность инфинитива. Лексика демонстрирует большое число грецизмов [Avolio 1995, 86-87]. Некоторые периферийные диалекты (провинция Катания и Рагуза) системе глагола по аналогии с формами I спряжения, глаголы II и III спряжений во 2 и 3 л. ед.ч. получают окончание –a: vida (vedere), mora (morire), chjova (piovere) [Trovato 2002: 845]

Центральные сицилийские диалекты

К центральному относятся диалекты провинций Мадоние, Энна-Калтаниссетта, восточной части Джирдженто. В центре Сицилии сосредоточено достаточно внушительное количество архаизмов, однако, несмотря на это, полностью консервативной эту зону считать нельзя. Наиболее характерным признаком является сохранение окончания –imtu 1 л. мн.ч. глаголов на –ire (IV латинское спряжение): finimtu, а также окончание –à 3 л. ед.ч. глаголов I спряжения в passato remoto (латинский перфект): cantà.

За пределами о.Сицилии выделяют также говоры Эольских островов, пантеско (диалект о. Пантеллерия), а также диалект реджино (Реджо ди Калабрия) и салентино (Саленто, Южная Пулья). Среди диалектного многообразия Сицилии следует назвать еще два особых диалекта смешанного типа: галло-сикульский (на основе смешения провансальского и восточного сицилийского) и албано-сикульский (в результате смешения албанского и западного сицилийского).

Современный подход к изучению диалектного многообразия Сицилии, учитывая структурный критерий, предлагает сочетать исторический и социолингвистический методы, рассматривать лингвистическую ситуацию Сицилии через призму диахронии. Подобный подход позволяет анализировать динамику изменений и тенденции внешней и внутренней истории сицилийских диалектов. В настоящее время наблюдается оскудение былого

языкового богатства, что является тревожным признаком процессов глобализации, разворачивающихся в мире.

Если в средневековой Сицилии наблюдалось сосуществование 3 языков (латинского, греческого и арабского), диглоссия при билингвизме очень немногочисленной социальной группы (образованных людей), бытовал французский, пользовавшийся огромным престижем, и присутствовало большое количество иммигрантов с севера Италии, говоривших на галло-итальянском языке (галло-сикульском) [Ruffino 1995: 367-368], то в настоящее время отмечается интенсивная итальянизация Сицилии, внедрение государственного языка абсолютно во все сферы жизни. В связи с этим сформировалась новая разновидность итало-романской речи - региональный итальянский - представляющий собой результат смешения местных диалектов с итальянским стандартным языком. Утрачивается уникальный кладезь самобытной культуры, уходящей корнями в древность.

Библиографический список

- Avolio F. Bommèspre : profilo linguistico dell'Italia centromeridionale. [San Severo : Gerni, 1995](#). 176 p.
- Ruffino G. Sicily.// The dialects of Italy. London-New York: Routledge. 1997. pp. 365-375.
- Ruffino G. Dialetto e dialetti di Sicilia. Appunti e materiali del corso di Dialettologia siciliana/ Palermo: CUSL. 1991, 153 p.
- Ruffino G. Isoglosse siciliane.//Tre millenni di storia linguistica della Sicilia : atti del Convegno della Società italiana di glottologia, Palermo, 25-27 marzo 1983 / testi raccolti a cura di Adriana Quattordio Moreschini. [Pisa : Giardini, 1984](#). p. 161-224.
- Trovato S.C. La Sicilia. // I dialetti italiani: storia, struttura, uso/ a cura di Manlio Cortelazzo. Torino: UTET. 2002. pp. 834-890

© Десятова М. Ю., 2010

Елфимова К. С., Хостай И. С., Федулёнова Т. Н.
Северодвинск, Россия, ksenia08@mail.ru

Виды классификаций библейских фразеологизмов

Актуальность изучения библейской фразеологии непреходяща [Хостай 2009: 99]. Во многих языках народов, исповедующих христианскую религию, встречается большое количество библейских фразеологиче-

ских единиц и, как правило, они, обладая высокой коммуникативной и стилистической валидностью [Федуленкова 2005: 218], представляют огромный интерес для изучения [Елфимова 2007: 72].

В филологии вообще и в лингвистике в частности вряд ли существует единая и общепризнанная классификация библеизмов, так как это понятие довольно широкое. Языковеды пытаются классифицировать библеизмы, исходя из разных критериев [Федуленкова 2004: 331]. Изучая лингвистическую литературу, находим различные классификации библейских выражений, которые отличаются основополагающими принципами. Рассмотрим некоторые из них.

По этимологическому принципу, т.е. с точки зрения происхождения фразеологизмов, исследователи называют:

1. Выражения, которые уже в тексте Библии отличаются целостностью значения (*to keep as the apple of smb's eye* – хранить как зеницу ока, *alpha and omega* – альфа и омега).

2. Фразеологизмы, образованные на базе свободных словосочетаний Библии, но получившие новое фразеологическое значение (*to hide one's light under a bushel* – зарыть талант в землю).

3. Фразеологические единицы, не представленные данным лексическим составом в Библии, но семантически определенны ее текстам (*forbidden fruit* – запретный плод) [Бирих, Матешич 1999: 14].

Приведенная выше классификация дополняется Ю.А. Гвоздаревым, который выделяет четвертый тип библейских выражений – ФЕ, обусловленные общим содержанием Библии: *the end of the World*.

Н.П. Матвеева разделяет библейские фразеологические единицы на две большие группы:

1. «Добиблейские» (*the root of the evil* – корень зла, *the salt of the Earth* – соль земли). Это фразеологизмы, которые уже в Библии употреблялись как метафорические обобщенно-образные обороты. К группе добиблейских фразеологизмов примыкают многочисленные собственно библейские метафорические обороты, использованные в притчах и проповедях

Иисуса Христа, пророков, евангелистов (*a mote in smb's eye* – «сучок в чужом глазу», чужой недостаток).

2. «Постбиблейские», которые в свою очередь делятся еще на две подгруппы:

(а) Библейские фразеологические единицы, образованные в результате метафоризации библейских свободных словосочетаний (*to hide one's light under a bushel* – зарыть талант в землю, *the slaughter of the innocents* – избиение младенцев); среди этих фразеологических единиц также много интернациональных.

(б) Библейские фразеологизмы, которые вообще не встречаются в Библии ни в прямом, ни в переносном значении, а образуются уже в языке на основе тех или иных сюжетов. Например: *To cast one's bread upon the waters* (Ecclesiastes 11:1) – отпускать хлеб свой по водам. Такие библеизмы, как правило, не встречаются в других языках и могут называться национально-заимствованными [Матвеева 1993: 79].

В.Г. Гак предлагает классификацию БФЕ, исходя из 2-х принципов:

1. По степени их связи с Библией, где выделяются четыре подгруппы:

(а) Первичные библеизмы, которые непосредственно отражают библейский текст или ситуацию. К ним относится подавляющее большинство библейских фразеологизмов. В одном из своих интервью певица Мадонна сказала: *«Jesus's message was to love your neighbor as yourself, and these are people in need. I hope that people got that message»*.

(б) Вторичные библейские фразеологизмы, которые лишь отдаленно связываются с текстом Библии.

(в) Непосредственные библеизмы, которые восходят непосредственно к Библии. Например, Иисус говорил: *«But I tell you not to resist an evil person. But whoever slaps you on your right cheek, turn the other to him also»*.

(г) Опосредованные библеизмы, то есть такие, на которых лежит печать заимствования из других языков или печать отдельных авторов.

2. По семантике, где выделяются две подгруппы:

(а) Библеизмы, имеющие прямое значение (*babes and sucklings* – новички, неопытные люди; *the holy of holies* – святая святых).

(б) Библеизмы с переносным значением (*to eat one's words* – взять свои слова обратно; *a lost sheep* – человек, сбившийся с пути истинного) [Гак 1997: 9].

Очевидно, что каждая из рассмотренных классификаций представляет особый научный интерес, и выбор ее зависит от целей и задач изучения библейской фразеологии. Подводя итоги проведенному анализу, отметим, что в целях приближения к постижению универсальной языковой картины мира [Федуленкова 2004: 172] в качестве перспективы нашего исследования выдвигаем создание функциональной классификации фразеологизмов библейского происхождения.

Библиографический список

Бирих А., Матешич Й. Фразеология библейского происхождения. Прага, 1999.

Гак В.Г. Особенности библейских фразеологизмов в русском языке // Вопросы языкознания. 1997, № 5. С. 3-19.

Елфимова К.С. Текст библейской притчи как источник фразеологической единицы // Res Studiosa: сб. ст. Вып. 2 / сост., отв. ред. Н.В. Осколкова. – Северодвинск: Поморский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 2007. – С. 72-74.

Матвеева Н.П. Библеизмы в русской словесности // Русская словесность, 1993.

Федуленкова Т.Н. Диалог фразеологических единиц и их библейских прототипов // Россия и Запад: Диалог культур: Материалы 10-й Юбилейной Международной конф / МГУ им. М.В. Ломоносова. Вып. 12. Ч. II. М., 2004. С. 331-340.

Федуленкова Т.Н. Стилистическая валидность фразеологической апокопы // Стилистика и теория языковой коммуникации: Материалы докл. междунаро. конф., посвященной 100-летию со дня рождения проф. МГЛУ И.Р. Гальперина. М., 2005. С. 218-220.

Федуленкова Т.Н. Фразеологические универсалии (на материале глагольной, соматической и библейской фразеологии английского, немецкого и шведского языков) // Лингвистика и лингвистическое образование в современном мире: Материалы междунаро. конф., посвященной 100-летию со дня рождения профессора В.Д. Аракина. М.: Прометей, 2004. С. 172-177.

Хостай И.С. Системно-функциональные характеристики единиц библейского происхождения в английском языке // Фразеология: Избранные тру-

ды / отв. ред. и сост. Т.Н. Федуленкова. – Архангельск: Поморский ун-т, 2009. – С. 99-118.

Источники

Библия: Книги священного писания Ветхого и Нового Завета. М.: Новый мир, 1993.

The Holy Bible: The Old and New Testament. Iowa: Iowa Falls, 1990.

© Елфимова К. С., Хостай И. С., Федуленкова Т. Н., 2010

Задорожная А. В.

Ставрополь, Россия, aderevyanko@yahoo.com

О возможности изменения ведущего члена в синонимических рядах средств выражения будущего (на материале английского языка)

Проблема грамматической синонимии, разрабатываемая учеными-лингвистами с середины XX века, не теряет своей актуальности и сейчас. Грамматические синонимы определяются как разные грамматические формы и конструкции, близкие друг другу, с одной стороны, по сходству обозначаемых ими грамматических абстракций, и, с другой, - близкие лексически [Иванова 1961].

В общем виде постановка проблемы сводится к следующему: грамматические синонимы имеют общее грамматическое значение, но различаются оттенком этого значения. Источником грамматической синонимии являются парадигматические отношения, выступающие в виде оппозиции, или противопоставления грамматических форм. Члены оппозиции характеризуются наличием двух типов признаков: общих, проявляющихся в минимальных нейтральных контекстах, и дифференциальных (различительных) признаков. Исследователи середины XX века отмечали, что их значения могут сужаться или расширяться, что приводит к нейтрализации основного значения и появлению признаков, не характерных для значения данной формы. Они приходили к логичному выводу о том, что в синонимичном ряду всегда имеется ведущая форма, т.е. такая, для которой значение в синонимичном ряду является основным; для другой формы, противопоставленной ей в этом ряду, данное значение является дополнительным, возникающим при особых условиях функционирования. Таким образом,

грамматическая синонимия понималась как взаимодействие основного (А) и дополнительного (В) значений двух различных грамматических форм [Иванова 1961; Шендельс 1970], которые характеризовались следующими свойствами:

1. Нейтрализация: А выступает в позиции нейтрализации с большей вероятностью, чем В; если в данной позиции противопоставление А и В нейтрализовано, то допустимым элементом обычно является А.

2. Свободная дистрибуция: А в меньшей степени ограничен контекстом, чем В, который обычно выступает в специальном окружении. Как следствие, элемент А является более многозначным, чем элемент В.

3. Легкая воспринимаемость: А воспринимается детьми и иностранцами с меньшими усилиями, чем В.

4. В языке А возникает раньше и исчезает позже, чем В.

5. А подвергается заимствованию в другие языки чаще, чем В. [Мельчук 1998].

В области средств выражения будущего выделялось 2 синонимических ряда - Future Indefinite → Present Indefinite (1) и Future Indefinite → Present Continuous (2):

(1) FI: *You must give me the address. I'll go and see her.*

PI: *Jane, I go in 6 weeks. I have taken my berth in an East Indian which sails on the 20th of June.* [Иванова 1961]

Здесь ведущей формой является Future Indefinite, т.е. форма, имеющая постоянное, закрепленное грамматическое значение будущего времени. Вторым членом ряда является Present Indefinite, для которого значение будущего действия оказывается второстепенным и контекстуально обусловленным, так как обязательным признавалось наличие обстоятельства со значением будущего времени (in 6 weeks). Употребление Present Indefinite в значении будущего предполагает наличие объективных условий в настоящем, с которыми связано предстоящее действие, и известную категоричность высказывания.

(2) FI: *We'll leave in the morning and do Mainz and Frankfurt.*

PC: *I'm leaving tomorrow, said Denys. – got to get back to town. And then I'm hopping over to dear old Ireland for a bit.* [Иванова 1961]

В данном ряду форма Present Continuous передает действие, относительно которого говорящим принято решение, которое наверняка будет приведено в исполнение в будущем.

Таким образом, исследование грамматической синонимии средств выражения будущего ограничивалось рассмотрением трех форм - Future Indefinite, Present Indefinite и Present Continuous. Не подвергались изучению в качестве элементов синонимического ряда будущего формы Future Continuous и Future Perfect, а также конструкции to be going + inf., to be + inf., to be about + inf., to be likely, to be expected + inf., to be on the verge of + gerund и некоторые другие, относимые современными лингвистами к средствам выражения будущего. Заметим, что в определении понятия грамматической синонимии упоминаются не только грамматические формы, но и грамматические конструкции, многие из которых имеют лишь основные значения, не имея второстепенных. Справедливым, на наш взгляд, является рассмотрение степени эквивалентности форм и конструкций без акцента на то, является ли то или иное значение грамматической формы основным или второстепенным. Иными словами, при изучении грамматических синонимов задача состоит в том, чтобы определить степень эквивалентности двух сравниваемых конструкций, и в случае, если они не тождественны, найти тот добавочный элемент X, который отличает одну конструкцию от другой: если $A \rightarrow B$, то $A = B + X$, а также выявить условия функционирования элементов A и B [Иванова 1961].

Как уже отмечалось ранее, в каждом синонимическом ряду будущего место ведущего члена отдавалось форме Future Indefinite. Однако, при определении формы Future Indefinite как ведущего члена синонимического ряда учеными-лингвистами середины XX века были опущены модальные характеристики глаголов will и shall, что позволило постулировать формы Future Indefinite как конструкции стилистически нейтральные и не несущие

дополнительной эмоциональной и смысловой нагрузки. Мы соглашаемся с исследователями, указывающими на некорректность подобного подхода.

Наличие у формы Future Indefinite модального оттенка привело к появлению мнения о том, что в современном английском языке наметилась тенденция выражения будущего времени посредством формы Future Continuous [Вейхман 1990]. В подтверждение данной точки зрения приводится довод, что дополнительное участие воли субъекта, возможное для Future Indefinite, отсутствует у Future Continuous.

Действительно, основным категориальным значением формы Future Continuous в современном английском языке становится значение объективного будущего без каких-либо модальных оттенков волеизъявления, долженствования, обещания, а также приглашения совершить действие, характерных для формы Future Indefinite:

(1) *Mary won't pay this bill.* (**won't pay** = she refuses to – четко выражен модальный оттенок).

Mary won't be paying this bill. (futurity – объективное будущее).

(2) *Will you join us for dinner?* (**Will you join** = invitation – приглашение, модальная окраска).

Will you be joining us for dinner? (futurity - объективное будущее). [Бессмертная 2004]

Многие ученые отмечают также, что действие, выражаемое формой Future Continuous, полностью относится к плану будущего, при этом связь с настоящим опосредована только тем, что предпосылки действия уже сложились и имеются основания полагать, что действие осуществится, т. е. значение формы предопределено контекстуальными связями [Колпакова, 2006]:

(3) *Ann will help us to organize the party.* (she is willing to help – четко выраженная модальность)

Ann will be helping us to organize the party. (a previous arrangement – предпосылки действия сложились)

(4) *We'll join you in half an hour.* (I have just decided - четко выраженная модальность)

We'll be joining you in half an hour. (futurity, a possible previous arrangement - предпосылки действия сложились) [Бессмертная 2004].

Таким образом, особенностью значения формы Future Continuous является выражение будущности наряду с уверенностью относительно возможности осуществления события (или действия) в будущем. В отличие от высказываний с формой Future Indefinite, высказывания с Future Continuous указывают на то, что описываемое событие обязательно осуществится. Однако необходимо указать на то, что данная форма также имеет оттенки модальности. Помимо модального оттенка уверенности в том, что событие произойдет, выделяются следующие, присущие формам Future Continuous: предвидение, побуждение, предупреждение, волнение, предвкушение, предсказание, опасение. Данные модальные оттенки не противоречат значению уверенности и проявляются наряду с ним; кроме того, среди них нет модальных значений долженствования и желательности, свойственных форме Future Indefinite и вызывающих споры по поводу существования в современном английском языке специальных форм для выражения будущего. Меняется основное значение Future Continuous – с действия, которое будет происходить в определенный момент в будущем на объективное будущее, которое традиционно закреплялось за Future Indefinite [Колпакова 2006].

Отметим также, что в последние годы данные теоретические моменты находят свое отражение в учебниках по практической грамматике английского языка: чтобы избежать истолкования глаголов will и shall как модальных (выражающих желание, решимость, обещание), форму Future Indefinite заменяют формой Future Continuous. Например, вместо *I won't see him again*, допускающего два толкования - "Я его больше не увижу" и "Я не хочу его больше видеть", употребляют *I won't be seeing him again*, если нужно сказать: "Я его больше не увижу" [Вейхман 1990].

Итак, все многообразие средств выражения будущего может быть сведено в единую систему и представлено в виде функционально-семантического поля. Ядро поля включает языковые элементы, более полно и максимально выражающие инвариантное значение футуральности и наиболее систематически используемые для передачи данного значения. Таким ядром является грамматическая категория будущего времени, представленная тремя формами будущего времени. В качестве доминант выступают формы Future Indefinite и Future Continuous, которые наиболее специализированно отражают семантику данного поля и используются в современном английском языке для передачи идеи будущности. Выделение двух доминант объясняется сложным характером понятия будущего, которое тесно переплетается с модальностью. Форма Future Indefinite, основным значением которой традиционно считается выражение действия, которое совершится или будет совершаться в будущем, во многих случаях имеет ярко выраженное значение волеизъявления, что затрудняет идентификацию значения формы. Форма Future Continuous в своем обычном значении, а именно выражении длительного действия, которое будет протекать в определенный момент в будущем, в современном английском языке она встречается довольно редко. Основным значением формы становится выражение действия, которое неминуемо, неизбежно осуществится в будущем.

Итак, на основании вышеизложенного можно прийти к следующему выводу – если форма Future Continuous еще не вытеснила форму Future Indefinite как основной способ выражения будущего действия, то на данный момент можно говорить о том, что позиции Future Continuous оказываются настолько крепки, что необходимо признать по меньшей мере равноправие двух рассматриваемых форм. Таким образом, с некоторыми оговорками можно говорить о том, что в синонимическом ряду будущего количество ведущих форм увеличивается до двух. Равноправно ведущими становятся обе формы - Future Indefinite и Future Continuous. Однако, на

наш взгляд, о замещении формы Future Indefinite как ведущего члена синонимического ряда будущего формой Future Continuous говорить пока преждевременно. Данные вопросы требуют дальнейшей детальной проработки со стороны не только лингвистов-теоретиков, но и практикующих филологов и преподавателей английского языка.

Библиографический список

Бессмертная Е.Н. Способы выражения будущих действий в английском языке. Учебное пособие - Москва: МАИ, 2004.- 76 с.

Вейхман Г.А. Новое в английской грамматике: Учеб. пособие для ин-тов и фак. иностр. яз.-М.: Высш. шк., 1990.-128с.

Иванова И.П. К вопросу о грамматической синонимии (на материале видо-временных форм английского глагола)/Иванова И.П.; Ред. Иванова И.П.; Ленингр.ун-т. - Л.: Исследования по английской филологии, 1961.-Сб.П.-С.27-36.

Колпакова А. В. Future continuous в системе средств выражения будущего времени в современном английском языке: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. - Тамбов, 2006.

Мельчук И.А. Курс общей морфологии. Том II: Пер. с фр. / Общ. редакция Н.В. Перцова и Е.Н. Саввиной. – Москва – Вена: «Языки русской культуры», Венский славистический альманах, 1998. – 544 с.

Шендельс Е.И. Многозначность и синонимия в грамматике. - М., 1970.

© Задорожная А. В., 2010

Кантышева Н. Г.

Тюмень, Россия, nkantysheva_@mail.ru

Понятийная структура экологического аудита

Описание понятийной структуры экологического аудита с помощью лексикографического анализа свидетельствует о том, что данная наука, ассимилируя смежные области знаний и объединяя их терминологию и понятия, трансформируется в междисциплинарную. В данной статье обозначены предпосылки формирования межотраслевого подхода в современной науке. В целях последующего моделирования логико-понятийных отношений предметной области экологического аудита определяются условные границы дисциплины путем структурирования отрасли через составляющие компоненты смежных профессиональных областей.

Устранение барьеров между отдельными отраслями науки началось в конце 70-х и в 80-е годы XX века с возникновением общей теории систем Людвиг фон Берталанфи, положившей начало междисциплинарному подходу [Большаков и др. 1996]. Согласно утверждению В.И. Булатова, «не менее двух десятков лет существует тенденция сближения подходов разных наук в попытке создать синтетическую картину мира и объяснить его закономерности. Эту тенденцию отражают через такие определения, как синтетический подход, интеграция наук, интегратизм как путь от простого к сложному в познании явлений жизни» [Булатов 2000: 9]. Факт пересечения и взаимосвязи двух или более профессиональных дискурсов уже не является редкостью. Одна лексическая база может обслуживать сразу несколько профессиональных сфер.

В настоящее время в науке большое внимание уделяется сложным системам, включающим человека. Методология исследования подобных систем влечет за собой сближение естественнонаучного и гуманитарного познания [Стёпин 2001: 674]. Экологический аудит несомненно относится к таким сложным системам.

Современный этап развития предметной области экологического аудита характеризуется тем, что она превратилась в комплексную, междисциплинарную область знаний, лежащую на стыке наук, рассматривающих различные аспекты окружающей среды. Экологический аудит в широком понимании термина характеризуется пограничным характером своей понятийной системы, отличается большой степенью синкретичности. Это «один из образцов органического взаимопроникновения общественных, естественных и технических наук» [Jung 1995: 620].

В связи с увеличением масштабов и силы человеческого влияния на природную среду, важным представляется определить меняющуюся роль и место человека в современном мире, а также выявить особенности понятийной системы экологической сферы и влияние этих особенностей на лингвистические процессы, происходящие в экологической терминологии.

Ведь «форма языка оказывается отнюдь не безразлична к содержанию самой науки» [Будагов 1972: 43].

С.Д. Шелов справедливо отмечает, что понятийная структура термина «слишком сложна и разнородна, чтобы ее можно было описать непосредственно, поэтому при исследовании объекта ученые часто прибегают к использованию формальных моделей понятийной структуры» [Шелов 2003: 95]. Данное утверждение справедливо также для описания понятийного аппарата экологического аудита. В целях наиболее полного раскрытия взаимосвязи понятий исследуемой предметной области нам необходимо сконструировать логико-понятийную модель специальности экологического аудита. В такой концептуальной системе знаний выявляются не только все понятия об объектах, но и отношения между ними.

В целях последующего моделирования логико-понятийных отношений предметной области экологического аудита необходимым представляется определение приблизительных границ дисциплины – выявление принадлежности терминов непосредственно к предметной области, то есть структурирование отрасли по смежным направлениям науки.

Для описания процедуры такого структурирования проведена систематизация всех понятий, включая употребления терминов в тематических, толковых, переводных и энциклопедических терминологических словарях, Федеральных законах, нормативно-правовых актах, стандартов в области системы экологического аудита, обобщающих монографиях и статьях ведущих ученых и специалистов-практиков, ВУЗовских учебниках, специальных сайтах, размещенных в сети Интернет, профессиональных отраслевых журналах (всего около 800 употреблений).

Данная дисциплина синтезирует в себе широкий спектр научных областей, а также областей профессиональных знаний.

Распределение терминов по отраслям осуществлено на основании:

- **принадлежности терминов** к смежным областям экологического аудита

(непосредственная фиксация терминов в тематических словарях);

- **лексикографического параметра тематической атрибуции**, выделенным С.В.Гриневым, (в словарной статье указана область знания, к которой принадлежит термин), например, термин «экологический менеджмент» определен как *«раздел конкретной экономики, изучающий вопросы экономической оценки природных ресурсов и ущербов от загрязненной среды»* [Природопользование. Толковый словарь 2002: 146], *«составная часть системы природоохранного регулирования»* [Экономическая энциклопедия 99: 413], *«экономическое управление в рыночных условиях с учетом требований окружающей среды и здоровья населения»* [Энциклопедический словарь современной рыночной экономики 2004: 235]; или термин «экологический аудит» представлен как *«отрасль экологического права»* [Юридический энциклопедический словарь 2000: 440];

- **ассоциативного параметра** (указание на связь с терминами-синонимами, родовыми и видовыми понятиями, отсылки («см», «см.также», «ср»)), представляющие комплекс различных системных связей)

Классификационная схема состоит из трех макрогрупп:

- 1) природный механизм (естественная окружающая среда);
- 2) экономический механизм (оценка воздействия производства на окружающую среду);
- 3) организационный механизм (управление деятельностью предприятий с целью рационального природопользования).

Макрогруппы в свою очередь содержат 8 понятийных подгрупп, отражающих отраслевую взаимосвязь смежных областей: страхование, банковское дело, экономика, менеджмент, право, бизнес, экология, география.

Любой из перечисленных в вышеуказанной схеме классов может в свою очередь подразделен на более частные сегменты. Например, экологию, как вид деятельности, в принципе возможно разделить на целый ряд подвидов: биоэкология, геоэкология, прикладная экология, экология чело-

века, теоретическая экология, экология воздействий, гуманитарная экология, социальная экология, учение о биосфере и ноосфере и т.д. Тем не менее, при всём разнообразии направлений экологии, биоэкология является опорной, несущей конструкцией системы экологических наук, и не случайно многие биологи только за ней признают право именоваться экологией.

Например, в схеме научных направлений мегаэкологии В.И. Булатова *экоаудит*, наряду с экострахованием и экоменеджментом, включен в блок «эколого-экономические основы природопользования» (=экология и экономика) [Булатов 2000: 85]. В результате значимую часть терминов предметной области «экологический аудит» занимают термины из области экологии (около 25%).

На наш взгляд, перечень природных объектов (наряду с биоэкологией) необходимо дополнить объектами антропогенного происхождения. Поскольку даже в случае превышения предельно допустимых уровней воздействия на окружающую природную среду, речь идет не о всей окружающей среде в целом, а об изменении ее отдельного свойства, качества, характеристики (например, уровня шумов), либо совокупности каких-либо показателей, характеристик.

Вторжение в экологические системы и природные комплексы объектов, осуществляющих антропогенную деятельность, приводит к «последовательному переходу природного объекта от естественного состояния к модифицированному и трансформированному, при котором природный объект не может нормально функционировать без поддержки человека» [Ерофеев 1998: 37]. В этом случае принципиально новым направлением становится «экологическая система антропогенного происхождения» [Акимова, Батоян 1994: 16].

Пожожее деление отражается в результатах обобщающего анализа дефиниций термина «экология», проведенного Г.С. Розенбергом. В его исследовании обозначились подобные два укрупненных направления науки экологии: биологическая отрасль и наука, изучающая человека и его деятельность (в терминологии В.Снакина - «антропоэкология»). В данной си-

туации «оптимальным представляется закрепление за основными (крайними) определениями понятий «биоэкология» и «социоэкология» [Розенберг 1999: 96]. Вслед за Г.С. Розенбергом, весь корпус экологических терминов, входящих в терминологию экологического аудита, нами был разбит на две группы:

- биоэкология (*живые ресурсы, жизненный цикл, экологическая совместимость, взаимодействие экосистем*);

- социоэкология/ антропоэкология (*восстановление (окружающей среды), выброс загрязняющих веществ, выпуск, воспроизводство природных ресурсов*).

В зависимости от поставленной задачи, наиболее крупными блоками в данной схеме мы указываем, вслед за классификацией Г.П. Серова [Серов 1999: 108-109]: экономический и организационный механизмы экологического аудита, составляющие комплекс мер по нейтрализации угроз для окружающей среды. Указанные блоки включают в свою очередь следующие направления:

- экономический: социально-экономическая оценка, планирование, финансирование, лимитирование, платность природопользования, банковское дело, страхование, экономическое стимулирование;

- организационный: менеджмент, маркетинг, правовое регулирование, экспертиза, нормирование, мониторинг, контроль.

Некоторые термины включены в несколько групп одновременно. Это вызвано тем, что они принадлежат разным предметным областям. Например, термин *экологическое преступление* зафиксирован в специальных словарях экологии, менеджмента, права. Термин *экологический ущерб* - в словарях предметных областей экологии, экономики, страхования. Корпус терминов экологического аудита насчитывает 56 таких межотраслевых терминов.

Также в отдельную группу выделены 60 общенаучных номинаций, таких, как: *документ, дефект, защита, процедура, процесс, регламент, анализ, возможность, проверка, сырье, требование, качество, контроль*, и т.д.

На основании трех основных способов лексикографического анализа словарных статей терминов были выделены восемь основных пред-

метных областей, входящих в понятийную структуру экологического аудита: экология, экономика, право, менеджмент/маркетинг, страхование, бизнес. Эта тесная взаимосвязь также четко прослеживается также в нормативно-правовых актах, публикациях и специальных исследованиях.

Выделенные группы отражают понятийную структуру экологического аудита, которая генетически связана с экологией и экономикой, а также с изучением производственных процессов, направленных на устранение загрязнения окружающей среды. Число таких дисциплин условно ограничено, что связано с достаточно поздним формированием предметной области экологического аудита и нахождением терминологии данной предметной области в стадии становления и развития.

Библиографический список

Акимова Т.А., Батоян В.В., Моисеенков О.В., Хаскин В.В. Основные критерии экоразвития. – М.: Российская экономическая академия, 1994.

Будагов Р.А. Теория и семиотика. – М.: Вестник МГУ, 1972. - №5. –113с.

Булатов В.И. Российская экология на рубеже XXI века. – Новосибирск: ЦЭРИС, 2000. – 44 с.

Ерофеев Б.В. Об экологических правоотношениях // Правовые проблемы охраны окружающей среды. – М.: Юридический бюллетень предпринимателя, 1998.

Розенберг Г.С. Анализ определений понятия «экология» // Экология. – 1999. – № 2. – С. 89 – 98.

Серов Г.П. Экологический аудит. –М.: Экзамен, 1999 – 448с.

Снакин В.В. Экология и охрана природы. Словарь справочник. –М.: Academia, 2000, 384с.

Шелов С.Д. Термин. Терминологичность. Терминологические определения. – СПб.: Филологический фак-т СПбГУ, 2003. – 280 с.

Jung M. Umweltstörfälle. // Kontroverse Begriffe.- Berlin, New York: Walter de Gruyter, 1995.-S.619 – 679.

© Кантышева Н. Г., 2010

Коваленко В. В., Ануфриева М. А.
Архангельск, Россия, matrix-3@mail.ru

Фразеологические единицы и их функции

Прежде всего, обратимся к дефиниции основного понятия данной работы: функция – это роль, которую выполняет языковая единица в деятельности той структуры, частью которой она является [Fedulenkova 1999: 4]. Вопрос о функциях фразеологических единиц (ФЕ) является одним из наиболее актуальных вопросов современной фразеологии и одним из наиболее дискутируемых в лингвистике [Федуленкова 1997: 38; Fedulenkova 2002: 42; Fedulenkova, Anufrieva 2005: 131]. Изучение научной литературы по данному вопросу показывает, что единого мнения о роли фразеологизмов в языке и речи не существует [Федуленкова 1998: 136; Ануфриева 2005, 29; Коваленко 2009: 93].

На современном этапе развития фразеологии представляется возможным выделить несколько основных точек зрения на эту проблему. В основном функции, выполняемые фразеологическими единицами, делятся исследователями на две большие группы: константные и вариативные, узуальные и окказиональные [Кунин 1996: 111] или основные и дополнительные [Тэйц 2000: 80].

Группируя функции фразеологизмов, С.А. Тэйц, разделяет их на:

- 1) основные функции: коммуникативная и номинативная;
- 2) дополнительные функции: образно-выразительная функция (придание речи выразительности, передача социально-психологических особенностей действующих лиц, передача внешних особенностей персонажа, авторской характеристики персонажа, характеристики традиций, описания обстановки), функция лаконизации, эмоционально-экспрессивная и обобщающая функции.

Дифференцируя константные и вариативные функции ФЕ, к константным функциям А.В. Кунин относит такие, которые присущи всем фразеологическим единицам в любых условиях их реализации. Вариативные функции характерны только для некоторых разрядов фразеологизмов.

К константным функциям ученый относит коммуникативную, познавательную и номинативную функции. Под коммуникативной функцией фразеологических единиц автор понимает их способность служить средством общения или сообщения. Общение, как считает автор, предполагает взаимный обмен высказываниями, а сообщение есть передача информации в отсутствие обратной связи с читателем или слушателем. Номинативная функция фразеологических единиц рассматривается как их соотнесенность с объектами реального мира, включая и ситуации, а также замена этих объектов в речевой деятельности их фразеологическими наименованиями. Для номинативной функции фразеологизмов характерно заполнение лакун в лексической системе языка. Это свойственно подавляющему большинству фразеологизмов, так как у них нет лексических синонимов. В качестве разновидностей номинативной функции автор выделяет нейтрально-назывную и назывную функции [Кунин 1996: 111].

Подчеркнем, что с номинативной функцией тесно связана познавательная, или когнитивная, функция [Povarova, Fedulenkova 2001: 39], под которой понимается опосредованное сознанием социально-детерминированное отображение объектов реального мира, которое способствует их познанию. Социальная детерминированность проявляется в том, что, хотя потенциальные фразеологизмы и создаются отдельными индивидами, эти индивиды являются частью общества, и осуществление ими познавательной функции возможно только на основе предшествующих знаний. Номинативная и познавательная функции реализуются в пределах коммуникативной функции, образуя диалектическое единство, а все остальные функции, по А.В. Кунину, реализуются в рамках данных функций. В этом, как утверждает автор, проявляется иерархичность функционального аспекта фразеологической системы [Кунин 1996: 112].

К вариативным функциям лингвист причисляет семантические и прагматические функции. К семантическим относятся такие функции, как волюнтативная, действительная, результативная и др. К прагматическим

функциям автор относит стилистическую, кумулятивную, директивную, оценочную и резюмирующую функции [Кунин 1996: 115].

Исследователи, разделяющие данный подход к классификации функций фразеологических единиц, не проявляют общности мнения о том, какие из этих функций являются более значимыми. Например, А.В. Кунин основной для фразеологизмов называет нейтрально-назывную функцию [Кунин 1996: 112], К.Н. Дубровина к числу важнейших и частотных для фразеологизмов функций относит экспрессивно-оценочную, но не номинативную функцию ФЕ [Дубровина 1995: 56].

С данным подходом к типологии фразеологических функций тесно связаны попытки выделить языковые и речевые функции фразеологизмов. Как отмечает Ю.А. Гвоздарев, следует различать общеязыковые функции ФЕ и речевые. К первым, по Ю.А. Гвоздареву, относятся номинативная функция, сигнификативная, или дифференцирующая, и синтаксическая. Среди речевых функций обозначаются в качестве основных следующие: обобщающая, оценочно-характеризующая, экспрессивно-образная, стилеобразующая [Гвоздарев 1989: 14]. Под функцией исследователь понимает цель и характер ее использования в речи.

Сюжетно-композиционные функции фразеологических единиц рассматриваются А.В. Прокофьевой: а) ФЕ может являться частью рефрена; б) ФЕ вводит новый эпизод в текст; в) ФЕ может находиться в начале произведения, условно выступая в качестве элемента связки; г) ФЕ может функционировать в заголовках; д) зона действия ФЕ и ее компонентов может распространяться на весь эпизод; е) зона действия ФЕ может распространяться на отдельные части текста, при этом сигнальные компоненты этой единицы являются связующими звеньями текстовых эпизодов; ж) зона действия ФЕ может распространяться на всё поэтическое произведение, з) текст может быть организован семантикой ФЕ [Прокофьева 2000: 208].

Анализируя стилистические функции ФЕ, языковеды включают разные частные функции фразеологизмов в их состав. По мнению А.В. Кунина, например, к стилистическим функциям относят экспрессивно-

образную, эмоционально-экспрессивную, функцию лаконизации речи, функцию семантической компрессии, функцию гиперболизации и интенсивности [Кунин 1996: 115]. И.В. Арнольд, в свою очередь, определяет стилистическую функцию как выразительный потенциал взаимодействия языковых средств в тексте, который обеспечивает передачу наряду с предметно-логическим содержанием текста также заложенной в нем экспрессивной, эмоциональной, оценочной и эстетической информации [Арнольд 1990: 48]. При этом исследователем подчеркивается, что исчерпывающей классификации стилистических функций в литературе пока не обнаруживается: большинство авторов различают характерологическую, дескриптивную, эмотивную и оценочную функции фразеологических единиц.

Рассматриваемая авторская теория интересна тем, что в ней называются и описываются следующие особенности стилистической функции:

1. Аккумуляция – один и тот же мотив, одно и то же настроение или чувство передаются, если они имеют большое значение для целого, параллельно несколькими средствами.

2. Способность проходить и в текстовой импликации, и в подтексте (поскольку существует опора на коннотации, ассоциации и импликации языковых знаков).

3. Способность к иррадиации, т.е. один стилистический компонент может окрасить всё высказывание в целом [Арнольд 1990: 51].

Исследователь подчеркивает при этом, что в отличие от стилистической коннотации стилистическая функция имеет не узуальную, а контекстную природу. Участвующие в ней стилистические средства помогают читателю правильно расставить акценты и выделить главное, т.е. служат защитой сообщения от искажений.

Изучая особенности художественного текста, Е.И. Кондрашина выделяет следующие основные стилистические функции [Кондрашина 1989: 121]:

1. Эмоционально-усилительная функция. В данной функции фразеологические единицы используются в целях усиления описания эмоцио-

нального состояния персонажа или в целях усиления эмоциональной тональности контекста.

2. Характеризирующая функция. В данной функции фразеологические единицы используются для описания черт характера персонажа.

3. Функция участия. В данной функции фразеологические единицы используются как дополнительные в создании стилистического приема.

4. Функция усиления. В данной функции фразеологические единицы используются для усиления иррадиальной силы контекста.

Анализ показывает, что в лингвистике, с одной стороны, не имеется единой типологии функций фразеологической единицы, с другой стороны, наблюдается расхождение при выделении количества функций и их содержательной структуры.

В заключении отметим, что в ряде работ по теории фразеологии встречается анализ таких функций фразеологических единиц, которые обнаружены сравнительно недавно [Фесенко 2009: 95] и вызывают споры среди ученых в отношении таксономии данных функций и их содержания [Хостай 2009: 183]. Это значит, что задача упорядочения номенклатуры функций фразеологических единиц и их содержательного наполнения вполне очевидна и ждет своего решения.

Библиографический список

- Ануфриева М.А. Некоторые системные отношения фразеологизмов с глагольным компонентом *have* // XVI Ломоносовские чтения: Сб. ст. студ. и аспирантов по материалам науч. конф. – Архангельск: Поморский ун-т, 2005. – С. 29-31.
- Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка (стилистика декодирования). М., 1990.
- Гвоздарев Ю.А. Функции фразеологических единиц в русской речи // Фразеологическая номинация: Особенности семантики фразеологизмов. Ростов-на-Дону, 1989. С. 12-19.
- Дубровина К.Н. Особенности функционирования в языке фразеологических единиц // Функциональное описание русского языка: Сб. науч. тр. М., 1995. С. 53-58.
- Коваленко В.В., Воронова Е.М. Об одной продуктивной модели в деловой фразеологии // Коммуникативные аспекты языка и культуры: Сб. материалов IX Международ. науч.-практ. конф. студентов и молодых ученых. – Ч.2 / гл. ред. С.А. Песоцкая. – Томск: ТПУ, 2009. – С. 93-95.

- Кондрашина Е.И. Основные стилистические функции эмотивных фразеологизмов в художественном тексте // Содержание и принципы лингвистических исследований. М., 1989. С. 121-127.
- Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка: Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз., 2-е изд., перераб. М., 1996.
- Прокофьева А.В. О сюжетно-композиционных функциях фразеологических единиц // Мир Высоцкого. Исследования и материалы / Сост. А.Е. Крылова и В.Ф. Щербакова. М., 2000. С. 208-215.
- Тейц С.А. Функции фразеологических единиц в романе Д.Н. Мамина-Сибиряка «Три конца» // Семантика и функционирование языковых единиц. Нижний Тагил, 2000. С. 79-83.
- Федуленкова Т.Н. Функциональное развитие коммуникативных фразеологических единиц в современном английском языке // Актуальные проблемы семантики, лингвистической типологии и лингводидактики: Материалы науч. конф. М., 1998. С. 136-139.
- Федуленкова Т.Н. Эстетическая функция фразеологических единиц в речи // Проблемы общего и сравнительно-исторического языкознания: Материалы межвуз. конф. Ростов-на-Дону, 1997. С. 38-40.
- Фесенко О.П. Фразеология дружеского эпистолярного дискурса пушкинской поры. Омск, 2009.
- Хостай И.С. Аллюзивность фразеологических единиц библейского происхождения, содержащих имя собственное // Актуальные проблемы изучения комплексных языковых знаков / Материалы междунар. науч. конф. к 100-летию заслуженного деятеля науки А.В. Кунина. М., 2009. С. 182-184.
- Fedulenkova T.N. Functional Change in Communicative Phraseological Units // English Phraseological Units in New Socio-Cultural Context: Traditions and Innovations: Proceedings of Seminar 52 at ESSE6-2002 in Strasbourg. Strasbourg, 2002, p. 42.
- Fedulenkova T.N. Interaction among Lexical, Grammatical and Functional Features in Phraseological Units // Language and Literature. Vol. 6. Tumen, 1999. P. 3-5.
- Fedulenkova T., Anufrieva M. Some Tendencies in Lexicalization of English Phraseological Units // Phraseology 2005: The many faces of Phraseology: Proceedings of an interdisciplinary conference. – Louvain-la-Neuve, 2005. – P. 129-132.
- Povarova V., Fedulenkova T. Cognitive approach to study of Business English idioms // Textual Secrets: The Message of the Medium: Book of Abstracts of 21st PALA Conference / British Council. Budapest, 2001. P. 39.

© Коваленко В. В., Ануфриева М. А., 2010

Коковина К. А., Шишова Л. В., Никулин Е. О.
Северодвинск, Россия, s.e.n.e.c.h.k.a@hotmail.com

The question of equivalence of the phraseological unit and the word

In all native textbooks on lexicology there is the part “Phraseology, idioms, set expressions”. Traditionally this part is included in lexicology. It is explained that phraseology is not registered officially as linguistic discipline. Besides, one should take into account that phraseology in our country was the part of the study of the word during a long period of time, and truly the lexicological approach to phraseological units is not such a rare phenomenon. Some researchers include phraseological units into vocabulary, and phraseology is included into lexicology mostly by reason that phraseological units are seen as equivalents of the words. But lexicology is a linguistic discipline studying the vocabulary, i.e. words and their equivalents.

The theory of full equivalence of the phraseological unit and the word deserves a special investigation. It goes back to the theory of identification of expressive factors, introduced by Ch. Bally, who pointed out that the most common feature of the phraseological unit is the possibility or impossibility to be substituted by one simple synonymous word [Bally 1905: 99]. He named this word as the word that identifies. Bally considered the availability of such synonym as the integrity’s inner feature of the phraseological unit.

This point of view arouses some objections. We maintain that semantic integrity of phraseological unit cannot be proved in such a way, because variable combinations of words may as well have synonyms among separate words, for example, *to look fixedly* = *to stare*; *sufferings of mind or body* = *pain*, etc. Besides, many phraseological units do not have the words, that identify them, and may be identified only with the help of variable word combinations, for example, *drink like a fish* = *drink too much*; *in a small way* = *on a small scale*, etc. One should also bear in mind, that proverbs and sayings, that is phraseological units with the structure of a sentence, may be identified only by means of sentences, for example, *Birds of a feather flock together – people who have the same interests, ideas, etc are attracted to each other and stay close together*; *The blind*

leading the blind – a situation in which the person who is leading or advising others knows as little as they do.

After A.V. Kunin, we maintain that semantic integrity of the phraseological unit may be proved by the comparison of its meaning with the meaning of its components as single words [Кунин 1996: 13], and also by determination of specific features of its usage in the context.

The term *the equivalent of the word* was introduced by L.V. Scherba. He emphasized that such group of words denotes one notion and is the potential equivalent of the word [Шерба 1915: 69]. Actually, a close group of words, if it presents by itself a word combination, may denote one notion.

The relations between verbal phraseological units and their lexical synonyms – words that identify – were the theme of a monographic research, in which the essential distinctions between them were pointed out [Руденко 1981: 119]. In all the analyzed examples, such as *draw (or pull) a (the) long bow – exaggerate*, *shake a leg – hurry*, *split hairs – quibble*, etc. it is established, that phraseological units and their lexical synonyms express one and the same meanings differently, that is by means of two different ways of nomination. The words are used in their literal meanings, that are characteristics of primary nominations, and the corresponding phraseological units are re-interpreted set expression which is the result of secondary nomination. As pointed out by V.N. Telia, those are “the two fundamentally different ways of representation of reality” [Телия 1977: 88].

To say *he cooked his goose* is not the same as *he ruined his chances of success*; *put the cat among the pigeons* can't be always changed by *to cause trouble*. Such substitutions would bring to nothing the expressiveness of the utterance.

Overwhelming majority of phraseological units has no words that could identify them, i.e. they have no lexical synonym. There is only information about percentage correlation of phraseological units and their synonyms in French. The computation showed, that in French among 22 851 phraseological

units only 2867, that is 12, 5 % have the words-identifiers [Nazarian, 1980, p. 34]. We suppose that English has the same phenomenon.

Some followers of the theory of full equivalence take up phraseological units as lexical ones, that don't require specific, peculiar only to them classification and that should be classified as words. Thus the specificity of phraseological units is brought to nothing. A word, no matter how complex is its semantic structure, doesn't belong to phraseology, it is the object of lexicology and lexicography.

Words and phraseological units are presented explicitly in speech. This fact is shown as one of the arguments in favor of the theory of full equivalence. Usage in speech in a ready-made way is a weak ground of equivalence of the phraseological unit to the word, because this reproduction is a characteristic feature of all elements of language and it is pointless to take up them as equivalents of words. But it is important to take into account characteristic features of ready-made reproduction depending on structural-semantic relations of different units of the language. And the phraseological unit is a discreet unit of the language, which is far more complex than the word, which results in its actualization both in written and oral speech.

The hypertrophy of grammatical commonness of phraseological units and words is also shaky. Actually, completely re-interpreted phraseological units, having the structure of word combination, function as single members of a sentence, i.e. as phrase subjects, phrase predicates, phrase objects.

Partly re-interpreted set expressions such as verbal comparisons are divided syntactically. For example, in verbal comparisons *swim like a fish, eat like a horse, fit like a glove, smoke like a chimney, swear like a trooper*, etc. the first component is used in the literal meaning, which is intensified by the adverbial part of the set expression. In the sentence *he smokes like chimney* he is the subject, smoke is the predicate, *like a chimney* is the adverbial modifier of manner [Федуленкова, Любова 2008: 151].

Commonness of grammatical functions shouldn't be understood as their obligatory coincidence. Thus, in English the functions of adjectival com-

parisons (*as dark as pitch*, (*as white as snow*, etc. coincide only partly with syntactical functions of the correlated compound words *pitch-dark* and *snow-white*, because adjectival comparisons in contrast to compound adjectives are not used as attributive attributes, but only as predicative attributes.

To sum it up, we do not find it reasonable to maintain the theory of equivalence of the phraseological unit and the word.

Библиографический список

Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. М.: Высш. шк., 1996.

Назарян А.Г. Историко-семантические основы французской фразеологии. Л., 1980.

Руденко С.А. Фразео-лексическая глагольная парадигма в современном английском языке. М., 1981.

Телия В.Н. Вторичная номинация и ее виды // Языковая номинация: Виды наименований / Отв. ред. Б.А. Серебренников. – М.: Наука, 1977.

Федуленкова Т.Н., Любова А.Н. Полисемия в компаративной фразеологии (на материале английского и русского языков) // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина: Науч. журнал. № 3(15). – СПб, 2008. С. 151-157.

Щерба Л.В. Восточно-лужицкое наречие: Оттиск из записок историко-филологического факультета Петроградского университета. – Петроград, 1915. – Т. I, XXIV.

Bally Ch. *Precis de Stylistique*. – Geneve, 1905.

© Коковина К. А., Шишова Л. В., Никулин Е. О., 2010

Кокорина Ю. Г.

Москва, Россия, kokorina@inbox.ru

Когнитивное терминоведение и археологическое знание (к проблеме междисциплинарных исследований)

Междисциплинарные исследования являются характерной особенностью современной науки. На их перспективность указывал еще М.М. Бахтин: «При спецификаторских увлечениях игнорировали вопрос о взаимосвязи и взаимозависимости различных областей культуры, часто забывали. Что границы этих областей не абсолютны, что в различные эпохи они проводились по-разному, не учитывали, что как раз наиболее наряженная и продуктивная жизнь культуры происходит на границах отдельных облас-

тей ее, а не там и тогда, когда эти области замыкаются в своей специфике» [Бахтин 1986:330].

Одна из наук, имеющих междисциплинарный характер – когнитивная наука, которую вслед за Р. Шепардом можно определить как науку об общих принципах, управляющих ментальными процессами [Shepard 1988:45]. Частью когнитивной науки является когнитивная лингвистика, в центре внимания которой находится язык как общий когнитивный механизм, как когнитивный инструмент – система знаков, играющих роль в репрезентации и в трансформировании информации [Кубрякова 1996:53]. Сейчас лингвисты занимаются проблемами соотношения знаний о языке и знаний о мире [Кубрякова, 2004].

Структура знания – это, прежде всего, совокупность концептов, объединенных определенной иерархией и объективированных в термине. Поэтому к изучению терминов вполне применимы достижения когнитивной лингвистики [Новодранова, 2003:150]. В науке нет единого определения концепта, как нет и единства в оценке соотношения «концепт - научное понятие». Терминология отражает, прежде всего, сложившиеся в обществе научные представления о мире и имеет дело с понятиями, т.е. логическими концептами, возникающими на основе выделения существенных характеристик предметов и явлений с отвлечением от второстепенных признаков [Зяблова 2004: 43].

В этой связи интересно вспомнить подзаголовок книги Мишеля Фуко «Слова и вещи»: «Археология гуманитарных наук». М. Фуко противопоставляет «археологию», которая вычленяет выделяемые им эпистемы, историческому знанию кумулятивистского типа, которое описывает те или иные мнения, не выясняя условий их возможности [Автономова 1994:12]. В этом подзаголовке просматривается восприятие археологии как науки, оперирующей объективными фактами – вещественными источниками, которые как бы «говорят сами о себе». Однако такое распространенное представление оказывается ошибочным и связано оно, прежде всего, с отсут-

вием в археологии единой теории, одним из следствий чего является отсутствие единой терминосистемы.

Напомним философское определение теории: «теория – в широком смысле – вид человеческой деятельности, направленной на получение обоснованного объективно-истинного знания о природной и социальной реальности в целях ее духовного и практического освоения; в узком смысле – форма организации развивающегося научного знания» [Прытков 2004:708]. Теория предусматривает способность интерпретации полученных фактов, чего не всегда может достичь современная археология. Существует ряд теоретических разработок, как в России, так и за рубежом, но единства в критериях получения объективно-истинного знания о древнейшем прошлом человечества, основываясь на вещах и комплексах вещей, которыми оно пользовалось, нет.

Следствием отсутствия единой теории является отсутствие терминосистемы археологии. Одним из путей ее построения может стать построение системы концептов, составляющих археологическое знание.

Д.С. Лихачев ввел понятие «концептосфера» как отдельного человека, так и национального языка. «Концептосфера национального языка тем богаче, чем богаче вся культура нации – ее литература, фольклор, наука, изобразительное искусство» [Лихачев 1997:282]. Ю.Л.Щапова раскрыла в частной беседе вывод о единстве понятий сфера-ценоз-генез: в биологии различают биосферу, биоценоз, биогенез, в технетике – техносферу, техноценоз, техногенез. Можно предположить подобную триаду и в лингвистике, выделив концептосферу-концептоценоз-концептгенез.

В таком случае концептосфера - система концептов русской культуры, одним из средств доступа к содержанию концептов как единиц мышления является язык. В работах последних лет наряду с известным термином *научная картина мира* появляется термин *концептосфера науки* [Дроздова 2007]. Концептосфера науки как формы общественного сознания является частью концептосферы русской культуры. Слово «концептоценоз» содержит составляющую часть «ценоз» - сообщество. Под таким

сообществом может пониматься система концептов данной науки или области знания. Он включает в себя, как отмечено выше, понятия, т.е. логические концепты, [Зяблова 2004:43].

Концептогенез – процесс формирования концептов, связанный в науке с открытием нового знания. Он протекает постоянно, и выражается, в частности, в появлении новых терминов, обозначающих создаваемые специальные понятия.

Рассмотрим археологическое знание как коцептогенез. При чем займемся не всем археологическим знанием, а ограничимся его частью, особой археологической дисциплиной – вещеведением. «Вещеведение ставит перед собой задачу представить историю и эволюцию вещного мира, последовательное появление вещей, с помощью которых человек мог удовлетворять свои насущные потребности, свой интерес к жизни, свой комфорт, свое стремление к знанию и к прекрасному» [Щапова 2000:12]. Вещеведение в современном понимании - часть археологического источникововедения, на основе которого строятся реконструкции разных сторон жизни древних народов.

Вещи рассматриваются с точки зрения морфологии, технологии их производства, материала, функции. Морфология понимается в общенаучном смысле как учение о целом и его частях и включает в себя конструкцию, размеры, декор и цвет вещи [Кокорина, Лихтер 2007:17]. Каждая часть вещи (конструктивный элемент), каждая вещь в целом имеют форму.

Концепт *форма* изучен в науке. Наряду с геометрическими эталонами *формы (точка, линия, круг, угол)* эталонный характер обычно приобретает форма предметов ближайшего окружения человека, имеющих важное значение для его жизнедеятельности [Топорова 2007]. В названиях вещей слова, заимствованные из геометрии, редко входят в состав терминологических словосочетаний, тогда как предметные аналогии образуют устойчивые словосочетания: *бабочковидное перекрестье меча, антенное навершие булавки, пламевидный наконечник копья* и т.п. Позиция «общая форма» имеется в словарях-классификаторах нормированного описания

археологических объектов, разработанном коллективом исследователей на кафедре археологии МГУ [Кокорина, Лихтер 2007:17] В этих словарях приведены системы терминов, заимствованные из геометрии и биологии, что позволит избежать сочетаний типа *посоховидная булавка* или *ладьевидный топор*.

Концептогенез в археологическом знании, и, в частности, археологическом вещеведении, связан с предметом поисков в когнитивной лингвистике, которым являются наиболее существенные для построения концептуальной системы концепты – те, которые организуют концептуальное пространство и выступают как главные рубрики его членения [Арутюнова 1991]. Концепты в археологическом вещеведении – фундаментальные понятия, обозначаемые такими терминами как *оружие, конское снаряжение, украшения, сосуды, жилища*. Они имеют вид поля, в котором различают ядро концепта, приядерную зону концепта, ближайшую периферию концепта, дальнейшую периферию концепта, отдаленную периферию концепта [Голованова 2008:26]. Так, поле концепта *оружие* состоит из *ядра*, в котором должна помещаться словарная дефиниция. В условиях отсутствия научного археологического словаря на русском языке ядро концепта составляют термины, обозначающие конструктивные элементы всех классов оружия – *клинок (клин, перо) и рукоять (древко)*, которые, в свою очередь, подразделяются на следующие элементы: *клинок – полотно, лезвие, спинка, вершина, образующие. Рукоять – навершие, ствол рукояти, перекрестье (обойма)*. Отдельным элементом является *крепление клинка к рукояти* [Кокорина, Лихтер 1995].

Оружие, клинок которого состоит из *полотна, вершины и лезвия*, является режущим. Поэтому на приядерной зоне концепта располагаются такие термины как *нож, меч, кинжал, сабля, ятаган, шпага* и др. На ближайшей периферии концепта располагаются такие слова как *акинак, шляпковый нож, вогнутообушковый кинжал* и др. На дальнейшей периферии располагаются такие термины, как *скифский акинак, сарматский акинак, кинжал сейминско-турбинского типа, кинжал андроновского типа* и т.п.

Оружие, клинок которого состоит из *полотна, лезвия и образующих*, является рубящим. На приядерной зоне концепта располагаются такие термины как *пальштаб, топор, тесло, мотыга, лопата, кельт* (разновидность рубящего орудия). На ближайшей периферии концепта располагаются такие термины как *кельт-лопата, кельт-тесло, кельт с «пещеркой»*, на дальнейшей периферии – *кельт сейминско-турбинского типа, топор древнерусского типа* и т.п.

Оружие, клинок которого состоит из полотна, вершины и образующих, является колющим. На приядерной зоне концепта располагаются такие термины как *вилы, гарпун, дротик, копье, пика, стрела, острога, сулица* и т.п. Поскольку от этого оружия сохраняются в основном только наконечники, то на ближайшей периферии концепта будут располагаться такие термины как *черенковый наконечник, втульчатый наконечник, зажимной наконечник* и т.п. На дальнейшей периферии будут располагаться такие термины как *пламевидный наконечник, лавролистный наконечник, иволистный наконечник, томар, срезень, прорезной наконечник, наконечник сейминско-турбинского типа* и т.п.

В итоге представленное терминопле позволяет вскрыть существующую в археологическом знании иерархическую структуру, что открывает возможности для ее анализа и совершенствования. Открываются возможности для создания терминосистемы. Термины имеют, наряду с прочими, и эвристическую функцию: «Если для терминологической работы систематизация понятий является средством упорядочения терминов, то терминологическая работа, в свою очередь, является средством упорядочения знаний» [Гринев 2008:209]. Таким образом, междисциплинарные исследования. Проводимые на основе когнитивной науки, оказываются полезными и для развития и систематизации археологического знания.

Библиографический список

- Автономова Н.С. Мишель Фуко и его книга «Слова и вещи» // Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук – СПб, А-сэд, 1994. – С.7-28.
Арутюнова Н.Д. Истина: фон и коннотация// Логический анализ языка.

- Культурные концепты. Сб.ст. //АН ССР, Институт языкознания / Ред.: Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1991. – С.25-36.
- Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества/ М.М. Бахтин. Прим. С.С. Аверинцева и С.Г. Бочарова. – 2-е изд., М.: Искусство, 1986.-444с.
- Голованова Е.И. Когнитивное терминоведение: учебное пособие / Е.И. Голованова; Челябинск. Гос. Ун-т. – Челябинск: Энциклопедия, 208. – 180с.
- Гринев-Гриневиц С.В. Терминоведение. – М.: Издательский центр «Академия», 2008. – 304с.
- Дроздова Т.В. Концепты как основа ключевых понятий в терминологии // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования. Сб. научн. тр. – М., Калуга, 2007. – С.139-148.
- Зяблова О.А. К пониманию термина с когнитивной точки зрения // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. №2-3. С. 41-47.
- Кокорина Ю.Г., Лихтер Ю.А. Морфология декора. – М., КомКнига, 2007. – 200с.
- Кокорина Ю.Г., Лихтер Ю.А. Проникающие орудия и оружие. Морфология древностей. Вып. 3. – М., МГУ, 1995, 116с.
- Кубрякова Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира./ Российская академия наук. Институт языкознания. – М.: Языки славянской культуры. 2004. – 560с.
- Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов / Под общей редакцией Е.С. Кубряковой. – М.: МГУ, 1996. – 245с.
- Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка //Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / Под редакцией проф. В.П. Нерознака. – М.: Academia, 1997 – 320с.
- Новодранова В.Ф. Проблемы терминообразования в когнитивно-коммуникативном аспекте// Лексикология. Терминоведение. Стилистика. Сб. статей под ред. В.Ф. Новодрановой. – М.; Рязань, Пресса, 2003. С.146-154.
- Прытков В.П. Теория // Современный философский словарь / под общей ред. д.ф.н. проф. В.Е. Кемерова – 3-е изд, испр. и доп. – М.: Академический проект. 2004. С. 708-711.
- Топорова В.М. Форма //Антология концептов/ под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. – М.: Гнозис, 2007 – С. 224-243.
- Щапова Ю.Л. Введение в вещеведение: естественнонаучный подход к изучению древних вещей. М.: МГУ, 2000. – 144с.
- Shepard R.N. George Miller's data and the development of methods for representing cognitive structures// The making of cognitive science: Essays in honor of George Miller. – Cambridge (Mass), 1988. – P. 45-70.

© Кокорина Ю. Г., 2010

Колочкова О. В.

Санкт-Петербург, Россия, olga_kolochkova@mail.ru

Стадийность и неравномерность протекания процесса адъективации причастных форм в русском языке

Очевидно, что внутри системы языка все слова возможно чётко распределить между частями речи, однако в тексте функционируют и периферийные элементы, имеющие признаки, характерные для нескольких явлений одновременно. Например, встречаются единицы, которые, несмотря на рекомендации справочников, оказывается невозможным однозначно квалифицировать как причастие или имя прилагательное. Следовательно, необходимо разрабатывать способы адекватной оценки «промежуточных» языковых образований.

Распределим все найденные нами к данному моменту примеры по пяти группам:

- ⇒ образования фразеологизированного характера;
- ⇒ образования терминологизированного характера;
- ⇒ промежуточные метафорические единицы;
- ⇒ формы, характеризующие части тела;
- ⇒ гибридные образования с зависимыми словами («промежуточность» отразилась на их правописании).

Проиллюстрируем нашу рабочую классификацию конкретными примерами.

Группа 1: *увлекающийся человек, волнующее зрелище.*

Нетипичность данных образований заключается в том, что их одновременно и адекватно можно заменить как придаточным предложением (*человек, который увлекается; зрелище, которое волнует*), так и синонимом (*любопытный человек; необыкновенное зрелище*). С семантико-грамматической стороны возможность такой двойкой замены означает, что перед нами форма, значение времени и залоговая корреляция в которой стёрлись ровно настолько, насколько развилось значение качества.

Непосредственно к примерам из *Группы 1* примыкают примеры из **Группы 2**: *отравляющие вещества, пишущая машинка*.

Это термины, состоящие из двух компонентов (определяющего и определяемого), где у определяющего компонента значения вида, времени и залога уже утратились (мы не можем сказать ни **отравлявшие вещества*, ни **отравившие*, ни **отравленные*, так как при подобных изменениях утрачивается качественное терминологическое значение свойства предмета, обозначенного определяемым словом), но возможность замены присубстантивно-определятельным придаточным всё ещё сохраняется. В то же время (в отличие от собственно единиц из *Группы 1*) в подавляющем большинстве случаев мы оказываемся не в состоянии заменить данные образования синонимичными прилагательными из-за особенностей производящего глагола, от которого образована «первичная» причастная форма и с которым поддерживается связь, а именно его:

✓ переходности - указание на отсутствующий в словосочетании прямой объект, который, однако, существует как в грамматическом значении глагольной основы, так и в реальной действительности.

✓ семантики - значение конкретного физического действия.

Группа 3: *удручённое осознание действительности* [Тургенев 1994: 103], *развращённая идеология* [Тургенев 1994: 87].

Эти единицы можно квалифицировать в качестве метафорических (причём эта метафоричность отсутствует в глаголах, которые явились производящей базой для исходной формы причастия, но развивается непосредственно у самих адъективных форм). Таким образом, процессуальность оттесняется на задний план, а лексическое значение каждой единицы мы осознаём лишь на основе целого ряда ассоциаций (набор которых индивидуален). Данная группа является наиболее неоднородной и неоднозначной, поскольку, с одной стороны, метафоричность образований должна сразу же давать исследователю возможность относить их к прилагательным, однако, с другой стороны, несомненно и то, что здесь ярко проявляет себя

и глагольная (уже - причастная) семантика, более того, к интересующим нас образованиям практически невозможно подобрать адекватный синоним.

Группа 4: *со скрещёнными руками, раскрытые глаза.*

Здесь мы разместили контаминированные образования, характеризующие части тела. На наш взгляд, эти единицы стоит выделять в особую группу, поскольку при сравнении конструкций типа *со скрещёнными руками, раскрытые глаза* с «классическими» причастиями (*со скрещёнными саблями, раскрытые двери*) можно заметить различия в значении прямого дополнения при исходных переходных глаголах: глаголы, мотивирующие причастия, имеют при себе дополнения-объекты, обозначающие нечто внешнее по отношению к субъекту (например: *Янычары скрестили сабли*); в конструкциях же *Я скрестил руки, Он раскрыл глаза* и т.п. объект - «часть» самого субъекта. Это и объясняет причину неправильности (искусственности) сочетаний **скрещённые мною пальцы, *раскрытые им глаза*.

Группа 5: *проговорил с насильственной улыбкою раненый джентльмен* [Тургенев 1994: 161], *службою недозволенные и долгу присяги противные* [Тургенев 1994: 118].

В данной группе находятся промежуточные образования, отражающие «орфографическую путаницу», связанную, в первую очередь, с одними из наиболее сложных правил русской орфографии - о количестве *n* в суффиксах причастий и прилагательных и об их слитном / раздельном написании с *не*. Комментируя данные примеры, отметим, что в первом случае интересующая нас форма *раненый* вроде бы написана верно, однако в предложении имеется обстоятельство образа действия *с насильственной улыбкою*: *Почему джентльмен улыбнулся с насильственной улыбкой?* - *Потому что он был ранен*. Иными словами, в форме причастия заключено значение следствия совершения основного действия, что позволяет пишущему выбрать и написание с двумя *n* в суффиксе. Что касается второго примера, то вроде бы случай бесспорный: необходимо писать раздельно,

поскольку присутствует дополнение в форме творительного падежа со значением субъекта действия (*службою*). Однако «непричастность» данной единицы подчёркивается тем, что, во-первых, существительное *служба* является отвлечённым - производителем действия как бы затемняется, а во-вторых, гибридный дериват оказывается в одном ряду (и в одних синтаксических условиях) с прилагательным *противные*.

Таким образом, можно говорить о том, что формальный подход к различению частей речи на данном этапе развития русского языка себя не оправдывает, поэтому для определения значения морфологической формы необходим учёт, прежде всего, данных семантического анализа. Следовательно, при написании той или иной контаминированной единицы нужно исходить из грамматической семантики и собственно лексического значения имеющегося образования. И в тех случаях, когда в самом языке заложена возможность двоякого понимания одного и того же, нельзя загонять пишущего в прокрустово ложе правил и лишать его возможности выразить разные смысловые оттенки, навязывая «единственно верное» орфографическое решение тем фактам, которые в языке имеют **двойной статус**. В некоторых правилах (в том числе о правописании форм причастий и прилагательных) целесообразно указывать на предпочтительность, желательность одного написания и вместе с тем допустить, не запрещать другое.

Библиографический список

Тургенев, И.С. Отцы и дети: Роман // Тургенев И.С. Собрание сочинений: В 5 тт. - Т. 5. - М.: Русская книга, 1994. - С. 5-180.

© Колочкова О. В., 2010

Коровушкин В. П.

Череповец, Россия, vkorovushkin@mail.ru

Общетеоретическая категориально - понятийная база и терминосистема междисциплинарных социально-лингвистических наук

Общей теоретической нитью, связывающей такие междисциплинарные социально-лингвистические науки, как социолингвистика, этно-

лингвистика, социолектология, социолексикология, социолексикография и лингвоэкология, является нестандартная (субстандартная, нелитературная, неконвенциональная) лексика и фразеология национального языка, представляющая собой либо исключительный объект, либо его ведущий компонент, в объектно-предметных областях вышеназванных отраслей знания, изучающих взаимодействие общества и языка. При этом предмет изучения данного объекта составляет специфику названных наук. В основе методологии данных наук могут лежать как элементы социальной структуры, обладающие определенными лингвистическими признаками, так и элементы языковой структуры, имеющие социологическую значимость. Поэтому категориально-понятийные системы перечисленных выше наук естественным образом объединяет эти два аспекта, которые можно было бы обозначить терминами социально-лингвистические и лингво-социальные категории и понятия. В первом случае акцент делается на социальную сторону языковых явлений, фактов и элементов, а во втором – на языковую сторону социальных факторов. В свою очередь, эти два аспекта естественным образом фокусируются в собственно лингвистическом аспекте, связанном с лексической системой языка. Вышесказанное обуславливает возможность построения общетеоретической базы категориально-понятийного аппарата этих наук, который может быть сформулирован в единой терминсистеме и представлен в следующей логической последовательности комплексных и системно-организованных социально-лингвистических, лингво-социальных и лингвистических сущностей: I) **объединения индивидов**: 1) *социальные объединения*: а) общество б) социум, в) коллектив, г) общность, д) маргинальная субкультура; 2) *социально-языковые объединения*: а) языковое сообщество, б) языковой коллектив, в) языковая общность; 3) *социально-речевые объединения*: а) речевой коллектив, б) речевая общность; II) **единицы и измерения социальной вариативности языка и речи**: 1) социально-лингвистическая переменная; 2) стратификационная и 3) ситуативная вариативность языка; 4) социально-коммуникативная система; 5) социально-языковая ситуация; 6) билингвизм; 7) диглоссия; 8) социолингвистиче-

ская норма; III) *формы существования языка*: 1) экзистенциальная форма языка; 2) национальный язык; 3) национальный вариант полинационального языка; 4) литературный язык; 5) геолект: а) региолект, б) территориальный диалект, в) полудиалект / локальный диалект, г) говор; 6) смешанные экзистенциальные формы языка: а) койне, б) креольский язык, в) язык-пиджин и смежные языковые формы; 7) подъязык / субъязык; 8) социолект; 9) лексикон маргинальной субкультуры; 10) языковой субстандарт: А) вне-литературный, Б) территориальный, В) этнический, Г) лексический: а) общенародный лексический субстандарт: низкие коллоквиализмы, общий сленг, вульгаризмы, б) специальный лексический субстандарт: социально-профессиональные и социально-корпоративные жаргоны и социально-эзотерические арг / кэнт [см.: Коровушкин 2005; 2008; 2009]. Определим понятия, связанные с *лексическим субстандартом*, как с наиболее общей для вышеназванных наук категорией.

Лексический субстандарт – это исторически сложившаяся, относительно устойчивая, комплексная, системно организованная и иерархически структурированная экзистенциальная макроформа национального языка, охватывающая частные экзистенциальные и неэкзистенциальные системно организованные языковые формы – сложные социально-стилистические иерархически структурированные категории лексики и фразеологии, отличающиеся от литературного стандарта этикостилистической сниженностью и инвективностью различного характера и различающиеся между собой своеобразной социальной профессионально-корпоративной и эзотерической (криптолалической) детерминированностью, представленные низкими коллоквиализмами, общими сленгизмами и вульгаризмами, составляющими общенародный лексический субстандарт, и профессионально-корпоративными жаргонами и эзотерическими арг / кэнтом, составляющими специальный лексический субстандарт, совместно формирующие отвечающий социолингвистическим нормам второго уровня речевой репертуар своих носителей, в соответствии с социолингвистическими параметрами ситуации социально-речевого общения, создавая при

этом языковую ситуацию лексической диглоссии различного типа и степени.

Низкие коллоквиализмы – это исторически сложившаяся и генетически достаточно однородная, относительно устойчивая и незамкнутая, комплексная, системно организованная и иерархически структурированная интересубстандартная неэкзистенциальная форма в пределах национального языка, охватывающая лексику, обозначающую общеизвестные и общеупотребительные в сферах повседневного неформального речевого общения бытовые предметы, явления, признаки и процессы, отличающуюся от литературного стандарта и от других форм лексического субстандартна своеобразной этико-стилистической сниженностью и инвективностью шутивно-иронического и фамильярно-насмешливого или подобного характера (которая может сопровождаться в функционально-понятийном плане несущественными ослабленными этнизированными, локализованными, социально-демографическими, социально-профессиональными и социально-корпоративными признаками), формирующую, в соответствии с социолингвистическими параметрами интеракции-коммуникации, отвечающий социолингвистическим нормам второго уровня компонент речевого репертуара своих носителей, имеющий основную коммуникативную функцию с преобладанием денотации над коннотацией, не создавая при этом ситуации лексической диглоссии. В словарях субстандартна коллоквиализмы снабжаются пометами *colloquial* (*coll.*, *colloq.*) или *low* и *разг.* (*разговорное*) или *жрр.* (*жаргонизированная разговорная речь*). Ср.: **batty-fang**. To beat: *coll.*; **spit**, n. A smoke: *low* [Partridge, 1979]; **bobble** n. A mistake *Colloq.* [Wentworth, Flexner 1975]; **ЖОР**, -а, м. *Жрр.* Appetit [Мокиенко, Никитина 2000].

Общий сленг – это исторически сложившаяся и генетически неоднородная, относительно устойчивая и незамкнутая, комплексная, системно организованная и иерархически структурированная интересубстандартная полуэкзистенциальная форма в пределах национального языка,

охватывающая стилистически маркированную лексику, обозначающую общеизвестные и общеупотребительные в сферах повседневного неформального и, частично, профессионально-корпоративного речевого общения обычные и в меньшей степени специальные предметы, явления, признаки и процессы, отличающуюся от литературного стандарта и от других форм лексического субстандарта своеобразной этико-стилистической сниженностью и инвективностью фамильярно-насмешливого, уничижительного (пейоративного) или подобного характера (которая может сопровождаться в функционально-понятийном плане несущественными, но заметными этнизированными, локализованными, социально-демографическими, социально-профессиональными и социально-корпоративными признаками), лексику, формирующую в соответствии с социолингвистическими параметрами интеракции-коммуникации отвечающий социолингвистическим нормам второго уровня компонент речевого репертуара своих носителей, имеющий основную эмотивно-коммуникативную функцию с преобладанием коннотации над денотацией, создавая при этом ситуацию частичной лексической диглоссии. В субстандартных словарях общие сленгизмы подаются без стратификационных помет, т. к. являются основным компонентом, составляющим корпус словаря. Ср.: **mouth-wash**. A drink of liquor: since 1930 [Partridge, 1979]; **glom** v.t. To take a look at [Wentworth, Flexner 1975]; **КАТОК**, -тка, м. Лысина [Мокиенко, Никитина 2000].

Вульгаризмы – это исторически сложившаяся и генетически достаточно однородная, устойчивая и незамкнутая, комплексная, системно организованная и иерархически структурированная интерсубстандартная неэкзистенциальная форма в пределах национального языка, охватывающая стилистически маркированную, предельно сниженную лексику (интенсификаторы, ругательства, богохульства, гробианизмы, вульгаризмы-табу, матизмы, в содержании и структуре которых закреплена вульгарная коннотация с ярко выраженной инвективной направленностью), обозначающую общеизвестные и общеупотребительные в сферах повседневного неформального и профессионально-корпоративного речевого общения

обычные предметы, явления, признаки и процессы (преимущественно связанные с человеком, его телом и характеристиками), отличающуюся от литературного стандарта и от других форм лексического субстандарта своеобразной пейоративной и нецензурной экспрессивностью (которая может сопровождаться в функционально-понятийном плане несущественными этнизированными, локализованными, демографическими, профессиональными и корпоративными признаками), формирующую в соответствии с социолингвистическими параметрами интеракции-коммуникации отвечающий социолингвистическим нормам второго уровня компонент речевого репертуара своих носителей, имеющий основную эмотивно-дисфеместическую функцию с подавляющим преобладанием коннотации над денотацией, не создавая при этом ситуацию лексической диглоссии. В словарях субстандарта вульгаризмы имеют пометы *vulgarism*, *taboo*, *вульг.* (*вульгарное*). Ср.: **leak**. v. To make water: a *vulgarism* [Partridge, 1979]; **hot shit** [*taboo*] A big shot [Wentworth, Flexner 1975]; **ДУПЛО**, -а, *ср. Мол. Вульг.* Влагалище [Мокиенко, Никитина 2000].

Социально-профессиональные жаргоны – это исторически сложившиеся и генетически неоднородные, относительно устойчивые и незамкнутые, комплексные, системно организованные и иерархически структурированные полужизненные формы специального лексического субстандарта в пределах национального языка, охватывающие социально-стилистически маркированную лексику, обозначающую употребительные в сферах специального профессионального речевого общения специальные (и, реже, обычные) предметы, явления, признаки и процессы, отличающуюся от литературного стандарта и от других форм лексического субстандарта своеобразной этико-стилистической сниженностью и инвективностью от шутивно-иронического и фамильярно-насмешливого до уничижительного (пейоративного) и, реже, вульгарного характера, которая обязательно сопровождается в функционально-понятийном плане существенными социально-профессиональными признаками (и несущественными, но заметными этнизированными, локализованными, демографическими и

корпоративными чертами), лексику, формирующую, в соответствии с социолингвистическими параметрами интеракции-коммуникации, отвечающий социолингвистическим нормам второго уровня компонент речевого репертуара своих носителей, имеющий основную коммуникативно-эмотивную функцию с паритетным соотношением коннотации и денотации, создавая при этом ситуацию частичной лексической диглоссии в сферах профессиональной коммуникации. В толковых словарях субстандарта профессиональные жаргонизмы подаются с пометами, указывающими на профессию. Ср.: жаргонизмы театрального (*theatrical, theatrical slang*), железнодорожного и бухгалтерского жаргонов (*railwaymen's, railroad use, бухг.*): **bum boozier**. A desperate drinker: *theatrical* [Partridge, 1979]; **ghost** n. The treasurer of a theater or theatrical company ... *Theatrical slang* [Wentworth, Flexner 1975]; **hooker** ... A shunter: *railwaymen's* [8]; **ash-cat** n. A locomotive fireman. *Railroad use* [9]; **КРЫЖ**, -а, м. Бухг. Галочка [Мокиенко, Никитина 2000].

Социально-корпоративные жаргоны – это исторически сложившиеся и генетически неоднородные, относительно устойчивые и незамкнутые, комплексные, системно организованные и иерархически структурированные субстандартные полужизненные формы в пределах национального языка, охватывающие социально-стилистически маркированную лексику, обозначающую употребительные в сферах корпоративного речевого общения специальные для данной корпорации или группы (и, реже, обычные) предметы, явления, признаки и процессы, отличающуюся от литературного стандарта и от других форм лексического субстандарта своеобразной этико-стилистической сниженностью и инвективностью от фамильярно-насмешливого до уничижительного (пейоративного) и даже вульгарного характера, которая обязательно сопровождается в функционально-понятийном плане существенными социально-корпоративными признаками (и несущественными, но заметными этнизированными, локализованными, демографическими и профессиональными чертами), лексику, формирующую, в соответствии с социолингвистическими параметрами

интеракции-коммуникации, отвечающий социолингвистическим нормам второго уровня компонент речевого репертуара своих носителей, имеющий основную эмотивно-коммуникативную функцию с преобладанием коннотации над денотацией, создавая при этом ситуацию частичной лексической диглоссии для субкультурных групп вне профессий. В словарях субстандарта корпоративные жаргонизмы фиксируются с пометами, указывающими на социально-групповую сферу. Ср.: студенческий жаргон (*schools' and universities', student use*) и жаргон наркоманов (*drug addicts', addict use*): **bug-shooter**. A volunteer (soldier): *schools' and universities'* [Partridge, 1979]; **sheba** n. An attractive girl. *Student use* [Wentworth, Flexner 1975]; 1) **needle, be on the**. To be addicted to drugs... *drug addicts'* [Partridge, 1979]; 2) **me-zonny** n. Money. *Addict use* [Wentworth, Flexner 1975]; ПЫХА, -и, Мол. Курево [Мокиенко, Никитина 2000].

Арго (кэнт) – это исторически сложившиеся и генетически неоднородные, относительно замкнутые и устойчивые, комплексные, системно организованные и иерархически структурированные субстандартные полужизненные формы в пределах национального языка, охватывающие стилистически маркированную и социально закрепленную лексику, обозначающую употребительные в сферах эзотерического речевого общения специальные для данного социума (и, реже, обычные) предметы, явления, признаки и процессы, отличающуюся от литературного стандарта и от других форм лексического субстандарта своеобразной этико-стилистической сниженностью, инвективностью и резкостью оценки пейоративного и даже вульгарного характера, которая обязательно сопровождается в функционально-понятийном плане существенными социально-эзотерическими признаками (и несущественными, но заметными этнизированными, локализованными, демографическими и профессионально-корпоративными чертами), лексику, формирующую, в соответствии с социолингвистическими параметрами интеракции-коммуникации, отвечающий социолингвистическим нормам второго уровня компонент речевого репертуара своих носителей, имеющий основную эзотерическую функцию пароля и подчиненную

ей коммуникативно-эмотивную функцию с паритетным варьированием коннотации и денотации, создавая при этом ситуацию частичной лексической диглоссии для субкультурных антисоциальных и асоциальных групп. В словарях английского субстандарта арготизмы (кэнтизмы) снабжаются пометами: *c.* (=cant) – для британского и *underworld use* – для американского ареалов; в словарях русского просторечия – пометой *арго* или указателями на конкретный вид арго – *угол.* (*уголовный*), *тюр.* (*тюремный*), *лаг.* (*лагерный*), *крим.* (*криминальный*) и т.п. Ср.: **break.** Money collected by friends for a prisoner's defence: *c.* [Partridge, 1979]; **both hands** A prison sentence of ten years. *Underworld use* [Wentworth, Flexner 1975]; **клифт**, -а, м. Шинель. ВВ: вохр.: солд.: 1960+: Север (< *вор.* «пиджак», «пальто»); **двадцать шесть.** 1. *устар.* Тюремный надзиратель. *Тюр.*: нач. 20 в.+ →2. *ист.* Сменный офицер. Николаев. кав. уч.: юнкер.: —1917: СПб. [Коровушкин 2000]. В словарях арго арготизмы могут не снабжаться указателями арго: **МИНОМЁТ**, -а, м. Ложка [Грачев, 2003].

Библиографический список

Грачев М.А. Словарь тысячелетнего русского арго: 27000 слов и выражений. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2003.

Коровушкин В.П. Словарь русского военного жаргона: нестандартная лексика и фразеология вооруженных сил и военизированных организаций Российской империи, СССР и Российской Федерации XVIII-XX веков. Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 2000.

Коровушкин В.П. Основы контрастивной социолектологии: Монография в двух частях. Часть I. Череповец: ЧГУ, 2005а.

Коровушкин В.П. Основы контрастивной социолектологии: Монография в двух частях. Часть II. Череповец: ЧГУ, 2005б.

Коровушкин В.П. Английский лексический субстандарт versus русское лексическое просторечие (опыт контрастивно-социолексикологического анализа): Монография. – Череповец: ЧГУ, 2008.

Коровушкин В.П. Теоретические основы контрастивной социолексикологии: Монография. Череповец: ЧГУ, 2009.

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русского жаргона. СПб.: «Норинт», 2000.

Partridge E. A Dictionary of Slang and Unconventional English. In two volumes. London: Routledge & Kegan Paul, 1979.

Wentworth H., Flexner B.S. Dictionary of American Slang. Second Supplemented Edition. New York: Thomas Y. Crowell Publishers, 1975.

© Коровушкин В. П., 2010

Котляров И. Д.

Санкт-Петербург, Россия, ivan.kotliarov@mail.ru

Малоизвестные проблемы исторической фонетики французского языка

Историческая фонетика романских языков, будучи одной из старейших и наиболее изученных лингвистических дисциплин, в настоящее время находится на периферии интересов специалистов по языкознанию. По общему мнению, крупных открытий в этой области ждать не приходится, и, соответственно, исследованиям исторической фонетики романских языков уделяется мало внимания – как в научно-исследовательской деятельности лингвистов, так и в учебных курсах, предназначенных для будущих специалистов по романской филологии. Особенно тяжела в этом отношении ситуация в России, где ряд интересных вопросов затрагивается в учебниках по истории романских языков вскользь или же характеризуется как неизученные (несмотря на большой массив посвященной им иностранной литературы).

В предлагаемой статье рассматриваются два таких вопроса. Автор надеется, что выполненный им анализ окажется полезным для отечественных специалистов по романскому языкознанию.

1. РЕФЛЕКСЫ ЛАТИНСКОГО ПОСТВОКАЛЬНОГО $-k(a)$ - ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Латинское поствокальное $-k$ - перед a может давать в старофранцузском следующие группы рефлексов:

1. 0 или j (в зависимости от предшествующего гласного). Распределение рефлексов внутри этой группы подчиняется строгим правилам;

2. Глухая или звонкая аффриката в старофранцузском и, соответственно, глухая или звонкая шипящая в современном французском языке (см. табл. 1). Правила распределения глухого и звонкого рефлексов в российской научной и учебной литературе не приводятся, говорится лишь о наличии этих рефлексов как таковых, а сама проблема выявления этого распределения описывается как нерешенная.

Тем не менее, задолго до написания основных российских учебных пособий, затрагивающих проблемы исторической фонетики французского языка, возникли и получили признание теории, дающие адекватное описание этого распределения.

Табл. 1. Примеры звонкого и глухого рефлексов латинского $-k(a)-$

Звонкий рефлекс	Глухой рефлекс
JUDICARE > <i>juger</i>	PRAEDICARE > <i>prêcher</i>
*FETICARE > <i>figer</i>	CABALLICARE > <i>chevaucher</i>
BULLICARE > <i>bouger</i>	COLLOCARE > <i>coucher</i>
VINDICARE > <i>venger</i>	PENDICARE > <i>pencher</i>
MANDUCARE > <i>manger</i>	
	MANICA > <i>manche</i>
SERICA > <i>serge</i>	
BARICA > <i>berge</i>	
BALEARICA > <i>baillarge</i>	
GRANICA > <i>grange</i>	

Очевидно, что разные рефлексы $-k(a)-$ обуславливаются степенью лениции, которую испытала эта согласная. Наибольшей лениции соответствует первая группа рефлексов (0 или j), средней – звонкая аффриката, отсутствию лениции – глухая аффриката. Таким образом, проблема распределения звонких и глухих рефлексов сводится к поиску относительной хронологии выпадения гласной перед $-k-$.

Правила, описывающие эту хронологию, были сформулированы в начале XX в. выдающимся французским лингвистом Эдуардом Бурсье (на

наш взгляд, этот набор правил может быть назван законом Бурсье [Bourciez 1921: 159-166]):

А. Гласные в начальных и ударных слогах, как правило, не выпадают (здесь следует вспомнить, что конечное а в старофранцузском не выпадает по закону Дармстетера). Таким образом, если *-k-* стоит в начале второго слога двусложного слова после ударного слога, или в начале второго ударного слога трехсложного слова, то оно испытывает полную леницию и дает в виде рефлекса либо *j* (после *a, e, i*; это *j* впоследствии может полностью или частично слиться с предшествующей гласной) - PACARE > старофр. *paier*, DECAN > старофр. *deien*, VACA > старофр. *baie*, либо *0* (после *o* и *u*) - JOCARÉ > старофр. *juer, joer*;

В. Гласный в неначальном безударном слоге непосредственно перед ударным слогом, выпадает достаточно поздно (уже после начала лениции: MANDUCARE > старофр. *mangier*;

С. Безударные гласные в предпоследнем слоге в пропарокситонах выпадают рано, до начала лениции: MANICA – старофр. *manche*.

Однако закон Бурсье все же не дает полную картину распределения глухих и звонких рефлексов, так как, согласно ему, во всех французских потомках латинских глаголов на *-care* должен быть представлен звонкий рефлекс (часть В закона Бурсье). Тем не менее, из таблицы 1 очевидно, что это не так. Кроме того, не всегда выполняется и часть С – ср. GRANICA – *grange* вместо ожидаемого **granche*.

Нерегулярное развитие *-k-* в глаголах на *-care* Бурсье объяснил действие аналогии: рефлекс *-k-* во всех глагольных формах выравнялся на основе либо третьего лица единственного числа настоящего времени (*coucher* < *couche* < COLLOCAT по правилу С, откуда *coucher* вместо ожидаемого – по правилу В - **couger*, старофр. **colgier* < COLLOCARE), либо инфинитива (CARRICARE > *charger* – rule В, откуда *il charge* < CARRICAT, вместо *il *charche* – которого бы следовало ожидать по правилу С).

Ситуация с нерегулярными пропарокситонами остается необъясненной (SERICA > *serge* etc). Бурсье лишь указывает на то, что звонкий

рефлекс в этой позиции необычен. Кроме того, он сделал очень важное наблюдение о том, что в форме *forge* < FABRICA *i* сохранилось (вызвав таким образом леницию *k*) благодаря предшествующей группе согласных *BR*.

Кроме того, Бурсье отмечает, что отдельные слова с нерегулярным глухим рефлексом вместо ожидаемого звонкого (*empêcher*, *prêcher*) представляют собой ранние заимствования (вульгарной) латыни, в которой лениция интервокальных согласных не происходила [Bourciez 1921: 165].

Эдуард Шванн уточнил закон Бурсье. Согласно его гипотезе, латинский интервокальный *-k-* испытал леницию *ov* всех позиция, давая, таким образом, звонкий рефлекс. Однако после выпадения предшествующей безударной гласной этот звонкий рефлекс оглушался, если предшествующая согласная была глухой (MASTICARE > **mastigare* > **mastiɟzar* > **masʃier* > *maschier*) – то есть речь шла о прогрессивной ассимиляции. Если же предшествующая согласная была звонкой, то рефлекс сохранял свою звонкость (PLUMBICARE > **plombigare* > **plombiɟzar* > **plom(b)ɟzar* > *plongier*) [Schwan 1963: 93]. Эта модель может быть названа правилом Швана. Очевидно, однако, что ей также свойственны недостатки – в частности, она не может объяснить слова типа PENDICARE > *pencher*, где, по Швану, следовало бы ожидать звонкого рефлекса.

В своих работах автор данной статьи показал, что распределение глухих и звонких рефлексов может быть объяснено действием следующего фонетического закона:

Если согласная перед безударной гласной, предшествующей латинскому *k(a)* была глухой, то она вызывала относительно раннее выпадение этой гласной (до начала процесса лениции). Звонкость же согласной перед этой гласной задерживала ее выпадение, вследствие чего *k(a)* испытывала частичную леницию, давая, таким образом, в качестве рефлекса звонкую аффрикату.

Этот закон действовал в разных западнороманских языках с разной степенью интенсивности (размер статьи не позволяет рассмотреть его географическое распределение). Однако он с приемлемой степенью точности позволяет объяснить распределение глухих и звонких рефлексов латинского интервокального *k(a)* как в собственно французском языке, так и в северно-французских диалектах.

Из всего сказанного выше очевидно, что проблема распределения глухих и звонких рефлексов в значительной степени решена (хотя для ее объяснения и предложены различные теории). Однако отсутствие упоминания об этих теориях обедняет учебники исторической фонетики французского языка и вводит учащихся в заблуждение.

2. ЗАКОН БАРЧА

Этот закон был открыт немецким филологом Карлом Барчем (*Karl Bartsch*, 1832–1888). Известен также под названием «эффект Барча».

Закон Барча гласит, что латинский ударный *a* в открытом слоге дает в старофранцузском дифтонг *ie* (первоначально – нисходящий, впоследствии – восходящий [Чельшева 2001: 250-255]), если ему предшествует палатализованный согласный (прежде всего – *k, g*): *MANDUCARE > mangier*, *CARRICARE > chargier*, *CAPUT > chief*. Эта дифтонгизация (также часто называемая палатализацией *a*) объясняется воздействием предшествующего палатализованного согласного (во всех остальных позициях, кроме позиции перед носовым согласным, латинский ударный *a* в открытом слоге в старофранцузском регулярно дает *e*: *MARE > mer*, но *MANU > main* [Borodina 1961]).

Изначально этот закон был сформулирован для старофранцузского языка, однако он применим также и для франкопровансальского языка (что, однако, в доступной нам литературе специально отмечено не было), поскольку в нем наблюдается сходный феномен палатализации ударного *a* в открытом слоге после палатального согласного – по говорам наблюдаются рефлексy [je], [i], [ja], [i], в остальных позициях латинский ударный *a* в

открытом слоге во франкопровансальском дает *a* [Загрязкина, Чельшева 2001: 304-321].

В работе [Загрязкина, Чельшева 2001] не совсем корректно указано, что эта палатализация *a* после палатальных в открытом ударном слоге противопоставляет франкопровансальский французскому и окситанскому. Действительно, в окситанском языке этот феномен отсутствует, в современном французском – тоже, однако в старофранцузском эта палатализация присутствовала в соответствии с законом Барча (в современном французском языке дифтонг *ie* после палатальных стянулся в *e*, что привело к сходству рефлексов латинского ударного *a* в открытом слоге после любых согласных). Скорее, авторам работы [Загрязкина, Чельшева 2001] следовало бы сказать, что в этом аспекте франкопровансальский соответствует более древнему состоянию французского языка – старофранцузскому, вместе с которым они противопоставляются окситанскому. Любопытно, что один из авторов работы [Загрязкина, Чельшева 2001] в своей более ранней работе [Загрязкина 1991] последовательно проводит тезис о большей архаичности франкопровансальского по сравнению с французским и о сохранении в нем форм, которые во французском исчезли. К сожалению, отсутствие упоминаний о законе Барча в российской литературе по романскому языкознанию привело к этой досадной неточности в авторитетной серии «Языки мира». Более того, указание на закон Барча позволило бы наглядно показать промежуточное положение франкопровансальского языка между французским и окситанским, поскольку во франкопровансальском ударный *a* в открытом слоге после палатальных палатализуется, как в старофранцузском, но после остальных согласных остается неизменным, как в окситанском.

Подводя итог, закон Барча можно обобщить на старофранцузский и франкопровансальский и переформулировать следующим образом: латинский ударный *a* в открытом слоге после палатальных согласных в старофранцузском и франкопровансальском языках палатализуется, давая рефлекс в виде дифтонга [i ϵ] (первоначально – нисходящего, впоследст-

вии – восходящего) и [je], [i], [ja] соответственно. Впоследствии дифтонг [ie] в старофранцузском стянулся в *e*.

Традиционно считается, что система гласных звуков франкопровансальского языка соответствует окситанской, а система согласных звуков – французской [Загрязкина, Чельшева 2001]. При общей верности этого тезиса следует, однако, отметить, что системы гласных звуков французского и франкопровансальского языков объединяет наличие в них обеих законов Барча. Таким образом, при общем «окситанском» характере франкопровансальского вокализма, в нем присутствует и французский элемент. Это усиливает сходство между фонетическими системами французского и франкопровансальского языков и служит аргументом для разбиения галло-романской подгруппы романских языков на две части: северо-романские языки (французский со своими диалектами и франкопровансальский) и окситанский язык (который демонстрирует близость к иберо-романской подгруппе).

Хочется надеяться, что в будущем закону Барча в курсах романского языкознания, издаваемых в России, будет уделяться подобающее внимание – как было показано выше, отсутствие такого внимания может приводить к весьма досадным неточностям, недопустим в специализированной литературе, а сам он имеет большое значение не только для исторической фонетики романских языков, но и для уточнения их классификации.

Библиографический список

- Загрязкина Т.Ю. Франкопровансальский vs. старофранцузский. // Формирование романских литературных языков: провансальский – окситанский. / Отв. ред. Б.П. Нарумов. – М., 1991. – С. 53–80.
- Загрязкина Т.Ю., Чельшева И.И. Франкопровансальский язык. // Языки мира. Романские языки / Под ред. И.И. Чельшевой, Б.П. Нарумова, О.И. Романовой. – М., 2001. – С. 304–321.
- Калыгин В.П. Дармстетера закон. // Лингвистический энциклопедический словарь. / Под ред. В.Н. Ярцевой. – М., 1990. – С. 127.
- Катагощина Н.А., Гурычева М.С., Аллендорф К.А. История французского языка. – М., 1976.
- Чельшева И.И. Старофранцузский язык. // Языки мира. Романские языки. / Под ред. И.И. Чельшевой, Б.П. Нарумова, О.И. Романовой. – М., 2001. – С. 250–278.

- Широкова А.В. От латыни к романским языкам. – М., 2005.
Borodina M. Phonétique historique du français. – Léningrad, 1961.
Bourciez, Edouard. Précis historique de phonétique française. Paris, Librairie C. Klincksieck, 1921.
Schwan, Edouard. Grammatik des Altfranzösischen. Neu bearbeitet von Dieter Behrens. Darmstadt, Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1963.
Zörner L. Il dialetto francoprovenzale della Val Soana. Cuorgnè, Edizioni Corsac, 2004.

© Котляров И. Д., 2010

Лукин О. В.

Ярославль, Россия, oloukine@mail.ru

О роли логики в теории частей речи

Вопросы, касающиеся взаимоотношений теории частей речи с логикой, имеют самое немаловажное значение: вся история частеречной проблематики разворачивалась на фоне взаимоотношений между логикой и языкознанием. Как известно, языкознание связано с логикой изначально: сам термин “логика” обозначал не что иное как словесное выражение мысли (ср. [Арутюнова 1990: 273]).

Слияние и взаимное определение логических, онтологических и языковых категорий в творчестве Аристотеля было научным фактом, последствия которого до сих пор значимы и в логике, и в языкознании. Аристотель пытался свести не только мир, но и язык, и знание к их «элементарным» основным формам. Десять аристотелевских категорий или десять когнитивных образцов были созданы и для того, чтобы классифицировать множество наших понятийных образований (ср. [Köller 1988, 212]). В отношении теории частей речи это можно интерпретировать так: теория частей речи сложилась на основе языка с ярко выраженными флексивными характеристиками – древнегреческого – на фоне определенных логических предпосылок, которые взаимно определяли друг друга. Факт того, сколько частей речи как таковых выделял Аристотель, сам по себе не так важен в сравнении с той ролью, которую сыграл ученый: он способствовал появлению на свет теории, известной сейчас как теории частей речи.

Черты сходства и различия логических и грамматических струк-

тур всегда были предметом внимания разных школ логики. С самого появления логики ее теории были так или иначе связаны с грамматикой, будь то рассмотрение основополагающих грамматических структур как универсальных логических структур или стремление так уточнить и формализовать расплывчатые грамматические структуры, чтобы процессы мышления могли регулироваться и контролироваться более точно (ср. [Köller 1988: 190]).

Связь логики и грамматики, по мнению В. Келлера, выглядит так: из языковых образцов, упорядочивающих действительность, следуют логические структуры как абстракция последних, формы же мышления выкристаллизовываются в языковых формах так, чтобы с ними можно было легче обращаться (ср. [Köller 1988: 192]). Прагматически релевантные формы мышления обязательно должны находить свое выражение в языковых формах для максимально удобного обращения с ним. Языковое отражение антропологически релевантных форм мышления особенно можно увидеть в грамматических знаках с организующей функцией, в то время как в грамматических знаках с интерпретирующей функцией более определенно отражаются те формы мышления, которые обладают не только антропологической значимостью, но и культурной спецификой, и затрагивают не только изобразительную функцию языка, но и другие его функции (ср. [Köller 1988: 192-193]).

Исключительно важно помнить, что грамматические категории частей речи и логические категории находятся между собой в весьма сложных отношениях, которые нельзя сводить к отражению и выражению последних первыми. Грамматические категории частей речи "... указывают определенную точку зрения на предмет, хотят выставить предмет в определенном свете для его специального понимания и потому содержат в себе, по крайней мере, два семантических слоя. Один – предметно-логический и другой – так или иначе понимаемый – интерпретативный, назначенный для сообщения данного предмета другому сознанию" [Лосев 1982: 359].

Говоря о логических предпосылках и обоснованиях теории частей

речи, можно заметить, что на протяжении значительного периода своей истории эта теория была предопределена и детерминирована тем, что впоследствии назовут логическим направлением в языкознании. Н. Ю. Бокадорова называет четыре этапа европейской языковедческой традиции, из которых три самым непосредственным образом были связаны с логикой (см. [Бокадорова 1990: 146]).

Первый этап (VI-XII вв. н. э.) был периодом появления схоластической логики, когда грамматика была вспомогательной дисциплиной. Во второй период (XIII-XIV вв. н. э.) грамматика становится частью философии и ключом к пониманию природы человеческого мышления. Тогда на основе логических сочинений Петра Испанского создается логико-грамматическая школа “модистов”. Модисты понимали предложение с точки зрения идеи движения, заимствованной из “Физики” Аристотеля. Исходной позицией и началом движения они считали существительные и местоимения в именительном падеже (*modus entis* – “модус сущего”). С конечным пунктом отождествлялись глаголы, прилагательные, причастия и наречия (*modus esse* – “модус существования, бытия”). Предлоги, союзы, междометия служили для соединения частей речи первых двух групп (см. [Арутюнова 1990: 274]). В логической концепции модистов видно противопоставление частей речи: имен и глаголов (*modus entis* и *modus esse*), с одной стороны, и этих двух частей речи и служебных (предлогов, союзов и междометий), с другой. В четвертый, “рационалистический” период (XVII-XVIII вв.) “декартовская” революция заставила филологов искать новые логико-рационалистические принципы исследования языка.

Разумеется, все эти периоды кардинально отличались друг от друга своими установками, приоритетами и подходами. Но самый факт, что столь длительный период – более одиннадцати веков – в формировании европейской языковедческой традиции самым непосредственным образом был связан с логикой, не мог не сказаться на всей дальнейшей истории как языкознания вообще, так и теории частей речи в частности.

Статическое отождествление грамматики, онтологии и логики в

мышлении рационалистов, приведшее к концепции грамматических универсалий, встретило противодействие со стороны историко-генетического мышления в XIX веке: чем больше исследователи пытались строить свои теории на эмпирических грамматических данных, а не на онтологических концепциях, тем подозрительнее становилась сама идея средневековых грамматических универсалий. Чем больше они стремились понять историческую индивидуальность языка и грамматические структурные правила, тем дальше они уходили от попыток интерпретации грамматических категорий в зависимости от онтологических концепций, от втискивания их в прокрустово ложе онтологических концепций. Все более отчетливо выступала на передний план тенденция рассматривать языковые формы не как непосредственные формы репрезентации онтологических данностей, а как формы их интерпретации [Köller 1988: 222].

С самого момента своего возникновения частеречная теория рассматривала феномен “части речи” прежде всего не с формальной, а с содержательной (логической, онтологической, гносеологической и др.) точек зрения. Наложение на содержательные критерии формальных привело к тому, что сейчас называют смешением критериев классификации (а по сути является смешением формы и содержания языковых явлений). В дальнейшем все недостатки частеречной теории объяснимы именно этим: с точки зрения содержательных (и/или логических) аспектов классификации подвергаются те феномены, которые имеют определенные черты формального сходства и различия. И наоборот, формальные критерии становились основой того, чему давались логические, семантические и тому подобные интерпретации и толкования.

Спустя много столетий после Аристотеля определенную роль в развитии частеречных теорий сыграли категории И. Канта и Г. Гегеля. Эти категории сложились в рамках философии идеализма, что предопределило и особенности частеречных теорий, так или иначе с ними связанных. Кантовские категории делились на следующие разряды: качество (реальность, отрицание, ограничение), количество (единство, множество, цельность),

отношение (субстанция и свойство, причина и действие, взаимодействие), модальность (возможность и невозможность, действительность и недействительность, необходимость и случайность). Категории Канта представляют собой неизменные формы мышления, которые упорядочивают человеческий опыт (ср. [Спиркин, Ярошевский 1983: 251]).

С позиций кантовских категорий пространства и времени исследователями трактуются взаимоотношения глагольных и именных форм. Здесь видится такая аналогия: категории, которые в сфере имени трактуются в пространственном отношении, при переносе в сферу глагола принимают временной характер (ср. [Walter 1981: 130]). Х. Вальтер передает особенности взаимоотношения глагольных категорий с номинальностью безынтересным парадоксом: императив и интеррогатив являются настолько типичными глагольными категориями, что более сильные именные признаки здесь гораздо менее вероятны, чем в индикативе ([Walter 1981: 133]).

Категории Гегеля представляют порождение абсолютной идеи. К ним относятся бытие (качество, количество, мера), сущность (основание, явление, действительность, к которой относились субстанция, причина и взаимодействие), понятие (субъект, абсолютная идея, объект) ([Спиркин, Ярошевский 1983: 251]). Необходимо, однако, подчеркнуть, что проследить взаимодействие гегелевских категорий с определенными частями речи в современной лингвистике значительно труднее, чем категорий Аристотеля или Канта.

Классическая двухвалентная аристотелевская логика с ее тремя директивными аксиомами имеет важные особенности: она выражает цели как мышления, так и определенного языковедческого сознания. Как предметная логика она ориентируется только на изобразительную функцию языка, оставляя без внимания все другие ([Köller 1988: 178]). Поскольку классическая логика ограничивает свой интерес только изобразительной функцией языка, она вынуждена вступить в конфликт с лексикой и грамматикой естественных языков. Ведь структуры лексики и грамматики не только не покрывают онтологические структуры мира, но и не служат ис-

ключительно тому, чтобы охватить эти структуры (ср. [Köller 1988: 178]).

Конфликт формальной логики с лексикой и грамматикой отдельных естественных языков находил свое решение в трудах многих языковедов. Здесь выделялись три основных направления как три различных ответа, которые касались “сопротивления естественных языков точным операциям мышления”. Первое, ярче всего представленное грамматикой Пор-Рояля, пыталось так преобразовать лексику и грамматику естественного языка, чтобы они лучше соответствовали принципам классической логики. Второе направление (XVII-XVIII вв.) пыталось создать универсальный язык науки. Третье (т. н. новое время) пыталось обозначить логические отношения особыми нотационными знаками (ср. [Köller 1988: 182]).

Этот конфликт пытались преодолеть более поздние концепции, такие как семиотическая логика. От других подходов, особенно формальной логики, семиотическая логика отличается тем, что в ее систему понятий включено понятие „знак“. Ч. С. Пирс хотел подчеркнуть тезис идентичности логики и семиотики как центральный тезис, центральный аспект логики. Для него логика – не учение о мышлении, но учение о мышлении посредством знаков, в которых мы репрезентируем наши знания (ср. [Köller 1988: 183]).

На бросающуюся в глаза и до сих пор не устраненную неадекватность логического анализа языка указывают многие авторы. Так, Т. Бальмер и В. Бренненштуль предлагают устранить существующую неадекватность при идентификации глаголов и имен как предикатов и индивидов ([Ballmer, Brennenstuhl 1980: 138]). В историческом плане критика логических основ грамматики естественным образом привела к четкому отграничению языковых и логических категорий друг от друга, что позволило анализировать языковые формы без оглядки на категории логики и выдвинуло на передний план морфологию (в языках с преобладанием морфологии флективного типа), ср.: „Критика логических основ грамматики привела к более четкому отграничению собственно языковых категорий от категорий логики, что развило технику формального грамматического анализа и вы-

двинуло на первый план морфологию“ [Арутюнова 1990: 274].

Библиографический список

Арутюнова Н. Д. Логическое направление в языкознании// Ярцева В. Н. (гл. ред.) Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 273–275.

Бокадорова Н. Ю. Европейская языковедческая традиция// Ярцева В. Н. (гл. ред.) Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 146–147.

Лосев А. Ф. О пропозициональных функциях древнейших лексических структур// Лосев А. Ф. Знак. Символ. Миф. – М.: Изд-во МГУ, 1982. – С. 246–279.

Спиркин А. Г., Ярошевский М. Г. Категории// Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – С. 251.

Ballmer T., Brennenstuhl W. Zur Semantik handlungsbezeichnender Verben// Ballweg J., Glinz H. (Hrsg.) Grammatik und Logik. – Düsseldorf: Schwann (Sprache der Gegenwart, Bd. 50), 1980. – S. 134 – 153.

Coseriu E. Über die Wortkategorien (partes orationis)// Coseriu Eugenio: Formen und Funktionen. Studien zur Grammatik. – Tübingen: Narr, 1987. – S. 24–44.

Köller W. Philosophie der Grammatik. Vom Sinn grammatischen Wissens. – Stuttgart: J. B. Metzlersche Verlagsbuchhandlung, 1988. – 460 S.

Walter H. Studien zur Nomen-Verb-Distinktion aus typologischer Sicht. – München: Wilhelm Fink Verlag (STRUKTURA. Schriftenreihe zur Linguistik, hrsg. von H. Seiler, Bd. 13), 1981. – 168 S.

© Лукин О. В., 2010

Маркина С. В.

Муром, Россия, marki_s@mail.ru

Параллелизм в сфере межсловных связей в русском языке

В современной научной литературе термин параллелизм не имеет общепринятого понимания и используется в разных областях филологической науки – в поэтике, стилистике, синтаксисе. Так, параллелизм может пониматься

- как прием поэтической техники [Якобсон 1987: 99 – 132];
- как конструктивный прием, лежащий в основе создания стилистических фигур [Формановская 1978: 210; Кузнецова 2005: 114];
- как способ организации научной, публицистической, художественной речи [Разинкина 1976; Клочкова 2008];
- как средство связи предикативных единиц в составе сложных предложений [Карпакова 1992; Мамедов 1994] или как средство связи простых предложений в сложном синтаксическом целом [Солганик 2003: 278 – 279];
- как положение компонентов синтаксической структуры, «когда ее члены не зависят друг от друга и имеют совпадающие линии синтаксических связей» [Прияткина 1990: 43];
- как вид грамматической связи между приложением и определяемым словом [Овсяннико-Куликовский 1912: 232; Цыганенко 1954: 9; Скобликова 2005].

Все многообразие весьма различных лингвистических фактов, подводимых под явления параллелизма у разных авторов, по сути дела, объединяется общим инвариантным признаком. Чаще всего в качестве основы параллелизма выделяется повтор, сходство, общность, соответствие, подобие элементов разной природы, например, подобие частей определенной конструкции (в синтаксисе и стилистике) или повторение словесных систем, мотивов, композиционных и содержательных элементов (в поэтике).

На наш взгляд, вполне правомерно термин «параллелизм» распространить и на сферу межсловных связей, понимая под параллелизмом

вид формальной связи, выражающийся в подобии граммем сочетающихся компонентов синтаксической конструкции.

В современной синтаксической науке признак повторения, соответствия, общности грамматических форм сочетающихся компонентов часто называется в качестве дифференцирующего признака согласования. Действительно, по своему формальному выражению межсловный параллелизм в значительной степени сближается с согласованием: и при параллелизме, и при согласовании мы наблюдаем грамматическое подобие, полное или частичное сходство граммем сочетающихся слов. Таким образом, предлагая новое употребление термина «параллелизм», мы встаем перед проблемой разграничения параллелизма и согласования, а также перед задачей уточнения границ согласования.

Дифференциация явлений параллелизма и согласования может быть произведена при помощи принципа разграничения внутренней и внешней синтагматики синтаксически организованной единицы [Копелиович 2008: 5]. К сфере внутренней синтагматики относится то, что в случае непосредственного соединения двух слов друг с другом в составе минимальной синтаксической конструкции выбор формы сочетающихся единиц определяется особенностями структуры самой модели сочетания. Так, согласовательная модель (*холодная осень*) предполагает, что выбор формы рода и числа зависимого слова определяется грамматическим значением господствующего существительного (*осень*). В аппозитивной конструкции (*роман-предостережение, выставка-продажа*) ни одна из непосредственно сочетающихся единиц не играет никакой роли в выборе формы другой единицы.

При вхождении сочетания в состав более сложной синтаксической конструкции внутренняя синтагматика непосредственно сочетающихся единиц определенным образом начинает соотноситься с внешними связями, сочетание получает знак внешних отношений. См.: *готовиться* → [*к холодной осени*], *написал* → [*в романе-предостережении*]. Совпадение граммем падежа у сочетающихся компонентов синтаксической конструк-

ции является результатом действия внешних синтагматических связей, выступая следствием одинакового соподчинения общему управляющему слову, находящемуся за пределами непосредственно сочетающихся единиц.

Таким образом, при согласовании уподобление сочетающихся единиц – «это средство выражения (экспликации) синтаксической связи, относящейся к внутренней компетенции синтаксической конструкции» [Копелиович 2008: 6]. Механизм согласования лежит в сфере внутренней синтагматики, а само согласование можно определить как формальную синтаксическую связь, выражаемую выбором зависимым словом флексии рода и числа в зависимости от грамматических категорий определяемого слова. Разграничение внутренней и внешней синтагматики субстантивно-адекативного сочетания показывает, что категория падежа не входит в число согласуемых категорий. Доказательством того, что падеж прилагательного не мотивируется согласованием с именем существительным, в отличие от рода и числа, может служить сопоставление конструкций типа: *встретить [старого ← друга] – встретить [старую ← подругу] – встретить [старых ← друзей]*. В данных конструкциях прилагательное имеет форму винительного падежа, при изменении значений рода и числа форма падежа остается одной и той же. Следовательно, форма рода и числа адекативного слова действительно зависит от соответствующих форм имени существительного, а выбор формы падежа и адекативного, и субстантивного слов обусловлен управляющим словом, чью валентность реализует адекативно-субстантивное словосочетание, когда входит в состав более сложной конструкции, см.: изменение формы падежа при изменении управляющего компонента: *встретить → [старого друга] – встретиться → [со старым другом] – вспоминать → [о старом друге]*.

Параллелизм, в отличие от согласования, относится к сфере внешней синтагматики. При параллелизме грамматическое соответствие – «это результат соподчинения однородных единиц, грамматическое подобие которых предопределено внешним по отношению к конкретному сочетанию однородных единиц фактором» [Копелиович 2008: 6].

Совпадение параллельных форм сочетающихся компонентов всегда обусловлено действием внешнего фактора. И этот признак отличает параллелизм, с одной стороны, от согласования, а с другой, от случайного, ничем не мотивированного подобия грамматических форм. Так, к параллелизму не имеет никакого отношения совпадение граммем рода у компонентов аппозитивных сочетаний (*письмо-заявление, покупка-мечта*) или у членов однородного субстантивного ряда (*купили тетрадь, газету, книгу*).

В качестве внешнего центра соподчинения может выступать 1) определенный компонент структуры предложения, в которое входит сочетание; 2) определенное явление экстралингвистического характера. В первом случае можно говорить о структурно обусловленном параллелизме, во втором – о референтно обусловленном параллелизме.

Специфической особенностью параллелизма, отличающей его от согласования, является и то, что он объединяет не только категории рода, числа и падежа, но и категории вида и лица. В зависимости от того, какие грамматические категории объединяются параллельными отношениями, можно выделить такие разновидности параллелизма, как: а) падежный параллелизм членов именной однопадежной группы; б) параллелизм форм по категории числа; в) параллелизм форм по именной категории лица; г) параллелизм глагольных форм по категории вида; д) параллелизм форм глагольно-местоименной категории лица.

Падежный параллелизм – совпадение граммем падежа – есть результат соподчинения членов синтаксической конструкции единому управляющему центру. Соподчиненные члены синтаксической конструкции выступают как целостный комплексный управляемый компонент предложения, образуя равнопадежную именную группу. Падежный параллелизм охватывает наибольшее число языковых конструкций, что можно объяснить огромной ролью, которую играет категория падежа в организации связной речи.

Падежный параллелизм возникает между членами аппозитивной конструкции, которые одинаково зависят от общего управляющего члена предложения: *восхищаться художниками-импрессионистами*.

Одинаковое падежное оформление свойственно компонентам сочиненного однородного субстантивного ряда. Падежный параллелизм однородных субстантивов обусловлен их одинаковым соподчинением общему слову – имени или глаголу: *принесли газету, журналы и письма*.

Одинаковое падежное оформление свойственно членам синтаксической конструкции «адъективное слово + субстантивное слово», которое выступает как целостное описательное наименование актанта [Копелиович 2008: 15]. Адъективное слово выступает атрибутом к предметному слову в любой функции и образует с ним однопадежную именную группу, реализуя одну и ту же глагольную валентность: *гуляли по осеннему лесу*.

Структурно обусловленный падежный параллелизм устанавливается между компонентами количественно-именных сочетаний, представленных моделью «количественное числительное + имя существительное»: *пакет с пятью тетрадами*.

Параллелизм форм числа – совпадение граммем числа – устанавливается между компонентами аппозитивной конструкции (референтно обусловленный параллелизм, связанный с отражением реальной единичности или множественности предметов). В ряду однородных адъективных и глагольных форм параллелизм числа носит структурно обусловленный характер и связан с механизмом согласования.

Между членами аппозитивных сочетаний, представленными одушевленными существительными, устанавливается референтно обусловленный параллелизм, связанный с обозначением естественного пола лица: *студентка-заочница, сосед-музыкант*.

В ряду однородных глагольных форм устанавливается соответствие по категории вида, имеющее референтно обусловленный характер: выбор глагола совершенного или несовершенного вида определяется особенностями протекания действия в реальной ситуации.

Совпадение граммем лица у компонентов предикативного сочетания *я пишу, ты читаешь* является результатом одинакового, самостоятельного соотношения местоимения-подлежащего и личного глагола-сказуемого с участником речевой ситуации, а не результатом уподобления друг другу.

Таким образом, можно утверждать, что межсловный параллелизм – весьма распространенный способ синтаксической организации речи. Относясь к уровню синтагматики форм, параллелизм в области межсловных связей находится вне оппозиции «подчинение – сочинение», он сопровождается и подчинительными, и сочинительными связями, устанавливаемыми в предложении, образуя как бы второй план синтагматической организации речи.

Библиографический список

- Карпакова Т.П. Параллелизм как средство связи бессознанных предложений (на материале французского языка) // Предложение и текст. – Рязань, 1992. – С. 31 – 39.
- Ключкова Т.И. Синтаксический параллелизм как один из способов организации [Электронный ресурс]. Дата обновления: 25. 12. 2009. – URL: http://www.rusnauka.com/12.APSN_2007/Philologia/20394.doc.htm (дата обращения: 25. 12. 2009).
- Копелиович А.Б. Род и грамматика межсловных синтаксических связей. – М. – Владимир: Ин-т языкознания РАН, ВГТУ, 2008. – 146 с.
- Кузнецова А.А. Стилистические фигуры, построенные по принципу синтаксического параллелизма в современном русском литературном языке. – Вестник КрасГУ. Сер. Гуманитарные науки. – 2005. – № 6. – С. 114 – 117.
- Мамедов Н.Ш. Лексико-синтаксический параллелизм между частями сложного предложения: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Баку, 1994. – 21 с.
- Овсяннико-Куликовский Д.Н. Синтаксис русского языка. – СПб., 1912. – 312 с.
- Прияткина А.Ф. Русский синтаксис: Синтаксис осложненного предложения. – М.: Высшая школа, 1990. – 176 с.
- Разинкина Н.М. Об одном из способов синтаксической организации научной прозы (стилистический прием параллелизма) // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков: сб. ст. – М.: Наука, 1976. – С. 37 – 62.
- Скобликова Е.С. Согласование и управление в русском языке. – М.: Ком-Книга, 2005. – 240 с.
- Солганик Г.Я. Параллельные синтаксические строфы // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожинной. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 696 с.

Формановская Н.И. Стилистика сложного предложения. – М.: Русский язык, 1978. – 240 с.

Цыганенко Г.П. Приложение в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Харьков, 1954. – 16 с.

Якобсон Р.О. Работы по поэтике. – М.: Прогресс, 1987. – С. 99 – 132.

© Маркина С. В., 2010

Матвеева И. В.

Нижний Новгород, Россия, matveeva_i@lunn.ru

Особый статус третьего лица в коммуникативном акте (на материале немецкого языка)

Современный этап научных исследований отличается особым вниманием к коммуникативной деятельности человека. При изучении языка как средства общения лингвисты учитывают различные составляющие коммуникативного акта: характеристики эмитента, реципиента, характеристики знаковой системы, которой пользуются участники коммуникативного акта (А.А. Леонтьев, Н.Д. Арутюнова), но несправедливо оставляют без внимания третьего участника интеракции, обозначаемого в традиционных лингвистических исследованиях как третье лицо.

Типология участников общения строится по различным признакам. Во-первых, ввиду того, что коммуниканты противопоставляются по признаку степени активности: говорящий — адресат — косвенный адресат или молчаливый участник, третье лицо, то противопоставление участников речевого акта отражено в грамматике как дифференциация первого, второго и третьего лица.

Рассматривая третье лицо, лингвисты подчеркивают его значительные отличия от первого и второго лица (Н. Jachnow, Э. Бенвенист, А.И. Исаченко). Э. Бенвенист придает третьему лицу статус «не лицо». Его первый аргумент заключается в том, что третье лицо – это форма глагола, функция которого заключается в выражении отсутствия лица. Третье лицо – бесконечность лиц до нуля, первое и второе лицо - «специфическое единство». Второй аргумент в том, что третье лицо употребляется в безличных конструкциях [Бенвенист 1974: 259].

На спорный статус третьего лица указывает и Г. Бельман. Он утверждает, что третье лицо относят к другим видам местоимений, избегая характеристики «личный» по отношению к местоимению третьего лица, так как референтное соотношение с третьим лицом представляет то, о ком/о чем говорят, при этом речь может идти не о человеке, а о предмете, абстрактном понятии [Bellmann 1990: 154].

Дихотомической концепции при изучении грамматических категорий следовали представители Пражской школы, которые связывали первое и второе лицо с диалогом как основной формой языкового общения, а третье лицо - с объектом языкового общения.

А.В. Исаченко говорит о неправомерности определения грамматической категории лица как категории трехчленной: «Такая «трихотомия» принимается на веру из устаревшего арсенала античных грамматик, лингвистические обобщения которых построены на случайных фактах. Каждому грамматисту известно, как неудобно оперировать термином «лицо» применительно к таким конструкциям, как ‘Собаки лают’ или ‘Молоко вскипело’» [Исаченко 1963: 45].

Таким образом, третье лицо в концепциях выше представленных лингвистов претендует на особый статус, основания для которого многочисленны. Приведем наиболее важные аспекты, которые можно классифицировать следующим образом.

Во-первых, третье лицо противопоставлено первому и второму лицу по формальному/ грамматическому аспекту. При указании на неучастников коммуникативного акта посредством местоимений третьего лица идентифицировать их помогают формы, имеющие грамматические характеристики трех родов. Например,

*Vom Fenster sieht **Helene** den Flughafen, **ihren** Arbeitsplatz* [Brigitte 14/2003: 64].

*Noch nie hatte **Gerhard seinen** Vater so gesehen, und auch **er** zitterte am ganzen Leib* [Brigitte 14/2003: 64].

При характеристике третьего лица следует указать на тот факт, что для выражения первого и второго лица существуют только два местоимения *ich, du*; для выражения третьего лица используются многочисленные формы (*er, dieser, der*). Только третье лицо реализует в немецком языке категорию рода.

Во-вторых, предпосылкой выделения третьего лица является референциальный аспект: *ich, du* имеют отношение непосредственно к человеку, третье лицо - как к человеку, так и к предметам.

Объект референции может иметь совершенно разные денотативные (корреферентные) значения. В таком случае четко проявляется интеракция местоименных слов, которая помогает определить корреферентность и ее отсутствие. Стратегическую компетенцию языковой личности, которую исследователи определяют как способность отобрать и использовать наиболее эффективные стратегии для решения различных коммуникативных задач, рассмотрим на следующих примерах:

(1) *Hans wußte, dass er sprechen würde* [Fandrych, Tallowitz 2000: 165].

В данном примере *Hans* и *er* могут быть (но не должны быть) корреферентны с позиции говорящего. Ср.: *Hans* и *er* могут иметь один и тот же референт (*Hans = er*), а могут представлять и разные референты (*er =* третье лицо).

(2) *Er wußte, dass Hans sprechen würde*. *Er* и *Hans* не могут быть корреферентными. Позиция местоимения третьего лица в главном предложении указывает на разную референтность *er* и *Hans* с точки зрения эмитента. Конъюнктив второй также препятствует идентификации предметов.

(3) *Hans wußte, dass er sich langweilen würde*. *Er* и *sich* обязательно корреферентны, оба могут, но не должны быть корреферентными с *Hans*. Можно произвести две трансформации, позволяющие констатировать данный факт:

(3') *Hans würde sich langweilen*.

(3'') *Hans wußte, dass jemand sich langweilen würde*.

(4) *Hans wußte, dass er ihn langweilen würde.* В данном контексте с позиции говорящего *er* и *ihn* не могут ни в коем случае быть кореферентными. Одно или другое из этих местоимений может кореферировать с *Hans*, но оба одновременно не должны быть кореферентными с *Hans*.

Разрешить данную проблему может только трансформационный анализ, который допускает следующую структуру:

(4') *Hans würde ihn langweilen können.*

(4'') *Hans wußte, dass jemand ihn (Hans) langweilen würde.*

(4''') *Hans wußte, dass jemand einen anderen langweilen würde.*

(5) *Hans weiß, dass er gut ist.* *Hans* и *er* могут быть кореферентны, но не обязательно, ибо в данном случае можно аналогично примерам, приведенным выше, произвести две трансформации:

(5') *Hans ist gut. Er weiß das. (der gute Hans)*

(5'') *Hans weiß, dass jemand gut ist.*

Есть ограничения, приводящие к аграмматичности кореферентных местоименных единиц:

(6) *Hans weiß, dass sich gut ist.* В данном случае *sich* требует кореферентной единицы внутри границы придаточного предложения. Поэтому подобного высказывания не существует, по своей сути это предложение аграмматично.

В-третьих, на особый статус третьего лица указывает семантический аспект грамматической формы: множественное число первого и второго лица указывают на характерную особенность семантики третьего лица. Например, в случае употребления первого лица множественного числа речь идет не о множестве «*ich*», а о говорящем и других участниках речевой ситуации. В данном случае не стоит исключать третье лицо из сферы персональности: *wir* = *ich* + *er*, *ihr* = *du* + *sie*, например:

Ihr und ich haben uns sehr gefreut [Duden 1996: 752].

Таким образом, значения местоимений *wir* и *ihr* имеют непосредственное отношение к третьему лицу. При этом, как указывают некоторые

ученые, речь может идти только о третьем лице, обозначающем человека [Jachnow 1999: 25].

Привлекая внимание третьих лиц на определенный поступок/ состоянии своих детей, взрослые очень часто прибегают к использованию первого лица вместо третьего:

Seht nur, wie hübsch wir in dem neuen Kleidchen sind! [Fandrych, Talowitz 2000: 182]

Таким образом, традиционно выделяемая оппозиция «первое/второе лицо – третье лицо» имеет под собой основание, заключающееся в особом статусе третьего лица в акте коммуникации. Однако здесь стоит обратить внимание на то, что этот статус придается в речевом акте позицией говорящего.

В связи с этим вышеприведенные положения Э. Бенвениста о статусе третьего лица имеют спорные моменты. Факты, приводимые Э. Бенвенистом, указывают лишь на различие трактовки между первым и вторым лицом с одной стороны, и третьим, с другой. Факт указания на «бесконечность лиц» не влечет за собой понятие «не-лица», а первое и второе лицо могут указывать на «бесконечность лиц» в бесконечной серии всех говорящих и их собеседников. Употребление третьего лица в безличных конструкциях – частный случай употребления третьего лица. Ничто не может объявить его «безличным» по своей природе. В данном случае мы можем иметь дело с «одноличным» употреблением местоимения в том смысле, что с некоторыми глаголами спряжение возможно лишь в единственном лице.

Суммируя выше изложенные аргументы об особом статусе третьего лица, приходим к выводу, что так называемое «не-лицо» имеет свое место в системе лица как «лицо», которое образует сферу, в которой размещаются языковые средства выражения третьего лица. С точки зрения референции эта сфера познается говорящим «от себя» к тому, что находится за личностным «я». Результатом этого процесса является создание логического мира, «мира» третьей стороны» сквозь Эго-перспективу.

Библиографический список

- Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – 2-е изд. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 895 с.
- Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М.: Прогресс, 1974. – 447 с.
- Исаченко, А. В. Бинарность, привативные оппозиции и грамматические значения / А. В. Исаченко // Вопросы языкознания. – 1963. – №2. – С. 39 - 56.
- Леонтьев, А. А. Мир человека и мир языка / А. А. Леонтьев. – М.: Дет. литература, 1984. – 126 с.
- Bellmann, G. Pronomen und Korrektur. Zur Pragmatik der persönlichen Referenzform / G. Bellmann. – Berlin/New York, 1990. – 378 S.
- Brigitte. Das Magazin für Frauen / A. Volk. – Hamburg. – 2003. – № 14. – 270.
- Duden Deutsches Universalwörterbuch / G. Drosdowski u. a. - Stubenrecht. - Mannheim: Dudenverl., 1996. – 1816 S.ter. – München, 1987. – 337 S.
- Fandrych, Ch. Klipp und Klar. Übungsgrammatik / Ch. Fandrych, U. Tallowitz. – Stuttgart: Ernst Klett International, 2000. – 245 S.
- Jachnow, H. Die Personalität als sprachliche Universale. Funktionen und Formen / H. Jachnow // Personalität und Person. – Wiesbaden, 1999. – В.9. – С. 1 – 36.
- © Матвеева И. В., 2010

Меликова И. Э.

Астрахань, Россия, Loveirada26@rambler.ru

Наречия и наречные сочетания во французском языке

Одним из самых распространенных способов образования наречий во французском языке является сложение существительного с предложением. Раздельное или слитное оформление сочетаний, по мнению авторов «*Precis de grammaire historique*», ни на чем не основано. Однако такая точка зрения оспаривается основателями и последователями теории психосистематики. По их мнению, слитное или раздельное написание таких сочетаний зависит от степени их устойчивости или лексикализованности.

К.Нюроп рассматривает наречия с точки зрения способа их формирования:

1. деривация;
2. сложение;
3. использование других частей речи или целых фраз в функции наречия.

По его мнению, адвербиальное значение придается отдельному слову или застывшим фразам [Нутор 1930: 147]. Исходя из этого определения, можно предположить, что сочетание существительного с предлогом также можно рассматривать как застывшую конструкцию, например сочетание *au dessus*, которое в словаре Le Robert определяется как наречное сочетание. В качестве доказательства данной точки зрения, можно привести теорию А.Мейе о грамматикализации сочетаний [Soutet 2005: 25]. Предлог, являясь служебным словом в сочетании с существительным, по мнению ученого, становится морфемой выражающей грамматические категории данного существительного. Таким образом, происходит грамматикализация данного сочетания, что делает его более устойчивым в грамматическом плане.

Параллельно с процессом грамматикализации в данных сочетаниях происходит лексикализация. Лексикализация является процессом превращения сочетания слов в фразеологизм, что означает усиление связей между словами. Такое внутреннее укрепление превращает сочетание в единую лексическую единицу с единым лексическим значением. Таким образом, сочетания существительного с предлогом характеризуются единством грамматического и лексического значений.

Такое единство усиливает устойчивость сочетаний, что не исключает их возможную адвербиализацию. Дополнительным фактором, доказывающим возможность такого процесса, является синтаксическая функция в предложении. Сочетания предлога с существительным чаще всего выполняют функцию обстоятельства. Будучи единой синтаксической конструкцией, они выполняют единую синтаксическую роль. Принимая во внимание положения теории психосистематики, такой фактор можно считать значимым. Основатель теории Г.Гийом считал, что синтаксическая функция слов – это не раз и навсегда данная реальность. Система языка подвижна, существующие формы могут иметь множество реализаций в речи [Реферовская 2008: 142]. Следовательно, и в синтаксическом плане, за словами не закреплена четко определенная функция, а все зависит от контекста.

стуальных связей внутри предложения. После относительного доказательства адвербиализации сочетаний существительных и предлогов остается вопрос их терминологического определения.

Сочетания существительного с предлогом могут быть как с употреблением артикля, так и без него. Опираясь на грамматическое утверждение того, что отсутствие артикля делает конструкцию более тесной в семантическом плане. Они выражают одно понятие и представляют собой фразеологическое единство с незаменимыми элементами. Однако, после того, как данные сочетания подверглись процессу адвербиализации, их следует отличать от простых наречий. В качестве решающего отличительного признака, Катцфельд предлагает считать их слитное или раздельное написание. Написание наречий, по его мнению, обуславливает семантические различия.

Следует вернуться к термину, который мог бы в достаточной степени отразить особенности данного типа конструкций.

Во французской грамматике распространен термин «locution adverbiale». Определяются они одинаково во всех словарях.

«*Adverbial*» определяется как два или более слов, объединенных вместе и приобретших значение наречия. Из этого определения следует, что «locution adverbiale» - это сочетание слов со значением наречия, однако такое определение значительно расширяет границы выражений и способствует потере их определенности. Другие лингвисты вообще не выделяют данный вид сочетаний в отдельную группу. Такая неоднозначность трактовки затрудняет определение границ между наречными сочетаниями и собственно наречиями.

Наречные сочетания, несомненно, представляют собой очень тесное взаимодействие разных слов, но при этом стремящихся к единению и слиянию на всех уровнях. Такой вывод можно сделать из определения самого слова *locution*, которое определяется как группа слов образующих единство на уровне смысла. Однако данное определение не помогает найти ключ к разделению наречий и данных устойчивых конструкций.

Во французских словарях, таких как Ларусс [Лярусс 1998], Литре [Litre 1875-1877] и в словаре Хатцфельда [Hatzfeld 1890-1900] нет единой точки зрения в определении конкретных примеров сочетаний. Такая несогласованность в определении вызвана отсутствием четких принципов выделения. Если предположить, что в основе выделения наречных выражений лежит формальный признак слитного или раздельного написания, то остается непонятным, почему *alinea* и *avenir* определяются как *locutions adverbiales*, а *après - demain* как наречие.

Если предположить, что в основе разделения лежит семантический признак, т.е. способность этих образований служить выражению единого понятия. Такой признак является субъективным, так как одни грамматисты могут рассматривать сочетание как семантическое единство, а другие как свободное сочетание слов. Однако, в таком случае следует учитывать процессы, которые были описаны выше.

Можно оттолкнуться в этом вопросе от определения каждого из понятий в отдельности. Наречие традиционно в грамматике определяется как неизменяемая часть речи, которая служит для определения глагола, прилагательного или другого наречия. Однако данное определение полностью направлено на реализацию данного наречия в речи, что вновь обращает исследователя в сторону синтаксической функции наречия. Если принять эту точку зрения, то окажется что наречное сочетание должно выполнять некую другую функцию, отличную от таковой наречия. Однако из определения слова *adverbiale* данного в словаре Remy становится очевидным, что адвербиальный, это тот который имеет характер наречия, и следовательно имеет те же функции и значения.

Следует также отметить, что наречные сочетания могут состоять из слов относящихся к различным частям речи, что еще более затрудняет их выделение и при этом делает непонятным сам механизм их формирования.

Вот именно трудность определения процесса формирования наречий и наречных сочетаний приводит к предположению об отсутствии не-

обходимости их разделения. Принимая во внимание теорию лексикализации и параллельного с ним процесса грамматикализации, можно предположить, что существующие ныне формы собственно наречий являются полностью лексикализованными сочетаниями. И, следовательно, существующие ныне наречные сочетания представляют собой не полностью устоявшиеся с точки зрения лексикализации конструкциями, которые, через какое то время превратятся в наречия. Одной из важнейших характеристик лексикализации является ее градуированность, что позволяет сосуществовать всем видам сочетаний, от свободных до идиоматичных, без ущерба для их значения и сферы употребления. Такой подход кажется способным решить вопрос разделения собственно наречий и наречных сочетаний.

Библиографический список

Реферовская Е. А. Философия лингвистики Гюстава Гийома. М.: URSS, 2008, 125 с.

Hatzfeld A. Darmesteter A. Thomas A. Dictionnaire general de la langue francaise. Paris. 1890-1900. 1235 p.

Le petit Larousse illustre. Paris – Cedex. Larousse. 1992. p. 1097

Littre E. Dictionnaire de la langue francaise. Paris. 1875-1877. p. 957

Нурог К. Grammaire Historique de la Langue Francaise. Copenhague. 1914 – 1930. p. 285

© Меликова И. Э., 2010

Мишина Н. О.

Воронеж, Россия, mmbul@rambler.ru

Лексико-фразеологическое воплощение и развитие синтаксического концепта

Многими исследователями в области синтаксиса указывалось на необходимость одновременного обращения и к структурному построению, и к лексическому составу предложения. Особую важность такой подход приобретает при семантическом анализе структурной схемы простого предложения (ССПП). В традиционном структурном синтаксическом членении предложения выявлялись позиционные особенности словоформ и их морфологическое оформление, обеспечивающее их взаимную связь. Лек-

сико-фразеологическому наполнению синтаксических структур внимания не уделялось.

Мы считаем структурную схему простого предложения языковым знаком, вербализующим синтаксический концепт. При таком подходе особенно актуализируется проблема связи синтаксической структуры и ее лексического наполнения.

Обращаясь к лексическому составу высказывания, невозможно не заметить особую роль глагольного слова и в структурном, и в семантическом аспектах. Глагол «задает тон» суждению, является его прототипом, копрессированной моделью ССПП, обеспечивает собственное лексическое окружение. Словесная единица аккумулирует в себе синтаксическую единицу, позволяя говорящему выбирать необходимую ССПП.

К настоящему времени в описании семантики глагола, по мнению Е.С. Кубряковой, сложились две разные тенденции: согласно одной из них, унаследованной от классического и традиционного языкознания, глаголом считается такое слово, которое обозначает действия, состояния, процессы. Согласно второй традиции, семантика глагола рассматривается более широко – не только как наименование действия, но и как указание на событие или ситуацию. Таким образом, в содержание глагола вовлекается представление о самом действии, о том, кто или что совершает действие, а также то, на кого или на что оно направлено. Представления о семантике глагола и о том, что же глагол обозначает, принимают все более сложный и развернутый характер [Кубрякова 1997: 285].

В семантике синтаксиса все более утверждается взгляд на глагольное значение как отражение либо всей ситуации, сцены, либо определенного ее аспекта.

По мнению Н.Н. Болдырева, только выделение объектов в событии, то есть его пропозициональная интерпретация дает возможность окончательно определить категориальное значение глагола, его соотношенность с этим событием. Это дает возможность автору утверждать, что

«...изучение категориальных значений глагола на системно-парадигматическом уровне носит условный характер» [Болдырев 1994: 80]. В системе языка, пишет Н.Н. Болдырев, глагол однозначно не выражает ни действие, ни процесс, ни состояние и т.д., а лишь может рассматриваться как «преимущественно закрепленный за выражением того или иного категориального значения *in potentia*, как отражение в языке различных категориальных событий». Глагол, таким образом, обозначает то или иное событие внешнего мира в самом общем виде, который лишь в предложении категоризируется как действие, процесс, состояние и т.д. в зависимости от условий и целей интерпретации (там же).

В зоне внимания исследователей-лингвистов уже долго и устойчиво на первом месте находятся номинативные или атрибутивные единицы языка, обозначающие предметно-пространственные социальные реалии. Глагол, компактный, сжатый семантический вариант целого события во временном аспекте, является вербализатором синтаксического концепта. С одной стороны, такая сложность предикативного слова делает его труднодоступным в плане познания, с другой - представляет благодатную почву для исследований.

Л.А. Фурс считает, что "событийное" представление мира выдвинуло на первый план идею связей и отношений, свойств и состояний, признаков и действий, выполняемых объективными сущностями окружающего мира» [Фурс, 2001: 25]. Вместить и имплицировать в языке такую «событийность» может единственная лингвистическая категория – глагол. «Центром предложения является глагол, аккумулирующий в себе информацию о конкретном событии, его структуре и участниках, проецирующий синтаксическую структуру всего предложения. Глагол в функции предиката отражает когнитивную деятельность человека, его мышление о мире» [Фурс 2001: 26].

Исходя из результатов исследования синтаксического концепта «перемещение объекта» [Булынина 2004], можно утверждать, что семантический потенциал глагола, сформированный длительным процессом семан-

тического накопления для языковой репрезентации мыслительных образов, позволяет ему в значительной степени влиять на развитие синтаксического концепта. «Происходит обратная связь, семантическая отдача со стороны «сферы обслуживания» и переход ее в «рычаг управления»: глагол каузирует динамику синтаксического концепта» [Булынина, 2004:78].

В своей работе за основу исследования мы берем научную концепцию З.Д. Поповой [Попова 2009] о существовании (среди прочих СК – синтаксических концептов) синтаксического концепта «инобытие объекта», репрезентируемого структурной схемой *кто/что действует чем*. В рамках общего поля русских синтаксических структур каждая ядерная схема, призванная репрезентировать в языке стоящий за ней концепт, занимает свою нишу, свой сектор – парцеллу.

Мы исследуем парцеллу концепта «инобытие объекта», существование которого подтверждается функционированием в русском языке устойчивой структурной схемы *кто/ что действует чем*.

Считается, что в современном русском языке достаточно широко распространена структурная схема простого предложения *кто/что действует чем* (Попова, Волохина, 1999, с.56). Все варианты лексического наполнения данной структурной схемы имеют большие различия, однако обладают и общей концептуальной идеей. «Инобытие» является вариантом существования какого-либо феномена не только «в себе» и «для себя», а «для другого» через проявление собственного потенциала движения, звучания, свечения и т.д.

Вариантность и вариативность «самопроявления» существ, предметов, явлений обширно реализуются с помощью различного лексического наполнения и пропозиционирования структурных синтаксических схем.

Исходя из вышесказанного, можно полагать, что в семантике синтаксиса на сегодняшний день все более утверждается взгляд на глагольное значение как на отражение либо всей ситуации, сцены, либо определенного ее аспекта. В функционировании синтаксического концепта глагол приоб-

ретает особую провокационную роль его динамических процессов, а потому и является предметом первостепенного многоаспектного исследования.

Библиографический список

Болдырев Н.Н. Категориальное значение глагола: системный и функциональный аспекты /Н.Н. Болдырев.- СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 1994.- 171с.

Булынина М.М. Глагольная каузация динамики синтаксического концепта (на материале русской и английской лексико-семантических групп глаголов перемещения объекта) /М.М. Булынина.- Воронеж: Воронежский государственный университет, 2004.- 212 с.

Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения /Е.С.Кубрякова.- Москва: М., 1997.-

Попова З.Д. Синтаксическая система русского языка в свете синтаксических концептов/З.Д.Попова.-Воронеж:изд-во «Истоки», 2009.-209с.

Фурс Л.А. Когнитивная структура событий // Филология и культура: Материалы III-й Междунар. Научной конференции 16-18 мая 2001 г. / Отв. ред. Н.Н. Болдырев. В 3 ч. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2001. С. 25 – 28.

© Мишина Н. О., 2010

Непомилуева Т. И., Шишова Л. В.
Вельск, Россия

Глагол 'MAKE' и его значение

Глагол *make* относится к исконному пласту лексики английского языка и входит в десятку глаголов, наиболее активных в образовании словосочетаний, широко употребляемых в современной устной и письменной речи. Его широкозначность и полифункциональность обуславливают его активное употребление практически во всех стилях английского языка, что делает глагол *make*, с одной стороны, очень интересным, а с другой – сложным объектом семантического анализа.

Отечественные лингвисты признают наличие в словах семантических признаков, характеризующих наиболее высокий класс иерархии, категориальных признаков, служащих для группового противопоставления слов, которые, являясь инвариантом, составляя ядро значения широко-

значных глаголов. При этом обращается большое внимание на валентность глагола, от которой зависит его синтагматика.

Понятие языковой валентности впервые ввел в отечественную лингвистическую литературу С.Д. Кацнельсон, он писал: «Полновесное вещественное слово в каждом языке не есть слово вообще, а слово с конкретными синтаксическими потенциями, позволяющими употребить его лишь строго определенным образом, предудказанном уровнем развития грамматических отношений в языке. Это свойство слова – реализоваться определенным образом в предложении, и вступать в определенные комбинации с другими словами – можно было бы назвать его синтаксической валентностью» [Кацнельсон 1948: 59].

Изучение валентных свойств глагола, его потенциальной возможности вступать в сочетания со словами других классов позволяет во многих случаях выявить реализуемое значение многозначного глагола. Многообразие же грамматических категорий глагола позволяет ему не только уточнять деятеля, но и показывать время действия, степень его реальности и т.д.

Глагол *make* является простым по своей словообразовательной структуре, т.к. принадлежит к древнему англосаксонскому слою лексики английского языка (ОЕ *macean*). При этом он широко участвует в создании составных глаголов – *to make out*, *make up* и др.

По своему значению и выполняемой в предложении роли глаголы делятся на смысловые, вспомогательные (участвуют в создании аналитических форм), глаголы-связки (участвуют в создании составного именного сказуемого) и модальные глаголы. Глагол *make* может относиться к смысловым глаголам, которые имеют самостоятельное значение и употребляются в предложении в роли простого глагольного сказуемого, а также может использоваться как связочный глагол. Например: 1. Как смысловой глагол он является двухвалентным, т.е. требует субъективного элемента в левой дистрибуции и объектного – в правой: *He said they wouldn't make any serious mistake anymore*. 2. Как связочный глагол: *Carrie: Perhaps you are going to make too good a wife*.

По замечанию А.А. Уфимцевой, чем выше сфера употребления лексемы, тем выше степень обобщенности понятия, представляющего её смысловое содержание. Явление диффузности значений многозначного слова проявляется в семантической структуре широкозначных глаголов особенно отчётливо. Многообразие контекстов употребления глаголов с широкой понятийной основой, хотя и привносит определенную степень конкретизации в их семантику в каждом отдельном случае, оно же довольно часто обуславливает трудность для их обобщения в виде отдельных лексико-семантических варьирований [Уфимцева 1974: 89].

Однако изучение лексической сочетаемости слов даёт возможность более углубленно исследовать их значения путем анализа условий их реализации в связной речи [Федуленкова 2003: 256]. Проблемы лексической сочетаемости тесно переплетены с проблемами лексического значения слов, так как только в речи, в сочетании с другими лексическими единицами, слово реализует своё значение. В настоящее время семасиологические исследования всё чаще выходят за пределы отдельных лексем и становятся предметом лексикографических описаний.

В словарях *Longman Dictionary of Culture*, *Longman Dictionary of Contemporary English* и других выделяется около 25 основных значений глагола *make* и затем даётся описание его употребления с послелогоми и закреплёнными предлогами. В словарной статье глагола *make* в *Longman Dictionary of Contemporary English* выделяется 14 основных его значений: 1) to produce something, 2) to do something, 3) to cause a state/ situation, 4) to force somebody to do something, 5) to make money, 6) to be added together, 7) to be suitable, 8) to pretend, 9) to calculate, 10) to manage, 11) to make way, 12) to arrive, 13) to be good/ important, 14) to be important.

Затем дается пояснение к каждой выделенной группе. Напр., к значению *to do something* выделено 11 частных значений; *calculate* – 6; *other meanings* 9. Фактически, они даже не являются значениями, но лишь иллюстрируют сочетаемость глагола *make* с конкретными лексическими единицами в каждом отдельном случае. Словарь даёт также и краткую ста-

тью об употреблении глагола *make*: обычно *make* употребляется, когда мы создаём что-то, чего раньше не было: *make lunch/ trouble/ peace/ a noise/ a plan/ a joke/ a mistake / a speech / a promise*. Глагол *to make* также употребляется, когда кто-то или что-то меняется в некотором роде: *She made him comfort/ He made a success of it/ They made friends*. Когда речь идет о движении, лучше предпочесть глагол *to go*: *They went shopping/ for a picnic/ on vacation/ on a trip*. Возможно также: *They made a trip to Boston*.

Наличие таких случаев синонимии как раз и подтверждает широкосмысленность исследуемого глагола, когда глагол *make* является показателем действия, а его конкретизация осуществляется через последующее существительное или герундий. Поскольку широкозначные слова часто входят в состав фразеологических единств, то для анализа был привлечен языковой материал и «Англо-русского фразеологического словаря» А.В. Кунина, в котором дается свыше 300 ФЕ с глаголом *make*.

Толковые английские словари включают следующие словосочетания с глаголом *to make*: *an accusation, an agreement, an attack on somebody, an attempt, a bargain, a bed, certain, a calculation, a choice, a comment, a discovery, an escape, an excuse, friends, a fortune, fun of somebody or something, haste, an inquiry, an improvement, an investigation, a journey, love, a mark, a mistake, money, a move, a noise, a note, an observation, an offer, peace, progress, a proposal, a reduction, a reference, a request* и многие др.

Данные словосочетания грамматически утвердились в английском языке и часто употребляются, как в письменной, так и в разговорной речи. Как можно заметить, многие из этих сочетаний (*to make an accusation, agreement, reference* и др.) имеют синонимы среди одиночных глаголов (*to accuse, agree, refer*), но синонимичные словосочетания носят в английском языке более идиоматичный характер и отражают тенденции аналитизма в области лексики. Таким образом, анализ словарных данных и справочной литературы показывает, что глагол *make* имеет большое количество значений и как простой, и составной глагол, а также как основа фразеологиче-

ских образований. Все это обуславливает высокую частотность его употребления в языке.

Систематизируя основные лексико-грамматические характеристики исследуемого глагола *take*, который имеет множество разнообразных значений, отмечаем, что наиболее общим, инвариантным, значением является значение «делать», «выполнять», «сделать».

Библиографический список

Кацнельсон С.Д. О грамматической категории. М., 1948.

Уфимцева А.А. Типы словесных знаков. М.: Наука, 1974.

Федуленкова Т.Н. Фразеологизмы с компонентом «take»: контекстный подход к вариантности // Культура учебной деятельности студентов: теория и практика формирования. Барнаул, 2003. С. 256-263.

© Непомилуева Т. И., Шишова Л. В., 2010

Орехов Б. В.

Уфа, Россия, nevmenandr@gmail.com

О статусе слова «поэтизм» в системе лингвистической терминологии

Философия науки установила несколько требований к термину как к элементу языка науки, среди которых необходимость избавления от субъективности и многозначности, точно определённая область значений: «Одним из главных качеств научного термина должна быть устойчивая однозначность» [Кондаков 1975: 594]. Эти особенности должны отличать термин от единиц естественного языка и помогать конкретизировать описания, создаваемые в рамках научной деятельности. Сходные требования выдвигались и в работах лингвистов [Лотте 1961], однако современное терминоведение практически отказалось от прескриптивных попыток достижения идеала: «Обеспечение полной однозначности («один термин — одно понятие») практически недостижимо, и так называемые требования к термину, сформулированные Д. С. Лотте в 30-е гг. XX в., и включающие данное требование, отвергнуты наукой» [Лейчик 2006: 164].

«Отрицая целесообразность предъявления требований к термину, исследователи подчеркивали необходимость изучения реальных процессов

применения терминов в различных областях науки, техники и производства» [Бугорская 2009: 3].

Действительно, практическая ситуация в системе терминологии демонстрирует широкое распространение полисемичности: «Число многозначных терминов в лингвистической терминологии достаточно велико; причем многозначными оказываются как узкоспециальные термины (например, термин фонетики *акут*, имеющий 4 значения), так и широко употребляющиеся: *фонема* — 4 значения, *морфема* — 2 значения, *слово* — 2 значения, *предложение* — 3 значения» [Головин, Кобрин 1987: 48].

Термин «поэтизм» редко привлекает к себе специальное внимание лингвистов, хотя и нельзя сказать, что это внимание вовсе отсутствует (см. [Тасеменова 1988, Мансветова 2002]). Однако можно предположить, что за пределами того узкого круга исследователей, которые всё же рефлексировали над кругом значений, наполняющих термин «поэтизм», отсутствует представление о проблемности этого термина.

Связано это, помимо прочего, с тем, что «поэтизм», конечно, не входит в число важнейших лингвистических терминов и употребителен большей частью в специализированной области стилистики. Поэтому в ряде словарей лингвистических терминов «поэтизм» как заглавие словарной статьи отсутствует, как, к примеру, в [Марузо 1960]; словарь этот представляет алфавитное представление терминов лингвистической науки, имеющих хождение во Франции, на что следовало бы сделать скидку, однако нельзя забывать и того, что французская стилистика традиционно считается сильной по своим традициям и достижениями дисциплиной. Насколько можно судить, сколько-нибудь серьёзное распространение термин «поэтизм» получил только в польской филологической науке. См. [Słownik 1976: 317].

Между тем, «лингвистический анализ языка науки может способствовать совершенствованию языка самой лингвистики» [Иванов 1977: 74]. Поэтому небезынтесным представляется проанализировать фактиче-

ский денотат, стоящий за термином «поэтизм» в научных работах. Этот денотат оказывается весьма своеобразным.

Один из авторов отмечает: «Прежде всего нужно отметить, что сам термин «поэтизм» или «поэтическое слово» не понимается однозначно. Иногда он используется в очень широком смысле для обозначения слова, приобретающего определенную окрашенность в поэтическом контексте. Чаще под поэтической лексикой и фразеологией понимается архаизированный функционально-стилистический разряд лексики, употребляемой в поэзии, начиная со второй половины XVIII века. <...> На наш взгляд, правомернее использовать термин «поэтизм» в первом значении» [Мансветова 2002: 172]. Однако этими двумя значениями «поэтизм» не ограничивается.

В некоторых случаях мы сталкиваемся с пониманием «поэтизма» как сложившейся в поэзии риторической формулы: «Поэты 10-х годов отказывались от классических условностей, но вместе с тем создали и новые языковые условности; были созданы многочисленные поэтизмы: это могли быть и развернутые сравнения, и метонимические, и метафорические обороты, и параллелизмы, но всегда с установкой на новизну и остроумие» [Слинина 1990: 12].

Наконец, ряд специалистов трактует «поэтизм» как «слово, пришедшее в язык из поэзии», то есть используемое в общеязыковом узусе, но имеющее происхождением замкнутый корпус поэтических текстов. Именно так (из поэтических текстов в узус, а не наоборот) будет выглядеть процесс при взгляде на древние памятники письменности. Например в [Воробьев 1996: 39] читаем: «Говоря о языке эпоса или архаической греческой поэзии и влиянии его на становление прозаического языка греческой медицины, важно разграничивать лексику, проникшую в прозу из поэзии, то есть поэтическую, и лексику, истоки которой находятся в общем лексическом фонде и появление которой в прозаических текстах Гиппократова Корпуса не связано, по всей видимости, с посредничеством эпоса».

Такой разброс значений, как нам представляется, продиктован двумя основными тенденциями.

Во-первых, тем, что Ю. Д. Апресян называет влиянием наивной картины мира на терминологию: «Семантика языкового знака отражает наивное понятие о вещи, свойстве, действии, процессе, событии и т.п. Простейший пример расхождения между наивными и научными представлениями дал еще Л.В. Щерба, полагавший, что специальные термины имеют Апресян Ю. Д. Избранные труды. т. 1. Лексическая семантика. - М.: Школа "Языки русской культуры", Издательская фирма "Восточная литература" РАН, 1995. разные значения в общелитературном и специальном языках» [Апресян 1995: 56]. В наивной картине мира всё, так или иначе связанное с поэзией, будет именоваться поэтизмом (как в работе О. В. Слининой), независимо от того, соотносится ли это с формальным определением «поэтизма» в лингвистике.

Во-вторых, основные лингвистические определения поэтизма содержат в себе два связанных, но не сводимых друг к другу компонента значения. Один касается стилистической маркированности слов-поэтизмов. Другой — их употребимости преимущественно в поэтических текстах, закреплённости за этим классом текстов в языке. В тех или иных случаях употребления актуализируется одна из составляющих, а другая редуцируется. Так, в работе о Гиппократовом корпусе на первый план выдвигается привязанность лексики к поэтическому тексту при полной элиминации компонента, предполагающего стилистическую маркированность (что объяснимо в случае с изучением древнего текста, когда носитель не способен оценить окрашенность слова). В работе Е. Н. Мансветовой более значимой оказалась та часть определения, которая подразумевала именно стилистическую отнесённость анализируемых слов.

По всей видимости, эти две семантических составляющих соотносятся с дихотомией языка и речи, при этом стилистическая маркированность мыслится как системная «языковая» характеристика слова, а принадлежность преимущественно корпусу поэтических текстов - «речевая» ха-

рактеристика слова, относящаяся к его употреблению. В связи с проблемой сосюрсовской дихотомии, по всей видимости, и следует искать способы разрешения проблем, связанных с дефиницией лингвистической сущности поэтической лексики.

Библиографический список

Апресян Ю. Д. Избранные труды. т. 1. Лексическая семантика. - М.: Школа "Языки русской культуры", Издательская фирма "Восточная литература" РАН, 1995.

Бугорская Н. В. Методологические проблемы описания лингвистической терминологии

/ автореф. ... д.ф.н. - Барнаул, 2009.

Головин Б. Н., Кобрин Р. Ю. Лингвистические основы учения о терминах. - М.: Высшая школа, 1987.

Иванов Вяч. Вс. Общие термины в языках науки // Вопросы кибернетики. Формализация языковых данных. - Выпуск 17. М.: Советское радио, 1977. - С. 63-75.

Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. - М.: Наука, 1975.

Лейчик В. М. Культура термина // Речевое общение. Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. - Красноярск, 2008. - Вып. 8-9. - С. 163-167.

Лотте Д. С. Основы построения научно-технической терминологии. Вопросы теории и методики. - М.: Изд-во АН СССР, 1961.

Мансветова Е. Н. Поэтизм как стилистическая категория эгического словаря XVIII века // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. - Вып. III. - Владикавказ, 2002. - С. 171-178.

Марузов Ж. Словарь лингвистических терминов М.: Издательство иностранной литературы, 1960.

Слинина О. В. О языке лирики Пушкина (поэтизмы как форма выразительности) // Болдинские чтения. - Горький, 1990. - С. 12-21.

Тасеменова М. С. Поэтизм: онтология и функции (на материалах английской поэзии XIX века) / автореф. ... к.ф.н. - М., 1988.

Słownik terminów literackich. - Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk: Zakład narodowy inienia Ossolińskich wydawnictwo, 1976.

© Орехов Б. В., 2010

Петухова Е. В.

Курск, Россия, elenapetukhova@inbox.ru

Звукоимовелизм в англоязычной терминологии искусства

При рассмотрении этапов и направления семантического и морфологического развития звукоизобразительных единиц нельзя не обратиться

внимание на проникновение производных в различные лексические слои языка, причем спектр такого проникновения весьма широк и затрагивает как слэнг, так и профессиональный жаргон и научную терминологию. При этом следует отметить, что примарная мотивированность языкового знака, то есть отприродная связь между звуковой формой слова и его содержательной стороной, как правило, утрачивается не полностью. Более того, порой именно эта связь и служит основным мотивом вторичной номинации.

Что же касается слэнга, то, поскольку он является одним из центров звукоизобразительной системы языка [Кузьмич 1998: 36], то и концентрация единиц-производных от звукоизобразительных основ в данном пласте весьма велика и находит свое отражение не только в специальных словарях. Например, *hack* “*to cut, notch, slice, chop, or sever (something) with or as with heavy, irregular blows*” > slang “*to deal or cope with; handle*”; *jerk* (n) “*a quick, sharp pull, thrust, twist, throw, or the like; a sudden movement; a spasmodic, usually involuntary, muscular movement*” > slang “*a contemptibly naive, fatuous, foolish, or inconsequential person*”; *crash* “*to make a loud, clattering noise, as of something dashed to pieces; to break or fall to pieces with noise*” > slang “*to experience unpleasant sensations, as sudden exhaustion or depression, when a drug, esp. an amphetamine, wears off*”.

Основа *crash* стала производящей не только для слэнгизма, но и для ряда терминов, например “*Aeronautics. to land in an abnormal manner, usually causing severe damage*”, “*Ecology. (of a population) to decline rapidly*”, “*Computers. to shut down because of a malfunction of hardware or software*”, а также для единицы профессионального медицинского жаргона, приобретает значение “*to suffer cardiac arrest*”. Медицинский профессиональный жаргон, как и любой другой, содержит некоторое количество звукоизобразительных единиц, которым присуща высокая степень образности: *boogie* (выражение значения округлого) “*a tumour*”; *crinkly* “*geriatric*”; *crispy critter* “*severe burns case*”; *crumble (crumbly)* “*elderly patient*”; *slasher* “*general surgeon*” (ср. *slash* “*to make a long cut in something with a violent action*”) и т.д.

Компьютерный также изобилует лексемами, в основе которых лежит отприродная фонетическая мотивированность: *bang the board* “to do a lot of typing”; *bells and whistles* “the little extras on a computer or program: (spell checkers, scanners, etc.)”; *biff* “mail notification”; *bump* 1. “to upgrade”; 2. “to re-start or re-boot (usually network hardware)”; *click* “push a mouse button”; *crack* “to break into a computer system”; *whack* “to 'cut' or save a web page, picture, piece of code, file, etc”.

Однако с позиций изучения звукоизобразительной системы языка особый интерес представляет терминология, поскольку зачастую, она ассоциируется с сухостью формулировок, минимальной образностью и экспрессивностью. На первый взгляд трудно предположить наличие в данном стилистическом пласте единиц, в основе которых лежит связь между звуком и значением, причем связь, в той или иной степени ощущаемая либо выводимая из терминологического значения.

Так, в англоязычной технической терминологии можно встретить единицы, являющиеся элементами звукоизобразительной системы языка.

Например, звукоподражательная основа *buff* “a blow; slap; to reduce or deaden the force of; act as a buffer” (1375-1425), образованная путем обратного словообразования от *buffet* “a blow, as with the hand or fist” (1175-1225), дала в итоге термин *buffer* “any device, material, or apparatus used as a shield, cushion, or bumper, esp. on machinery”. В химии лексема *buffer* используется для обозначения вещества-нейтрализатора: “any substance or mixture of compounds that, added to a solution, is capable of neutralizing both acids and bases without appreciably changing the original acidity or alkalinity of the solution”. Технический термин *splashboard* “a board, guard, or screen to protect from splashing, as a dashboard of a vehicle or a guard placed over a wheel to intercept water, dirt, etc.” восходит к звукоподражательной основе *splash* “to fall upon (something) in scattered masses or particles, as a liquid does” (1715), которая, возможно, является вариантом *plash* с тем же звуковым значением.

В данной работе мы хотели бы обратиться к терминологии искусства, а именно, танца. Можно предположить наличие здесь определенного числа звукоизобразительных по своей природе основ, описывающих характер движений в танце, т.е. в основе термина будет лежать связь звуковой формы и движения.

Из 119 рассмотренных нами терминов и их сочетаний 61 (51%) лексема оказалась звукоизобразительной. Причем среди них можно выделить как звукоподражательные, так и звукосимволические единицы. Отдельные лексемы сохраняют фонетическую связь между звуковой формой и значением. К ним можно отнести, например, термин *shuffle* “*to scrape the feet over the floor in dancing to walk without lifting the feet or with clumsy steps and a shambling gait*”, восходящий к нижненемецкому *schuffeln* “*to walk clumsily or with dragging feet*” (1525-1535). Однако все же большинство отмеченных нами единиц являются частью звукосимволической подсистемы языка.

Если в основе номинации звукоподражаний лежит акустический признак, то звукосимволизмы отмечены «закономерной, не-произвольной, фонетически мотивированной связью между фонемами слова и полагаемым в основу номинации незвуковым (неакустическим) признаком денотата (мотивом)» [Воронин 2006: 20]. В нашем случае таким незвуковым признаком является характер обозначаемого движения.

Проведенный нами анализ позволил выделить следующие основные признаки, положенные в основу номинации.

I. Движение

1) плавное/гибкое.

Slide в сочетании *drag aka slide aka draw* имеет значение “*slide an act or instance of sliding (to move along in continuous contact with a smooth or slippery surface)* и восходит к древнеанглийскому *slīdan* (950 г.) с германскими параллелями (MLG *slīden*, MHG *slīten*).

Flex “*the act of flexing*” – “*to bend, as a part of the body*” (1515-25 < L. *flexus* < *flectere to bend, turn*;)

Звукоизобразительность начальных кластеров *sl* и *fl* неоднократно отмечалась авторами в фоносемантических исследованиях (R. Allot, A. Abelin, M. Magnus и др.)

Sway “to move or swing to and fro; to move or incline to one side or in a particular direction” (1300–50; ME *sweyen* < ON *sveigja*).

Swing “to cause to move to and fro, sway, or oscillate, as something suspended from above” (ок. 900; ME *swingen*, OE *swingan*; G *schwingen*).

2) резкое/ломаное движение.

Bump “to dance by thrusting the pelvis forward abruptly, in a provocative manner, esp. to the accompaniment of an accented musical beat” – “to come more or less violently in contact with; collide with; strike” (1560–70). Денотат этого типа можно отнести к изображению приглушенного удара.

Grind “(in a dance) to rotate the hips in a suggestive manner” – “to reduce to fine particles, as by pounding or crushing” (ок. 950; ME *grinden*, OE *grindan*; ср. Goth *grinda-*, L *frendere*).

Fan kick “a very dynamic move that is done by kicking your leg high in the air in a circular motion” < “to strike with the foot or feet” (1350–1400). Восходит к обозначению удара.

Обозначение “ломаного” характера движений находит свое отражение в фонотипе звукоподражания *break* “a style of acrobatic dancing originating in the mid-1970s, often performed to rap music usually by teenage males in the streets, and characterized by intricate footwork, pantomime, spinning headstands, tumbling, and elaborate improvised virtuosic movements” < “to smash, split, or divide into parts violently; reduce to pieces or fragments” (ок. 900; ME *breken*, OE *brecan*; с. D *breken*, G *brechen*, Goth *brikan*; ср. L *frangere*).

Flick “to move with a jerk or jerks” < “to strike lightly with a whip, the finger, etc.; to touch or hit with a light quick blow” (1400–50).

Hop “to make a short, bouncing leap”(ок. 1000 г., ср. ON *hoppa*) > “cultural movement that attained widespread popularity in the 1980s and '90s; also, the backing music for rap, the musical style incorporating rhythmic and/or

rhyming speech that became the movement's most lasting and influential art form". Единица *rap* "to strike, esp. with a quick, smart, or light blow" (ср. шведск. *rappa* "to beat, drub") > "to utter sharply or vigorously" также имеет в своей основе звуковое обозначение удара, что могло повлиять на ее выбор в качестве названия этого музыкального направления, в основе которого лежит ритмическая доминанта ("удар" – "серия ударов" – "ритм").

Данные термины восходят к обозначению ударов, чем обусловлено наличие в них фонотипа взрывных в начальной и конечной позициях. Наличие в звуковом облике вибранта /r/, сонорных и фрикативных отражают те или иные акустические характеристики удара. В терминологии танца эти примарно фонетически мотивированные лексемы приобретают значения, связанные с резкими движениями. Таким образом, акустический признак, изначально положенный в основу номинации, влияет на характер вторичной номинации.

3) движение с усилием.

Drag в сочетании *drag aka slide aka draw* имеет значение "to draw with force, effort, or difficulty; pull heavily or slowly along; haul; trail" (1350 – 1400) и восходит к средненижнемецкому *drage*. Сходен с ним по звуковой форме начального кластера и выражаемому характеру движения и термин *tread* "to set down the foot or feet in walking; step; walk; to step, walk, or trample so as to press, crush, or injure something" (ок. 900), имеющий семантико-акустические соответствия в других германских языках (OFris *treda*, OS *tredan*, D *treden*, G *treten*, ON *trotha*, Goth *trudan*). Возможно, обозначение отрывистого треска развилось в обозначение резкого движения, далее – движения с усилием.

4) поворот.

Терминологическое значение единицы *twirl* "a square dance term for turning the lady" представляется результатом семантического развития основы *twirl* "to cause to rotate rapidly; spin; revolve; whirl" (1590–1600), являющейся, возможно, итогом слияния основ *tw(ist)* + *(wh)irl*. Последняя также относится к теме данной статьи и используется в терминологии тан-

ца в значении “*to turn around, spin, or rotate rapidly*” (1250-1300) и восходит к древнесеверному *hvirfla*. Если продолжить ряд сходных по звуковой форме лексем, то нетрудно увидеть и наличие в их семантической структуре значения поворота, изгиба, вращения, например, *curl* “*to form into a spiral or curved shape*”, *birl* “*to move or rotate rapidly*”, *swirl* “*to move around or along with a whirling motion*”, *whirr* “*to go, fly, revolve, or otherwise move quickly with a humming or buzzing sound*” и др. В последнем случае в семантической структуре сохраняется акустическая составляющая. В данном случае представляется возможным проследить последовательную корреляцию звукового комплекса [□:(r)] и звукосимволического значения, когда в основе мотивации лежит уже неакустический признак (вращение).

Таким образом, единицы, в основе которых лежит связь между фонетической структурой и незвуковым мотивом номинации (в нашем случае видом движения), сохраняют свою звукосимволическую природу, являясь терминами танца. Думается, эта зависимость носит двусторонний характер: эти лексические единицы стали частью терминосистемы в силу своего звукосимволического начала.

Библиографический список

Воронин, С.В. Основы фоносемантики: моногр./С.В. Воронин. – М.: Изд-во ЛЕНАНД, 2006. – 248 с.

Воронин, С.В. Английские ономотопы (фоносемантическая классификация): моногр./С.В. Воронин. – СПб.: Изд-во “Геликон Плюс”, 2004. – 192 с.

Кузьмич И.В. Американский слэнг и иконичность в словообразовании// Тезисы докладов межвузовской научной конференции “Англистика: современные достижения и традиции”. СПб., 1998 г. – С. 36-37

Петухова Е.В. Звукоизобразительная лексика и метафоризация значения// Знак: Иконы, Индексы, Символы//Тезисы докладов международной конференции памяти профессора С.В. Воронина, 5-6 октября 2005 г. – Санкт-Петербург, 2005. – С. 48-50.

Справочные издания

Etymological Dictionary of the English Language. Rev. Walter W. Skeat. New edition revised and enlarged. – Oxford, the Clarendon press, 1993, 780 p.

Oxford Concise Dictionary of English Etymology.: Oxford University Press. Oxford 1996.

Random House Unabridged Dictionary, © Random House, Inc. 2006. Webster's Revised Unabridged Dictionary, © 1996, 1998 MICRA, Inc.

© Петухова Е. В., 2010

Плетнева Н. В.

Екатеринбург, Россия, pletnevalex@mail.ru

Лексико-семантические особенности усечений в современном английском языке

На современном этапе развития лингвистики исследователи проявляют повышенный интерес, как к проблеме словообразования, так и к углубленному исследованию отдельных словообразовательных моделей в рамках когнитивного и прагматического подходов.

Многочисленность новообразований последнего времени и постоянное увеличение их в соответствии с интенсивностью развития мировых экономических и общественно-политических процессов поставила новые проблемы перед словообразовательной синхронией. К настоящему времени в центре внимания исследователей сокращенных единиц оказался определенный круг проблем, изучение которых стало приоритетным. К ним относятся выяснение причин возникновения сокращений, их социолингвистическая обусловленность, структурно-семантические классификации, место в словообразовательной системе языка, тенденции развития сокращений и так далее. Одно из центральных мест занимает исследование семантики сокращенной единицы.

Необходимо обратить внимание на отношения между полным словом и усечением, которое от него образуется. Многие лингвисты отмечают, что при образовании усечения существуют как фонетические варианты исходных слов. Их полное обособление возможно только в ходе длительного функционирования в речи, когда полное наименование исчезает из употребления, а усеченное слово обретает полную семантическую самостоятельность, например как это произошло в случае со словом *pub*:

pub < *public house*.

В таких случаях семантическая связь между полной и сокращенной формами слова может быть частично или полностью утрачена. Этимологическую связь между словами *fan* < *fanatic*, *vamp* < *vampire*, *cab* < *cab*

riole, *van* < *caravan*, *cuss* – *customer*, *brig* < *brigantine* можно установить только с помощью диахронного исследования.

О.Д. Мешков говорит о создании стилистического варианта слова [Мешков О.Д. 1976:159] при создании таких усечений, как *doc* – *doctor*, *math* – *mathematics*. Они употребляются в разных функциональных стилях.

И. В. Арнольд отмечает, что «при возникновении сокращенного слова полная форма может отпасть» [Арнольд И.В.1980:177]. Например, из английского языка исчезло слово *avantgarde* после возникновения сокращенного *vanguard* авангард. В некоторых случаях одна из форм слова исчезает, будучи вытесненной другой. Так произошло с полными формами слов *chap* < *chapman*, *brandy* < *brandywine*.

Г. Марчанд считает, что при исчезновении полного слова из языка усечение перестает быть сокращением, а воспринимается как полное слово. По его мнению, когда сокращение теряет свою связь с более длинным полным словом, сокращением которого оно является, оно перестает относиться к словообразованию, так как тогда оно становится лексической единицей, не связанной с производящим словом [Marchand H 1969:111]. В таких случаях полную форму можно восстановить лишь при изучении этимологии слова.

При образовании усечений часто возникает явление омонимии. Такие усечения-омонимы можно разделить на две группы. К первой группе относятся усечения, по форме совпадающие с уже существующими полными словами, но никак не связанные с ними по смыслу: *camp* < *campaign* и *camp* – *лагерь*, *art* < *artillery art* – *искусство*. Другую группу омонимов составляют многозначные усечения. При сокращении различных многосложных слов их первые части могут совпадать, образуя омонимы-усечения [Мешков О.Д. 1976:160]. *Sub* < *subeditor*, *sub* < *subalteran*, *sub* < *subject*, *sub* < *submarine*, *sub* < *subscription*, *edit* < *editing*, *edit* < *editorial*.

Как показывает проведенное исследование (корпус примеров составил 789 усечений), при изменении структуры слова, сокращении его

части достаточно часто происходит также изменение семантического значения слова.

Семантика усеченной единицы может частично или полностью не совпадать с семантикой исходной единицы. У усечений может происходить сдвиг или перенос значения в сравнении с полным наименованием.

Для примера проанализируем семантическое значение усечения *varsity*. Сравним семантическое значение усечения *varsity* и полного слова.

Varsity < *university*

University

An institution at the highest level of education where you can study for a degree or do research.

Varsity

n.

(AmE) the main team that represents a college or high school, especially in sports competitions.

(BrE, old use or IndE, SAfrE) university.

adj.

(BrE, informal) used when describing activities connected with the universities of Oxford and Cambridge, especially sports competitions.

У усечения *varsity* происходит расширение значения. При образовании усечения *varsity* от *university* денотативные значения этих слов совпадали. Они обозначали высшее учебное заведение. Усечение *varsity* имело разговорную окраску.

У усечения *varsity* путем метонимического переноса развилось новое значение *университетская спортивная команда*. В американском варианте английского языка это усечение используется в этом значении. Значение *university* является устаревшим или используется в некоторых вариантах английского языка: в британском английском, в индийском варианте и в южно-американском варианте английского языка.

Усечение *varsity* может являться и прилагательным. Это прилагательное имеет разговорную окраску. В этом случае у усечения *varsity* про-

исходит сужение значения. Как прилагательное университетский оно используется для описания мероприятий, связанных с Оксфордским и Кембриджским университетами (а не всеми университетами), особенно спортивных мероприятий.

Написание и произношение усечения *varsity* отражает старое произношение слова *university*.

Слово *Fax* < *facsimile*

"Some weeks later, *Vet* calls to tell me that *Sly* wants to send me a statement "about the war" by fax"[*Vanity Fair*. May 2007. № 561 : 64].

Facsimile

1. *An exact copy of something*

2. *fax (formal)*

Fax

n.

1. *A machine that sends and receives documents in an electronic form along telephone wires and then prints them.*

2. *A system for sending documents using a fax machine.*

3. *A letter or message sent by fax.*

v.

to sent somebody a document or message by fax.

Усечение *fax* образовалось от второго значения слова *facsimile*. Значение усечения *fax* расширяется посредством метонимического переноса. Это усечение обозначает не только аппарат факс, но также связь по факсу и сообщение, которое посылается по факсу. Таким образом, у этого усечения происходит дальнейшее развитие значения. От усечения *fax* с помощью конверсии образуется глагол *to fax* посылать по факсу. Можно отметить, что меняется написание этого усечения. Оно напоминает полное слово, состоящее из 3 букв, которые образуют закрытый слог.

Таким образом, можно проследить определенную тенденцию изменения лексико-семантического значения усеченной единицы. Мы наблюдали различие в семантике усечений и полных слов. Чаще всего у

усечений происходит расширение или сужение значения, что открывает новые границы в изучении семантики не только усечений, но и сокращенных лексических единиц в целом.

Библиографический список

- Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка. М.: Изд-во лит-ры на иностр. языках, 1980. 352 с.
- Борисов В.В. Аббревиация и акронимия. Военные и научно-технические сокращения в иностранных языках. М.: Воениздат, 1972. 320 с.
- Горшунов Ю.В. Прагматика аббревиатуры: Автореф. дис. д-ра филол. наук. М., 2000. 32 с.
- Заботкина В.И. Новая лексика современного английского языка. М.: Высш. шк., 1989. 126 с.
- Мешков О.Д. Словообразование современного английского языка. М.: Наука, 1976. 246 с.
- Ярмашевич М.А. Аббревиация в современных европейских языках: структурные, семантические и функциональные аспекты: автореф. дис. д-ра филол. наук. Саратов, 2004. 41 с.
- H. Marchand. The Categories and Types of Present-Day English Word-Formation. // Хидекель С.С., Гинзбург Р.З., Князева Г.Ю., Санкин А.А. Английская лексикология в выдержках и извлечениях. Л.: «Просвещение», 1969. С. 111-146.
- Vanity Fair. May 2007. № 561. 240 p.

© Плетнева Н. В., 2010

Разводовская Я. В.

Гродно, Республика Беларусь, yaraz@mail.ru

Терминология интердисциплинарной области «репродуктивное здоровье»: понятийный состав

В настоящее время требуют внимания терминологии интердисциплинарных областей, возникающих в результате тесного взаимодействия смежных, а порой и совершенно далеких друг от друга наук и областей знания. К такой интердисциплинарной области можно отнести «репродуктивное здоровье».

Определение репродуктивного здоровья (РЗ) было официально сформулировано на Международной Каирской конференции по народонаселению и развитию (МКНР), которая состоялась в сентябре 1994 года. По определению Всемирной Организации Здравоохранения (ВОЗ) репродуктивное здоровье представляет собой «состояние полного физического, ум-

ственного и социального благополучия, а не просто отсутствие болезней или недугов во всех аспектах, касающихся репродуктивной системы, ее функций и процессов» [ВОЗ 2001]. РЗ является важнейшей частью общего здоровья и занимает центральное место в развитии человека. Различные аспекты РЗ (бесплодие, беременность, аборт и т.п.) являются предметом обсуждения как специалистов в данной области, так и широкой аудитории разного возраста и степени осведомленности. Следовательно, исследование подъязыка РЗ является актуальным и целесообразным.

Тематическая организация лексического материала имеет большое значение для освоения терминологии. Разработка научной терминологии в любой области всегда сталкивается с необходимостью выработки принципов отбора и построения базовой терминологии как основы для моделирования терминосистемы.

В соответствии с предложенным ВОЗ определением и разъяснением концепций сексуального и репродуктивного здоровья, в самом определении «репродуктивное здоровье» выделяются области сексуального здоровья (ответственная, приносящая удовлетворение и безопасная сексуальная жизнь), репродуктивной свободы (доступ к информации, методам и услугам) и безопасного материнства (безопасная беременность, роды и здоровые дети) [ВОЗ 2003]. Наличие вышеперечисленных областей РЗ предполагает использование терминов различных дисциплин (медицины, права, демографии и др.).

Терминология РЗ функционирует не только в научном дискурсе. Естественным полем для нее являются научно-популярные тексты, адресованные для широкого круга читателей, а также средства массовой информации. Характерной особенностью данной терминологии является ее социально-ориентированная направленность, когда сама терминология представляет собой «источник полезного социального знания в процессе распространения социально-полезной информации» [Рычкова 2008: 12].

Основная терминология в области РЗ разрабатывалась на уровне соответствующих организаций при ООН и была первично зафиксирована в

английском варианте, а именно на Global English (GE), т.е. изначально формировалась как международная, лишенная национальной специфики [Разводовская 2009: 228]. Национальные терминологии данной области формируются на основе англоязычной терминологии, и, как следствие, содержат большое количество интернациональных терминов, терминов-калек, а также заимствований из английского языка, представляющих собой практическую транслитерацию или транскрипцию.

Целью нашего исследования явилась оценка понятийного состава терминологии подъязыка РЗ английского, русского и белорусского языков.

Термины для исследования были отобраны из официальных информационно-просветительских электронных материалов ВОЗ, ЮНИСЕФ, ЮНФА и др., адекватных национальных и российских программ, информационно-просветительских электронных и печатных изданий, глоссариев терминов, одно- и двуязычных энциклопедических словарей, словарей медицинских терминов [Разводовская 2008: 141]. Всего исследовано 83 англоязычных, 45 русскоязычных и 57 белорусскоязычных источников терминологической лексики. Общее количество исследованных терминов составило: англоязычных – 1599, русскоязычных – 1634, белорусскоязычных – 811.

Первичный анализ терминов подъязыка РЗ в исследуемых источниках позволил выделить следующие подобласти:

1) сексуальное здоровье:

- анатомия и физиология женской репродуктивной системы (англ.: *ovaries*; рус.: *менструация*; бел.: *похва*);
- анатомия и физиология мужской репродуктивной системы (англ.: *spem*; рус.: *эякуляция*; бел.: *семявыносячыя пратокі*);
- гинекология (заболевания, диагностика, лечение) (англ.: *endometriosis*; рус.: *аменорея*; бел.: *дысменарэя*);
- андрология (заболевания, диагностика, лечение) (англ.: *aspermia*; рус.: *баланит*; бел.: *эпідыдыміт*);

- сексуальная жизнь (англ.: *sexual orientation*; рус.: *половой акт*; бел.: *сэксуальнасць*);

- инфекции, передаваемые половым путем (англ.: *acquired immunodeficiency syndrome*; рус.: *гонорея*; бел.: *венерычныя хваробы*);

2) репродуктивная свобода:

- репродуктивные и сексуальные права (англ.: *reproductive rights*; рус.: *сексуальная свобода*; бел.: *палавая роўнасць*);

- контроль репродуктивной функции (англ.: *birth control*; рус.: *предупреждение беременности*; бел.: *рэгуляванне нараджальнасці*);

- вспомогательные репродуктивные технологии (англ.: *testicular sperm extraction*; рус.: *экстракорпоральное оплодотворение*; бел.: *пазаарганічнае апладненне*);

- доступ к информации и услугам в области РЗ (англ.: *pre-abortion counseling*; рус.: *женская консультация*; бел.: *прэгравідная падрыхтоўка*);

- социальные основы РЗ (англ.: *family*; рус.: *женщина*; бел.: *бацькоўства*);

3) безопасное материнство:

- акушерская помощь (уход за матерью и ребенком) (англ.: *obstetric care*; рус.: *кесарево сечение*; бел.: *родадапамога*);

- медицинско-санитарная помощь (аборт, безопасная контрацепция) (англ.: *contraceptives*; рус.: *аборт самопроизвольный*; бел.: *прэзерватыў*);

- планирование семьи (англ.: *family planning*; рус.: *естественное планирование семьи*; бел.: *планаванне цяжарнасці*);

- материнская заболеваемость и смертность (англ.: *maternal mortality*; рус.: *неонатальная смертность*; бел.: *дзіцячая смяротнасць*);

4) демография (англ.: *child-woman ratio*; рус.: *исчерпанная рождаемость*; бел.: *сумарны каэфіцыент нараджальнасці*).

В качестве отдельного подраздела данной классификации мы выделили термины, составляющие так называемое ядро терминологии РЗ (англ.: *reproduction*; рус.: *зачатие*; бел.: *дзетанараджэнне*).

Анализ исследуемых терминов, функционирующих в подязыке РЗ английского, русского и белорусского языков показал, что самыми распространенными терминами в данной терминологии являются термины, составляющие подобласть «сексуальное здоровье» (англоязычные – 47,40%, русскоязычные – 44,24%, белорусскоязычные – 49,69%). В данной подобласти самыми многочисленными в английском и русском языках являются термины, характеризующие гинекологические заболевания, их диагностику и лечение (англ. – 18,07%, рус. – 17,74% от всех отобранных терминов РЗ исследуемого языка), а в белорусском языке термины по анатомии и физиологии женской репродуктивной системы (14,54%).

Следующей по количеству терминов является подобласть «безопасное материнство» (англ. – 29,33%, рус. – 39,16%, бел. – 29,83%). В пределах данной подобласти самыми многочисленными в английском и русском языках являются термины, характеризующие материнскую и детскую смертность (англ. – 10,44%, рус. – 15,54%), а в белорусском языке термины, характеризующие акушерскую помощь (13,56%).

Термины подобласти «репродуктивная свобода» составляют в английском языке – 15,75%, в русском – 7,83%, в белорусском – 10,35%.

Термины, характеризующие демографические аспекты РЗ составляют небольшой процент в исследуемых языках (англ. – 0,93%, рус. – 2,26%, бел. – 1,72%).

Ключевые термины данного подязыка или ядро составили в английском языке – 6,56%, в русском – 6,48%, в белорусском – 8,50%.

Таким образом, понятийный состав терминологии РЗ является многоаспектным и имеет широкий спектр направлений (анатомия, физиология, медицина, право, психология и др.). Различия в количественном составе терминов в тематических подобластях данной терминологии связаны с различной степенью разработанности терминосистем в исследуемых языках. Наиболее разветвленной является терминосистема РЗ в английском языке.

В целом, терминология подъязыка РЗ находится в стадии формирования. Для развития терминологии РЗ в исследованных языках имеются все условия: обозначены границы области, разработаны ее понятия, существуют естественные языки, инвентарь которых может быть использован для обозначения системы понятий данной области.

Одной из прикладных задач моделирования терминологии является создание трехязычного глоссария терминов, учитывая междисциплинарный характер данной терминологии и ее социальную направленность.

Библиографический список

Разводовская, Я.В. Семантика терминов подъязыка репродуктивно здоровья в интерпретации профессионалов и непрофессионалов / Я.В. Разводовская // Русский язык: система и функционирование: сб. материалов IV Международ. науч. конф. В 2ч. Ч.1; под ред. И.С. Ровдо. – Минск: РИВШ, 2009. – С.227-230.

Разводовская, Я.В. Термины подъязыка репродуктивного здоровья: общий анализ источников специальной лексики / Я.В. Разводовская // Журн. Гродненского гос. мед. ун.-та. – 2008. – № 2. – С.140-144.

Региональная стратегия ВОЗ в области сексуального и репродуктивного здоровья: сайт ВОЗ. – 2001 [Электронный ресурс]. Дата обновления: 08.10.2009. – URL: <http://www.euro.who.int/document/e745558r.pdf>. (дата обращения: 10.01.2010).

Репродуктивное здоровье и репродуктивные права: сайт Фонд ООН в области народонаселения. – 2003 [Электронный ресурс]. Дата обновления: 09.09.2003 – URL: <http://un.by/unfpa/rescenter/reprod/unfpa-reprh-1.html> (дата обращения: 10.01.2010).

Рычкова, Л.В. Терминология в обществе знания / Л.В. Рычкова // Вторые чтения, посвященные памяти профессора В.А. Карпова: сб. матер. под ред. А.И.Головни, Минск: Изд. Центр БГУ, 2008. – С.8-14.

© Разводовская Я. В., 2010

Розанова Е. В.

Екатеринбург, Россия, yelenarozanova@mail.ru

О ядерных семях категории собираемости

Категория собираемости является универсальной языковой категорией, суть которой заключается в том, что она выражает трактовку некоторого множества как целостной, нечленимой совокупности однородных предметов.

Инвариантным значением функционально-семантической категории собирательности является «совокупное множество предметов» [Ерошкина 2000: 162].

Сема "**множество**" противопоставляет собирательные существительные словам, обозначающим единичный предмет.

Сема "**предмет**" предполагает, что собирательные существительные обозначают лишь совокупности конкретных материальных объектов. Наличие этой семы также объясняет, почему в состав функционально-семантической категории собирательности входят лишь существительные.

И, наконец, сема "**совокупность**" противопоставляет собирательные существительные существительным, обозначающим дискретное множество лиц.

Семы собирательности в структуре ЛЗ иерархически организованы: структурно главной из них является сема "множество", от неё зависят семы "совокупное" и "предметы", определяющие качество множества. Поэтому их также можно рассматривать как составляющие сему «множество» собирательных существительных.

Предметность в структуре ЛЗ обычно уточняется. Для того, чтобы предметы могли объединиться в совокупность, они должны иметь общие признаки, делающие их в определённом смысле однородными. На однородность предметов как непременное условие формирования собирательного существительного указывали Е.М.Галкина-Федорук 1964, З.И.Котова 1964, Р.И.Гусейнов 1984. Это обстоятельство позволяет провести классификацию собирательных существительных по тематическим группам, что, однако, не входит в задачи данной статьи.

Предметность в пределах категории собирательности имеет разную степень выраженности. Она может подавляться другими семами, например вещественность.

Сема "**множество**" имеет целый ряд дополнительных конституирующих признаков, однако не все они в равной мере важны для интерпретации сути категории собирательности. Когда говорят о категории собира-

тельности, упоминаю обычно следующие характеристики множеств: совокупность, целостность, дискретность, конечность / бесконечность, исчерпанность, качественная определённость, однородность (противопоставлена и родо-видовым отношениям в рамках множества), реальность / абстрактность.

Рассмотрим, какими характеристиками должно обладать собирательное существительное, входящее в ядро ФСК собирательности.

Множества конечные и бесконечные. Об ограниченности, законченности множества, выражаемого при помощи собирательных существительных, писали А.А.Холодович 1945, В.З.Панфилов 1977.

Г.А.Меновщиков 1970, Г.И.Миськевич 1970, А.Умаров 1972, напротив, указывают на неограниченность множества собирательных существительных.

Вопрос должен решаться во взаимосвязи с другими признаками множества, а именно с признаком реальности множества. Реальное множество является конечным, тогда как абстрактное – бесконечным (ср.: *Эта аппаратура устарела* и *За аппаратурой нужен уход*) [Ерошкина 2000: 27].

По всей видимости, ядерным признаком собирательного множества является бесконечность множества, соотносимая с количественной неопределённостью и исчерпанностью.

Все собирательные существительные являются **количественно неопределёнными**, если только в тексте нет косвенных указаний на количественную определённость (О.О.Лешкова 1984, Ж.Долгормаа 1998).

Исчерпанность множества предполагает, что оно охватывает всех представителей определённой характеристики. Однако вопрос об исчерпанности множества не всегда решается однозначно. Например, лексемой *застолье* обозначается совокупность людей, сидящих за конкретным праздничным столом, но ею нельзя обозначить всех людей, сидящих за всеми праздничными столами. Поэтому подобные лексемы не входят в ядро категории собирательности.

Теперь обратимся к понятиям «совокупность», «целостность» и «дискретность».

Исследователи единодушны во мнении, что множество, выраженное собирательным именем, **совокупно, целостно**, тогда как множество, выражаемое грамматической формой мн.ч., **дискретно**, раздельно: *пеньё – пни*.

Множество дискретное – это множество чистого количества, оно универсально, отвлечённо. Собирательное же множество связано с совокупностью предметов определённого **качества** и представляет собой индивидуализированное, конкретное множество.

Понятие целостности помогает связать понятия совокупности и качества. Целостность характеризует отношения элементов некоторой совокупности (или элементов, входящих в структуру отдельного объекта), а также те связи, которые объединяют эти элементы и приводят к появлению у совокупности новых (интегративных) свойств и закономерностей, не присущих элементам в их разобщенности. Таким образом, понятие целостности связано с качественной характеристикой закрытости множества, т.е. качественная определённость множества не сводится к качественной определённости образующих его составляющих.

Качество, присущее собирательности, является сущностным, значимым, способным отличить данный класс от объектов другого класса. Причём качество, передаваемое собирательными существительными, может отличаться от качества, передаваемого соответствующими конкретными существительными, поскольку собирательные существительные нередко приобретают оценочное значение (зачастую отрицательное) [Калинина 2007: 65].

Однако совокупный, целостный характер множества не противоречит указанию на дискретность единиц множества (т.н. *дискретная единичность*). В семантике собирательности сосуществуют две противоположности: признак расчленённости и признак целостности. Собирательность характеризуется признаком внутренней расчленённости и внешней

целостности [Лешкова 1984: 41]. Дискретность относится к денотативному плану, целостность – к сигнификативному. Поэтому в центре поля собираемости будут располагаться лексемы, сочетающие в себе признаки целостности и дискретности, при этом доминирующим признаком является целостность.

Множество однородное и родо-видовое. Любое множество в некоторой степени является однородным, поскольку номинация совокупностей предметов или лиц предполагает наличие у членов называемого множества общего свойства, которое лежит в основе их выделения в совокупность.

Собирательные существительные способны выражать также множество родо-видовое, каждый член которого существует как нечто качественно особое и является видом по отношению к множеству как роду: посуда = тарелка + блюдо + стакан...; периодика = газета + журнал + еженедельник и т.д., однако идее собираемости в большей степени отвечают однородные множества.

Кроме того, в высказывании собирательные существительные могут обозначать как **абстрактное**, абсолютное множество, некоторый класс объектов, так и **реальное** множество элементов, составляющих определённое единство. Таким образом, реальность множества подразумевает, что имя обладает референтной отнесённостью.

Множества также могут характеризоваться по **количеству** составляющих их элементов, по признаку **упорядоченности / неупорядоченности** и отношению к другому множеству.

Сема "**совокупность**" характеризует множество как целостное, неделимое.

Признак совокупности может проявляться по-разному. Множество элементов может лишь представляться совокупностью, объединением в сознании говорящего. Но множество может представлять собой и **реально** существующее объединение: *семья, община, толпа*. «Множества конечные, ограниченные обычно являются объединениями (совокупностями) реально

существующими» [Ерошкина 2000: 53-54]. К реальным совокупностям относятся, например, лексемы *братия, милиция, персонал, руководство* и т.п.

Сема «совокупность» может иметь добавочный признак **качественной определённости**. Некоторые учёные выделяют его в отдельный критерий отнесения к собирательным существительным [Лешкова 1984, Долгормаа 1998, Румянцева 2009]. Качественная характеристика совокупности определяется как качественным своеобразием элементов совокупности, так и новыми свойствами этой совокупности [Лешкова 1984: 41]. Но если качественная определённость множества является обязательным признаком для всех собирательных существительных, то новая качественная характеристика – факультативный признак.

Итак, в структуре ЛЗ собирательного существительного главенствующее место занимает сема «множество», и она же обладает наибольшим количеством дифференциальных признаков. Однако следует отметить, что в дискурсе эти признаки и их соотношение могут значительно модифицироваться, что составляет тему отдельного исследования.

Библиографический список

- Гусейнов, Р. И. Лексико-грамматическое поле английских существительных в диахроническом освещении / Р. И. Гусейнов; Отв. ред. Р. И. Гайдаров, Т. Л. Чубрикова. – Ростов-на-Дону: изд-во Рост. ун-та, 1984. – 168 с.
- Долгормаа, Ж. Специфика русской категории собирательности: С позиции монгольской языковой картины мира : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Жамьян Долгормаа. – М., 1998. – 121 с.
- Ерошкина, Н. И. Существительные со значением собирательности: На материале слов, обозначающих совокупности людей : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Н. И. Ерошкина. – М., 2000. – 185 с.
- Калинина, Л. В. К вопросу о критериях выделения и отличительных приметах лексико-грамматических разрядов имён существительных / Л. В. Калинина // *Вопр. языкознания*. – 2007. – № 3. – С. 55-70.
- Котова, З. И. Собирательные существительные в английском языке : дис. ... канд. филол. наук / З. И. Котова. – Л., 1963. – 245 с.
- Лешкова, О. О. Функционально-семантическая категория собирательности в польском и русском языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.03 / О. О. Лешкова ; МГУ. – М., 1984. – 24 с.

Меновщиков, Г. А. Способы выражения единичности – множественности в языках различного типа / Г. А. Меновщиков // *Вопр. языкознания*. – 1970. – № 1. – С. 82-88.

Миськевич, Г. И. Словообразовательная категория собирательных имён существительных в современном русском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.660 / Г. И. Миськевич. – М., 1970. – 226 с.

Панфилов, В. З. Философские проблемы языкознания: Гносеологические аспекты / В. З. Панфилов. – М. : Наука, 1977. – 285 с.

Современный русский язык / под ред. проф. Е. М. Галкиной-Федорук. – М. : изд-во Моск. ун-та, 1964. – Ч. 2 : Морфология. Синтаксис. – 638 с.

Умаров, А. Средства выражения совокупного множества в современном французском языке : дис. ... канд. филол. наук : 01.02.05 / А. Умаров. – М., 1972. – 162 с.

© Розанова Е. В., 2010

Сандалова Н. В.

Екатеринбург, Россия, natalia-sandalova@yandex.ru

Синонимия русских и английских юридических терминов (лексикографический аспект)

Вопрос о существовании синонимии в терминологии дискуссионен. Синонимия (дублетность) особенно характерна для начальных этапов формирования терминологий, когда еще не произошел естественный (и сознательный) отбор лучшего термина и имеется несколько вариантов для одного и того же понятия.

Некоторые исследователи полагают, что терминологическая синонимия недопустима. По мнению Л.К. Граудиной и Е.Н. Ширяева как таковую синонимию термина нельзя рассматривать ввиду специфики термина как однозначного слова, поэтому в терминологии следует говорить о дублетности, а не о синонимии [Граудина, Ширяев, 1999 : 197-204]. Н.В. Левандровская считает, что «в действительности термины, называющие концепты специальных структур знания, могут включать и варианты, и дублеты, и синонимы. Соотнесенные с одним и тем же понятием, такие термины неравноценны по устойчивости, частотности, сфере употребления (разные стили специальной речи), их образование связано со стадией возникновения и становления новых концептов данной сферы знания» [Левандровская, 2007 : 97]. Л.Н. Русинова полагает, что синонимия терминов

оправдана по двум причинам: 1. При обозначении понятия практически невозможно соединить в одном термине все желаемые качества (мотивированность, краткость, способность к деривации); 2. синонимичные термины вносят разнообразие в научный текст [Русинова, 1985 : 29-30].

В общеязыковой сфере синонимия связывается с наличием сходных значений у сопоставляемых лексических единиц. В терминологии принято считать, учитывая специфику термина, что термины-синонимы выражают идентичные значения, поэтому их называют дублетами. К.Я. Авербух отмечает три фактора, порождающие терминологическую синонимию: 1. Активное заимствование, при котором в языке существуют одновременно исконный и заимствованный термины; 2. Метонимическое употребление одного из терминов синонимического ряда; 3. Наличие у терминологического понятия различных наименований в зависимости от предметной области ее изучения [Авербух, 1986 : 39].

З.И. Комарова приводит еще две причины – это манифестация одного инвариантного сигнификата по различным признакам и стилистическая дифференциация, обусловленная противопоставленностью устной и письменной форм функционирования терминов [Комарова, 1990 : 14-16].

Ряд причин указывает В.П. Даниленко: 1. Образование «фамильных» терминов; 2. Символическая замена – использование специализированных знаков-символов [Даниленко, 1977 : 76].

В отношении типологии терминов-синонимов (дублетов) не существует единого мнения; подобное расхождение вызвано, во-первых, различным пониманием синонимии в общем языке, во-вторых, отсутствием упорядоченной системы терминов метаязыка вариологии, в-третьих, разнообразием источников терминологической синонимии.

К.Я. Авербух выделяет 3 вида терминов-синонимов: 1. Абсолютные синонимы (дублеты): *языкознание – лингвистика*; 2. Синонимы по сигнификату (основанные на метонимии, возникающей в результате ассоциаций по смежности одного из компонентов синонимической пары): *лек-*

сика – словарь; 3. Синонимы по денотату (относящиеся к разным понятиям): *метан – болотный газ* [Авербух, 2004 : 86-93].

С.В. Гринев-Гриневиц подразделяет абсолютные синонимы (дублеты) на следующие виды: 1. Разновременные (отличающиеся хронологическим статусом): *почтальон – писемносец*; 2. Ареальные (отличающиеся ареалом распространения): *lift – elevator*; 3. Разноязычные – исконный и заимствованный или дублеты, заимствованные из разных языков: *восковая живопись – энкаустика* [Гринев-Гриневиц, 2008: 107].

В.А. Татаринев основывает свою классификацию терминов-синонимов на следующем терминологическом определении синонимов: это «лексические единицы, употребляемые по отношению к одному понятию, но с целью выявления в нем новых аспектов исследования благодаря вновь избранному языковому средству» и подразделяет синонимичные термины на: 1. Синонимы, возникшие на базе греко-латинских и других заимствований; 2. Эпонимические синонимы; 3. Синонимы, связанные с наименованием разных аспектов явления [Татаринев, 1996 : 191-192].

Язык правовых норм характеризуется развитой системой юридических терминов, обозначающих профессиональные понятия. Термины права неразрывно связаны с выработанными юридической наукой понятиями и выступают не только как представители данных понятий, но и как средства установления объема данных понятий. С.П. Хижняк предлагает считать терминологичным в рамках системы терминов права любое слово или словосочетание, обозначающее ключевое понятие правовой нормы, отмечая, что характер терминологичности при этом может быть различным [Хижняк, 1997 : 24].

Термины юридического дискурса подвержены формальному и семантическому варьированию, что в целом в терминологии любого подъязыка считается недостатком. В идеале соотносительность термина с понятием предполагает его однозначность (моносемию), так как в пределах определенной терминологической системы термин должен соответствовать только одному понятию. Для юридических терминов характерно и варьирова-

ние формы при сохранении инвариантного плана содержания, например: всевозможные эллипсы: *бартерная сделка – бартер*; различные аббревиации и сокращения: *ВТК – воспитательно-трудова́я колония, военный комиссариат – военкомат*; словообразовательные варианты: *вес отгруженный – вес отгрузочный*; а также синонимы (дублеты): *выдача преступников – экстрадиция, договор – контракт* [Савицкий, 1987 : 23-24].

Для анализа феномена синонимии в терминологии мы обратились к сфере фиксации, то есть к терминологическим словарям по юриспруденции. Мы проанализировали 6 толковых русскоязычных юридических словарей, 7 англо-русских и русско-английских юридических словарей, 3 английских толковых юридических словаря, а также 3 двуязычных интернет словаря по юридической терминологии, то есть всего проанализировано 19 словарей.

Было проанализировано 387 пар (групп) синонимов в русском языке и 302 – в английском.

В обоих языках превалируют пары терминов, возникших на базе заимствования из других языков, где либо все термины синонимического ряда заимствованы, либо один исконный, а второй – заимствованный.

В английском языке основными источниками заимствования являются латынь: *asylum – mental hospital, autopsy – post-mortem, buggery – sodomy, unwritten motion – verbal motion – oral motion*; французский: *act of God – force majeure, trip charter – voyage charter, release on licence – release on parole, challenge to the array – challenge to the panel*. В общей сложности заимствованных терминов-синонимов 51%.

В русском языке синонимичные термины появились в результате заимствования из английского: *перевалка груза – траншипмент, безналоговая зона – оффшорная зона, самоубийство – суицид*; из латыни: *арбитр – третейский судья, аренда – имущественный найм, аборт – искусственное прерывание беременности*; из французского: *адюльтер – прелюбодейние, непреодолимая сила – форс-мажор*. Всего заимствованных терминов-

синонимов в русском языке 52%, что практически совпадает с количеством заимствованных синонимичных терминов в английском.

На втором месте в обоих языках находятся термины-синонимы, связанные с наименованием разных аспектов явления. Они относятся к одному инвариантному сигнификату, но манифестируют разные характеристики данного сигнификата.

В русском языке терминов-синонимов этого вида 43%: *биологическое оружие – бактериологическое оружие, вдавленные следы – объемные следы, информация о гражданах – персональные данные.*

В английском языке таких синонимичных терминов 48%: *abusive behaviour – threatening behaviour, sudden assault – surprize assault, exchange broker – foreign broker, honest mistake – innocent mistake.*

Термины-эпонимы среди юридических терминов-синонимов обнаружены не были, за исключением одной подобной пары в русском языке: антропометрия – бертильонаж. Антропометрия - способ измерения частей тела с целью идентификации преступников и других лиц, названный «бертильонажем» по имени усовершенствовавшего антропометрию француза Бертильона. Этот способ применялся полицией многих стран с 1888 г. вплоть до изобретения дактилоскопии. Таким образом, эти термины являются разновременными терминами.

Разновременные парные термины указываются в словарях пометами «устар.», в английском языке – “now called”.

В русском языке таких терминологических пар 5%: *дипломатическое право – посольское право – право внешних сношений, душеприказчик – исполнитель завещания, титульное владение – законное владение.*

В английском таких пар меньше – 1%: *articled clerk – trainee solicitor, articles – traineeship, blue bag – green bag.*

Проведенный анализ лексикографических источников не выявил серьезных статистических отличий в репрезентации различных видов терминов-синонимов в русском и английском языках. В обоих языках преобладающим источником образования парных синонимичных терминов яв-

ляется заимствование. Основным источником заимствования является латынь, что обусловлено истоками правовых систем, историческим развитием юридической терминологии обоих языков.

В русском языке, вследствие развития международных отношений, происходит активное заимствование терминов из английского языка, эти термины образуют пары с уже существующими терминами. В английской юридической терминологии заметно серьезное влияние французского языка, произошедшее в результате развития языка права в период Норманнского завоевания.

Синонимы, связанные с наименованием разных аспектов явления также представляют собой достаточно объемный пласт юридической лексики. Как в русском языке, так и в английском языках данные термины представляют собой пары или группы синонимичных единиц, манифестирующих одно понятие с разных аспектов.

В целом проблема синонимии в терминоведении еще не решена. Следует отметить, что на наш, взгляд, синонимия как явление в специализированных научных текстах имеет право на существование, однако число терминов-синонимов должно быть ограничено функциональной необходимостью, потребностью в вариантности терминологических единиц.

Библиографический список

- Авербух К.Я. Терминологическая вариативность: теоретический и прикладной аспекты // Вопросы языкознания. – 1986. - № 6. – С. 38-49.
- Авербух К.Я. Общая теория термина. – Иваново, 2004. – 252 с.
- Граудина Л. К., Ширяев Е. Н. Культура русской речи. Под ред. проф. Л. К. Граудиной и проф. Е. Н. Ширяева. - М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА М, 1999. - 560 с.
- Гринев-Гриневич С.В. Терминоведение: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: «Академия», 2008. – 304 с.
- Даниленко В.П. Русская терминология: Опыт лингвистического описания. – М.: Наука, 1977. – 246 с.
- Комарова З.И. Русская отраслевая терминология и терминография (рекомендации по спецкурсу для студентов филол. факультетов вузов). Каменец-Подольский, 1990. – 35 с.
- Левандровская Н. В. Глагольная синонимия в терминологии военной авиации (на материале английского и русского языков) // Современная лингвистика

тика: теория и практика: материалы VII межвуз. науч.-метод. конф. Ч. 1. Краснодар, 2007. С. 95-100.

Русинова Л. Н. О некоторых вопросах упорядочения и стандартизации терминологии (терминологическая синонимия) // Термины в языке и речи. – Горький, 1983. – с. 34-45.

Савицкий В.М. Язык процессуального закона. Вопросы терминологии. – М.: Наука, 1987 – 287 с.

Татаринов В.А. Теория терминоведения. Теория термина: история и современное состояние. – М.: Московский лицей, 1996. – Т.2..– 311 с.

Хижняк С.П. Юридическая терминология: Формирование и состав / под ред. Л.И. Баранниковой. Саратов: изд-во Саратов. ун-та, 1997. – 132 с.

© Сандалова Н. В., 2010

Скребова Е. Г.

Воронеж, Россия, dolgorukaja1@rambler.ru

К вопросу о классификации сложноподчиненных предложений немецкого языка

Проблема описания устройства и функционирования сложного предложения неоднозначна и остается актуальной до сих пор. В русском и немецком языкознании она разрабатывается на протяжении более чем двух столетий. За это время написано большое количество работ, в которых выясняются различные свойства предложений в общетеоретическом плане. Однако, несмотря на обширность накопленных сведений и материалов, на широкий размах исследований, многие вопросы требуют серьезных усилий для их адекватного решения, поскольку среди лингвистов не выработано еще единой точки зрения на них. Прежде всего сказанное относится к классификации сложноподчиненных предложений.

В процессе выделения классификационных разрядов сложноподчиненных предложений ученые с разной степенью последовательности опирались на соотнесенность логических понятий и языковых категорий, а также на учет функции придаточного, анализ смысловых отношений. При таком подходе многие семантические объекты, имеющие одинаковое формальное выражение, но обладающие различным содержательным потенциалом, относятся к одному разряду и, наоборот, разноформленные семантические объекты, но с одинаковым содержательным потенциалом разводятся по разным классификационным разрядам.

Эвристически многообещающим, согласующимся с последними тенденциями в развитии синтаксиса нам представляется такой подход, который наряду с изучением структурных и содержательных особенностей частных моделей сложного предложения, учитывал бы специфику функционирования синтаксических единиц в речевой деятельности носителей языка. Важную роль играют здесь механизмы процесса восприятия и порождения речи, которые включаются на этапе лексико-грамматического структурирования компонентов «внутренней программы речевого высказывания» [Леонтьев 2005: 159-160; Ахутина 2008: 46; Сигал 2007: 31-32].

Описанный выше подход предполагает использование методики многоаспектного (поаспектного) анализа синтаксических конструкций, который включает в себя последовательное рассмотрение их семантико-структурного и функционального устройства [Копров 1999: 160]. Применение данного метода к описанию сложноподчиненных предложений, показывает, что равно как синтаксические условия подчинения способствуют установлению подчинительных отношений между лексическими единицами, так и лексические единицы, входящие в сферу лексико-семантической парадигматики, стремятся к подчинительной интеграции. В то же время, по наблюдениям К. Я. Сигала, компоненты, входящие в состав сложноподчиненного предложения, должны быть осмыслены носителями языка как часть общей картины, в которой на довербальном уровне опосредуются подчинительные отношения [Сигал 2007: 32]. Такими компонентами являются союзные средства, средства усиления и дифференциации взаимосвязи частей, выражающие системные отношения и вследствие этого являющиеся базовыми элементами номинативного аспекта, акционально-темпоральная и модальная характеристики глаголов (предикативный аспект), взаиморасположение частей сложного целого, которое превращает предложение в конкретное речевое произведение - высказывание (актуализирующий аспект). С учетом сказанного общая картина подчинительной конструкции оказывается своеобразным когнитивным эталоном, формирующим такое соотношение между событиями и фактами объективной

действительности, при котором они могут быть осмыслены как неравноправные составляющие будущего речевого высказывания.

В рамках проведенного нами исследования было выделено четыре класса сложноподчиненных предложений, а именно: экзистенциально-квалификативные (die existential-qualifizierende Satzgefüge), сопоставительные (die adversative Satzgefüge), хронотопные (die chronotope Satzgefüge), генеративные (die generative Satzgefüge). Механизм установления отношений между ситуациями сложного целого в названных классах сложноподчиненных предложений существенно различается.

Класс экзистенциально-квалификативных сложноподчиненных предложений (den existential-qualifizierenden Satzgefügen) объединяет построения, выражающие изъяснительные, атрибутивные, определительно-качественные, сравнительные отношения. В основе рассматриваемого класса лежат сложноподчиненные изъяснительные предложения, констатирующие существование некоторой опредмеченной ситуации. С учетом данного обстоятельства для характеристики сложноподчиненных изъяснительных предложений мы предлагаем конкурирующий термин «экзистенциальные» (от лат. *existentia* - существование). Для сложноподчиненных предложений данного класса обязателен синтез двух коррелятивных величин, объединенных отношением «определяемое - определяющее». Например: *Paß auf, daß du nicht auch noch ins Wasser fällst (W. Borchert); Die Frage ist nur, ob ich mich auf die reinen Fakten beschränke oder meine Eindrücke wiedergebe (K. H. Weber); Das verfluchte Datum, mit dem alles begann, sich mordsmäßig steigerte, zum Höhepunkt kam, zu Ende ging (G. Grass); Und der Erfolg war dermaßen überwältigend, daß Chénier ihn wie ein Naturereignis hinnahm und nicht mehr nach seinen Ursachen forschte (P. Süskind); Wie er sich vom Schicksal den Ring erzwungen hat und den Glauben der Millionen, so wird er dem Schicksal auch Klingsors Zauberschloß entreißen (L. Feuchtwanger).*

Сложноподчиненные сопоставительные предложения (die adversative Satzgefüge) выделяются нами в самостоятельный класс, поскольку они

своеобразны и по ряду параметров существенно отличаются от придаточных предложений других типов: передаваемые ими значения очень близки к значениям, выражаемым в составе сложноподчиненных предложений с союзами типа *nicht nur... sondern auch*, к придаточной части нельзя поставить вопроса. Здесь следует оговорить, что именно этой особенностью сопоставительных конструкций объясняются затруднения, возникающие при установлении закономерностей организации и распределения информации. В рассматриваемых сложноподчиненных предложениях сопоставляются две ситуации с целью обнаружения соответствий или, наоборот, несоответствий в плане их временного, пространственного, качественного, количественного проявления: *Ich wurde gebeten, eine Karte aufzudecken, während mein stets zuvorkommender Hans als Zeuge für eine Pokerpartie fungierte* (R. Fabel); *Je mehr die Testergebnisse das eigenen Selbstwertgefühl schmälerten, um so geringer wurden die Eigenschaften anderer Personen bewertet* (*Psychologie heute* 1986, № 9).

В класс сложноподчиненных хронотопных предложений (den chronotopen Satzgefügen) объединяются построения, репрезентирующие временные и локальные отношения. Они образуют локально-временную рамку, показывая среду, в которой развивается ситуация. Механизм установления отношений между ситуациями главного и придаточного предложений базируется здесь на дейктическом принципе, т.е. одна из ситуаций всегда является ориентационной для другой. При этом особое внимание следует обратить на то, что рассматриваемые отношения между частями сложного целого непосредственно устанавливаются только при условии, что придаточная часть реализуется в независимой позиции: *Wo alles wüst lag, glänzten einzig die Wörter* (G. Grass); *Wo man hinsah, herrschte Hektik* (P. Süskind); *Indem ich nun ohne weiteres Säumen der Bahnhofsgegend zustrebte, fiel mir Wellers unglückliches Gesicht wieder ein...* (H. Hesse); *Ich filmte die ganze Autofahrt, solange man Manhattan sah, dann die Möwen, die uns begleiteten* (M. Frisch). Если же придаточная часть относится к обстоятельству места или времени положение дел существенно меняется. Придаточное

предложение может распространять обстоятельство в главном предложении, причем хронологические отношения как таковые устанавливаются на уровне локальных или темпоральных обстоятельств. Ориентационная ситуация придаточной части перестает выполнять функции ориентира и лишь уточняет, где именно осуществлялось действие, в каком именно направлении перемещался тот или иной предмет, или что происходило в рамках зафиксированного обстоятельством временного расстояния между ситуациями. Например: *Am Demmlerplatz, wo im Schweriner Landgericht vor der großen Jugendkammer der Prozeß stattfand, gab sich Mutter als seelisch gebrochen* (G. Grass); *Er dachte, dies sei nur eine Etappe auf dem Weg in immer noch reinere Lüfte, und er drehte sich im Kreise und ließ den Blick seiner Nase über das gewaltige Panorama des vulkanischen Ödlands streifen: [...]; nach Westen, von woher der leichte Morgenwind ihm nichts als den Geruch von Stein und hartem Gras entgegentrug* (P. Süskind); *Zwei Monate später, zwei Wochen, nachdem Gustav Oppermann an debilitas cordis, das ist hochgradige Herzschwäche, gestorben war, erhielt Heinrich Lavendel von einem ihm unbekanntem Herren Carel Blaha aus Prag eine Postsendung, bestehend aus drei Stücken* (L. Feuchtwanger); *Seitdem er katholisch geworden ist, seitdem habe ich Leo nicht gesehen* (H. Böll). Такое положение дел становится возможным в тех случаях, когда главная часть представляет собой автономно организованную коммуникативную единицу с замкнутым соотношением компонентов актуального членения, один из которых дополнительно уточняется, поясняется придаточной частью.

Класс сложноподчиненных генеративных предложений (den generativen Satzgefügen) включает в себя сложноподчиненные предложения с придаточными причины, следствия, условия, уступки, цели. В основании названных типов предложений лежит одна модель: «генерирующая ситуация детерминирует генерируемую». Здесь также необходимо отметить, что придаточное предложение в интересующих нас сложноподчиненных предложениях обычно относится к главному как к целому предложению, достаточный номинативный минимум которого образуют два компонента - суб-

стенциальный и экзистенциальный, причем субстенциальный компонент представлен в виде двух объектов, связанных отношением «определяемое/подлежащее - определяющее/сказуемое» [Ломов 1994: 44-45]. Таким образом, в основании главного предложения лежит т.н. базисная пропозиция - константное номинативное ядро ситуативно-предметного характера, остающееся неизменным в различных условиях. Например: *Ich schätze das Schach, weil man Stunden lang nichts zu reden braucht (M. Frisch); Für einen kurzen Augenblick wurden seine Augen schmal und dunkel, so daß das Mädchen schnell weiterredete (J. Schoch); Wenn ich zu Hause wäre, hätte ich mit ihr sprechen müssen (Ch. Wolf); Aber heute läßt er mit sich reden, das sieht Berthold sogleich, und sicher wird er ihn ans Steuer lassen, trotzdem man unter achtzehn nicht chauffieren darf (L. Feuchtwanger); Wahrscheinlich haben das die Maler rausgehauen, damit ihnen die Modelle nicht weglaufen (U. Plenzdorf).*

Итак, проведенное исследование показывает, что значение сложного предложения тесно связано с речевой деятельностью и является итогом многофазовой трансформации личностных смыслов носителей языка в определенные модели, опосредованные структурно-смысловой программой высказывания. При этом подход к сложноподчиненному предложению как к многоаспектной сущности позволяет построить его типологию, обладающую большей объяснительной силой по сравнению с разного рода одномерными концепциями, поскольку дает возможность выявить и смоделировать всю систему компонентов, категорий и отношений, существующих в сфере сложноподчиненного предложения.

Библиографический список

- Ахутина Т. В. Порождение речи: нейролингвистический анализ синтаксиса: Монография / Т. В. Ахутина. - М.: URSS, 2008. - 222 с.
- Копров В. Ю. Аспект сопоставительной типологии простого предложения (на материале русского, английского и венгерского языков) / В. Ю. Копров. - Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1999. - 298 с.
- Леонтьев А. А. Психоллингвистические единицы и порождение речевого высказывания / А. А. Леонтьев. - М.: Едиториал УРСС, 2005. - 312 с.

Ломов А.М. Типология русского предложения / А. М. Ломов. -Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1994. - 280 с.

Сигал К. Я. Об одном фрагменте психолингвистической грамматики сочинительной связи / К. Я. Сигал // Вопросы филологии. - 2007. - № 1 (25). - С. 28-52.

© Скребова Е. Г., 2010

Сошникова Н. В., Шишова Л. В., Федуленкова Т. Н.
Северодвинск, Россия, natalia.soshnikova@yandex.ru

К понятию вариантности в фразеологии

Рассматривая фразеологическую вариантность как частную проблему вариантности в языкознании, отмечаем, что для фразеологических единиц (ФЕ), как более сложных языковых знаков по сравнению со словом и по строению, и по семантике, и по функциям, проблема вариантности является особенно актуальной, поскольку с усложнением архитектоники языковой единицы возрастает многообразие видов ее варьирования [Кунин 1996: 67].

Лингвистические работы середины прошлого столетия отделили ФЕ как языковые знаки от переменных словосочетаний и устойчивых словосочетаний нефразеологического характера на том основании, что, они, так же как и слова: а) обладают устойчивостью и воспроизводимостью в готовом виде (С.И. Ожегов, В.В. Виноградов, А.И. Смирницкий), б) характеризуются цельностью номинации (В.А. Архангельский, О.С. Ахманова, А.В. Кунин), в) могут идентифицироваться словом-синонимом (Ш. Балли, В.В. Виноградов и др.). Данная дифференциация сыграла неоценимую роль в становлении фразеологии как науки. Но переоценка сходства между фразеологизмом и словом и недооценка имеющихся различий между этими языковыми единицами способствовали односторонности фразеологического анализа. Характерным в этой связи является замечание Н.Н. Амосовой: "Обычно принято указывать на эквивалентность фразеологических единиц слову. Но если В.В. Виноградов подчеркивает относительный, ограниченный, односторонний характер этой эквивалентности, то многие из исследо-

вателей английской фразеологии, подхватив эту идею, абсолютизировали ее, не углубляясь в детали этого сопоставления" [Амосова 1963: 179].

Применение результатов лексикологического анализа вариантов в области фразеологии оказало существенное влияние на понимание фразеологической вариантности. Влияние это выразилось в том, что явление фразеологической вариантности связывалось многими исследователями с определением границ сохранения тождества. Это значит, что в области фразеологии, как и в лексикологии, формально-структурные изменения допускались лишь в той степени, в какой оставалась выраженной материальная общность языковых единиц (*лексический инвариант, стабильная структура, схема отношений между элементами* и др.) и при этом сохранялось неизменным их значение. И даже те исследователи, которые признавали, что постоянного элемента структуры может не оказаться в случае варьирования означающего ФЕ (*close/ shut the/ one's eyes/ ears to somebody/ something*), допускают возможность описания вариантности в области фразеологии по схеме решения проблемы отдельности и тождества слова.

Влияние лексикологических методов анализа приводит к тому, что в сфере фразеологии начинает преобладать тенденция перенесения проблемы вариантности в план выражения. Рассмотрим следующие определения фразеологического варианта, предложенные виднейшими представителями отечественной фразеологии:

1. "Структурными вариантами идиомы являются сочетания, допускающие известные формальные вариации второстепенного порядка, не отражающиеся ни на мотивировке идиомы, ни на характере ее реализации" [Амосова 1963: 100].

2. "Фразеологические варианты – это разновидности фразеологической единицы, тождественные по качеству и количеству значений, стилистическим и синтаксическим функциям, по сочетаемости с другими словами и имеющие общий лексический инвариант при частично различном

лексическом составе или различающиеся словоформами или порядком слов" [Кунин 1964: 442].

3. "Фразеологические варианты ... при общности значения характеризуются полным тождеством образной структуры и экспрессивно-стилистической окраски, что и создает возможность параллельного их функционирования в различных контекстах" [Авалиани 1968: 72].

Эти определения объединяет тезис, который заключается в том, что вариантные формы лексем не несут дополнительной относительно друг друга информации, т.е. вариантные фразеологизмы являются информативно тождественными языковыми единицами.

Кроме того, концепция фразеологической вариантности ощутила на себе также влияние дискуссии о возможности стилистической и экспрессивной дифференциации вариантов вследствие формально-структурных изменений ФЕ. В результате, значительная часть исследователей фразеологии допускает возможность таких расхождений, включая их в определения фразеологической вариантности.

Под влиянием идей асимметричного дуализма языкового знака [Карцевский 1965: 85], лингвисты делают попытку установить двустороннее варьирование ФЕ, в связи с чем в метаязык лингвистики вводится понятие *семантически выраженных вариантов*. Тем не менее, введение лексико-семантических модификаций и семантически отмеченных вариантов размывает границы варьирования и синонимии, что признается и самими авторами.

При описании вариантности ФЕ большая часть исследователей руководствуется тремя направлениями: вариантность и инвариантность, вариантность и тождественность, вариантность и синонимия. Инвариантность при этом рассматривается как разного рода устойчивость, которая обеспечивает тождественность ФЕ [Федуленкова 2005: 170]. Так, разрабатывая теорию фразеологической устойчивости, А.В. Кунин описывает пять

видов инвариантности, или микроустойчивости фразеологических единиц, а именно: 1) устойчивость употребления, 2) структурно-семантическая устойчивость, 3) семантическая устойчивость, 4) лексическая устойчивость, 5) синтаксическая устойчивость [Кунин 1972: 6-8].

Понятно, что термин *инвариант* используется и в отношении постоянных лексических компонентов ФЕ, и применительно к их грамматической структуре, и к значению, а тождественность понимается как совокупность инвариантов той или иной ФЕ.

Пытаясь решить проблему вариантности ФЕ, А.В. Кунин в качестве отправной точки принимает функциональную связь между сторонами единицы, т.е. ее целостность как единицы системы. Такой подход к объекту исследования обусловил выделение предложенных им критериев, на основе которых предлагается следующее определение вариантов: "Фразеологические варианты – это разновидности фразеологической единицы, тождественные по качеству и количеству значений, стилистическим и синтаксическим функциям, по сочетаемости с другими словами и имеющие общий лексический инвариант при частично различном лексическом составе или различающиеся словоформами или порядком слов" [Кунин 1964: 442]. Автор выделяет следующие типы фразеологических вариантов: 1) лексические варианты: *big/ fat/ heavy/ long purse*; 2) морфологические варианты: *get into deep water/ waters*; 3) синтаксические варианты: *blow away the cobwebs / blow the cobwebs away*; 4) позиционные варианты: *dot the i's and cross the t's / cross the t's and dot the i's*; 5) квантитативные варианты: *keep your chin up / chin up*.

Отметим, что ученый предусматривает распад фразеологической вариантности в следующих случаях: а) в случае возникновения между вариантами тех или иных различий семантического или стилистического порядка или различий в сочетаемости фразеологических оборотов даже при тождественности значения; б) в случае устаревания варианта и превращения фразеологизма в безвариантную единицу; в) в случае утраты лексиче-

ского инварианта и перехода фразеологизма в *переменно-устойчивые варианты*, или *структурные синонимы*.

Ряд взглядов на данную проблему пополняет оригинальная точка зрения А.Д. Райхштейна, который отказывается от непосредственного противопоставления понятий *инвариант – вариант* и считает более последовательным сопоставление изменяемости и вариантности как способности фразеологических единиц к значащему и незначащему преобразованию формы. По мнению ученого, "инвариант – это двусторонняя единица более высокой ступени абстракции, представленная всеми формами изменения, получаемая путем отвлечения от некоторых их формальных и смысловых признаков и обобщающая их по содержанию" [Райхштейн 1974: 59].

Наиболее последовательно дифференциация формальных и семантических вариантов в классе идиом, наш взгляд, проводится В.И. Зиминым, который в области семантического варьирования выделяет: а) семантические варианты полисемантической ФЕ, б) функциональные семантические варианты одного и того же значения ФЕ, иными словами, "варианты вариантов" [Зимин 1972: 70-82]. Критерии выделения первого типа сводятся к одинаковой понятийной соотнесенности, дистрибутивному окружению и однотипным связям со всей лексико-семантической системой языка. Преобладание в значении функционального фактора оставляет единицу на уровне *варианта вариантов*.

Трактовки вариантов и их категориальных признаков, рассмотренные в данной работе, свидетельствуют о том, что много противоречивых и спорных моментов заключает в себе проблема отождествления и идентификации ФЕ, различающихся по лексическому составу, а также проблема разграничения фразеологических вариантов и фразеологических синонимов. В заключение отметим, что вариантность в области фразеологии – это результат проявления общих языковых закономерностей, актуальных для всех уровней языка, а именно: адаптация к определенным языковым нормам, подчеркивание аналогии, передача колорита времени, создание эф-

фекта новизны единицы, а также стремление усилить эмоционально-экспрессивные тенденции.

Библиографический список

Авалиани Ю.Ю., Ройзензон Л.И. О разграничении синонимии и вариантности в области фразеологических единиц // Вопросы фразеологии и составления фразеологических словарей: Материалы 9-го Всесоюзного координационного совещания. – Баку, 1968. – С. 72.

Амосова Н.Н. Основы английской фразеологии. – Ленинград: Изд-во Ленинград. ун-та, 1963.

Зимин В.И. К вопросу о вариантности фразеологических единиц // Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц. – Вып. 2. – Тула, 1972. – С. 70-82.

Карцевский С. Об асимметричном дуализме лингвистического знака // История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях / Отв. ред. Звегинцев В.А. – 3-е изд. – Ч. 2. – Москва, 1965. – С. 85-90.

Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка: Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. – 2-е изд., перераб. – Москва: Высшая школа, Дубна: Изд. центр "Феникс", 1996.

Кунин А.В. Основные понятия английской фразеологии как лингвистической дисциплины и создание англо-русского фразеологического словаря. – Дис... д-ра филол. наук. – Москва, 1964.

Кунин А.В. Фразеология современного английского языка: Опыт систематизированного описания. – Москва: Издательство "Международные отношения", 1972.

Райхштейн А.Д. Немецкие устойчивые фразы и устойчивые предикативные единицы. – Дис. ... д-ра филол. наук. – Москва, 1974.

Федуленкова Т.Н. Узуальная вариантность фразеологии библейского происхождения // Вопросы романской и германской филологии: Уч. зап. ЛГУ им. А.С. Пушкина. – Вып. 3. – СПб, 2005. – С. 170-174.

© Сошникова Н. В., Шишова Л. В, Федуленкова Т. Н., 2010

Суралева О. Ю.

Ростов-на-Дону, Россия, souraleva@sfned.ru

Гендерный аспект в области фразеологии: исследовательский вектор

На сегодняшний день гендер и гендерные роли приобрели особую значимость в жизни всего мирового сообщества и практике человеческой

коммуникации. Уже сложилась и традиция понимания гендера: «пол, рассматриваемый под определенным углом зрения», «социально и культурно нагруженный пол» [Крейдлин 2005: 9-10]. Научное сообщество не осталось в стороне и приняло активное участие в выявлении и развитии гендерного фактора в окружающем мире, стремясь прояснить и воссоздать общую картину рассматриваемого явления и создавая тем самым предпосылки для междисциплинарного синтеза: биология, психология, этология, лингвистика, философия, социология, невербальная семиотика, культурная антропология и др. в той или иной мере трудятся над созданием и выявлением содержательного потенциала гендерного феномена.

Одним из многообещающих и перспективных направлений гендерных исследований в лингвистике являются исследования гендерного фактора во фразеологии. Время, когда фразеологизм в языковой системе воспринимался как побочный материал, не имеющий особой важности, безвозвратно ушло. Причины этого И.В. Зыкова видит в том, что «фразеологический фонд языка определяет универсальность и характерные особенности любой конкретной национальной картины мира, запечатленной в знаковой системе вторичной номинации с помощью метафор, сравнений, символов, стереотипов, эталонов». Именно это и ведет к тому, что фразеологизмы представляют собой «ценнейший источник знаний об особенностях концептуализации гендера в сознании носителей того или иного языка» [Зыкова 2003: 10-11].

Количество работ и публикаций, касающихся гендерных исследований в области фразеологии, неуклонно растет. В ряду первых работ традиционно приводят монографии В.Н. Телии «Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты» (1996), А.В. Кирилиной «Русская фразеология с точки зрения гендерной лингвистики» (1999), И.В. Зыковой «Способы конструирования гендера в английской фразеологии» (2003). Упомянутая монография И.В. Зыковой является первым комплексным исследованием гендерного аспекта на материале английской фразеологии. Данный труд рассматривается специалистами как

опыт системного подхода к анализу гендерного фактора во фразеологии в целом, ценность которого состоит в разработке определенной схемы методологического описания конкретного лингвистического материала.

В своем исследовании И.В. Зыкова исходила из понимания фразеологической единицы как трехуровневого знака, т.е. знака, обладающего структурой, семантикой и референцией. Центральными вопросами исследования гендерного компонента на структурном уровне являлись: 1. систематизация гендерно маркированного фразеологического материала, т.е. объединение идиом в группы с семантически однородными гендерными маркерами; 2. выделение гендерно маркированных лексем из состава ФЕ и проведение анализа их структурных и семантических особенностей, а также их фразеологической активности, поскольку каждая группа гендерных маркеров обладает своей спецификой в формировании гендерного образа во фразеологическом значении; 3. распределение фразеологизмов по структурно-функциональным классам, способствующее в дальнейшем установлению зависимости степени устойчивости гендерного компонента на уровне семантики и референции от формы номинации ФЕ - субстантивной, глагольной, адвербиальной и т.д. Основными задачами, стоящими при анализе гендерного компонента на семантическом уровне, являлись: 1. определение места гендерного компонента во фразеологическом значении; 2. рассмотрение особенностей его формирования в процессе фразеологизации; 3. определение качественной характеристики (т.е. оценки) концептуальных оснований фразеологизации, передающих отношения англоязычного этноса к культурным категориям феминности и маскулинности. При исследовании референциального уровня особое внимание было направлено автором на рассмотрение таких вопросов, как 1. установление отнесенности фразеологизмов: а) к лицу мужского и/или женского пола; б) к сфере маскулинного и/или фемининного; 2. рассмотрение взаимосвязи и взаимодействия гендерной референции и оценочности фразеологизмов [Зыкова 2003: 11-12].

Предпринятое И.В. Зыковой исследование потребовало введения целого ряда терминологических обозначений для тех лингвистических явлений и понятий, которые были впервые установлены и описаны в ходе исследования, что значительно пополнило категориальный аппарат и лингвогендерологии в целом. К таким, впервые представленным в данной работе понятиям, относятся: гендерная маркированность (структурная и семантическая, а также полная и частичная); двуплановая гендерная маркированность; структурный и семантический критерии отбора гендерно маркированного лингвистического материала; закрытые и открытые системы гендерных оппозиций; гендерная референция: маскулинная, фемининная и интергендерная, а также прямая и косвенная; гендерная асимметрия на морфологическом уровне; гендерная концептуально-фразеологическая лакунарность; гендерная асимметрия на концептуальном уровне; частные и общие гендерные концептуальные основания; ядерные и периферийные области концептуализации гендера; линейная и нелинейная корреляция гендерной маркированности и гендерной референции.

Так, под *гендерной маркированностью фразеологизмов* автор понимает «различные способы представления во фразеологических единицах гендерных маркеров, т.е. обозначений, отличительным признаком которых является указание на представителей мужского или/и женского пола». *Гендерная референция фразеологизмов* мыслится как «отнесение фразеологизмов к маскулинной, фемининной или интергендерной сферам. Включает в себя: 1) употребление по отношению к лицу мужского или/и женского пола; 2) употребление лицом мужского или/и женского пола; 3) соотнесение по ассоциациям с маскулинными или/и фемининными понятиями (сферами)» [Зыкова 2003: 213-214].

Следует отметить, что терминологический словарь гендерной фразеологии постоянно обогащается новыми терминами, но наряду с этим наблюдается также процесс упрощения образований терминологического характера: так, если первоначально на страницах публикаций, посвященных проблемам современной фразеологии, говорилось о «гендерно значи-

мых фразеологизмах», «гендерно обусловленных фразеологизмах», то на данный момент становится употребительным, а главное вполне понятным для широкого круга лингвистов, термин «гендерный фразеологизм».

Несомненным вкладом в изучение гендерной фразеологии французского языка является диссертационное исследование Ж.В. Кургузенковой «Особенности культуры франкоязычного мира сквозь призму фразеологии» (2004), во второй главе которой рассмотрены французские ФЕ идеографического поля «Любовь».

Материалы исследования показали, что внутри идеографического поля «Любовь» возможно выделение следующих тематических групп ФЕ, вычленившихся по гендерному признаку: 1. любовь и эротика в номинации мужчин; 2. любовь и эротика в номинации женщин. Группа «любовь и эротика в номинации мужчин» складывается в свою очередь из 4 подгрупп: способ номинации «любвеобильного мужчины»; способ номинации темперамента мужчин; способ номинации мужской красоты; способ «похождений» мужчины [Кургузенкова 2004: 58-59]. В группу «любовь и эротика в номинации женщин» объединены следующие подгруппы: способ номинации «женщины легкого поведения»; способ номинации темперамента женщины, способ номинации женской красоты; способ номинации «приключений» женщины [там же: 99]. Представленные классификации позволили дать полный и детальный анализ отражения во французской фразеологии различных аспектов таких базовых концептов, как «мужчина» и «женщина». Материалы исследования Ж.В. Кургузенковой показали, например, что французскому языку присуща откровенная и детализированная форма описания всех этапов процесса ухаживания, что в вопросах отношений между полами французы более откровенны, чем русские. При номинации «темперамента мужчины» базовыми для обоих языков являются сравнения мужчин с котом и с собакой (кобелем), а при номинации «темперамента женщины» - сравнения женщин с кошкой, тигрицей, лошастью [там же: 143-144]. Любопытен тот факт, что под влиянием социальных факторов наблюдается изменения в языковых номинациях, свидетельствующие об

изменении во Франции взгляда социума на отношения между мужчинами и женщинами. Так, мужчина перестает быть инициатором этих отношений, женская же активность не порицается, а воспринимается как достижение современности [там же: 145-146].

На материале французских и осетинских фразеологических единиц рассмотрены феминные реалии в языковой картине мира в диссертационном исследовании З.Р. Кокоевой (2007). В этой работе впервые на единых классификационных принципах описана гендерная семантика фразеологизмов дальнеродственных языков, выявлены сходства и различия в структуре и семантике гендерных фразеологизмов современного французского и осетинского языков. Автором также дан анализ корреляции терминов *фемининность* и *феминность*: под *феминностью* понимаются ингерентные реалии (фр. *inhérent* - присущее, свойственное, неотделимое) «относящееся к женщине» / «присущее женщине», *фемининность* же трактуется как «*приписываемое женщине*» / «*как женщина*» и охватывает адгерентные реалии (фр. *adhérent* - плотно прилегающий, прилипший). По мысли З.Р. Кокоевой, выделение базовой архисемы «феминность» позволяет отграничить от «феминной» лексику и фразеологию, не имеющую гендерной дифференциации, и обосновать объединение слов и фразеологизмов фемининной семантики в единое семантическое поле [Кокоева 2007].

Показательна и тематика диссертационных исследований, внесших тот или иной вклад в развитие гендерной проблематики с опорой на фразеологический материал: например, А.В. Артёмовой «Эмотивно-оценочная объективация концепта “Женщина” в семантике фразеологических единиц: на материале английской и русской фразеологии» (Пятигорск, 2000); В.В. Васюк «Концепт “женщина” в статике и динамике фразеологии английского языка» (Москва, 2002); О.Ю. Шишигиной, «Объективация концепта “женщина” в английской фразеологии» (Барнаул, 2003); О.А. Чибышевой «Концепт “женщина” в русской и английской фразеологии: на материале предметных фразеологизмов, именующих женщину» (Челябинск, 2005); Ф.Б. Мухутдиновой «Концепт “женщина” во француз-

ском языковом сознании: на материале афористики» (Москва, 2006); Н.С. Соловьевой «Динамика гендерных стереотипов в английской и русской языковых картинах мира: на материале фразеологии» (Волгоград, 2008) и т.д.

Представленный список работ отчетливо демонстрирует первенство английского и русского языков при изучении гендерного фактора во фразеологии.

Однако в последние годы активно задействуются кавказские языки в сопоставлении с европейскими при изучении семантических характеристик гендерных фразеологических единиц: например, исследования Л.Х. Дзасежевой «Лексико-семантическое поле “женщина” в разных культурных сообществах: на материале английского, русского и кабардино-черкесского языков» (Нальчик, 2006); Д.В. Семеновской «Гендерный аспект концептуального анализа лексем “мужчина” и “женщина”: на материале фразеологии английского, русского и кабардинского языков» (Нальчик, 2006); Л.А. Мисиевой «Гендерная фразеология аварского языка в сопоставлении с английской» (Москва, 2009) и др.

Таким образом, подводя итоги, мы можем констатировать следующее:

гендерные исследования во фразеологии постепенно приобретают статус серьезных научных разработок, проводимых в рамках лингвистических гендерных исследований и, в конечном счете, ориентированных на осмысление актуальной культурой ценностей прошлого и настоящего, и тем самым доказывающих правомерность гендерной постановки научных вопросов в области фразеологии. Наблюдается активное пополнение и развитие терминологического фонда, обслуживающего гендерные исследования во фразеологии, фиксируется появление ряда понятий со статусом, уже не тождественным статусу философских понятий, а тождественным статусу частнонаучных понятий фразеологии. Идет процесс формирования теоретических моделей, способных стать надежной базой для последующих исследований. Намечается и стойкая тенденция к охвату большего числа

языков, на материале которых проводятся гендерные изыскания в области фразеологии.

Библиографический список

Зыкова И.В. Способы конструирования гендера в английской фразеологии. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 232 с

Кокоева З.Р. Феминные реалии в языковой картине мира (на материале французских и осетинских фразеологических единиц): Автореферат дисс. ... уч. степени канд. филол. наук. - Пятигорск, 2007 [Электронный ресурс]. - Режим доступа:

http://www.pglu.ru/news/index.php?ELEMENT_ID=2731

Крейдлин Г.Е. Мужчины и женщины в невербальной коммуникации. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 204 с.

Кургузенкова Ж.В. Особенности культуры франкоязычного мира сквозь призму фразеологии: Дисс. на соискание уч. степ. канд. филол. наук. - Москва, 2004. – 252 с.

© Суралева О. Ю., 2010

Тезина Е. В.

Челябинск, Россия, algol@74.ru

Проблемы упорядочения составных терминов сотовой связи

Два последних десятилетия характеризуются активным внедрением терминов сотовой связи в язык профессионального и бытового общения, что объясняется возрастающим потоком научно-технической информации и реалиями современного информационного пространства. Многие термины молодой, активно формирующейся терминологии сферы сотовой связи создаются с нарушением норм, которые, в свою очередь, также не являются неподвижными. А вновь образуемые термины становятся литературными словами [Лотте 1961: 75]. Поэтому нормативный аспект терминотворчества относительно описания русской терминологии сотовой связи приобретает особую важность.

Нормативные рекомендации должны отражать лингвистическую оценку терминов. Эта оценка производится по ряду параметров: 1) структура терминов, 2) способы номинации (именования), 3) соотношение термина и понятия (для выяснения многозначности терминов, характера синонимии и омонимии) [Даниленко 1986: 16].

Мы пытаемся дать лингвистическую оценку современного состояния русской терминологии сотовой связи с точки зрения её упорядоченности. Материалом исследования стали составные терминологические единицы, собранные методом сплошной выборки из текстов 1) печатных словарей и справочников беспроводной связи, 2) словарей-справочников, представленных в сети Интернет, 3) информационных порталов ведущих операторов сотовой связи «Билайн», «МТС», «Мегафон».

В процессе анализа исследуемых единиц нами были выявлены основные структурные типы терминов-словосочетаний: разложимые наименования (свободные термины-словосочетания: *тарифная зона*, *национальный роуминг*; несвободные термины-словосочетания: нарастание громкости); б) неразложимые словосочетания (*последняя миля* — канал, соединяющий клиентское оборудование с узлом доступа оператора сети, *голубой зуб* — стандарт беспроводной связи на небольшие расстояния). Последние часто называют терминами-фразеологизмами [Никулина 2004].

По степени сложности русские термины-словосочетания сферы сотовой связи разнообразны: от двухкомпонентных до пятикомпонентных. Традиционное терминоведение выделяет и описывает двух-, трёх- и многокомпонентные словосочетания.

Двухкомпонентные термины-словосочетания, по нашим наблюдениям, составляют большую часть анализируемых терминов. Продуктивность данного типа наименований связана с потребностью детализации понятий, обозначением видовых отличий (*связь* — *сотовая связь*, *роуминг* — *международный роуминг*), а также с необходимостью разграничения слов общего употребления и терминов, когда в качестве опорного компонента словосочетания выступает слово общего употребления (*тип аккумулятора*, *выход в Интернет*).

Двухкомпонентные терминологические словосочетания в зависимости от лексико-грамматической природы уточнителя подразделяются на словосочетания а) с адъективным уточнителем (*абонентская база*, *короткий номер*); б) с субстантивным уточнителем (*режим ожидания*, *удержа-*

ние вызова); в) с предложно-субстантивным уточнителем (*звонок внутри сети*).

Структуры трёхкомпонентных терминов-словосочетаний также различны. Необходимо отметить, что уточнитель в составе трёхкомпонентного термина может детерминировать не только доминанту (*тарифный план — безлимитный тарифный план*), но и уже имеющийся уточнитель (*индикатор времени — индикатор времени разговора*).

Многокомпонентными терминами-словосочетаниями называют словосочетания, состоящие более чем из трёх компонентов (*оператор сотовой связи, служба отсутствующих абонентов*). В ряде случаев эти конструкции можно рассматривать как сочетания двух и более простых терминов (*система мобильной связи четвёртого поколения, коммутирующий центр услуг мобильной связи*).

Разнообразие составных единиц русской терминологии сотовой связи свидетельствует об относительно молодом возрасте данной терминологии.

Существенным препятствием на пути упорядочения складывающейся терминологии становится явление, характерное для любого естественного языка — возникновение одно- и многозначных соответствий плана содержания (означаемого) и плана выражения (означающего). Смещённость двух сторон языкового знака, описанных Ф. де Соссюром, выражается в полной синонимии (разные означающие при одном означаемом), полисемии (варьирование означаемого при инвариантном означающем) и омонимии (разные означаемые при одном означающем). Если в общем языке эти свойства знака рассматриваются как бесспорные достоинства, то в терминологических системах они оцениваются в качестве недостатков [Толикина 1970: 57].

Что касается синонимии, то в терминологии сотовой связи, как и в других терминосистемах, она представлена одним видом — абсолютной синонимией (дублетностью). Это связано с развитием терминологии и чаще является следствием создания русских эквивалентов заимствованным

терминам (*бонусные минуты — дополнительные минуты*) или следствием функционирования единиц в профессиональном и бытовом общении (*исходящий вызов — исходящий звонок*). В процессе функционирования синонимы терминологии сотовой связи могут образовывать ряды различной длины: от двух (*стационарный телефон — проводной телефон*) до пяти (*оператор мобильной связи — оператор сотовой связи — оператор беспроводной связи — оператор мобильной сети — оператор услуг сотовой связи*) единиц. Также стоит отметить, что в процессе функционирования наблюдается различная степень употребительности вариантов. Так, термин *исходящий вызов* чаще употребляется, чем *исходящий звонок*, что проявляет тенденцию ослабления термина с опорным компонентом, пришедшим из общелитературного языка.

Наличие дублетов в терминосистеме — признак её неупорядоченности, которая может и должна быть преодолена при сознательном отношении к терминотворчеству.

Омонимия в терминологии, как указывают исследователи, существенно отличается от аналогичного явления в общелитературном языке и может быть охарактеризована только как межсистемное явление: «либо эти термины разных терминосистем, либо эти термины лексико-семантического способа образования, ставшие омонимами по отношению к породившим их словам общелитературного языка» [Даниленко 1986: 23]. Анализ составных терминов сотовой связи показал, что омонимы в этом подязыке действительно возникают этими путями: перенос с одновременной метафоризацией значения термина из другого подязыка (*мобильный вирус*), из общепотребительного языка (*мобильный кошелек*).

Межотраслевая омонимия как лингвистическое явление терминологии сотовой связи, на наш взгляд, не является препятствием к пониманию. Случаев внутриотраслевой омонимии — явления нежелательного и ведущего к заблуждению и непониманию — среди составных единиц подязыка сотовой связи нами обнаружено не было.

Что касается полисемии, то это явление широко представлено в общей лексике. В специальной литературе полисемию считали явлением нежелательным, выдвигали проблему однозначности термина. Однако, как показывают многие современные исследования частных терминосистем, явление полисемии терминологии всё же свойственно. Случаи многозначности составных терминов сферы сотовой связи являются единичными (*городской телефон*: 1) аппарат, 2) номер), поскольку многозначность доминанты словосочетания устраняется конкретизацией уточнителя (*звонок* — 2 значения, *переадресация звонка* — 1 значение).

Таким образом, терминология сотовой связи в русском языке — сложное образование, неоднородное в генетическом и структурном отношении. В ней проявляются и собственно терминологические тенденции (стремление к дифференциации понятий), и тенденции общезыковые (существование различных видов вариативности). Это свидетельствует о недостаточной её упорядоченности.

Один из путей упорядочения терминосистем — разработка терминологических словарей по типу толковых или идеографических (в отличие от энциклопедических, где определяются не сами термины, а описываются научные понятия, обозначаемые ими).

Современной лингвистикой накоплен большой опыт стандартизации и унификации терминосистем, который с успехом может быть использован для планомерной работы по упорядочению терминологии сферы сотовой связи, созданию терминологических словарей.

Библиографический список

- Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. — М.: Советская энциклопедия, 1969. — 607 с.
- Даниленко В.П. Актуальные направления лингвистического исследования русской терминологии // Современные проблемы русской терминологии. — М.: Наука, 1986. — С. 5–25.
- Лотте Д.С. Основы построения научно-технической терминологии: Вопросы теории и методики. — М.: Изд-во АН СССР, 1961. — 158 с.
- Никулина Е.А. Взаимодействие и взаимовлияние терминологии и фразеологии английского языка. — М.: Прометей, 2004. — 223 с.

Толикина Е. Н. Некоторые лингвистические проблемы изучения термина // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. – М.: Наука, 1970. – С. 53–66.

Хижняк С.П. Роль изучения формальных моделей полилексемных терминов в упорядочении терминосистем // Вестник Саратовской государственной академии права. – 2008. – № 6 (64). – С. 153–155.

© Тезина Е. В., 2010

Федотова Е. Г., Виноградова Е. Л., Роменская О. М.

Северодвинск, Россия, Jane6719@yandex.ru

Пословичные фразеологические единицы: виды вариантности

В качестве объекта данного исследования избраны около тысячи пословиц современного английского языка, извлеченных методом сплошной выборки из двуязычных и толковых словарей. Отбору подверглись только те пословицы, которые представляют собой, по классификации А.В. Кунина, коммуникативные фразеологизмы [Кунин 1996: 339]. Теоретическая база исследования – фразеологическая концепция А.В. Кунина [Кунин 1970: 6]. Основным методом исследования пословичных фразеологизмов послужил предложенный А.В. Куниным метод фразеологической идентификации [Кунин 1996: 38]. В работе использовались также и другие методы изучения и описания результатов исследования избранных фразеологических единиц, а именно: метод фразеологического анализа, метод фразеологической аппликации, а также метод фразеологического описания [Кунин 1996: 43].

Текстовый анализ пословичных фразеологизмов приводит к выводу о том, что пословицы современного английского языка постоянно подвергаются окказиональным изменениям в речи. Такие изменения, как правило, фиксируются в словарях как узуальные изменения или варианты, и как дериваты [Fedulenkova 2002: 14]. К отмеченным регулярным изменениям относятся различные виды вариантности пословиц, заключающиеся в изменении одного или нескольких структурных компонентов пословиц.

К наиболее частым изменениям пословиц относим синонимическую замену лексем, т.е. замену одного или нескольких компонентов сино-

нимом или близким по смыслу выражением, напр.: *Diligence is the mother of success* :: *Diligence is the mother of good luck*; *Empty vessels make the greatest sound* :: *Empty vessels make the most sound*; *Fair without foul within* :: *Fair without false within*; *All cats are grey in the dark* :: *All cats are grey in the night* и другие.

Этот вид вариантности наблюдается не только при замене существительного в составе пословичного фразеологизма его синонимом, но и при замене одного глагола другим, близким по смыслу, напр.: *Between two stools one goes to the ground* :: *Between two stools one falls to the ground*; *Don't whistle until you are out of the wood* :: *Don't halloo until you are out of the wood*; *After dinner sleep a while, after supper walk a mile* :: *After dinner sit a while, after supper walk a mile* и другие.

Анализируемый языковой материал обнаруживает также спорадические случаи замены компонентов пословицы словами-антонимами или антонимическими выражениями, напр.: *A light purse makes a heavy heart* :: *A heavy purse makes a light heart*.

Пословичные фразеологизмы материал редко демонстрируют позиционные изменения, которые заключаются в том, что в пословице новые элементы не появляются, но какие-либо её компоненты меняются местами, напр.: *One man's meat is another man's poison* :: *One man's poison is another man's meat*; *What is good for one is bad for another* :: *What is bad for one is good for another*; *Mend or end* :: *end or mend*.

С лингвистической точки зрения представляет интерес и такой вид вариантности, который встречается в случае, если один или несколько компонентов пословицы приобрели своё значение в результате метонимического переноса. В этом случае в производной пословице содержатся слова, послужившие источником такого переноса, в результате чего эта пословица является как бы объяснением базовой единицы, напр.: *Crow does not pick crow's eyes* :: *Hawk does not pick hawk's eyes*; и другие.

Анализ коммуникативного фразеологического блока современного английского языка выявляет также пословицы, вариантность которых

зависит от особенностей отношений входящих в неё элементов, т.е. изменение одного из её элементов требует изменения связанных с ним по смыслу компонентов, при этом исходная пословица и её вариант имеют одинаковую семантическую валидность, напр.: *Scratch my back and I'll scratch yours :: Roll my log and I'll roll yours; Many a good cow has a bad calf :: Many a good father has a bad son; Like father like son :: Like teacher like pupil :: Like parents like children.*

Обнаруживаем еще один вид вариантности, который отличается тем, что первая половина пословицы изменяется, а вторая не подвергается никаким изменениям и наоборот, напр.: *As plain as the nose on the man's face :: As plain as two and two make four; Almost was never hanged :: Almost never killed a fly; Lookers-on see more than gamesters :: Lookers-on see most of the game.*

Весьма редкими являются случаи вариантности пословиц, имеющие отношение к этническому аспекту носителей языка, напр.: *Manners make the man :: Manners make the Englishman; Every man to his taste :: Every Englishman to his taste.* Принадлежность данных фразеологизмов к английской культуре акцентирует компонент Englishman в качестве основного.

Кроме случаев замены одного знаменательного слова на другое знаменательное слово в составе пословичного фразеологизма существует также вариантность, касающаяся незнаменательных слов. К этому виду изменений относится замена предлогов, напр.: *Don't trouble trouble till trouble troubles you.: Don't trouble trouble until trouble troubles you.*

Наряду с лексическими и структурными вариантами пословиц в современном английском языке существуют также грамматические их варианты, возникающие при следующих обстоятельствах: а) при употреблении различных временных форм глаголов: *One scabby sheep will mar a whole flock :: One scabby sheep mars a whole flock; A drowning man will catch at a straw :: A drowning man catches at a straw;* б) при замене числа существительного и согласующегося с ним глагола с единственное на множест-

венное: *A beggar can never be bankrupt :: **Beggars can never be bankrupt; A curst cow has short horns :: **Curst cows have short horns.*****

Близким синонимичной замене видом вариантности является замена одного грамматического способа выражения понятия на другой, при этом смысл понятия не меняется, напр.: *Speak of the devil and he **will appear** :: **Speak of the devil and he is sure to appear**; Never put off till tomorrow what **you can do today** :: **Never put off till tomorrow what can be done today.*** Такой способ замены компонентов рассматриваемых пословичных фразеологизмов, заимствуя термин Т.Н. Федуленковой, можно именовать перифразой [Fedoulenkova, Isinova 1999: 1].

Подводя итоги, отметим, что существование в языке большого количества разнородных вариантов пословичных фразеологизмов позволяет судить о том, что изучаемые коммуникативные фразеологические единицы представляют собой постоянно изменяющийся в рамках тождества ФЕ и развивающийся языковой материал.

Библиографический список

Кунин А.В. Английская фразеология: Теоретический курс. – Москва: Высшая школа, 1970.

Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка: Учеб. Для ин-тов и фак. иностр. яз. – 2-е изд., перераб. – Москва: Высшая школа, Дубна: Изд. центр “Феникс”, 1996.

Fedulenkova T. A new approach to the clipping of communicative phraseological units // *Ranam: European Society for the Study of English: ESSE 6 – Strasbourg 2002 / Ed. P.Frath & M.Rissanen.* – Strasbourg: Université Marc Bloch, 2003. – Vol. 36. – P. 11-22.

Fedulenkova T.N., Isinova K.S. Periphrasis and Word: Problems of Interaction // *Language and Literature, volume № 5, 1999* // [URL:http://www.tsu.tmn.ru/frgf/journal/htm](http://www.tsu.tmn.ru/frgf/journal/htm).

© Федотова Е. Г., Виноградова Е. Л., Роменская О. М., 2010

Федуленкова Т.Н., Хостай И. С.

Северодвинск, Россия, taniafed@atnet.ru

К таксономии вариантов фразеологических единиц библейской этимологии

Библейская фразеология – сравнительно новый объект внимания отечественных лингвистов в силу известных социальных причин [Хостай

1997: 1]. Фразеология библейской этимологии обладает устойчивой коммуникативной валидностью [Fedulenkova 2001: 15], что делает ее эффективным средством как общения вообще [Гирич, Федулénkова 2001: 4], так и межкультурной коммуникации в частности [Федулénkова 2002: 257; Fedulenkova 2000: 292; 2001: 4], а также объектом целенаправленного внимания лингвистов [Хостай 2009: 182].

Теоретической базой нашего изучения вариантности фразеологии библейского происхождения избираем фразеологическую концепцию А.В. Кунина. Рассматривая общие вопросы теории фразеологической вариантности, А.В. Кунин отмечает, что структурной опорой фразеологических вариантов является лексический инвариант, т. е. константный компонент, под которым понимается знаменательное слово, опорная семантема, общая для всех вариантов, причем единство образа сохраняется при всех изменениях конкретной фразеологической единицы [Кунин 1964: 441]. Тождество фразеологической единицы возможно, по утверждению автора, только при сохранении лексического инварианта, т.к. при его отсутствии происходит нарушение границ вариантности и оборот, коэффициент устойчивости которого считается ниже минимального, не может считаться фразеологической единицей.

Вслед за А.В. Куниным, фразеологическими вариантами, считаем разновидности фразеологической единицы, тождественные по качеству и количеству значений, стилистическим и синтаксическим функциям, по сочетаемости с другими словами и имеющие общий лексический инвариант при частично различном лексическом составе или различающиеся словоформами или порядком слов [Кунин 1972: 92]. Мы разделяем также мнение А.В. Кунина о том, что лексические замены не превращают варианты идиомы в синонимичные идиомы, а переводят фразеологические единицы в другой структурно-семантический класс ввиду тождественности значений.

В качестве объекта данного исследования послужили свыше четырехсот фразеологических единиц английского языка библейского проис-

хождения. Материал для исследования отобран методом сплошной выборки из наиболее авторитетных толковых словарей английских идиом и переводных фразеологических словарей. Среди других методов, использованных в работе, отмечаем метод фразеологического анализа, метод фразеологической идентификации, метод словарных дефиниций, отдельные приемы метода аппликаций, а также метод фразеологического описания.

Используя терминологию А.В. Кунина [Кунин 1996: 46], на основании структурно-семантического анализа исследуемого языкового материала выявляем следующие виды узуальных вариантов фразеологических единиц библейского происхождения:

1. Морфологические варианты БФЕ.

Морфологическая вариантность изучаемых фразеологических единиц выражается в вариантности числа имен существительных: *the signs of the times / a sign of the times* [Matthew XVI, 3] – знамение времени; *open the door to something / open the doors to something* [I Corinthians XV, 9] – открыть путь чему-л., дать полную возможность; *out of the mouth of babes and sucklings / out of the mouths of babes and sucklings* [Psalms VIII, 2] – устами младенцев глаголет истина; *the power of darkness / the powers of darkness* [Colossians I, 13] – темные силы, *incline one's ear / incline one's ears* [Proverbs IV, 20] – прислушиваться, выслушивать и др.

2. Субстантивные варианты БФЕ.

В состав субстантивных вариантов фразеологических единиц входят взаимозаменяемые существительные, которые могут быть синонимичными и несинонимичными, либо находятся в гиперо-гипонимичных отношениях друг с другом или принадлежат к одному семантическому полю.

К узуальным субстантивным фразеологическим вариантам с взаимозаменяемыми существительными, находящимися в синонимичных отношениях, относим следующие библейские фразеологические единицы: *a fisher of men / a fisher of souls* [Matthew IV, 19] – проповедник; *one's countenance fell / one's face fell* [Genesis IV, 5] – он поник головой, у него физио-

номия вытянулась; the massacre of the innocents / the slaughter of the innocents [Matthew II, 16] – избиение младенцев; eat the bread of affliction / eat the bread of sorrows [Deuteronomy XVI, 3] – есть горький хлеб унижения; the four corners of the earth / the four corners of the world [Isaiah XI, 12] – четыре стороны света и др.

Вариантность некоторых фразеологизмов библейской этимологии основана на замене субстантивного компонента несинонимичным именем существительным: Jonah's gourd / Prophet's gourd [Jonah IV, 6-10] – что-л. очень быстро расцветающее и столь же быстро увядающее; stolen pleasures are sweetest / stolen waters are sweetest [Proverbs IX, 17] – запретный плод сладок; have somebody's blood on one's head / have somebody's blood on one's hands [Joshua II, 19] – быть ответственным за гибель кого-л., нести ответственность за пролитую кровь; the breath of one's life / the breath of one's nostrils [Genesis II, 7] – жизненная необходимость, что-л. нужное человеку как воздух; a drop in the bucket / a drop in the ocean – капля в море и др.

В отношении гиперонимии/ гипонимии находятся субстантивные варианты следующих библейских фразеологических единиц: sift the grain from the chaff / sift the wheat from the chaff [Matthew III, 12] – отделить плевелы от пшеницы, отсеять неважное, оставив суть; the brand of Cain / the mark of Cain [Genesis IV, 15] – каинова печать; и др.

Субстантивная вариантность БФЕ может быть также результатом варьирования субстантивных компонентов фразеологизма, принадлежащих к одному семантическому полю: like a lamb led to the slaughter / like a sheep led to a slaughter [Acts VIII, 32] – овечка, которую ведут на заклание; rise from the dead / rise from the grave [John II, 22; Luke XVI, 31] – восстать из мертвых, воскреснуть; somebody's days are numbered / somebody's hours are numbered [Psalms XC, 12] – чьи-то дни или часы сочтены; a man of Belial / a son of Belial [Judges XIX, 22] – нечестивец; find favour in the sight of somebody / find favour in the eyes of somebody [Esther V, 8] – снискать благосклонность; scarlet whore / scarlet woman [Revelation XVII, 1-6] – блудница и др.

3. Глагольные варианты БФЕ.

Глагольные варианты среди лексических вариантов библейских фразеологизмов характеризуются особой распространенностью: *hide in a napkin / keep in a napkin / lay up in a napkin / wrap up in a napkin* [Luke XX, 7] – не использовать, не пользоваться, держать под спудом; *divide the sheep from the goats / separate the sheep from the goats* [Matthew XXV, 32-33] – отделить овец от козлищ, отделить вредное от полезного; *pluck by the beard / take by the beard* [I Samuel XVII, 35] – решительно действовать; *dead and buried / dead and gone* [Acts II, 29] – умер и погребен, нет в живых; *close one's ears to something / shut one's ears to something* [Psalms LVIII, 4] – пропускать что-либо мимо ушей, быть глухим к чему-л.; *pull somebody out of the fire / snatch somebody out of the fire* [Jude I, 23] – спасти кого-л., выручить кого-либо из беды; *act the fool / play the fool* [I Samuel XXVI, 21] – валять дурака, делать глупости и др.

4. Адъективные варианты БФЕ.

Группа адъективных вариантов изучаемых фразеологизмов является менее многочисленной: *rule with a heavy hand / rule with a high hand* [Revelation II, 27] – деспотически править, держать в ежовых рукавицах; *the great enemy / the last enemy* [I Corinthians XV, 26] – смерть; *leading light / shining light* [John V, 35] – светило, знаменитость.

5. Препозитивные варианты.

Препозитивные варианты библейских фразеологизмов различаются предложными компонентами: *sufficient unto the day is the devil thereof / sufficient for the day is the devil thereof* [Matthew VI, 34] – довольно для каждого дня своей заботы; *shake the dust from one's feet / shake the dust off one's feet* – отрясти прах от ног своих; *set one's face to something / set one's face towards something* [Genesis XXXI, 21] – отправиться куда-либо; *balm in Gilead / balm of Gilead* [Jeremiah VIII, 22] – утешение; *a brand from the fire / a brand out of the fire* [Zechariah III, 2] – чудом спасшийся человек и др.

В современном английском языке среди фразеологических единиц библейской этимологии наблюдаются и такие виды фразеологических ва-

риантов, как позиционные варианты, структурные варианты, а также квантитативные варианты (подробнее см.: [Fedulenkova 2003: 11]).

Вариантность БФЕ есть один из признаков ее тождества.

Библиографический список

Гирич О.В., Федуленкова Т.Н. Коммуникативная валидность библейской фразеологии (на материале современного английского языка) // "Per Aspera...": Материалы межвуз. конф. молодых ученых. – Череповец: Череповецкий гос. ун-т, 2001. – С. 4.

Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка: Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. – 2-е изд., перераб. – М.: Высш. шк., Дубна: Изд. центр "Феникс", 1996.

Кунин А.В. Основные понятия английской фразеологии как лингвистической дисциплины и создание англо-русского фразеологического словаря: Дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1964.

Кунин А.В. Фразеология современного английского языка: опыт систематизированного описания. – М.: Изд-во "Международные отношения", 1972.

Федуленкова Т.Н. Библейская фразеология и культура речи (на материале, английского, немецкого, шведского и русского языков) (статья) // Международное сотрудничество в образовании: Материалы III Международ. конф. – Ч. 1. – СПб: Санкт-Петербургский гос. политех. ун-т, 2002. – С. 257-259.

Fedulenkova T. A new approach to the clipping of communicative phraseological units // *Ranam: European Society for the Study of English: ESSE 6 – Strasbourg 2002 / Ed. P. Frath & M. Rissanen.* – Strasbourg: Université Marc Bloch, 2003. – Vol. 36. – P. 11-22.

Fedulenkova T. Biblical phraseology: sacred and profane // Россия и Запад: диалог культур: Материалы 7-й Международной конф. – Москва: Моск. гос. ун-т, 2000. – С. 290-299.

Fedulenkova T. Discourse value of biblical proverbial idioms in English // *Textual Secrets: The Message of the Medium: Book of Abstracts of 21st PALA Conference.* – Budapest: British Council, 2001. – P. 15.

Fedulenkova T. Idioms of Biblical Origin as Item of Global English // *Global English for Global Understanding: Summaries of International Conference.* – Moscow: Moscow State University, 2001. – P. 4.

Хостай И.С. Аллюзивность фразеологических единиц библейского происхождения, содержащих имя собственное // Актуальные проблемы изучения комплексных языковых знаков: Материалы Международ. науч. конф. к 100-летию заслуж. деят. науки, д.ф.н., проф. А.В. Кунина. М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2009. – С. 182-184.

Хостай И.С. Системно-функциональные характеристики фразеологических единиц библейского происхождения в английском языке: Автореф. ... дис. канд. филол. наук, М.: МГЛУ, 1997.

Фразеографические источники

Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь / Лит. ред. М.Д.Литвинова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Рус. яз., 1998.

Ayto J. Twentieth Century Words: The Story of the New Words in English over the Last Hundred Years. – Oxford: Oxford University Press, 1999.

Cowie A.P., Mackin R., McCaig I.R. Oxford Dictionary of Current Idiomatic English. – Vol. 2: Phrase, Clause and Sentence Idioms. – Oxford: Oxford University Press, 1984.

Fergusson R. The Penguin Dictionary of Proverbs. – London: Claremont Books; Harmondsworth: Penguin Books Ltd, 1995.

Gulland D.M., Hinds-Howell D.G. The Penguin Dictionary of English Idioms. – Harmondsworth: Penguin Books Ltd, 1994.

Oxford Dictionary of Business English for learners of English. – Oxford: Oxford University Press, 2000.

Seidl J., McMordie W. English Idioms and How to Use Them. – Oxford: Oxford University Press, 1978.

Urdang L. (ed.) Longman Dictionary of English Idioms. – Harlow and London: Longman Group UK Ltd, 1996.

Walter E. (ed.) Cambridge International Dictionary of Idioms. – Cambridge: Cambridge University Press, 2001.

Warren H. Oxford Learner's Dictionary of English Idioms. – Oxford: Oxford University Press, 1997.

© Федуленкова Т.Н., Хостай И. С., 2010

Хрущева О. А.

Оренбург, Россия, oksanakhrushcheva@rambler.ru

Терминологическая вариативность в исследованиях БЛЕНДИНГА

Для обозначения анализируемого в данной работе способа образования лексических единиц в современной науке используются разнообразные термины: «блендинг», «телескопия», «контаминация», «вставочное словообразование», «гибридизация», «скорнение», «наложение», «аддитивный способ словопроизводства», «словослияние», «word blending», «fusion», «conflation», «telescoping», «contamination», «overlapping» и некоторые другие.

Прежде всего, представляется необходимым устранить сложности, вызванные терминологическим разнообразием в отношении исследуемого язы-

кового явления и, в итоге, выявить оптимальный термин для обозначения данного словообразовательного процесса и его производных.

Слово «контаминация» происходит от латинского *contamination* в значении «смешение, соприкосновение» и в настоящее время применяется в качестве лингвистического термина для обозначения процесса объединения в речевом потоке структурных элементов двух языковых единиц на базе их структурного подобия или тождества, функциональной или семантической близости, что в результате приводит к обмену компонентами таких единиц [ЛЭС 2002: 238]. По мнению Л.А. Нефедовой термин «контаминация» является наиболее распространенным [Нефедова 2003: 89]. Автор данного термина, Г. Пауль, под контаминацией понимал «процесс, при котором синонимичные формы выражения одновременно всплывают в сознании, причем влияние ни одной из этих форм на формирование значения нового слова не выражено ясно и очевидно: появляется новая форма выражения в результате слияния элементов двух других» [Пауль 1960: 160]; исследователь также отмечал достаточно высокую степень продуктивности контаминированных единиц и их успешную закрепляемость в речи носителей при условии прохождения этапа социализации. Н.А. Николина дублирует определение Г. Пауля в том, что «контаминация – это появление новой формы, нового значения слова или выражения при произвольном объединении, смешении двух в чем-то сходных форм, слов, выражений», но также вносит существенное дополнение, касающееся деривационных признаков анализируемого процесса: «контаминация – нелинейное сложение, при котором одна усеченная основа модифицирует значение другой основы и может приблизиться по функции к аффиксу – суффиксу или префиксу» [Николина 1996: 309-318]. Особого внимания заслуживает произвольность контаминации, отмеченная в определении Н.А. Николиной, так как именно этот аспект отличает контаминацию от блендинга, представляющего собой намеренный способ словопроизводства. Отмеченный дифференциальный признак доказывается примерами, которые приводит в своей работе Г. Пауль: один из примеров происходит из немецкого

диалекта и представляет собой смешение двух единиц *Kartoffel* и *Erdapfel*, что в итоге дало наименование *Erdfoffel*, причем все три единицы имеет значение «картофель». Отличие контаминации от блендинга становится ясным при рассмотрении следующего примера: для обозначения воображаемого гибрида картофеля и томата была создана единица *Tomoffel* путем смешения наименований *Kartoffel* и *Tomate*, в результате получаем blend, так как в процессе блендинга носители языка сознательно объединяют два слова с различными значениями в единой оболочке с единым содержанием, включающим в себя значения обеих исходных единиц, а при контаминации имеет место не зависящее от воли и сознания говорящих слияние единиц с равнозначным смыслом в единую словоформу. Некоторые исследователи указывают, что контаминации могут стать результатом оговорок в процессе речи, особенно среди умственно-отсталых людей, а также результатом пробелов в образовании [Ronneberger-Sibold 2006: 158]. Стилистический и структурный аспекты контаминации доминируют в определении Н.А. Янко-Триницкой, где отмечается, что контаминация представляет собой «проникновение компонентов одной единицы языка в другую (иногда взаимное проникновение) с непременным вытеснением какого-либо компонента данной единицы...В синхронном плане любая контаминация в пределах одной языковой единицы приводит к нарушению нормы» [Янко-Триницкая 1975: 258]. Таким образом, в процессе контаминации происходит наложение двух сегментов обоих компонентов, которое не является произвольным, но подчиняется определенным правилам. Наложение компонентов осуществляется по-разному и в зависимости от вида наложения различают телескопическое и вставочное образования.

Первоначально термин «телескопия» упоминался в связи со способом образования новых лексических единиц путем наложения морфа или морфов одного исходного компонента на морф/морфы другого исходного компонента, так как подобное наложение напоминает «вдвигание трубок телескопа». Подобное понятие самого явления значительно расширилось и стало включать не только способ образования новых лексических единиц

путем наложения морфов, но также и способ соединения частей морфов исходных компонентов. Сам же термин «телескопия» сохранился, означая процесс создания новых слов способом нерегулярного сращения морфов [Сухорукова 2004: 14].

Вставочное словообразование отличается от контаминации тем, что часть одного слова вставляется в другое, и в ходе данного процесса не происходит вытеснения компонентов. И.М. Берман писал: «при вставочном способе словообразования исходные основы... как бы «вкладываются» одно в другое, «сплющиваясь» на стыке ..., а из их «осколков» образуется новое слово – вставка» [Берман 1957: 106].

Междусловное наложение можно рассматривать как разновидность контаминации. Н.А. Янко-Триницкая определила этот подтип следующим образом: «На конец основы одного слова накладывается омонимичное начало другого слова. В результате возникает сложное слово особого типа, включающее в свое значение семантику обоих объединившихся слов, а в свою основу – основы обоих объединившихся слов... в данном случае вступают во взаимодействие слова и основы несоприкасающиеся» [Янко-Триницкая 1975: 254-255]. При междусловном наложении взаимодействуют фонетически совпадающие отрезки слов при полном сохранении двух соединяющихся исходных компонентов, причем определенный фонемный отрезок производного слова принадлежит одновременно обоим мотивирующим частям.

Ряд исследователей считают блендинг чрезвычайно обширной категорией, рассматривая народную этимологию, речевые ошибки, продукты детского словотворчества и окказиональные образования в рамках данного явления [Л.Р. Хасанова, В.З. Санников]. Носителям языка свойственно коверкать слова, форма и смысл которых им мало знакомы: в случае с детьми это объясняется попытками освоения языка, а у взрослых может быть связано с недостаточным уровнем образованности. Согласно Ф. де Соссюру «такие нововведения, как бы они ни были нелепы, не происходят вполне случайно; в них обнаруживаются попытки приблизительного объ-

яснения малопонятного слова путем сопоставления его с чем-либо хорошо знакомым...случается, что обычай впоследствии освящает такого рода деформации слов» [Соссюр Ф, де 1998: 169]. Народная этимология внешне напоминает контаминацию; как отмечает В.З. Санников «различие между ними касается значения: результатом контаминации является сплав значений двух слов (*дегенерал* < *генерал* + *дегенерат*), результатом народной этимологии – метаязыковое высказывание, устанавливающее этимологию слова (ошибочную), попытка установить соответствие между формой и содержанием, скорректировать внутреннюю форму слова: *гульвар* – место для гуляния [не: бульвар + гулять], *мелкоскоп* – устройство для наблюдения за мелкими предметами [не: микроскоп + мелкий]» [Санников 1999: 167].

При анализе терминологических наименований исследуемого языкового явления становится ясно, что вариативность терминов в отечественной лингвистике отражает классификационные признаки производных данного процесса; каждое из рассмотренных определений дает представление об определенной разновидности исследуемых единиц и тем самым оправдывает свое существование и использование в научном описании. Однако в процессе ознакомления с исследовательскими работами зарубежных авторов по заданной тематике многочисленных терминологических вариантов не было выявлено; в иностранных источниках в 90% случаев применяется единый термин для обозначения изучаемого нами способа словообразования – *blending* и его производной – *blend* с вариацией *blend words*. *Macmillan English Dictionary for Advanced Learners* дает следующее определение данному наименованию: «Blend (Old English *blandan*) is a word formed by combining parts of two other words» [Macmillan 2002: 133]. Таким образом, данный термин является обобщающим для всех подтипов контаминированных единиц; в нем не учтены индивидуальные классификационные характеристики производных, но указанный термин является оптимальным и в максимальной степени емким для описания блендинга как целостного языкового явления.

Библиографический список

- Берман, И.М. К вопросу о вставочном словообразовании // Иностранные языки в школе, 1957. – № 4. – С. 106-112.
- Лингвистический энциклопедический словарь/ гл. ред. Ярцева В. Н. - М.: Большая Российская Энциклопедия, 2002. – 709 с.
- Нефедова, Л.А. О некоторых особых способах словообразования в современном немецком языке // Вестник МГУ. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2003. № 3. – С. 89-97.
- Николина, Н.А. «Скорнение» в современной речи // Язык как творчество: Сборник статей к 70-летию В.П. Григорьева. М.: 1996. – С. 309-318.
- Пауль Г. Принципы истории языка / Пер. с нем. под ред. А. А. Холодовича. – М.: Издательство «Иностранной литературы», 1960. – 500 с.
- Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – 544 с.
- Соссюр Ф., де Курс общей лингвистики / Пер. с фр. А. М. Сухотина; науч. ред. пер., предисл. и прим. – Н. А. Слюсаревой; послесл. Р. Энглера (пер. с фр. – Б. П. Нарумов). М.: Издательство «Логос», 1998. – 296 с.
- Сухорукова, О.Н. Структурно-семантические и функциональные особенности телескопических единиц в массово-информационном дискурсе: На материале англоязычной прессы: Дис. ... кандидата филологических наук. – Волгоград, 2004. – 170 с.
- Хасанова, Л.Р. Контаминация в речи и творчестве, или блендинг как универсальная когнитивная способность // Языки в современном мире. Материалы V Международной конференции. В 2-х частях. Часть 2. – М.: КДУ, 2006. – С. 719-724.
- Янко-Триницкая, Н.А. Междусловное наложение // Развитие современного русского языка. Словообразование. Членимость слова. – М.: Наука, 1975. – С. 254-258.
- Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. – Bloomsbury Publishing Plc, 2002. – 1693 p.
- Ronneberger-Sibold E. Lexical Blends: Functionally Tuning the Transparency of Complex Words // Folia Linguistica, July 2006. Volume 40, № 1-2, Berlin. – pp. 155-181.

© Хрущева О. А., 2010

Чукреева Е. И.

Екатеринбург, Россия, silver-23@yandex.ru

Сопоставительное исследование терминосистем стоматологического оборудования в русском и английском языках

В статье приводятся результаты синхронного сопоставительного исследования английских и русских терминов стоматологического оборудования. Источниками материалов для исследования послужили официальные сайты производителей оборудования для зуботехнических лабораторий США, а также материа-

лы, предоставленные ОАО «НПК АВЕРОН», российским производителем оборудования для стоматологических лабораторий.

Введение

Терминологическая лексика занимает значительное место в словарном составе любого языка. Несмотря на то, что в последние годы ведётся ширококомасштабная работа по нормализации терминологии ряда отраслей науки и техники, поле терминологии стоматологического оборудования остаётся одним из наименее изученных.

В конце 80-х начале 90-х гг. прошлого столетия стоматология России вышла на новый уровень развития. Возникла необходимость в новых видах оборудования, имеющиеся технологии производства собственного оборудования стали стремительно развиваться. Многие были заимствованы у западных коллег. Всё это не могло не повлиять на язык данной отрасли. В последние 15-20 лет наблюдался «взрыв» лексики, связанной со стоматологией, и в частности со стоматологическим оборудованием. За этот период времени практически нет работ лингвистов, терминоведов, лексикографов, которые помогли бы оформить терминосистему стоматологического оборудования, очистить её от неоправданных иностранных заимствований, профессионализмов, жаргонизмов и зафиксировать тщательно отобранные соответствия родного языка, отвечающие его нормам.

Этим продиктована необходимость продолжения исследований в данной области, основными направлениями которых являются изучение русскоязычных и англоязычных источников терминологии стоматологического оборудования, отбор терминов, их классификация, сопоставительный анализ и, наконец, рекомендации по подбору соответствий в том или ином языке.

Основная часть

С целью проведения синхронного сопоставительного анализа английских и русских терминов стоматологического оборудования решаются следующие задачи: 1) производится отбор терминов стоматологического оборудования из научных и технических текстов; 2) выделяются основные

разряды терминологической лексики по стратификационному, морфологическому, синтаксическому критериям, а также рассматривается вопрос мотивированности терминов; 3) проводится сопоставительный анализ английских и русских терминов по выделенным критериям.

Для данного исследования используется комплекс методов сопоставительной лингвистики: микролингвистический метод (компонентный анализ) и контекстуально-функциональный метод (качественный и количественный анализ).

Терминология стоматологического оборудования объединена в сложившуюся терминосистему, внутри которой термины классифицируются по ряду критериев.

Стратификационный (стилистический) критерий позволяет разграничить терминологию и номенклатуру, а также ненормативную терминологическую лексику [Комарова 1991: 15-17]. Стратификационная структура терминологии стоматологического оборудования в английском и русском языках очень похожа. Число терминов и номенов в обоих языках практически совпадает.

Таблица 1

Вид термина	Русский язык	Английский язык
Термины-слова	42% (Бормашина, воскотопка)	19% (Apex-locator, spittoon)
Термины-словосочетания	58% (Вакуумный насос, лицевая дуга)	66% (Automatic laser pinhole drilling machine)
Номены	19% (АОК 2,1, ВАКУМИКС-50)	17% (Touch 'n Heat, Twister Pro)

Ненормативная терминологическая лексика (терминоиды, профессионализмы, индивидуально-образные выражения) установлена не была, однако в русской терминологии были установлены термины, вышедшие из разряда профессионализмов: *загубник*, *плевательница*, *слюноотсос*.

Морфологический критерий делит терминологию на слова и словосочетания и позволяет распределить их в зависимости от морфемной структуры слова [Головин, Кобрин 1987: 70]. И в английской и в русской

терминологии стоматологического оборудования большая часть терминов представлена словосочетаниями.

Морфологическая структура терминологии очень разнообразна. Представлены все группы терминов-слов: непроизводные, производные, сложные и аббревиатуры.

Терминологические словосочетания делятся на простые и сложные. И в английском и в русском языках большую часть составляют простые словосочетания, т.е. сочетания, состоящие из двух слов (главного и зависимого) – 73% и 66% соответственно. Например, *фотополимеризационная лампа, burnout chamber, drill bit*. Почти все терминологические словосочетания являются субстантивными, т.е. в роли главного слова выступает имя существительное, за исключением одного глагольного в английской терминологии (*to do a root canal*).

Таблица 2

Группы терминов в соответствии с морфемной структурой слова	Русский язык	Английский язык
Непроизводные	27% (<i>Загубник, файл, штипель</i>)	43% (<i>Blade, cuspidor, turbine</i>)
Производные	23% (<i>Нагреватель, отливка</i>)	26% (<i>Heater, spittoon, typodont</i>)
Сложные	50% (<i>Ортопантомограф, слюноотсос</i>)	26% (<i>Handpiece, pre-mix, vitalometer</i>)
Аббревиатуры	Не обнаружено	5% <i>CAD/CAM</i>

В зависимости от **синтаксической структуры** термины-словосочетания делятся на четыре типа моделей: линейные с предлогами и без и нелинейные с предлогами и без [Головин, Кобрин 1975: 75]. По данному критерию мы установили большие различия в терминологии английского и русского языков.

Так, в русской терминологии представлены почти все виды моделей, в то время как в английской терминологии мы зафиксировали только линейные модели без предлогов.

Следующим критерием является такой важный терминоведческий принцип, как **мотивированность термина**, то есть способность его внешней формы указывать на его значение. В рассматриваемой нами термино-

логии, как в русском, так и в английском языках представлены термины различной степени мотивированности: полностью мотивированные, частично мотивированные, полностью немотивированные и ложномотивированные термины [Лотте 1961: 33] или ложноориентирующие, как их называет В.М. Лейчик [Лейчик, Бесекирска 1998: 29-30]. Согласно нашему исследованию большая часть терминов относится к мотивированным терминам.

Таблица 3

Степень мотивированности термина	Русский язык	Английский язык
Полностью мотивированные	38% (<i>Воскотопка, нагреватель</i>)	52% (<i>Blade, saliva ejector</i>)
Частично мотивированные	20% (<i>Алекс-локатор</i>)	17% (<i>LED curing light</i>)
Полностью немотивированные	14% (<i>Коффердам, окклюлятор</i>)	11% (<i>Typodont, piezo scaler</i>)
Ложномотивированные	9% (<i>Отливка, фантом</i>)	5% (<i>Burnout chamber</i>)

Заключение

Полученные результаты позволяют сделать выводы о современном состоянии данной терминосистемы. Проведённое исследование показало большие сходства в количественном и структурном составе терминосистем стоматологического оборудования в русском и английском языках. Однако были выявлены и существенные различия, касающиеся в основном синтаксической структуры многосоставных словосочетаний. Также в составе терминосистемы русского языка обнаружены термины, вышедшие из разряда профессионализмов, чего не было обнаружено в английской терминологии. К перспективам данного исследования относится рассмотрение причин установленных сходств и различий.

Библиографический список

- Гак В.Г. О контрастивной лингвистике // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1989. – 440 с.
- Гак В.Г. Опыт применения сопоставительного анализа к изучению структуры значения слова // Вопросы языкознания. № 2. 1966. С.98-106
- Головин Б.Н., Кобрин Р.Ю. Лингвистические основы учения о терминах: Учебное пособие для филологических специальностей вузов. М.: Высшая школа, 1987. – 104 с.

Комарова З.И. Проблемы языкового субстрата отраслевой (сельскохозяйственной) терминологии // Изучение лексики, грамматики текста в аспекте концепции языковой картины мира: Тез. докл. и сообщ. науч. конф. Екатеринбург: 1994. – С. 21-23

Комарова З.И. Семантическая структура специального слова и её лексикографическое описание. Свердловск: Издательство Уральского университета, 1991. – 156 с.

Лейчик В., Бесекирска Л. Терминоведение: предмет, методы, структура. Белосток, 1998. – 256 с.

Лейчик В.М. Номенклатура – промежуточное звено между терминами и собственно терминами // Вопросы терминологии и лингвистической статистики. 1974. – С. 18-24

Общие ресурсы по стоматологии: сайт компании *Jelrus*. – 2010 [Электронный ресурс]. Дата обновления 01.01.2010. – URL: <http://www.jelrus.com> (дата обращения 05.01.2010).

Общие ресурсы по стоматологии: сайт компании *Dental Compare*. – 2010 [Электронный ресурс]. Дата обновления 01.01.2010. – URL: <http://www.dentalcompare.com> (дата обращения 05.01.2010).

Скворцов О.Г. Методы исследования лексических систем / Уральский государственный педагогический университет; Институт международных связей. Екатеринбург: Издательство АМБ, 2001. – 142 с.

Актуальные проблемы языкознания и литературоведения

Шелов С.Д. Номенклатура и терминология (три подхода к выделению номенклатурных наименований) // Актуальные проблемы лингвистики и терминоведения. Екатеринбург: Издательство Уральского государственного педагогического университета. 2007. – С. 75-80

© Чукуреева Е. И., 2010

Шадрина Ю. Ю.

Екатеринбург, Россия, yunona.shadrina@mail.ru

Лексико-семантическая классификация лексики как основа для исследования местоимений - прилагательных

Исследование местоимений - прилагательных в дискурсе предполагает их рассмотрение в сочетаемости с существительными. Потенциальные семы выделяются по признаку прилагательного, относящегося к существительному определенного денотативного класса. Для выделения данных классов следует провести анализ лексико-семантических объединений существительных, с которыми могут быть связаны данные местоимения-прилагательные.

На данный момент разработаны несколько лексико - семантиче-

ских классификаций слов. Лексико-семантическая классификация Л. С. Вященко [1980] предусматривает разделение существительных на две группы: одушевленные и неодушевленные. Одушевленные существительные подразделяются на имена, обозначающие: а) человека, б) зверей, птиц, насекомых. Имена неодушевленные разделены на конкретные, обозначающие: а) естественную среду, вид; б) искусственную среду; в) предметную среду, и абстрактные, обозначающие: а) время суток, года; б) состояние, процесс, событие, движение.

Достаточно детальную классификацию существительных предлагает

Н. Ю. Шведова [1981]. На верхних ярусах построенной ею иерархии выделяются конкретно-предметные и абстрактные существительные. В рамках группы конкретно-предметных существительных представлена терминологическая и нетерминологическая лексика, где выделяются а) названия, общие для неживых предметов и живых существ, б) названия неживых предметов и в) названия живых существ и организмов.

Семантическая классификация В. В. Морковкина [1984] предусматривает выделение двух суперклассов слов ("Абстрактные отношения, формы существования материи" и "Материальный мир"), внутри которых располагаются одиннадцать ("пространство", "качество", "количество", "изменения", "формы" и др.) и восемнадцать ("органический мир", "неорганический мир", "человек", "животный мир", "вода" и др.) идеографических подклассов.

Подробная классификация существительных дана И.А. Стерниным [1994], который выделяет следующие группы имен: 1) одежда; 2) обувь; 3) наименование лица; 4) наименование лиц по внешнему признаку; 5) названия животных; 6) названия частей тела животных; 7) названия растений; 8) название частей растений; 9) название пространства, покрытого растительностью; 10) объекты природы и т. д.

Ю. Д. Апресян также предлагает детальную классификацию [1995], в которой выделяет, в частности, следующие группы лексических

единиц: 1) слова с актантным значением; 2) растения: а) плод, б) цветок, в) пищевой продукт, г) дерево; 3) животное: а) мех животного, б) мясо животного, 4) материал, ткань 5) люди: а) часть тела человека, б) орган тела, 6) содержащее - содержимое; 7) комната; 8) сосуд; 9) событие; 10) страна света; 11) явление природы и др.

Каждая из выше рассмотренных классификаций лексических единиц обладает своими преимуществами и достоинствами, однако многие исследователи в качестве основной базы для классификации существительных берут таксономию имен, разработанную Ю. С. Степановым [1981]. В основе данной классификации лежит иерархический подход, так как "основную таксономию словаря составляют естественные классы объективно существующих предметов - "Вещи", "Растения", "Животные", "Люди"; кроме того, имеется класс слов, не отражающих никакого объективного множества, не обслуживающих потребности самой лексической системы - метаимена; все эти классы постоянны и универсальны, хотя состав их элементов может в некоторой степени меняться" [Степанов 1981: 48].

Некоторые исследователи считают целесообразным пойти вслед за С. В. Татаренко [1999] и С. В. Погореловой [2002] и для более точной классификации вести в классификацию Ю.С. Степанова некоторые уточнения в соответствии с имеющимся у них материалом

Особый интерес представляет классификация Большого толкового словаря русских существительных под ред. Л.Г. Бабенко [2008]. В данном словаре осуществлена попытка формирования его структуры на основании антропологического подхода, учитывающего процесс освоения, осознания и ословаривания человеком окружающего мира действительности. Этот словарь является комплексным: толковым идеографическим словарем. При выделении классов существительных учитывались как структура их лексического значения, так и тип отображаемой ими общей ситуации или компонента ситуации - денотата существительного. В словаре существительных выделена и описана 41 денотативная сфера: живое существо, растения

и грибы, неживая природа, нации, интеллект, эмоции, оценка, время, предмет, форма, религия, быт, питание, одежда, наука и т.д. Каждая сфера включает в свой состав идеографические классы слов (денотативно-идеографические классы), отображающие основные составляющие типовой ситуации, характеризующие ту или иную денотативную сферу. Состав классов различен по объему, он формируется на основании их категориально-лексической семантики.

Таким образом, новый лексикографический взгляд на семантику имен существительных позволяет более объемно их интерпретировать и семантизировать. При этом лексикографически существенной оказывается денотативная категоризация имен предметов. Эта информация отражается в макроструктуре словаря, в выделении денотативных сфер и денотативных групп имен существительного.

Библиографический список

- Апресян Ю.Д. Избранные труды. Том 1. Лексическая семантика. Синонимические средства языка / Ю.Д. Апресян // М., 1995, С. 3-69.
- Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / Под. ред. Л.Г. Бабенко. - 2-е изд., стер. - М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА. С. 15-18.
- Вященко Л.С. Системные связи и группы слов-аналогов beautiful - красивый: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. / Л.С. Выщенко. - Л.: [б.и.], 1980. - 18 с.
- Морковкин В.В. Семантика и сочетаемость слова / В.В. Морковкин // Сочетаемость слов и вопросы обучения русскому языку иностранцев: сб. ст. под ред. В.В. Морковкина. - М.: Рус. яз., 1984. - С. 5-15.
- Погорелова С.Д. Сопоставительное исследование лексики утилитарной оценки: по материалам лексикографии: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. / С.Д. Погорелова; Урал. гос. пед. ун-т. - Екатеринбург: [б.и.], 2002. - 17 с.
- Степанов Ю.С. Имена. Предикативы. Предложения. Семиологическая грамматика / Ю.С. Степанов. - М.: Наука, 1981. - 360 с.
- Стернин И.А. Парадигматические классы слов и ограничения на сочетаемость лексики в русском языке / И.А. Стернин // Структурно-семантические исследования русского языка; Воронеж. ун-т. - Воронеж, 1994. - Вып. 2. - С. 13-24.
- Татаренко С.В. Сопоставительное исследование прилагательных эстетической оценки в русском и английском языках: дис. ...канд. филол. наук / С.В. Татаренко. - Екатеринбург: [б.и.], 1999. - 179 с.

2010. Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики

Шведова Н.Ю. Однотомный толковый словарь / Н.Ю. Шведова // Русский язык. Проблемы художественной речи. Лексикология и лексикография. - М.: Наука, 1981. - С. 166-179.

© Шадрина Ю. Ю., 2010

Сопоставительная лингвистика и переводоведение

Алексеева М. Л.

Екатеринбург, Россия, marischka2004@list.ru

Безэквивалентная лексика, лакуна и реалии в аспекте теории перевода

Единицы, вынесенные в заглавие данной статьи, являются объектом изучения ряда смежных научных дисциплин – переводоведения, сопоставительной лингвистики, лингвострановедения, лингвокультурологии, теории межкультурной коммуникации и методики преподавания иностранных языков. Однако понимание этих терминов и стоящих за ними понятий существенно различается. В данной статье мы рассмотрим с каким значением они функционируют в аппарате науки о переводе и как коррелируют между собой.

В отечественной теории перевода первое и, на наш взгляд, достаточно четкое определение «безэквивалентной лексики» (БЭЛ) было предложено Г.В. Шатковым. Безэквивалентными он назвал слова, которые полностью или в одном из своих значений не имеют в данный исторический период «готового» точного соответствия в лексике другого языка [Шатков 1952: 7]. Проблематика БЭЛ активно разрабатывается с 50-х гг. XX в., с момента выделения переводоведения в самостоятельную научную дисциплину (Я. И. Рецкер 1950, Л.Н. Соболев 1952, Г. В. Шатков 1952, Г. В. Чернов 1958, В. Россельс 1955), и в настоящее время (Е.Л. Жених 2000, Ю.О. Анохина 2002, А. Джахангири 2003, А.А. Заборовская 2003, Н.А. Иванова 2004, П.П. Михайлов 2006, Л.Б. Олядыкова 2009).

Особенности передачи реалий на различные языки стали исследоваться только в 70-х гг. XX в., хотя термин «реалия» был введен еще в первой половине XX в. для наименования национально-специфичного объекта или явления [Федоров 1941: 26]. Реалии продолжают оставаться актуальным объектом исследования, что подтверждается огромным количеством статей, лексикографических разработок и диссертаций (S. Schubert-

Kreutzer 1997, W. Gladrow 1998, E. Markstein 1999, Н.А. Фененко 2001, 2006, E. Forgacs 2003, Ю.А. Осипова 2003, P.R. Steuer 2004, A. Ertelt-Vieth 2004, И.С. Брилева 2004, Н.С. Карпова 2007, М.Л. Алексеева 2007, 2008).

Термин «лакуна» появился в работах Ж.П. Вине и Ж. Дарбельне для обозначения «явления, которое имеет место тогда, когда у слова одного языка отсутствует соответствие в другом» [Vinay, Darbelnet 1958 : 10]. В отечественной теории перевода его впервые упомянул Л.С. Бархударов. Он выделил среди БЭЛ «случайные лакуны», которые включают единицы словарного состава одного из языков, по каким-то причинам не имеющие соответствий в виде слов и устойчивых словосочетаний другого языка [Бархударов 1975: 93]. Этот термин использовал и В.Г. Гак (В.Г. Гак 1975, 1977), но уже с другим значением. Понимая под лакунами не сами лексические единицы, а их отсутствие, лакунами он назвал «пропуски в лексической системе языка, отсутствие слов, которые, казалось бы, должны были присутствовать в языке, если исходить из его отражательной функции (т.е. его задачи обозначать явления объективной действительности) и из лексической системы языка» [Гак 1977: 261]. Дальнейшего развития этот термин ни у отечественных, ни у зарубежных теоретиков перевода не получил. Однако в последние годы появляются работы, в которых речь идет о способах или особенностях передачи лакун в переводе (например, Е.А. Плехова 2001, Ю.Ю. Липатова 2006, С.В. Власенко 2009).

Итак, можно констатировать, что изучение проблемы трансляции лексических единиц, характерных для одной языковой системы и отсутствующих в другой, не потеряли своей актуальности, а все три термина используются в современных переводческих исследованиях. Выясним, могут ли они взаимозаменять друг друга. Для этого необходимо раскрыть содержание данных понятий в свете современной науки о переводе.

Понятие «реалия» включает лексические единицы, обозначающие уникальные специфичные для одной страны предметы и явления, как безэквивалентные (например, кисель, хрущевка, прописка), так и имеющие эквиваленты в словарях (согласно словарю *Duden Fremdwörterbuch 2001*

немецким языком освоены такие русские реалии, как, например: *Steppe, Ucha, Pirogge, Wodka, Datscha, Samowar, Tarantas* и др.). Хотя в некоторых работах данный слой лексики вплоть до 70-х гг. XX в. отождествлялся с БЭЛ [см. Я. И. Рецкер 1950, Г. В. Шатков 1952, Г. В. Чернов 1958, Л. Пеньковский 1973], в современном переводоведении реалии рассматриваются как самостоятельная единица перевода со своей спецификой и приемами передачи на иностранный язык (Алексеева 2007, 2008). Отличительными признаками реалий являются: принадлежность к апеллятивной лексике, уникальность и национально-культурная маркированность [Алексеева 2007: 50]. Также следует отметить многозначность данного термина: он используется для обозначения явления внеязыковой действительности (предмета), его культурного эквивалента (концепта), и средства номинации этого концепта в языке (лексемы) [Фененко 2006: 7].

Более широким по своему содержанию является понятие «безэквивалентная лексика» — лексические единицы, которые не имеют постоянных эквивалентов среди единиц другого языка такого же уровня. Эквивалентность является одной из главных категорий теории перевода, а установление эквивалентов — центральной проблемой. На наш взгляд, это удачный термин с «прозрачной» внутренней формой: внимание акцентируется на отсутствии эквивалента в другом языке, вследствие чего возникают трудности при переводе, что, в свою очередь, ведет к необходимости обособить данный слой лексики.

Понятие БЭЛ включает реалии, временные безэквиваленты, случайные безэквиваленты и структурные экзотизмы³ [Л.К. Латышев, 2001: 157]. Реалии входят как самостоятельный разряд слов в состав БЭЛ, следовательно, это одна из ее разновидностей. Со временем некоторые из них

³ Здесь приводится одна из наиболее популярных современных классификаций, существуют и другие. Например, в ранних работах были описаны шесть видов БЭЛ [Шатков 1952: 57-58]. Позже Л.С. Бархударов выделил три больших разряда, включающих несколько подвидов БЭЛ [Бархударов 1975: 94-95]. Современная классификация А.О. Иванова насчитывает 17 разновидностей безэквивалентных единиц, которые автор относит к трем основным типам [Иванов 2006: 85]. Несмотря на различные трактовки понятия безэквивалентности и безэквивалентной лексики, все переводоведы включают реалии в состав БЭЛ.

фиксируются в словарях языка перевода и перестают быть безэквивалентными. Количество реалий любого языка более или менее постоянно (могут появляться и новые реалии), оно не зависит от языка перевода, в то время как состав безэквивалентной лексики будет различаться в зависимости от участвующих языков, направления переводческого анализа (например, русский-польский и польский-русский) и временного периода.

В настоящее время проблематика передачи БЭЛ разрабатывается для различных языковых пар: русский-английский (А.О. Иванов), французский-русский (Н.А. Фененко), калмыцкий-русский (Л.Б. Олядыкова) и др.. Создаются словари БЭЛ, например, Белорусско-русский словарь безэквивалентной лексики (И. Шкраба), Англо-русский словарь безэквивалентной лексики (А.А. Махонина, М.А. Стернина).

Понятие «лакуны» трактуется достаточно широко, как «пробелы на семантической карте языка, текста и культуры, являющиеся способами существования национального сознания» [И.Ю. Марковина, Ю.А. Сорокин 2008:4]. Оно становится собирательным для всех межъязыковых, межтекстовых и межкультурных расхождений. Это обуславливает наличие большого количества разновидностей лакун, например, классификация Ю.А. Сорокина и И.Ю. Морковиной включает более 40 видов и подвидов лакун [Морковина, Сорокин 2008: 47]. Будет ли какой-либо вид лакун синонимом БЭЛ?

Лакуны и безэквивалентная лексика выявляются только при сопоставлении двух конкретных языков. В одном языке фиксируются безэквивалентные единицы, а в другом – лакуны или пустоты. Таким образом, лакуны и безэквивалентные единицы являются членами бинарной оппозиции и, следовательно, не могут выступать в качестве синонимов.

Кроме того, лакуны выявляются на уровне языка, а перевод происходит на уровне речи. Переводчик работает с конкретным текстом, будь то небольшой рекламный слоган, инструкция или роман объемом несколько сотен страниц. Текст здесь мы понимаем в широком значении. Текст представляет для него завершенное связное единство. Он может содержать

различные грамматические структуры, не имеющие соответствий в другом языке или лексические и фразеологические единицы, паремии, метафоры, не имеющие эквивалентов, но в оригинальном тексте не бывает пустот.

Вне зависимости от того, создан этот текст на родном для переводчика языке или неродном, он называется исходным (ИТ). Задача переводчика состоит в том, чтобы передать все те смыслы, которые заложены в ИТ средствами другого языка. Создать вторичный текст, который должен вызывать такой же коммуникативный эффект, то есть определенную запланированную реакцию адресата, как ИТ. Итак, в ИТ могут быть различные сложные для передачи единицы, категории, структуры, но в нем нет никаких пустот (лакун).

Таким образом, переводчик не работает с лакунами, перед ним всегда стоит задача передать то, что есть в тексте на определенном языке, то есть «наличествующее». Неслучайно известный теоретик и практик перевода Д.И. Ермолович отметил, что после Л.С. Бархударова, давшего определение случайной лакуны, переводоведы не сделали ни шага вперед (Ермолович 2009).

Лакуны - это объект дисциплин сопоставительного характера. Кроме того, следует отметить, что изучение лакун представляет сегодня отдельное научное направление - лакунологию - в рамках отечественной психолингвистики, а метод установления лакун используется при анализе переводческих проблем.

Библиографический список

- Алексеева М.Л. Русские реалии в разновременных немецких переводах романов Ф. М. Достоевского. Словарь-справочник. — Екатеринбург: АМБ, 2007.
- Байрамова Л.К. Введение в контрастивную лингвистику. – Казань: КГУ, 2004.
- Бархударов Л. С. Язык и перевод. — М.: Межд. отн., 1975.
- Гак В.Г. Сравнительная типология французского и русского языков. – Л.: Просвещение, 1977.
- Иванов А.О. Безэквивалентная лексика. – СПб.: СПбГУ, 2006.
- Латышев Л. К. Технология перевода. — М.: НВИ — Тезаурус, 2001.
- Марковина И.Ю. Культура и текст. Введение в лакунологию / И.Ю. Марковина, Ю.А. Сорокин. – М.: ГЭОТАР-Медиа, 2008.

- Федоров А. В. О художественном переводе. — Л : ОГИЗ, 1941.
- Фененко Н. А. Французские реалии в контексте теории языка: автореф. дис. ... докт. филол. наук; ВГУ. — Воронеж, 2006.
- Шатков Г. В. Перевод русской безэквивалентной лексики на норвежский язык (на материале норвежских переводов русской общественно-политической литературы): автореф. дис. ... канд. филол. наук ; ВИИЯ. — М., 1952.
- Vinay J.P. Stylistique comparée du français et de l'anglais / J.P. Vinay, J. Darbelnet. — Paris, 1958, p. 10.

© Алексеева М. Л., 2010

Аликова Т. А.

Екатеринбург, Россия, tet-27@yandex.ru

Перевод комического как проблема культурной компетенции читателя на материале романа Дж. Барнса «История мира в 10½ главах»

На настоящем этапе развития науки перевод рассматривается не просто как передача сообщения с одного языка на другой, но и из одной культуры в другую. А.Д. Швейцер указывает на одну из основных тенденций развития переводоведения, которая заключается в «постепенном смещении акцентов от межъязыковых к межтекстовым отношениям» [Швейцер 1988: 25]. По его словам, «перевод - не только взаимодействие языка, но и взаимодействие культур» [Швейцер 1988: 8].

У. Эко отмечает, что «переводить - значит понять внутреннюю систему языка и структуру данного текста на этом языке и построить такую текстуальную систему, которая в известном смысле может оказать на читателя аналогичное воздействие, как и то эмоциональное воздействие, к которому стремится текст-источник» [Эко 2006: 16-17].

В 20 веке проблема понимания при переводе находит отражение в течении постмодернизма - направления, главными приемами которого являются ирония и сильнейший игровой момент. Большинство критиков определяет роман Дж. Барнса «История мира в 10½ главах» как чистый пример постмодернизма. Ироничное обыгрывание других текстов становится главным приемом комического в романе Дж. Барнса. Избирая темой своего романа описания определенных этапов истории человечества, Барнс

иронически переосмысляет их с помощью явлений современной ему действительности и добивается комического эффекта.

Как эстетическая категория комическое подразумевает несоответствие между реальной действительностью и тем, что о ней сообщается. Часто комическое основывается на выработанных культурных смыслах. Подобные смыслы варьируются от культуры к культуре и могут быть знакомы представителям одной культуры и оставаться непонятыми представителями другой. В данном случае передача комического на иностранном языке выходит за рамки переводческой проблемы и становится проблемой понимания между культурами.

Комическое существует только потому, что его воспринимает читатель. Основная коммуникативная задача текстов, содержащих элементы комического, - вызвать у читателя смех. Перевод текстов данного типа подразумевает большую степень свободы и отхождение от оригинала. Несмотря на возможные несовпадения в языковом и содержательном плане текстов оригинала и перевода, можно говорить об их эквивалентности, если достигнута смеховая реакция читателя.

Проблема межкультурной передачи комического при переводе с одного языка на другой и адекватного восприятия комического читателями перевода включает специфику восприятия художественных текстов. Художественный текст сам по себе является многозначным как в силу многозначности составляющих его элементов - «множественность смысла» [Барт 2009: 93], так и в силу того, что он вступает во внетекстовые связи, включающие его в определенную систему культурных кодов и, тем самым, влияющие на его восприятие. «Художественное произведение, взятое само по себе, без определенного культурного контекста, без определенной системы культурных кодов, подобно «надписи надгробной на непонятном языке». [Логман 1998: 270] Каждый художественный текст включен в систему других текстов, присущих той культуре, в которой он был создан. «Текст - это память, в атмосферу которой независимо от своей воли погружен каждый писатель». [Косиков 1994: 25]

Таким образом, комическое, содержащееся в художественном тексте, не может быть не связано со всеми дополнительными смыслами, с которыми связан сам текст.

Эмоциональное восприятие комической ситуации и ее оценка тем сильнее, чем ближе и знакомее она для читателя. Реакция при восприятии и понимании комического зависит и от воспринимающего субъекта - представителя определенной культуры. Иноязычные читатели не воспринимают многие элементы комического, потому что последние не вызывают у них никаких ассоциаций.

Потенциальными причинами непонимания становятся экстралингвистические знания, которые в большей или меньшей степени доступны представителям культуры текста оригинала и не знакомы представителям культуры текста перевода. То есть при переводе необходимо учитывать не только языковые соответствия, но и разного рода контексты.

Контекст культурных ценностей включает в себя культурные различия, то есть знания, правила, верования и принципы, характерные для одного народа и чуждые другому. В романе Дж. Барнса в качестве аллюзий выступают известные английскому читателю библейская и античная мифологии. Первая глава романа является пародией на библейский миф о Ноевом ковчеге. Рассказчик снижает возвышенный тон повествования Библии, используя для этого журналистскую и юридическую лексику и привлекая в качестве сравнения объекты и явления повседневной реальности 20 века: "*authorities*" (власти) - Ной и его семья; "*the beauty contest*" [Barnes 2005: 6] (конкурс красоты) - описание процесса отбора «каждой твари по паре»; "*Adam's black propaganda*" [Barnes 2005: 7] (грязная пропаганда Адама) - история со змеем соблазнителем.

Автор и читатель текста связаны не только с культурой как общим феноменом, но и с конкретным текстом как явлением культуры. Контекст исходного текста может быть соотнесен со множеством других текстов. Он особо актуален в связи с процессом интертекстуальности, характерном для постмодернистской литературы. Впечатления героя 7

главы о частной школе, в которой ему предстояло преподавать, основаны на фарсовом романе Ивлива Во «Упадок и разрушение». Героиня 4 главы Кейт боится атомной войны, но все считают ее сумасшедшей, тогда она переделывает высказывание ученого Герберта Спенсера "*the survival of the fittest*" (выживание самых приспособленных) в "*the survival of the worriest*" [Barnes 2005: 315] (выживание самых мнительных), тех, кто заинтересован происходящим, как Кейт.

С представлениями читателя, которые получены им в течении жизни и являются отражением его опыта, связано понятие пресуппозиции. Пресуппозиция - компонент смысла предложения, который должен быть истинным для того, чтобы предложение не воспринималось как семантически анонимное в данном контексте. [ЛЭС 1988: 411] Дж. Барнс часто прибегает к снижению возвышенного тона повествования Библии с использованием обиходно-бытовой лексики и терминов 20 века: "*The short straw, broken domino or queen of spades was drawn by Jonah*" [Barnes 2005: 207] (Короткую соломинку, треснувшую доминошку или пиковую даму вытянул Иона) - процесс вытягивания Ионой жребия; "*Jonah spends three days purging his contempt of court*" [Barnes 2005: 211] (Иона три дня ликвидировал последствия своего неуважения к суду) - замаливание грехов Ионой в чреве кита.

Прецедентные феномены известны всем носителям языка оригинала, представителям исходной культуры. Эта известность формируется с детства в процессе вливания человека в окружающее его общество и познания всего культурного наследия данного конкретного социума. Любой прецедентный феномен актуален в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане, то есть несет в себе дополнительные коннотации, которые сопутствуют его восприятию. В рамках 7 главы Дж. Барнс фарсово снижает трагедию гибели «Титаника», герой которой Лоренс Бисли спасается с тонувшего корабля, переодевшись в женское платье, а затем вновь переживает этот эпизод, когда на съёмочной площадке фильма «Памятная ночь» ему запрещают сняться в сцене затопления корабля. Во втором рас-

сказе автор проводит параллель между историей проглоченного китом Ионы и нашумевшим в своё время блокбастером «Челюсти»: второй раз история повторяется в виде фарса на экране.

Таким образом, на понимание читателем комического в тексте перевода оказывает влияние ряд факторов, связанных с объемом его фоновых знаний, осведомленностью в контексте описываемых событий и упоминаемых прецедентных феноменов, а также понимание заложенных автором в текст пресуппозиций. В процессе перевода культурно-значимого комического, даже при передаче языкового и содержательного плана, не происходит передачи смысла, потому что последний не содержится в тексте, но приписывается ему воспринимающим субъектом. Вследствие этого комическое, несущее значимость для представителей культуры оригинала, остается полностью или частично непонятыми представителям культуры перевода, что соответственно указывает на полную или частичную непереводимость комического.

Библиографический список

- Барт Р. S/Z. / пер. Г.К. Косикова. - М.: Академ. проект, 2009. - 373с.
Косиков Г.К. Ролан Барт - семиолог, литературовед // Барт Р. Избранные работы. - М.: Прогресс, 1994. - С. 3-45.
Лингвистический энциклопедический словарь // Гл. ред. В. Н. Яцева. - М.: Сов. энцикл., 1990. - 710с.
Лотман Ю.М. Структура художественных текстов // Лотман Ю.М. Об искусстве. - СПб.: Искусство-СПБ, 1988. - С. 269-281.
Швейцер А.Д. Теория перевода. - М.: Наука, 1988. - 215с.
Эко У. Сказать почти то же самое. Опыт о переводе. / пер. Андрея Ковалева. - СПб.: Symposium, 2006. - 568с.
Barnes J. A History of the World in 10 ½ Chapters. London: Picador, 2005. - 375с.

© Аликова Т. А., 2010

Велижанина Е. М.

Екатеринбург, Россия, welizhanina@mail.ru

Лингвостилистические средства как способ передачи сакрально-интерпретативной перспективы в тексте новозаветной притчи (сопоставительный аспект)

Цель данной статьи – дать обзор наиболее характерных лингвостилистических средств выражения сакрально-интерпретативной перспективы в текстах новозаветной притчи о Сеятеле и показать, как средствами немецкого и русского языков передаются особенности сакрально-интерпретативной картины видения. Изучение лингвостилистических приемов с данной точки зрения отвечает задачам одного из актуальных направлений лингвистики, соотносимого с проблемой исследования текстовых категорий, с выявлением перспективоуказывающих свойств, заложенных в структуре любого стилистического приема. Как указывает Н. Д. Марова, языковые формы имеют способность «быть уже изначально перспективно ‘заряженными’ и, имея перспективную природу, кроме референции к внешнему миру, отсылать к человеку и его точке зрения» [Марова 2006: 54].

Для проведения сопоставительного анализа немецкоязычных и русскоязычных переводов с целью выделения индивидуально-авторских особенностей видения мира и их лингвостилистического оформления были взяты тексты новозаветной притчи о Сеятеле в Евангелиях от Матфея, Марка и Луки (данная притча отсутствует в Евангелии от Иоанна). В данной статье анализируются два стилистических приема, **символ** и **антитеза**, так как, по нашему мнению, они наиболее ярко демонстрируют особенности сакрально-интерпретативной перспективы в текстах притчи.

При рассмотрении сакрально-интерпретативной перспективы текста новозаветной притчи необходимо учитывать ее два уровня: житейский и сакральный. *Житейское* определяется нами как нравственная категория, выделяющая реальное бытие, обладающее пространственно-временными характеристиками. В работе мы придерживаемся следующего понимания сакрального: *сакральное* это важнейшая мировоззренческая категория, вы-

деляющая области бытия и состояния сущего, воспринимаемые сознанием как принципиально отличные от обыденной реальности и исключительно ценные [Забяко 1998].

Важнейшими лингвостилистическими средствами, при помощи которых выражается сакральная картина видения новозаветной притчи, являются **символы**. В символе заложен довольно большой потенциал перспективуказывающих свойств, поскольку он по своей природе способен породить определенную дихотомию материальных и духовных, физических и метафизических характеристик (греч. *sumballo* «собирать, присоединять, встречаться, сходиться»). Так, сакрально-интерпретативная перспектива есть, в сущности, часть символа. Она присутствует в нем изначально, так как «сфера сакрального представления свойственна символу» [Гадамер 1988: 200], а «символ любого вида в любом ракурсе невозможен без участия интерпретации» [Марова 2006: 171]. В связи с этим уместно вспомнить слова А. Ф. Лосева о том, что «всякая интерпретация есть обязательно символ» [Лосев 1994: 335], и Н. Д. Арутюновой: «символы не понимают, их интерпретируют» [Арутюнова 1988: 129].

Рассмотрим понятие Семя в притче о Сеятеле, которое выступает символом понятия *Слова* и выражает особенности сакрально-интерпретативной перспективы. Подобно Семени как *произрастающей* сущности, *дающей* начало новому, *Слово* репрезентирует сему «начало духовной жизни»: «Слова, которые говорю Я вам, суть дух и жизнь» [Ин. 6:63]. Как простое *слово* выражает семантику *воздействия* (ст.-слав. *слово* «выражение воли»), например, словом можно обидеть человека или порадовать, так и *Слово о Царствии* обладает семантикой *сакрального воздействия, способности духовного преобразования* (греч. *λόγος* «некая Высшая Сила, управляющая миром») [Перевезенцев]. Отсюда следует, что Семя обладает атрибутикой символа, а именно, скрытое высказывание ценностного характера, опредмеченное через понятие Семя, выражает сакральную позицию точки зрения субъекта относительно понятия Слово. Не случайно И. Машбиц-Верова определяет символ как «предметный или словесный

знак, условно выражающий сущность явления с *определённой точки зрения*» (выд. нами – Е. В.) [Машбиц-Верова 1974: 348].

Обратимся к примеру:

	Матфей	Марк	Лука
Житейский уровень	Siehe, es ging ein Sämann aus, zu säen (Вот, вышел сеятель сеять)	Siehe, es ging ein Sämann aus zu säen (вот вышел сеятель сеять)	Es ging ein Sämann aus, zu säen seinen <i>Samen</i> (Вышел сеятель сеять семя свое)
Сакральный уровень	Wenn jemand <i>das Wort von dem Reich</i> hört und nicht versteht (Кто всякому, слушающему <i>слово о Царствии</i> и не понимающему)	Der Sämann sät <i>das Wort</i> (Сеятель <i>слово</i> сеет)	Der Same ist <i>das Wort Gottes</i> (семя есть <i>слово Божие</i>)

При демонстрации житейского уровня сакрально-интерпретативной перспективы отметим, что в Евангелиях от Матфея и от Марка при импликации слова Семя картина видения кажется незаконченной, в отличие от картины видения Луки. У Луки понятие Семя эксплицируется не только через указание лексемы *Samen*, в качестве прямого дополнения, но и посредством притяжательного местоимения *sein*, употребленного в роли определения и указывающего на принадлежность к субъекту-наблюдателю. В русском переводе притяжательное местоимение *свое* стоит в постпозиции по отношению к существительному Семя, усиливая процесс символизации. Такая лексическая детализация указывает не только на широту поля видения субъекта сакрально-интерпретативной перспективы, но также и на глубину его видения.

На сакральном уровне понятие *Слово* по-разному репрезентируется у Евангелистов. В выражении Матфея *das Wort von dem Reich* (*Слово о Царствии*) предлог «*von*» указывает на главное перспективоуказывающее свойство Слова – Его принадлежности к «*иной, трансцендентной*» области действительности «*Reich*», семантика которого указывает на особый сакральный смысл категории Слова. Понятие *Царствие* (*das Reich*) констатирует признак специфичности, а именно придание ценности сакральной системе видения. У Марка мы наблюдаем употребление *das Wort* (*Слово*) без конкретизации. У Луки понятие *das Wort Gottes* (*Слово Божие*) является выражением божественного происхождения Слова, где окончание роди-

тельного падежа *-es* в слове *Gott* передает семантику принадлежности Слова к всеобщему мировому началу. Также становится очевидным то, что только у Луки эксплицитно репрезентировано Семя как символ Слова Божия: *Der Same ist das Wort Gottes*. Таким образом, механизм становления сакрального символа Семя происходит под разным углом видения Евангелистов, чем больше уточняющих деталей, как у Матфея и у Луки, тем шире поле видения и глубже угол видения наблюдателей. Словами С. С. Аверинцева можно сказать, что «символ, соединяя предмет и смысл, дается в образе именно как смысловая глубина, смысловая перспектива» [Аверинцев 1989: 312]. Значимость приема символизации для выражения сакрально-интерпретативной перспективы заключается в том, что категория символа «вводит в понятие божественного» [Гадамер 1988: 117] посредством «умственного зрения» и указывает на глобальное видение Интерпретатора, Иисуса Христа. Обладая перспективоуказывающим свойством символ внушает мысль о сакральном, поскольку является «отправной точкой поисков скрытых значений» [Труссон].

Перейдем к рассмотрению следующего лингвостилистического приема. Сакрально-интерпретативная перспектива реализуется не только посредством лексических средств, но также и рядом синтаксических приемов. Подобные приемы рассматриваются не как чисто синтаксические, а как лексико-синтаксические, так как они не только влияют на значение использованных в них лексических единиц, но и формируют сакрально-интерпретативную перспективу. К таким разновидностям синтаксических конструкций относится, в частности, **антитеза**. В текстах притчи о Сеятеле контрастно представлены человеческие души, выраженные оппозициями словосочетаний. Прием антитезы противопоставляются те, которым «не дано знать тайны Царствия Небесного»: *Wenn jemand das Wort von dem Reich hört und nicht versteht, so kommt der Böse und reißt hinweg, was in sein Herz gesät ist (Ко всякому, слушающему слово о Царствии и не разумеющему, приходит лукавый и похищает посеянное в сердце его); der das Wort hört ... und er bringt keine Frucht (кто слышит слово <...> и оно бывает*

бесплодно) и те, которым «дано»: *der das Wort hört und versteht und dann auch Frucht bringt* (*слушающий слово и разумеющий, который и бывает плодоносен*) (от Матфея). Стоит отметить, что один из способов усиления антитезы – синтаксический параллелизм. Мы наблюдаем, что в немецкоязычном варианте перевода антитеза строится на параллельных конструкциях, компоненты которых выражены одними и теми же членами предложения (простое сказуемое) и частями речи (глаголы настоящего времени): *hören, nicht verstehen; hören, keine Frucht bringen – hören, verstehen*. В русскоязычном варианте антитеза выражена разными членами предложения (прямое дополнение – простое сказуемое – подлежащее) и разными частями речи (причастие, глагол в форме настоящего времени): *слушающий, не разумеющий; слышит – слушающий, разумеющий*.

У Марка: *wenn das Wort gesät wird und sie es gehört haben, kommt sogleich der Satan und nimmt das Wort weg* (в которых сеется слово, но к которым, когда *услышат*, тотчас приходит сатана и похищает слово); *die hören das Wort ... und es bleibt ohne Frucht* (*слушающие слово, <...> оно бывает без плода*) – *die hören das Wort und nehmen's an und bringen Frucht* (*которые слушают слово и принимают, и приносят плод*). Семантика восприятия выражена различными временными формами глаголов: в немецком – перфект (*gehört haben*), презенс (*hören, nehmen*), в русском – настоящим (*принимать, приносить*) и причастием (*слушающий*). Отметим, что семантика ментального восприятия у двух евангелистов выражена различными лексическими единицами: у Матфея избранные слышат (*hören*) и разумеют (*verstehen*), у Марка слышат (*hören*) и принимают (*aufnehmen, annehmen*). Кваликативно-оценочная лексика (*слушающий, слушающий, разумеющий – не разумеющий*) указывает на противоположные духовные точки зрения тех, кто воспринимает Слово. Также наблюдаем, что, с одной стороны, противопоставляются образные ряды тех, кто сеет *der Sämann* (*сеятель*) и воспринимает, с теми, кто похищает семя: *der Böse* (*лукавый*) у Матфея, *der Satan* (*сатана*) у Марка. У Матфея субстантивированное прилагательное *der Böse* (греч. *πονηρός* – «злой, злодей, лукавый») выражает

семантику «*нравственно негодный*», у Марка существительное *der Satan* (греч. *Σατανας* «сатана») – «*противостоящий Богу, враг*». Также следует отметить, что Марк конкретизирует характер незамедлительного действия сатаны, используя качественное наречие *totчас* (*sogleich*). Таким образом, Марк использует образ сатаны, который олицетворяет зло запредельного пространства (*die Hölle/ad*), а Матфей использует образ лукавого, представляющего понятие зло без указания на Высшие силы. В этом проявляется разный угол видения Евангелистов: Марк более всего подчеркивает метафизическую природу зла, употребляя лексику *der Satan*. Итак, эти фрагменты антитезы наиболее ярко подчеркивают разницу в сакрально-интерпретативной перспективной картине видения, возникающую в проявлении разных оттенков точек зрения Евангелистов в отношении одних и тех же феноменов.

Таким образом, анализ таких лингвостилистических средств выражения сакрально-интерпретативной перспективы в текстах новозаветной притчи о Сеятеле, как символ и антитеза, показывает особенности ее порождения на текстоментальном уровне.

Библиографический список

- Аверинцев С. С. Символ // Эстетика: Словарь (под ред. А.А. Беляева). – М.: Политиздат, 1989. – 447 с.
- Арутюнова Н. Д. Образ (Опыт концептуального анализа) // Логический анализ языка: Референция и проблемы текстообразования. – М.: Наука, 1988. – 117-129 с.
- Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета канонические в русском переводе. Перепечатано с Синодального издания. – Объединенные Библейские Общества, 1993.
- Гадамер Г.-Х. Истина и метод: Основы филос. герменевтики : Пер. с нем. / Общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с.
- Забияко А. П. Сакральное // Культурология. XX век. Энциклопедия, 1998 [Электронный ресурс] – <http://psylib.org.ua/books/levit01/txt099.htm>
- Лосев А. Ф. Философия имени / Самое само: Сочинения. — М.: ЭКСМО-Пресс, 1999. — 1024 с.
- Марова Н.Д. Парадигмы интерпретации текста: монография: в 2 ч. / Н.Д. Марова; Урал. гос. пед. ун-т; Ин-т иностранных языков УрГПУ. – Екатеринбург, 2006. Ч. 1. – 209 с.
- Машбиц-Верова И. Символ // Словарь литературоведческих терминов. Ред. и сост. Л. И. Тимофеев и С. В. Тураев. – М.: Просвещение, 1974. – 509 с.

Перевезенцев С. В. В начале было Слово [Электронный ресурс] –

<http://www.fontz.ru/Articles/other/livestatfonts>

Труссон П. Сакральное и миф [Электронный ресурс] – [http:](http://nationalism.org/vvv/trusson-sacral-and-myth.htm)

[//nationalism.org/vvv/trusson-sacral-and-myth.htm](http://nationalism.org/vvv/trusson-sacral-and-myth.htm)

Die Bibel nach der Übersetzung Martin Luthers [Электронный ресурс] – [www.](http://www.onlinebible.org)

[onlinebible.org](http://www.onlinebible.org)

© Велижанина Е. М., 2010

Волкова Е. В., Палий О. Л.

Санкт-Петербург, Россия, fujivara_isac@mail.ru, jolga1016@yahoo.com

Об особенностях перевода прозаических произведений М. И. Цветаевой на английский язык

Особая ритмичность прозы Марины Цветаевой - это ярчайший в нашей словесности образец так называемой прозы поэта. Проза Цветаевой обладает всеми типичными приметами её поэтического почерка, такими как предельная, максимальная художественная интенсивность её текстов (т.е. сверх-повышенная концентрация выразительности на единицу художественного пространства, которая у Цветаевой даже не слово, а зачастую – слог), разнообразная и изощрённая игра слов-звуков-смыслов-голоса-интонации, графики, пунктуации и т.д., то есть всех слоёв и уровней текста. Всё это, как правило, не игры как таковой ради, а для более полного и точного выявления смысла.

Исследователи, анализирувавшие прозу Цветаевой, отмечают также наличие и чередование стихотворных размеров в прозаическом тексте. Стихоподобная силлабо-тоническая метризация в русской прозе начала XX века – явление достаточно распространённое. Проза Марины Цветаевой в целом имеет очень высокий показатель метричности – около 60 %.

Марина Цветаева склонна производить и новые слова, в особенности, по мнению критика П. Пильского, женского рода с окончанием «сть». В «Повести о Сонечке» встречаются такие примеры словотворчества как «маленькость», «сюрпризность», «двудевять», «девченская», «посмертие», «седающий взгляд», «до-утром», «позабавлено», «любящсть». Цветаева склонна разбивать слово, доискиваться в нём какого-то нового, запрятан-

ного смысла. Так, поэт Батюшков у неё «с ума сошедший», а не просто «сумасшедший».

Многому Цветаева-прозаик научилась у Цветаевой-поэта. И. Бродский отмечал, что прозаик учится у поэзии зависимости удельного веса слова от контекста, сфокусированности мышления, опусканию само собой разумеющегося, опасностям, таящимся в возвышенном умонастроении. В своём эссе «Поэт и проза» И. Бродский высказал мысль о том, что проза была для Цветаевой всего лишь продолжением поэзии, но только другими средствами. Бродский отмечает, что фраза строится у Цветаевой не столько по принципу сказуемого, следующего за подлежащим, сколько за счёт собственно поэтической технологии: звуковой аллюзии, корневой рифмы и др. То есть читатель всё время имеет дело не с линейным (аналитическим) развитием, но с кристаллообразным (синтетическим) ростом мысли [Бродский 1997: 59].

Надо сказать, что, не считая предисловия к сборнику «Из двух книг», Цветаева до 1922 года не писала прозы, предназначенной для публикации. Разумеется, само по себе прозаическое письмо вошло в её жизнь очень рано: это не только не сохранившиеся детские дневники и отроческие опыты в полуавтобиографической беллетристике, но и частично сохранившееся эпистолярное наследие и записные книжки. К концу 1910-х годов у Цветаевой уже выработался устойчивый прозаический стиль. Однако, только уехав из России, она решила выступить как прозаик, постепенно обработав для печати часть своих записных книжек революционных лет, а ещё раньше – написав две критические статьи – «Световой ливень» и «Кедр». «Записные книжки» Марины Цветаевой заслуживают особого внимания.

«А Вы пишете прозу?» - «Да, записные книжки...», - такой обмен репликами между Мариной Цветаевой и Вячеславом Ивановым фиксирует запись Цветаевой, сделанная весной 1920 года. В книжки входит всё: и житейские наблюдения, и личные чувства автора, и рост маленькой дочери, и бытовые подробности. В книжках наблюдаются и жанровые различия:

одни являются настоящими записными книжками, другие переходят в жанр дневников. Цветаева делает отбор. Читатель «Записных книжек» понимает, что временами, под видом полной отчётности, с целью ничего из жизни не пропустить, автор выстраивает из пережитого новое произведение искусства. В. Лосская предполагает, что «Записные книжки» - это и есть роман, который Цветаева мечтала написать [Лосская 2008: 229].

Тот очевидный сегодня факт, что цветаевское прозаическое письмо так до конца и не вписалось в контекст русской прозы XX века, связан с «экстремизмом» Цветаевой в деле «унификации» или «гибридизации» прозаического дискурса. Её современники-поэты развивались иначе и приходили к автобиографическим текстам через иную школу – через школу критического, аналитического дискурса. Цветаева и к автобиографическому и к критическому письму пришла через записные книжки. Потому её анализ основан на поэтике афоризма, а автобиографизм – на поэтике детали, из которой вырастает событие, характер, философское суждение.

О работе над автобиографической прозой «Дом у старого Пимена» Цветаева писала: «Многое вскрывается в процессе писания. Эту вещь приходится писать вглубь – как раскопки». Соответственно, такого же углублённого творчества ожидала Цветаева и от читателя, для такого читателя и писала, ничего ему не облегчая, и такого же творчества следует ожидать от переводчика прозы Марины Цветаевой. Как «раскопки» надо читать цветаевские тексты переводчику: раскапывая все слои и различные наслоения, докапываясь до смысла (часто двойного, а то и тройного), разгадывая её тайнопись, иносказание, намеренное умолчание – и передавать все излюбленные приёмы мастерства Цветаевой на язык перевода. Необходимо, чтобы Цветаева зазвучала – между строк, а не только в самом написанном тексте.

«Чтение, - говорит Цветаева, - есть соучастие в творчестве». Перевод – это соучастие в творчестве, помноженное на ответственность перед иноязычным читателем. Переводчику поэзии Цветаевой необходимо быть поэтом, а переводчику её прозы это ещё более необходимо. Услышать и,

главное, передать метричность её прозы – вот трудная задача, которую необходимо выполнить переводчику. Увидеть и, главное, «раскопать» те же смыслы в языке перевода – вот условие успешного выполнения перевода.

Рассмотрим, насколько это удаётся современным переводчикам, на примере перевода Дж. Гембреллом отрывка из дневниковой прозы М. И. Цветаевой «Расстрел царя».

Концептуальное пространство текста задано заголовком, который декодируется читателем в зависимости от его базы общих знаний. При реконструкции интертекстуальной связи, т.е. соотношении номинации «царь» (tsar) с русской историей, необходимо учесть включение этой номинации в словосочетание – расстрел царя. Таким образом, еще до чтения текста временной промежуток приобретает конкретную соотношенность. Далее денотативное пространство текста эксплицируется такими единицами, как «Николай Романов» «Николай II» «русский царь», «расстрел», «расстрелян», «рабочий Белобородов». Таким образом, лексическая единица «царь» в данном тексте (контексте) приобретает вес антропонима, что сохраняется переводчиком не в полной мере, так как имя царя переведено двумя вариантами – Nikolai и Nicholas, что может дезориентировать читателя.

Нарратив выполняется в режиме от первого лица. Важно отметить обилие безличных и номинативных предложений (*возвращаемся с Алей с каких-то продовольственных мытарств; Потом какая-то площадь*), которые, с одной стороны, представляют экспозицию (*Рабочие, рваная интеллигенция, солдаты, женщины с детьми*), а с другой (совместно с эпитетами «*унулымы*», «*пустынных*»), создают атмосферу трагедии в обыденности. Наряду с эмоционально-оценочными рефлексивами (*Хоть бы кто! Хоть бы что!*) они подчеркивают глубокую внутреннюю трагедию автора и выражают ее реакцию на происходящее. Переводчик постарался как можно точнее передать это состояние, используя слова *some, some or another*, а также восклицания *If only someone! If only something!*

Интересно, что экспозиция заканчивается импрессионистским упоминанием о «серебряном перстне с гербом» (*a huge silver ring with a coat of arms*) «среди грошовых мелочей» (*among the cheap trifles*), который можно расценивать как символ девальвации (*серебряный – грошовый*) прежних ценностей. Далее антагонистичность старого и нового неоднократно усиливается. В тексте выделяется большое количество противопоставлений. Образ автора с ее «сдавленным, ровным и громким голосом» (*a stifled voice, even and loud*) противопоставлен образу Али (*тщательный, с глубоким поклоном, троекратный крест – Alya's meticulous triple cross with a deep bow*); «рваная интеллигенция» (*bedraggled intelligentsia*) (с учетом эпитета) – *рабочим, солдатам и женщинам с детьми; «дерзкий мальчишеский петушиный выкрик» (a brash, boyish, cocklike crowing)* - унылому (*cheerless*) запустению улиц; ожидание трамвая (*тоже ждущих трамвая, и тоже (то же!)*) (омофоны) *слышащих, Покупают газету, проглядывают мельком, снова отводят глаза, В пустоту*) – трагедии Российской империи и русской интеллигенции; внутренняя речь с эмоциональным надрывом, переданная через эмоционально-оценочные рефлексивы, оформленные восклицаниями ((то же!), Хоть бы кто! Хоть бы что!) – внешней сдержанности (сдавленным, ровным и громким голосом (кто таким говорил — знает)). Переводчик очень тщательно подбирает лексику. Но в то же время омофоны (тоже и то же) в переводе отсутствуют, а ведь именно слуховые ассоциации очень важны в произведениях Цветаевой. Словотворчество М. И. Цветаевой также не нашло отражение в переводе. У Цветаевой трамвай *выколдовывают*, тогда как в переводном тексте “*they're putting a spell on the tram so it will come*”.

Нельзя обойти вниманием и категорию времени в данном тексте. Как показывают исследования, в художественном тексте функции времен различаются – «Силой художественного воображения автор делает прошлое настоящим» [Гальперин, 1981:92]. Таким образом, избрав настоящее время, автор превращает читателя в свидетеля происходящего. По словам Гальперина, «настоящее художественном произведении фактически вне-

временно» [Гальперин, 1981:99]. Учитывая нарратив от первого лица, повествователя – участника действия (внутренняя точка зрения) и настоящее время, читатель имеет возможность реконструировать картинку глазами М. Цветаевой, не столько как исторический факт, сколько как результат его когнитивной переработки. Переводчик, сохраняя настоящее время повествования в переводе, также стремится передать ритмичность прозаического текста, но различие в грамматических системах русского и английского языков не позволяют ему сделать это в полной мере.

Библиографический список:

Бродский И. Поэт и проза // Бродский о Цветаевой: интервью, эссе. М.: «Независимая газета», 1997. с. 56-76.

Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.

Ельницкая С. И. Сеанс словесной магии. О скрытом сюжете в автобиографической прозе «Страховка жизни» // Статьи о Марине Цветаевой. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2004. с. 73-108.

Лосская В. К. О «Записных книжках» Цветаевой // Семья Цветаевых в истории и культуре России: XV Международная научно-тематическая конференция: Сб. докладов. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2008. с. 222-236.

Орлицкий Ю. Б. Об особенностях ритма цветаевской прозы // Семья Цветаевых в истории и культуре России: XV Международная научно-тематическая конференция: Сб. докладов. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2008. с. 237-251.

Шевеленко И. Д. Литературный путь Цветаевой: Идеология-поэтика-идентичность автора в контексте эпохи. М.: Новое литературное обозрение, 2002.

Earthly Signs: Moscow Diaries 1917-1922 / Marina Tsvetaeva; edited, translated, and with an introduction by Jamey Gambrell. Yale University Press. New Haven & London, 2002.

© Волкова Е. В., Палий О. Л., 2010

Волбуева О. Н.

Тюмень, Россия, volobueva-olga-n@yandex.ru

Формальные особенности фразеологизмов и их экспрессивная функция (на примере фразеологии интеллектуальной сферы русского и английского языков)

Одним из основных компонентов в структуре фразеологического значения многими исследователями признается экспрессивность. Под экс-

прессивностью понимаются «выразительно-изобразительные качества речи, отличающие ее от обычной (стилистически нейтральной), придающие ей образность и эмоциональную окрашенность» [Ахманова 1966 : 324], а также способность языковых единиц передавать субъективное отношение говорящего к содержанию или адресату речи. Фразеологическое значение обладает повышенным экспрессивно-коннотативным потенциалом, ибо, по словам В.М. Мокиенко, спектр его денотативных возможностей чрезвычайно «заужен» по сравнению с лексическим значением: фразеологическая единица является социально-оценочной, характеризующей единицей [Мокиенко 1989 : 225].

Причиной возникновения экспрессивности во фразеологии могут стать самые различные факторы, ведущую роль среди которых отводят, как правило, образному компоненту. Однако важную роль в создании экспрессивности фразеологических единиц играют также формальные особенности фразеологизмов, такие как аллитерация, ассонанс, рифма, тавтологические конструкции, ритмическая структура, отрицательные или эллиптические конструкции. Чаще всего экспрессивность фразеологических единиц обусловлена сочетанием нескольких средств.

Одним из таких выразительных средств является тавтология как дублирование элементов плана выражения (формы). Такой способ усиления экспрессивности фразеологизмов характерен для русского языка. Тавтологические выражения представляют собой компаративные конструкции с существительным в творительном падеже: рус. *дурак дураком, дура дурой, дубина дубиной, болван болваном, чурбан чурбаном, лопух лопухом, пень пнем, дуб-дубом*, диал. новосиб. *бельмес бельмесом* [Федоров 1983 : 11], диал. иркут. *тумак тумаком* [Там же : 199], *дундук дундуком* [Там же : 65].

Некоторые фразеологические единицы могут быть основаны на дублировании элементов плана содержания языковых знаков [Москвин 2007 : 755], например: рус. *думать думу (думушку), думу думать*, рус. диал. томск. *на мыслях размышлять* [Федоров 1983: 163]. В данном случае тавтология проявляется при использовании однокоренных, семантически

родственных слов *думать* и *дума* (*думушка*), *мышлях* и *размышлять*. Сочетание семантически дублирующих слов еще в 17 в. являлось средством экспрессии. Так, например, русская фразема *думать* и (*да*) *гадать* с семантической точки зрения представляет собой единицу с неявно выраженной или утраченной тавтологичностью, так как в древнерусском языке оба глагола обозначали мыслительный акт, но первый отличался от второго большей произвольностью мнения, меньшей обосновательностью. Постепенно произошла смысловая дифференциация глаголов, в современном русском языке они не являются синонимами, что и сохранило право на жизнь фразеологизму в новых семантико-синтаксических условиях [Синочкина 1976 : 49-55; Бирих 2005 : 205].

Тавтология как средство экспрессии (при дублировании элементов формы) характерна в большей степени для русского языка, что объясняется особенностями его грамматического строя. В английском языке (как языке аналитического типа) нет условий для возникновения компаративно-тавтологических сочетаний, поэтому возможны только сочетания с семантически дублирующимися словами.

Значительную роль при формировании фразеологических единиц в английском языке играют фонетические средства, такие как аллитерация и ассонанс. Традиция использования аллитерированных созвучий в английском языке восходит к аллитерационному стиху, которым написана древнеанглийская эпическая поэма «Беовульф» [Кунин 1996 : 276].

Для компонентов английских номинативных фразеологизмов и адъективных сравнений характерно повторение одинаковых согласных звуков в начальной позиции: англ. *a Simple Simon, dumb Dora, plucked pigeon, brain box, clever clogs, cool card, cool customer, as balmy as a bandicoot*. Широко распространена аллитерация в глагольных фразеологических единицах английского языка, причем обычно звук повторяется два раза: англ. *have the bats in the belfry, have a bee in one's bonnet, have bees in the brains, not know chalk from cheese, there is a method in one's madness*. Аллитерированные компоненты глагольных фразем могут занимать различные пози-

ции, как в начале, так и в конце устойчивых выражений: англ. *beat one's brain(s) about, busy one's brain(s) about, make up one's mind, know (see) (on) what side one's bread is buttered, not know if one is (standing) on one's head or one's heels, not know B (a B) from a battledore, not know B (a B) from a broomstick*.

В некоторых выражениях повторяются два различных согласных звука: англ. *not know B (a B) from a bull's foot, not know B (a B) from a buffalo foot*. Подобные фраземы представляют собой абсурдные, алогичные словосочетания, поскольку не образуют смыслового высказывания и строятся по фонетическому принципу.

Фразеологизмы могут быть сформированы также с участием ассонанса: англ. *Dumb bunny, mad as a hatter, have rats in the attic, read tea leaves*. Фразеологизмы, построенные на совмещении аллитерации и ассонанса, встречаются редко: англ. *know a hawk from a handsaw*.

Доля участия аллитерации и ассонанса в русской фразеологии невелика: рус. *баранья башка, разбираться как баран в библии, кругла лицом как глупая луна, мозга за мозгу заходит, ни аза в глаза, тюха-матюха, сами с усами*. Аллитерированные выражения чаще встречаются в русской диалектной фразеологии: *как пень в поле* (диал. омск.) [Федоров 1983 : 133], *как малый малайка* (диал. омск.) [Там же : 109], *вумная как вутка* [СФС : 62], *мотив на мотив заходит* (диал. новосиб.) [Федоров 1983 : 114], *на мышлях размышлять* (диал. томск.) [Там же : 163].

В русской фразеологии мощным языковым средством для усиления экспрессивности фразеологизмов и поддержания их устойчивости является рифма. Чаще всего рифмуются существительные, например: рус. *умница как попова курица* [Холманских 1999 : 217], *ребенок что теленок, гений среди удобрений* [Белянин 1994 : 39], *два брата – дегенерата* [Там же : 46], *как до утки на третьи сутки*. Некоторые фраземы построены на игре слов (*отсутствие всякого присутствия*), а некоторые образуются исключительно подбором подходящего рифмующегося слова для усиления

экспрессивности выражения, например, *Машиа с Уралмашиа* [Там же : 92], *ни бэ ни мэ ни понимэ* [Там же : 111].

Иногда рифмуются существительные во фразеологизмах со структурой предложения: рус. *смотрит в книгу, а видит фигу, ума палата, да разума маловато, ума палата, да другая не почата, доходит как до утки – на пятые сутки*. Рифмованные конструкции встречаются также и среди компаративных оборотов: рус. *умна как попова свинья* [Холманских 1999 : 217], *умен как поп Семен* [Белянин 1994 : 162], диал.горьк. *глуп как свиной пуп* [Холманских 1999 : 217], *глуп как бабий пуп* [Бирих 2005 : 580].

Роль фонетических средств во фразеологии проявляется также в том, что фонетические особенности того или иного языка могут значительно повлиять на выбор образа фразеологизма [Савицкий 2006 : 25]. Например, в английском фразеологизме *have a bee in one's bonnet* [Коллинз 1960 : 39] (о человеке со странным поведением) выбор образа пчелы (*bee*) и образа шляпки (*bonnet*) обусловлен аллитерацией *bee – bonnet* (ср. также *have bees in the brains*), а на выбор образов крыс (*rats*) и чердака (*attic*) во фразеологизме (*have*) *rats in the attic* (о странном, ненормальном человеке) повлиял ассонанс *rats – attic*. В русском фразеологизме *разбираться как баран в библии* использование образа барана не является случайным, так как за ним закрепилось значение «очень глупый человек», а аллитерация *баран – библия* обусловила выбор образа библии (а не какой-либо другой сложной для понимания книги).

Таким образом, формальные языковые средства способствуют усилению экспрессивного потенциала фразеологизма, влияют на выбор исходного образа и компонентов фразеологизма, являются одним из факторов его устойчивости. Доля участия в образовании фразеологизмов того или иного языкового средства может зависеть от особенностей грамматического строя языков. Для английского языка мощным фактором при выборе образа фразеологизма и усилении экспрессивной окраски являются аллитерация и ассонанс; на формирование русских фразеологизмов оказывают большое влияние тавтология и рифма.

Библиографический список

- Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966. 607 с.
- Белянин В.П., Бутенко И.А. Живая речь. Словарь разговорных выражений. М., 1994. 192 с.
- Бирих А.К. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова; под ред. В.М. Мокиенко. М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2005. 926 с.
- Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь фразеологических синонимов русского языка / Под ред. В.М. Мокиенко. Ростов-н/Д: Феникс, 1996. 352 с.
- Коллинз В.Х. Книга английских идиом. Л., 1960.
- Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка: Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. 2-е изд., перераб. М: Высш. шк., Дубна: Феникс, 1996. 381 с.
- Мокиенко В.М. Славянская фразеология: Уч. пособие для вузов. М., 1989. 2-е изд., испр. и доп. 286 с.
- Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь / В.П. Москвин. Изд. 3-е, испр. и доп. Ростов н/Д: Феникс, 2007. 940 с.
- Савицкий В.М. Основы общей теории идиоматики. М.: Гнозис, 2006. 208 с.
- Синочкина В.М. Из истории русских фразеологизмов с семантической общностью компонентов // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. – 1976. - № 1. – Сер. IV. – С. 49-55.
- Федоров А.И. Фразеологический словарь русских говоров Сибири / Сост. Л.Г. Панин, Л.В. Петропавловская, А.И. Постнова, А.И. Федоров; под ред. А.И. Федорова. Новосибирск, 1983. 232 с.
- Холманских И.В. Компаративные фразеологические единицы с компонентом-зоонимом (на материале русского и болгарского языков): Дис. (Приложение). Тюмень, 1999.

© Волобуева О. Н., 2010

Диасамидзе Л. Р.

Тюмень, Россия, luba.diasamidze@gmail.com

Сдвиг гендерной идентичности в компьютерно-опосредованной коммуникации (на материале политических блогов)

В 70-е годы нашего столетия в активный научный обиход было введено понятие «идентичность». «Гендерная идентичность» определяется исследователями как осознание себя представителем данного пола, осознание своей принадлежности к полу в социальном контексте [Лорбер 1992: 748-754]. Гендерная идентификация происходит в процессе социализации личности под влиянием общества и культуры. Поскольку Интернет-среда является социальной реальностью, то предоставляет новые по сравнению с

реальной жизнью возможности экспериментирования с собственной идентичностью.

Значительная часть работ по компьютерно-опосредованной коммуникации (также называемой компьютерно-медийной коммуникацией) принадлежит С. Херринг. Компьютерно-медийный дискурс понимается С. Херринг как речевое общение виртуальных личностей, являющихся также личностями языковыми, которые используют для достижения своих коммуникативных целей различные компьютерные технологии [Херринг 2001: 612-634].

Для исследования нас заинтересовал политический сегмент блогосферы. Политика традиционно и негласно является сферой доминирования мужчин, где все «мужское» является нормой, а проявления феминности, следовательно, отклонениями от нормы. В своей работе мы ограничились блогами российских и американских политиков и журналистов. В настоящее время блоги становятся ареной для политического противостояния, что подтвердили прошедшие в 2008 году президентские кампании в России и США.

Нами было проанализировано 120 постов в 32 англоязычных блогах (по 60 постов из 16 мужских и 16 женских блогов). Объем русскоязычного материала также составил 120 постов в 32 блогах (по 60 постов из 16 мужских и 16 женских блогов). В качестве англоязычного материала исследования нам был выбран ряд ведущих американских политических блогов согласно данным Technorati – поисковой машины для блогов. В России большинство дискуссий на политические и околополитические темы проводятся на сайтах крупных блогов, таких как LiveJournal.

Исследователями женского и мужского речевого поведения (Е.А. Земская, Н.Н. Розанова, М.А. Китайгородская, А.В. Кирилина, Е.И. Горощко) были выявлен ряд характеристик, отличающих речь женщин от речи мужчин, которые анализировались нами наряду с другими, выделенными в ходе исследования. Рассмотрим каждый из параметров.

1. Эмоциональность (у женщин)/сдержанность (у мужчин)

Эмоциональная составляющая женской речи, проявляющая себя в разговорном общении в виде восклицаний, междометий, обнаруживается и в электронном общении. Отсутствие невербальных компонентов высказывания компенсируется графическими приемами – капитализацией или увеличением количества букв в словах, например: «...*let me emphasize that it is a DISCLAIMER*» (author – Elizabeth de la Vega, <http://www.tomdispatch.com/>) или «*Wheeeeeeeeeeee! Yay, democracy!*» (author – Melissa McEwan, <http://shakespearessister.blogspot.com>). Таких приемов в женских блогах было обнаружено 4, а в мужских – 1.

На русскоязычном материале нами также было отмечено, что традиционная «женская» эмоциональность сохраняется в веблотах. Показателями эмоциональности явились:

а) Междометия. В женских блогах было обнаружено 6 междометий, а в мужских всего 4, например: «*Эээх, становлюсь старше и сентиментальнее*» (блог Е. Винокуровой, <http://neutral-line.livejournal.com/>); «*Увы. Медведев все-таки встретился с Ахмадинеджадом...*» (блог Л. Невзлина, <http://nevzlin.livejournal.com/>);

б) Эмоционально-экспрессивная лексика. В исследуемом материале мужчины употребляли эмоционально-окрашенные слова 34 раза, а женщины – 22, например: «*меня шпыняли не только справа, ещё энергичнее слева...*» (блог А. Богданова, <http://bonych.livejournal.com/>); «*Я готова до посинения понимать это в личном и жжж-шном общении*» (блог Э. Панеях, <http://ella-p.livejournal.com/>).

в) Пунктуация (особенно, многократно повторяющиеся знаки) также являются одним из способов добавить высказыванию эмоциональную окраску. В исследуемых блогах нами было встречено всего 4 подобных случая у мужчин и 5 – у женщин в одном блоге, что не выявляет общей для женщин тенденции.

2. Частое проявление положительных эмоций (у женщин)/отрицательных эмоций (у мужчин)

В англоязычных примерах при одинаковом объеме материала

журналисты и политики мужского пола в 5-7 раз больше выражали свои негативные эмоции, негативное отношение к событиям или персонажам политической арены, которое выражалось в сарказме, например: «*Imagine that George W. Bush told a public forum that he had «felt the enveloping support and love of God» since childhood»* (author – Michael Medved, <http://www.michaelmedved.com>); пессимизме, например: «*On Grasshopper Planet, every day is just-in-time for collapse»* (author – Mark Sumner, <http://www.dailykos.com>); Критике, например: «*Either way, he's (Reverend Wright) an idiot»* (author – Michael Medved, <http://www.michaelmedved.com>).

Количество отрицательных предложений также может говорить об эмоциональной установке автора. Таким образом, из наших примеров следует, что политические обозреватели мужского пола в полтора раза чаще обращаются к отрицательным частицам и местоимениям. У мужчин мы встретили 157 таких примеров, а у женщин – 109.

Наши наблюдения в русскоязычном материале являются прямо противоположными. Женщины выражают негативные эмоции в равном количестве с мужчинами. В мужских блогах нам встретилось 16 крайне негативных высказываний, например: «*Преемственность»... «ответственность»... тьфу»* (блог В. Новоселова, <http://n-v-s.livejournal.com/>). В женских блогах – 17 высказываний, например: «*пару дней назад эта гопота залила нам замок в офисе клеем»* (блог М. Литвинович, <http://abstract2001.livejournal.com/>).

3. Большая (у мужчин)/меньшая степень референциальной отнесенности (у женщин).

Общепринятым для исследователей мужской и женской речи является мнение, что мужчины более склонны к упоминанию точных цифр и дат. В англоязычных политических блогах это мнение нашло подтверждение. В 60 постах нами было отмечено 283 случая употребления мужчинами дат и точных цифр, например: «*Justice for the 52 Americans who died last month, for the 4065 who have died since March 2003...*» (author – Timothy Lange, <http://www.dailykos.com>). В женских текстах нами было найдено 134

таких примеров в 60 постах, например: «*ended up with a 1300 page plan*» (author – Barbara Ehrenreich, <http://ehrenreich.blogspot.com>).

Специфика политического дискурса (обзор точных фактов и конкретных событий) накладывает свой отпечаток и на русскоязычные блоги. Цифры и даты часто становятся объектом гиперссылок, которые широко употребляются как мужчинами, так и женщинами. Наши наблюдения показали, что по количественным показателям в исследуемом материале женщины употребляют немногим меньше дат и цифр. У мужчин таких примеров 88, например: «*Коалиция "оранжевых" "За европейскую Сербию", руководимая Борисом Тадичем набрала 39% голосов (103 депутатских мандата), Сербская радикальная партия - 28,6% голосов избирателей (77 мандатов)*» (блог В. Алксниса, <http://v-alksnis2.livejournal.com/>); у женщин – 82, например: «*около 3-4 тысяч минчан собралось на санкционированный митинг... На этот день было задержано от 100 до 200 человек*» (блог Ю. Малышевой, http://j_malisheva.livejournal.com/).

Примерно в одинаковых пропорциях женщины-блоггеры и мужчины-блоггеры используют аббревиатуры, касающиеся социальной, политической и даже личной тематики. В англоязычном материале мы выявили 39 случаев употребления аббревиатур мужчинами и 28 – женщинами. В русскоязычных блогах частое использование аббревиатур приписывается мужчинам, у которых в исследуемом материале встретилось 80 случаев их употребления, в то время как у женщин – 59.

Высокую степень референции женские блоги в США приобретают за счет гиперссылок, употребление которых в англоязычных блогах более характерно для женщин, чем для мужчин. В мужских текстах мы обнаружили 146 примеров гиперссылок, а в женских – 202. Гиперссылки в русскоязычных блогах, которые придерживаются стиля традиционного дневника, не так распространены, как в американских блогах. В мужских текстах мы обнаружили 90 примеров гиперссылок, а в женских – 59.

4. Нормативность (у женщин)/ненормативность (у мужчин)

В американских женских блогах было обнаружено 3 инвективных

выражения, что в два раза меньше, чем в мужских блогах., например: «*what in the hell is «the economy»?*» (author – Barbara Ehrenreich, <http://ehrenreich.blogs.com>). В американских мужских вебблотах нами было обнаружено 6 инвектив, например «*I had to share this Stewart video on the whole thing - it's damned funny*» (author – Tom Watson, <http://topwatson.typepad.com>).

В русскоязычных блогах инвективная лексика присутствует в женских блогах наравне с мужскими. В материале исследования нами было обнаружено 5 инвектив в мужских блогах и 6 инвектив в женских блогах. При этом стоит отметить, что внутренняя цензура авторов-женщин побуждает их заменять середину бранного слова многоточием, оставляя лишь первые и последние буквы слова. Таких примеров в женских блогах нам встретилось 3, а в мужских – 2.

5. Традиционность (у женщин)/оригинальность лексического узуса (у мужчин)

Достаточно интересный вывод, который нам удалось сделать относительно лексики, касается словотворчества. По нашим наблюдениям, мужчины проявляют гораздо больше оригинальности в создании слов, которые образованы посредством сложения основ, например: «*...these defenders of things-as-they-are*» (author – Michael Medved, <http://www.michaelmedved.com>). Таких примеров в мужских политических блогах мы выделили 26. В женских постах также встречаются подобные примеры, но их значительно меньше – всего 4, например: «*no-man's-land between the service line and the baseline*» (author – Elizabeth de la Vega, <http://www.tomdispatch.com/>).

Для женщин-блоггеров в России не характерен творческий подход к языку. В русском языке примеры подобного «словотворчества» немногочисленны. Всего три случая были нами обнаружены в блоге одного автора, а в женских блогах – ни одного.

Резюмируя, можно выделить следующие характеристики мужской и женской моделей коммуникации в политических блогах:

- И для женщин и для мужчин свойственно излагать точные, фактические данные. В некоторой степени, это является гендерным сдвигом, поскольку в устной коммуникации это несвойственно женщинам;
- Употребление инвектив остается мужской характеристикой в англоязычном материале, но женской – в русскоязычном;
- На материале обоих языков женщины сохраняют эмоциональность речи;
- Негативные эмоции чаще выражаются мужчинами в американских блогах, а в российских блогах – женщинами наравне с мужчинами. Гендерный сдвиг объясняется влиянием среды, которая не предполагает прямых собеседников и поощряет открытое выражение эмоций. Роль играют и личности авторов рассматриваемых блогов – это женщины с активной гражданской позицией.
- Оригинальность языковых средств, приписываемая мужчинам, остается их характеристикой в политических блогах.

Способы конструирования гендерной идентичности являются схожими в русском и английских языках. Гендерный сдвиг в электронной коммуникации чаще обнаруживается в русскоязычных женских блогах. По всей видимости, женщины в России сильнее чувствуют неравноправие в сфере политики, чем их американские коллеги. Статусно-ролевое распределение мужчин и женщин сохраняет свою традиционность в российском обществе, о чем говорят исследования в этой области [Максимова 2007: 24-30]. Если в США женщинам открыт вход в высшие эшелоны власти, то в России посты, занимаемые женщинами гораздо ниже. Необходимость самоутверждения заставляет российских женщин менять свой гендер, а Интернет-среда благоприятствует сглаживанию различий между полами.

Библиографический список

Максимова О.Б. Эмансипация женщин в России и на Западе как фактор формирования гендерного порядка// Вестник РУДН, серия Социология, 2007, №2. С. 24-30

Herring, Susan. Computer-Mediated Discourse // The Handbook of Discourse Analysis / D.Schiffirin, D. Tannen, and H. Hamilton (Eds). – Oxford: Blackwell Publishers, 2001: 612-634

Judith Lorber. Gender. In: E.F.Borgatta and M.L.Borgatta (eds.). Encyclopedia of Sociology. New York: Macmillan Publishing Company, 1992, p.748–754.

Macmillan Publishing Company, 1992. Цит. по West C. and Zimmerman D. Doing Gender // Gender and Society, 1987, v.1, p.125–151.

© Диасамидзе Л. П., 2010

Ерофеева Е. В.

Екатеринбург, Россия, erofeeva@2-u.ru

Способы передачи русских реалий в переводе детектива Б. Акунина «Азazelь» на французский язык

О реалиях как о носителях национального своеобразия лингвисты заговорили лишь в начале 50-х годов XX века [Влахов 1986:14]. С самого начала среди ученых существовали значительные расхождения в вопросе об определении понятия реалии. Это обусловлено тем, что в работах многих авторов даются неточные, либо неполные определения этого понятия, отмечаются одни признаки этого явления и упускаются другие, используются неодинаковые термины для их обозначения [Латышев 2003:128; Ощепкова 2004:96; Россельс 1955:169; Томахин 1988:13 и др.]. В научной литературе термин «реалия» нередко заменяется другими, близкими по значению терминами: «локализм», «лакуна», «пробел», «варваризм», «экзотическая лексика» «безэквивалентная лексика», «локалоид», что зачастую приводит к сужению термина «реалия». На наш взгляд, наиболее полное определение реалии дают Влахов С.Я. и Флорин С.Б., считающие, что реалии – это слова (и словосочетания), называющие объекты, характерные для жизни одного народа и чуждые другому, требующие особого подхода при переводе в силу того, что не имеют точных соответствий в других языках [Влахов 1986:47].

Следует разграничивать реалии, термины и имена собственные. Термины в основном принадлежат к тем немногим языковым единицам, которые имеют точные эквиваленты в языке перевода, реалии же входят в класс безэквивалентной лексики. Рассматривая соотношение реалий и имен

собственных, необходимо заметить, что мнения исследователей по поводу принадлежности имени собственного к реалиям во многом расходятся. Г.Д. Томахин из общей массы ономастической лексики выделяет ономастические реалии, которые в отличие от обычных имен собственных, являются всегда национально окрашенными. К их числу он относит топонимы, антропонимы, названия произведений литературы и искусства; исторические факты и события из жизни страны; названия государственных и общественных учреждений [Томахин 1988:13; Федоров 2002:215].

По своей структуре реалии представляют собой отдельные слова и словосочетания, а также аббревиатуры и сложносокращенные слова. Чаще всего по своей грамматической форме реалии являются именами существительными, либо отыменными прилагательными.

В современной лингвистике не выработано единой классификации реалий, однако, главный принцип классификаций – тематический (Е.М. Верещагин, А.А. Реформатский, Г.Д. Томахин, И.С. Алексеева). Наиболее полная, на наш взгляд, классификация принадлежит болгарским ученым С.Я. Влахову и С.Б. Флорину [Влахов 1986:58-76]. Они разделяют реалии по предметному, местному и временному принципам.

Среди трудностей, возникающих при переводе реалий, можно выделить следующие: а) отсутствие в языке перевода соответствия (эквивалента) из-за отсутствия у носителей этого языка обозначаемого реалией объекта (референта); б) необходимость, наряду с предметным значением реалии, передать и колорит - её национальную и историческую окраску. Исследователи предлагают разнообразные приемы передачи реалий при переводе: транскрипцию, транслитерацию, калькирование, введение неологизма, приблизительный и интеллектуальный перевод.

Наше исследование было посвящено классификации, а также изучению способов передачи русских реалий на французский язык на примере перевода детектива Бориса Акунина «Азazelь». Захватывающие сюжеты произведений Акунина, заставляющие читать их тысячи людей в России и

за рубежом, связаны с жизнью людей в 19 веке, и потому избыточные русскими реалиями.

Перевод детектива Б. Акунина «Азазель» сделан французской переводчицей Одеттой Шевало. В результате исследования нами было обнаружено пятьдесят русских реалий. Распределив эти реалии по предметной классификации С.Я. Влахова и С.Б. Флорина, мы пришли к выводу, что в детективе Б. Акунина «Азазель» преобладают этнографические реалии (44 примера: *сайка, кумыс, чепец, самовар, дрожки, извозчик, стряпчий, салки, барышня, шут гороховый, аршин, вершок, рубль, копейка, «ванька», голубчик, «Московские ведомости», бакалейная лавка* и др.) и отсутствуют географические. Шесть примеров представляют собой общественно-политические реалии: *уезд, пугачевщина, институтка, гимназия, статский советник, гусар*. Этот факт можно объяснить тем, что источником примеров стал детектив, действие которого происходило в 19 веке, и большинство предметов быта тех времен являются истинными реалиями русского языка.

Пятидесяти русским реалиям, найденным в русской версии романа, соответствуют 54 французских варианта в переводе. Самым распространенным способом является перевод функциональным аналогом (19 примеров: *demoiselle, madame, une épicerie* - «барышня», «сударыня», «бакалейная лавка»), наряду с родовидовой заменой (10 примеров: *des chaussures, une marchande* – «штиблеты», «купчиха»), транскрипцией (9 примеров: *le kopeck, le samovar* - «копейка», «самовар»), описательным переводом (9 примеров: *un ouvrier d'atelier, un petit pain* – «мастеровой», «сайка»). Редко встречается калька (3 примера: *le drap de l'administration* – «казенное сукно»), а также выделенные нами особые случаи. Например, обращение человека с высоким социальным положением к обслуживающему персонажу, к извозчику «ванька» переводчик перевел как *un cocher*. К сожалению, такой перевод не отражает национальную окраску. Не были отмечены случаи использования транслитерации, семантического неологизма.

Изучение способов перевода русских реалий в детективе Бориса Акунина «Азазель» на французский язык позволило сделать вывод, что выбор способа перевода реалий зависит от следующих предпосылок:

- известности/неизвестности реалии в переводящем языке;
- значимости реалии в контексте;
- словообразовательных возможностей языка;
- замысла переводчика.

Библиографический список

- Акунин, Б.** Азазель [Текст] / Б. Акунин. – М.: Захаров, 2008. -301с.
- Влахов, С.Я.** Непереводимое в переводе [Текст] / С.Я. Влахов, С.Б. Флорин. – М.: ВШ, 1986. -416с.
- Гак, В.Г.** Сравнительная типология французского и русского языков [Текст] / В.Г. Гак. – М.: Просвещение, 1986. -228с.
- Латышев, Л.К.** Перевод: теория, практика и методика преподавания [Текст] / Л.К. Латышев, А.Л. Семенов. – М.: АКАДЕМА, 2003. -191с.
- Ощепкова, В.В.** Язык и культура [Текст] / В.В. Ощепкова. – М.: Глоссапресс, 2004. -336с.
- Реформатский, А.А.** Введение в языковедение [Текст] / А.А. реформатский. – М.: Аспектпресс, 2001. -536с.
- Россельс, В.М.** Перевод и национальное своеобразие подлинника: Вопросы художественного перевода [Текст] / В.М. Россельс. – М.: Русский язык, 1955. -269с.
- Томахин, Г.Д.** Реалии-американизмы [Текст] / Г.Д. Томахин. – М.: ВШ, 1988. -238с.
- Федоров, А.В.** Основы общей теории перевода [Текст] / А.В. Федоров. – М.: Филология Три, 2002. -416с.
- Boris Akounin.** Azazel. Traduit du russe par Odette Chevalot. – Grands Detectives, 2006. – 319p.

© Ерофеева Е. В., 2010

Запевалова Л. А.

Екатеринбург, Россия, marigold2001@mail.ru

Фразеологизмы со значением единичности как элемент языковой картины мира (на материале русского и английского языков)

Языковой статус фразеологических единиц (ФЕ) является дискуссионным вопросом в современной лингвистике. Трудности определения

ФЕ и их отграничения от других языковых единиц не преодолены до сих пор.

Вслед за А.И. Молотковым [Фразеологический словарь русского языка 1994], в целях нашего исследования мы акцентируем целостность значения фразеологизма, десемантизацию компонентов ФЕ и наличие у данных языковых единиц конкретного лексического значения.

Основной особенностью фразеологизмов, по мнению В.В. Виноградова, является то, что в ФЕ реализуются не только формальные связи между планом выражения и планом содержания языкового знака, но и ассоциативно-семантические [Виноградов 1986 : 243].

Фразеологизм имеет свои категориальные признаки: если для знаменательных частей речи важны категориальные значения предметности, действия, состояния или признака, что обеспечивает их номинативную функцию, то в случае с фразеологическими единицами ослабление этой функции происходит за счет усиления эмоциональной и образно-экспрессивной.

Рассмотрим ФЕ русского и английского языков, передающие значение единичности.

Стержневые компоненты, ФЕ, выражающие единичность, семантически могут быть подразделены на следующие основные группы:

1) Части тела человека, которые характеризуются представленностью в единственном экземпляре: *пуп земли, один как перст, the apple of your eye*.

2) представители животного мира, обычно ведущие не стадный, обособленный образ жизни или животное как нетипичный представитель своего вида: *Одинокий волк, как медведь в берлоге, белая ворона, horse of a different color, the black sheep (of the family)*:

My father was the black sheep - he ran away at 16 to become an actor and his parents never forgave him.

The typical role for Bogart was the Casablanca character, a lone wolf, cynical but heroic.

3) один элемент, составная часть чего-либо: *в чужих руках ломать велик; a morsel always looks big in other people's hands; a cog in the machine/wheel.*

Единичность может выражаться эксплицитно с помощью: квантитатива *один* и его форм в русском языке и *one* в английском языке, а также прилагательного *одинокий* и его форм в русском языке и прилагательных *lonely, single* в английском языке, слов-партигиваторов и слов широкой предметной семантики в двух языках: *Один в море не рыбак; Один в поле не ратник; Одинокое дерево ветер легче валит; Одинокий не одолеет толпы, слабый не одолеет сильного; One swallow doesn't make a summer; A lone seep is in danger of a wolf; to plough a lone furrow; as lonely as sin.*

Типично противопоставление одного объекта двум объектам того же класса: *Один и дома горюет, а двое и в поле воют; You cannot kill two birds with one stone; A bird in a hand is worth two in a bush.*

Один объект противопоставляется множеству объектов того же класса: *Один глаз, да зорок, не надобно сорок; Две головы лучше, чем одна /Two heads are better than one.* В данном случае наличие одного глаза рассматривается как вполне достаточное, во втором случае, две головы все-таки предпочтительнее одной.

Еще ряд примеров на противопоставление единичного объекту мкакому-либо множеству: *Один и камень не поднимешь, а миром и город передвинешь; Один улей-улей, а пять-насека; Kill one to warn a hundred; One father is more than a hundred schoolmasters; A stitch in time saves nine.*

В русском языке в сочетании с числительным *один* и его формами во ФЕ со значением единичности могут употребляются существительные с суффиксами уменьшительности, что подчеркивает незначительность единичного объекта: *Один ручеек моря не замутит.*

Однако подчеркнутая незначительность объекта может реализовывать и противоположное значение важности маленького объекта в соста-

ве какого-либо объекта или в осуществлении определенного процесса: *Не величка капля, а камень долбит; Приложи копейку – так калач купишь; Just as the twig is bent, the tree is inclined.*

Стержневым компонентом данного типа фразеологизмов являются типизированные единичные представители какого-либо класса объектов без каких-либо особых отличительных характеристик. Таким образом, в данных ФЕ единичность носит подчеркнутый характер.

В ряде ФЕ, когда к значению важности единственного объекта добавляется определенная его характеристика, единичность наряду с подчеркнутым приобретает выделенный характер: *Один битый двух небитых стоит; One, but that one a lion.*

Следует отметить, что компоненты, на которых основываются ФЕ данных тематических групп, могут использоваться как для создания положительной, так и отрицательной коннотации, с количественным перевесом в исследованном материале в сторону последней.

Если объект наделяется какими-либо исключительными характеристиками (либо посредством атрибутивных конструкций, либо контекстом самого высказывания), единичность приобретает положительную коннотацию, которую можно характеризовать как коннотацию исключительности:

Выделенная единичность вербализуется посредством порядковых числительных и слов *последний/ last* (выделение по очередности): *первая ласточка, первый среди равных, последний из могикан; лучшие всех смеется тот, кто смеется последним / he laughs best who laughs last, last straw, last ditch, the first step; first come, first served.*

Часто, при противопоставлении единичного объекта множеству, он также выделяется из этого множества по какому либо признаку; таким образом, в такого рода случаях реализуется комбинированный квантитативный смысл подчеркнутой + выделенной единичности: *Ложка дегтя в бочке меда; (Одна) паршивая овца все стадо портит; One bad apple spoils the barrel; One drop of poison infects the whole tun of wine.*

Комбинированный смысл подчеркнутой + выделенной единичности реализуется также в ФЕ, указывающих на уникальность, единственность объекта в какой-либо ситуации: *козырный туз, шапка Мономаха, козел отпущения, священная корова, queen bee, king of the castle.*

Это козырной туз любого политика. Надо только умудриться вытащить его из колоды. Every decade has had its Queen Bee; from Mumtaz in the 1960s and Hema Malini in the '70s to Rekha in the '80s.

Наряду с ФЕ с эксплицитным выражением единичности, в ряде случаев единичность имплицитно выражается ситуацией или контекстом:

Я не считаю, что это было звездом программы, там были гораздо более сильные вещи. You know, Mandy, I think you could find a bright spot in the middle of a black hole one shining summer.

ФЕ со значением единичности характеризуются широким разнообразием контекстов: это могут быть сравнения, основанные на экстралингвистических значениях: *зерно истины, кусок жизни, черный день, rainy day.*

Широко используется исторический контекст: *серый кардинал, философский камень, the Newton's apple.*

И контекст, связанный с христианской традицией: *нести свой крест, глас вопиющего в пустыне; demon weed, a fig leaf.*

ФЕ со значением единичности свойственная частичная десемантизация компонентов – ФЕ реализует не столько реально-количественное, сколько символическое значение: *синяя птица, аленький цветочек, рука мастера, отрезанный ломоть, проходить красной нитью, яблоко раздора, a wolf in sheep's clothing, a goldfish, a blue bird, a cash cow, the short straw.*

Рассматриваемые ФЕ имеют различные оценочные характеристики, однако в исследованном материале преобладают фразеологизмы с отрицательной оценкой: единичность объекта рассматривается как количественная недостаточность и неполноценность объекта в силу этого.

ФЕ, выражающие единичность, характеризуются наличием субстантивного компонента, что еще раз обнаруживает предметность как

неотъемлемую характеристику феномена единичности. В ФЕ, выражающих единичность, широко используются слова - паргитиваторы: *kanля в море, изюминка сезона, a piece of cake, a drop in the bucket, a drop in the ocean*.

Языковая картина мира, представленная во фразеологизмах, представляет интерес в когнитивном плане. Единичность объекта признается как состояние, не соответствующее норме: как известно, человек – существо коллективное, так же как животные, растения. Поэтому один человек представляется беспомощным, уязвимым.

Большая часть устойчивых сравнений, выражающих единичность, имеют коннотацию заброшенности, покинутости, тоски от состояния одиночества. Хотя образы, лежащие в основе данных устойчивых сравнений в сопоставляемых языках представляются далекими, они являются логически сопоставимыми и функционально эквивалентными в двух языках.

Библиографический список

Виноградов, В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове /– М.: Высш. шк., 1986. – 639с.

Национальный корпус английского языка – Режим доступа:

www.natcorp.ox.ac.uk

Национальный корпус русского языка. – Режим доступа:

www.ruscorpora.ru

Фразеологический словарь русского языка : [Св. 4000 словар. ст.] / Составители Л. А. Войнова и др.; Под ред. А. И. Молоткова, 543 с., 5-е изд., стер.- СПб. Вариант, 1994.

© Запелалова Л. А., 2010

Конопляник Е. А.

Гродно, Республика Беларусь, katerina.konopljanik@gmail.com

Лингвистические ограничители: межкультурный аспект (на материале мовременного немецкого языка)

Межкультурная коммуникация в целом определяется как общение между представителями различных человеческих культур. В последнее время в связи с этим понятием всё чаще упоминается и определение межкультурной компетенции как способности отдельного индивида успешно

общаться с людьми других культур. Одним из значимых признаков развитой межкультурной компетенции личности является понимание и правильное употребление ею лингвистических ограничителей.

Под лингвистическими ограничителями понимают совокупность сегментных и супraseгментных языковых средств, которые автор использует в речи для того, чтобы снизить степень своей ответственности за высказывание, способствовать сохранению лица интерактантов, указать на приблизительное или нечеткое значение названного понятия и выразить свою точку зрения относительно содержания и достоверности высказывания [Конопляник 2007: 178]. Лингвистические ограничители выполняют в языке определенные функции. Так, они позволяют говорящему (пишущему) субъективировать свои высказывания, ограничить свою ответственность за соответствие высказывания действительности, ограничить степень своего убеждения или сомнения в правдивости высказывания, избегать категоричных высказываний, перевести ответственность за содержание высказывания, высказать собственную точку зрения и оценить положение вещей.

Особенно ярко специфика лингвистических ограничителей проявляется в межкультурных (интеркультурных) исследованиях, которые ведут к новым открытиям и размышлениям о том, каким образом коммуникация при учете культурных различий может быть наиболее эффективной. Так, М. Клайн установил, что немецкие ученые, создавая англоязычные тексты, при этом сохраняют тенденцию к усиленному употреблению ограничителей. При этом они часто отступают от норм, присущим другим культурам, что, в целом, негативно влияет на коммуникацию и ведет к непониманию с членами других языковых общностей [Schröder 1993: 15]. Действительно, лингвистические ограничители представляют собой очень сложный и неоднозначный объект для перевода, т.е. не только передачи исходного текста на другом языке, но и трансляции его из одной культуры в другую. Переводчик должен действовать крайне осторожно и тактично, чтобы не просто передать значение высказывания, но и раскрыть смысловые оттенки,

выраженные говорящим при помощи лингвистических ограничителей, а также подобрать для отображения данных смыслов языковые средства, характерные именно для культуры-адресата. Во-первых, переводчик должен сохранить динамическую эквивалентность высказывания, т.е. перевести его так, чтобы реакция иноязычного получателя во всех существенных чертах соответствовала реакции получателя сообщения на исходном языке. При этом переводчик не только раскрывает содержание заложенной в тексте сообщения информации, но и обеспечивает восприятие реципиентом его экспрессивной и других функциональных характеристик, культурного компонента высказывания, а также функционирование стратегий вежливости, если таковые были предусмотрены автором текста и выражены при помощи лингвистических ограничителей. Также в задачи переводчика входит анализ дистанции между автором и реципиентом текста (которая может различаться в зависимости от культуры) и, в случае необходимости, обеспечение дипломатичной и бесконфликтной коммуникации и оптимизация восприятия высказывания реципиентом, что также достигается при помощи адекватного перевода лингвистических ограничителей. При необходимости переводчик также осуществляет адаптивное транскодирование текста, т.е. его преобразование и адаптацию информации с целью изложить ее в иной форме, оптимальной для осуществления бесконфликтной межъязыковой и межкультурной коммуникации. Следует отметить, что важным средством адаптивного транскодирования является употребление лингвистических ограничителей.

Итак, лингвистические ограничители при кросс-культурной трансляции текста могут быть рассмотрены в двух аспектах:

- 1) как дополнительная сложность, требующая особенно тщательного и продуманного перекодирования текста для сохранения всех его существенных характеристик и смыслов, заложенных в него автором,
- 2) как важное вспомогательное средство при обеспечении принципов динамической эквивалентности и адаптивного транскодирования текста, а также для сохранения прагматического потенциала текста.

Среди наиболее важных прагматических принципов необходимо отметить стратегии вежливости, в рамках которых особый интерес лингвистов также привлекли лингвистические ограничители. Для выражения вежливости говорящий или пишущий имеет в своем распоряжении лингвистические ограничители, например, модальные глаголы или модальные частицы, конструкции с *«man»*, отрицания, условные придаточные предложения, а также формы конъюнктива. Анализ употребления ограничителей в речи показал, что они часто могут выступать в качестве модификатора при предикатном слове, реализуя прагматическую функцию, связанную с соблюдением принципа вежливости, а служить средством формирования литоты.

Итак, автор высказывания использует лингвистические ограничители, чтобы смягчить своё высказывание из предосторожности, чувства такта, дипломатии или неуверенности; чтобы добиться лучшего понимания со стороны реципиента и акцентировать его внимание на сказанном, а также для «сохранения лица» (причем не только автора, но и реципиента высказывания) и в целях избежания возможного возражения со стороны реципиента. Лингвистические ограничители модифицируют высказывание, которое иначе может быть воспринято как слишком категоричное, и способствуют появлению эффекта вежливости.

Таким образом, лингвистические ограничители играют важную вспомогательную роль при трансляции исходного текста с одного языка на другой и, таким образом, из одной культуры в другую, одновременно и значительно осложняя данный процесс. Одной из более частных сфер реализации лингвистических ограничителей являются стратегии вежливости. Выявленные особенности употребления ограничителей в контекстах вежливости позволяют сделать вывод о том, что данные языковые единицы следует обособить в отдельный разряд прагматических маркеров, чье предназначение – смягчать категоричность оценочных высказываний.

Библиографический список

Конопляник, Е.А. Применение теории «ограничителей» Дж. Лакоффа к оптимизации межличностного общения на немецком языке / Е.А. Конопляник // Материалы Международной научной конференции «Язык, общество и проблемы межкультурной коммуникации», Гродно, 22-23 нояб. 2007 г.: в 2 ч. / ГрГУ им. Я. Купалы; редкол.: Л.М. Серeda (отв.ред.) [и др.]. – Гродно, 2007. – Ч. 2. – С.178-183.

Schröder, H. Pragmatik, Textstruktur und kulturelle Werte. Eine interkulturelle Perspektive / H. Schröder. – Tübingen: Narr, 1993. – S.3-18.

© Конопляник Е. А., 2010

Лебедева О. Г.

Новочеркасск, Россия, olgaleb4@rambler.ru

Классификации видов переводческой деятельности

Наряду с общими чертами, обусловленными единым лингвистическим механизмом переводческой деятельности, отдельные виды перевода могут иметь и важные специфические особенности: модифицировать процесс перевода, придавать особое значение достижению эквивалентности на высшем уровне или, напротив, допускать отклонения от максимально возможной степени смысловой общности, включать некоторые элементы адаптивного транскодирования и т.п. Эти особенности вызывают необходимость научной классификации видов переводческой деятельности (видов перевода) и детального изучения специфики каждого вида.

Существуют две основных классификации видов перевода: по характеру переводимых текстов и по характеру речевых действий переводчика в процессе перевода. Первая классификация связана с жанрово-стилистическими особенностями оригинала, вторая с психолингвистическими особенностями речевых действий в письменной и устной форме. Жанрово-стилистическая классификация переводов в зависимости от жанрово-стилистических особенностей оригинала обуславливает выделение двух функциональных видов перевода: художественный перевод и информативный перевод.

Художественный перевод предполагает перевод произведений художественной литературы. Произведения художественной литературы

противопоставляются всем прочим речевым произведениям благодаря тому, что для всех них доминантной является одна из коммуникативных функций, а именно художественно-эстетическая или поэтическая. Основная цель любого произведения этого типа заключается в достижении определенного эстетического воздействия, создании художественного образа. Такая эстетическая направленность отличает художественную речь от остальных актов речевой коммуникации, информативное содержание которых является первичным, самостоятельным. Поскольку речь идет о переводе отрезков художественной речи, основным отличием художественного перевода от иных видов перевода следует признать принадлежность текста перевода к произведениям переводимого языка, обладающим художественными достоинствами. В художественном переводе различаются отдельные подвиды перевода в зависимости от принадлежности оригинала к определенному жанру художественной литературы. В качестве таких подвигов выделяются перевод поэзии, перевод сатирических произведений, перевод художественной прозы, перевод текстов песен и т.д. Выделение перевода произведений того или иного жанра в особый подвид перевода носит условный характер и зависит от того, насколько существенное влияние оказывает специфика данного жанра на ход и результат переводческого процесса.

Информативный перевод представляет перевод текстов, основная функция которых заключается в сообщении каких-то сведений, опускается художественно-эстетическое воздействие на читателя. К таким текстам относятся все материалы научного, делового, общественно-политического, бытового характера. Сюда же следует отнести и перевод многих детективных рассказов, описаний путешествий, очерков и тому подобных произведений, где преобладает чисто информационное повествование. Деление на художественный и информативный перевод указывает лишь на основную функцию оригинала, которая должна быть воспроизведена в переводе. Фактически, в оригинале, требующем, в целом, художественного перевода, могут быть отдельные части, выполняющие исключительно информацион-

ные функции, и, напротив, в переводе информативного текста могут быть элементы художественного перевода.

В информативном переводе подвиды перевода выделяются на основе принадлежности переводимых текстов к различным функциональным стилям исходного языка. При этом необходимо, чтобы функционально-стилистические особенности оригиналов определяли и специфические черты перевода таких текстов. Психолингвистическая классификация переводов, учитывающая способ восприятия оригинала и создания текста перевода, подразделяет переводческую деятельность на письменный перевод и устный перевод.

Письменный перевод - это вид перевода, при котором речевые произведения, объединяемые в акте межкультурного общения (оригинал и текст перевода), выступают в процессе перевода в виде фиксированных текстов, к которым переводчик может неоднократно обращаться. Это дает возможность переводчику повторно воспринимать отрезки переводимого текста, сопоставлять их с соответствующими отрезками перевода, вносить в текст перевода любые необходимые изменения до предъявления перевода рецептору, т.е. до завершения процесса перевода. Классическим примером письменного перевода является такой перевод, когда переводчик воспринимает оригинал зрительно в виде письменного текста и создает текст перевода также в виде письменного текста.

Устный перевод - это вид перевода, при котором оригинал и его перевод выступают в процессе перевода в нефиксированной форме, что предопределяет однократность восприятия переводчиком отрезков оригинала и невозможность последующего сопоставления или исправления перевода после его выполнения. Классическим примером устного перевода является такой перевод, когда переводчик воспринимает оригинал «на слух» и в устной форме произносит свой перевод. При устном переводе создание текста перевода может происходить либо параллельно восприятию оригинала, либо после того, как завершится восприятие оригинала.

Соответственно различаются два подвида устного перевода: синхронный перевод и последовательный перевод.

Синхронный перевод представляет способ устного перевода, при котором переводчик, слушая речь оратора, практически одновременно проговаривает перевод. Как правило, синхронный перевод осуществляется с применением технических средств, в специальной кабине, где речь оратора подается переводчику через наушники, а сам переводчик говорит в микрофон, откуда перевод транслируется далее. Благодаря такому устройству голос переводчика не мешает ему слушать оригинал. Разновидностью синхронного перевода является «нашептывание», когда переводчик находится не в кабине, а рядом с рецептором и сообщает ему перевод вполголоса с помощью наушников и микрофона или без них. Синхронный перевод является сложным подвидом устного перевода, поскольку он требует от переводчика умения одновременно выполнять разнородные речевые действия: слушать на одном языке, переводить на другой язык и говорить на этом языке, не отставая при этом от темпа речи оратора. Синхронизация всех трех действий связана с большой работой памяти, напряженным вниманием, необходимостью осуществлять речевую компрессию, прогнозировать следующие отрезки оригинала, принимать мгновенные решения.

Последовательный перевод - способ устного перевода, при котором переводчик начинает переводить после того, как оратор перестал говорить, закончив всю речь или какую-то часть ее. Размер переводимого отрезка речи может быть различным: от отдельного высказывания до текста значительного объема, который оратор произносил 20-30 и более минут. Этот вид перевода требует удержания в памяти переводчика содержания значительных сегментов оригинала в течение длительного времени до момента начала перевода. Если объем оригинала превышает несколько высказываний, то переводчик в процессе восприятия оригинала ведет запись узловых моментов содержания, которая помогает ему восстановить в памяти прослушанное сообщение.

Письменная или устная форма восприятия оригинала и создания текста перевода типичны соответственно для письменного и устного перевода, но в каждом из них могут иногда использоваться некоторые элементы другого вида перевода. Письменный переводчик может получать текст оригинала, записанный на магнитную ленту, или диктовать свой перевод машинистке или в диктофон. Перевод остается письменным, поскольку тексты оригинала и перевода сохраняются в фиксированной форме и их можно многократно просматривать, сопоставлять и вносить в перевод необходимые исправления до предъявления перевода рецепторам. Устный переводчик может получать перед началом перевода текст устного выступления и использовать его в качестве вспомогательной опоры в процессе синхронного или последовательного перевода. Особым видом использования письменного текста в устном переводе является «перевод с листа», когда переводчик устно переводит для рецепторов письменный оригинал безотносительно к каким-либо устным выступлениям, не в процессе перевода речи оратора. Здесь сохраняется основной признак устного перевода: невозможность сопоставления и исправления текста перевода до предъявления его рецепторам.

В теоретическом отношении выделение отдельных видов перевода связано с разработкой специальных теорий перевода, раскрывающих специфику каждого вида или подвида перевода. В практическом плане классификация видов перевода дает основу для специализации переводчиков на определенных типах переводческой деятельности. В зависимости от значимости их специфических черт различные виды перевода требуют более или менее детального теоретического анализа. В настоящее время разработан ряд специальных теорий перевода. Среди специальных теорий, связанных с жанрово-стилистической классификацией переводов, наибольшее внимание исследователей привлекают проблемы перевода научно-технических материалов, которые представляют большой теоретический и практический интерес.

В процессе перевода устанавливаются определенные отношения между двумя текстами на разных языках (текстом оригинала и текстом перевода). Сопоставляя такие тексты, можно раскрыть внутренний механизм перевода, выявить эквивалентные единицы, а также обнаружить изменения формы и содержания, происходящие при замене единицы оригинала эквивалентной ей единицей текста перевода. При этом возможно и сравнение двух или нескольких переводов одного и того же оригинала. Сопоставительный анализ переводов дает возможность выяснить, как преодолеваются типовые трудности перевода, связанные со спецификой каждого из языков, а также какие элементы оригинала остаются непередаваемыми в переводе. В результате получается описание "переводческих фактов", дающее картину реального процесса. Системный анализ переводческой практики и понятийной сферы современного переводоведения позволяет построить единую типологию переводов.

Типологизация переводов осуществляется по следующим параметрам: по соотношению типов языка перевода и языка оригинала; по характеру субъекта переводческой деятельности и его отношению к автору переводимого текста; по типу переводческой сегментации и способу переработки переводимого материала; по форме презентации текста перевода и текста оригинала; по характеру соответствия текста перевода тексту оригинала; по жанрово-стилистическим особенностям и жанровой принадлежности переводимого материала; по полноте и типу передачи смыслового содержания оригинала; по основным функциям; по первичности текста оригинала; по типу адекватности.

Одна из главных задач переводчика заключается в максимально полной передаче содержания оригинала, и, как правило, фактическая общность содержания оригинала и перевода весьма значительна. Различают потенциально достижимую эквивалентность, под которой понимается максимальная общность содержания двух разноязычных текстов, допускаемая различиями языков, на которых созданы эти тексты, и переводческую эквивалентность - реальную смысловую близость текстов оригинала и пере-

вода, достигаемую переводчиком в процессе перевода. Пределом переводческой эквивалентности является максимально возможная (лингвистическая) степень сохранения содержания оригинала при переводе, но в каждом отдельном переводе смысловая близость к оригиналу в разной степени и разными способами приближается к максимальной.

Различия в системах исходного и переводимого языка, и особенностях создания текстов на каждом из этих языков в разной степени могут ограничивать возможность полного сохранения в переводе содержания оригинала. Поэтому переводческая эквивалентность может основываться на сохранении (или утрате) разных элементов смысла, содержащихся в оригинале. В зависимости от того, какая часть содержания передается в переводе для обеспечения его эквивалентности, различаются разные уровни (типы) эквивалентности. На любом уровне эквивалентности перевод может обеспечивать межъязыковую коммуникацию.

Библиографический список

Комиссаров "Теория перевода".

Николаев В.П. Цикл лекций "Референт-переводчик английского языка". Пятигорск, 1992-93.

Потапова И.А., Кащеева М.А. "Пособие по переводу английского литературного текста". Москва, "Высшая школа", 1975.

© Лебедева О. Г., 2010

Мальцева И. Г.

Екатеринбург, Россия, inmalzeva@mail.ru

Цветовая концептуализация мира

(на примере поэзии Г. Тракля и его переводов на русский язык)

В европейской и мировой литературе имя австрийского поэта Георга Тракля (1887-1914) ассоциируется с прорывом в неизведанные области человеческого духа и поэтической речи. Георг Тракль через призму немецкого языка концептуализирует мир совершенно особым образом. Структурные особенности немецкого языка позволяют ему моделировать странную, единичную языковую картину мира, которая ярче всего обнажает свою уникальность через призму другого языка.

Данное исследование представляет собой одну из первых попыток рассмотрения индивидуальной концептосферы на основе выделения и анализа художественных цветовых концептов австрийского поэта Г. Тракля.

Под художественным концептом мы понимаем «систему и структуру образных контекстов и разноуровневых языковых средств, которыми уникально выражаются объективные и субъективные авторские и читательские представления и суждения о признаках и свойствах объектов и явлений в реальном или фантазийно-ассоциативном мире, а также приемы разрушения суверенности этого мира, диктуемые авторским мировидением» [Пестова 2009: 117]. Данное определение отражает основные признаки художественного концепта и его отличие от языкового концепта, а именно: доминирование в структуре художественного концепта не понятийной или ценностной, а образной составляющей, его индивидуальность и калейдоскопичность.

Одним из видов художественных концептов мы считаем цветовой концепт, который, как и всякий художественный концепт, калейдоскопичен: он складывается из множества пересекающихся образов и не имеет постоянных четких очертаний. Для настоящего исследования интерес представляют художественные цветовые концепты в творчестве Г. Тракля, реализующиеся множественностью оригинальных метафорических образов, связанных с теми или иными фрагментами субъективной и/или объективной действительности и отражающих субъективную картину видения автора.

Эстетическое воздействие цветовой символики у Г. Тракля проявляется в том, что поэт ассоциирует определенные сферы духовной и физической жизни с определенными цветами. Эти ассоциации нагружены преэкзистенциальным опытом, который в стихотворениях Г. Тракля принимает форму лирического воспоминания внутреннего мира души, художественно выраженного в визуальной сфере цвета.

В творчестве Г. Тракля цветовая метафора становится способом мышления о мире и характеризуется как выход за пределы объективных,

предметных реальностей. Цветовые метафоры выступают у поэта в роли концептообразующих метафор как средство и результат формирования его индивидуальных цветовых концептов.

Процесс метафорического осмысления действительности осуществляется Г. Траклем преимущественно за счет цветовой метафоры, что доказывает наличие в поэтическом сознании поэта визуальной доминанты, реализующейся в высокой степени концентрации цветовой метафоры в минимальном речевом отрезке. За исключением нескольких ранних стихотворений, все поэтические тексты Г. Тракля насыщены цветом: в пространстве одного текста встречается от 2-х до 49-ти цветовых метафор. Во всем поэтическом наследии Г. Тракля в ходе исследования была обнаружена **1331** цветочная метафора, представляющая собой словосочетание с прилагательным, обозначающим цвет.

Наиболее часто встречающимся цветом у Г. Тракля оказался *schwarz* (черный) – 191 метафора, далее следует *blau* (синий/голубой) – 189, *golden* (золотой) – 114, *weiß* (белый) – 105, *purpurn* (пурпурный) – 89, *rot* (красный) – 88, *braun* (коричневый) – 88, *silbern* (серебряный/серебристый) – 81, *grün* (зеленый) – 62, *rosig* (розовый) – 37, *grau* (серый) – 35, *gelb* (желтый) – 31. Цветосветовые характеристики: *dunkel* (темный) – 200 метафор и *hell* (светлый) – 21.

Лингвостилистический анализ образных микро- и макроконтекстов показал, что на структуру и языковую манифестацию цветового концепта помимо семантической функции влияет синтаксическая функция прилагательного со значением цвета в составе концептообразующей цветочной метафоры, полнота или краткость прилагательного и его место в предложении.

В немецком языке в синтаксической конструкции с кратким прилагательным в конечной и неконечной позиции стирается граница между атрибутивным и предикативным употреблением прилагательного. Это особенно важно не только для метроритмической организации стихотворения, но и для глубинного метафорического смысла, возникающего как результат

синтетосемии, реализующейся в неразрывном единстве семантики и синтаксиса, где каждая составляющая потенциально многозначна.

В поэтическом тексте открытость, неопределенность синтаксической связи, связанная с грамматической структурой прилагательного в немецком языке, используется в целях грамматической метафоризации и приращения эстетических смыслов. Переводы подобной синкретичности двух и/или более семантических и синтаксических функций показывают, что переводчики в большинстве случаев нивелируют синкретичность функций немецкого прилагательного в составе концептообразующей цветовой метафоры и сужают ее до одной специальной функции согласованного определения в русском языке: «*Rot ertönt das Erz*» [Trakl 1970: 92] ‘*красный рев руды*’ (О. Бараш) [Тракль 2000б: 319], ‘*bronzy красный гром вокруг*’ (В. Летучий) [Тракль 2000а: 173]. Такое синтаксическое согласование в переводе акцентирует цвет как имманентное качество его носителя – рева и грома, то есть сфера действия *rot* (*красный*) локализуется, объективируется, тогда как в воображаемом мире поэта сделано все, чтобы устранить всякие жесткие связи (*Красно звучит руда*).

Наиболее семантически непроницаемые, сложно структурированные цветовые концепты представлены у Г. Тракля образами, выраженными субстантивированными прилагательными со значением цвета. Грамматическую семантику любой субстантивированной части речи составляют такие компоненты, как «неопределенность», «абстрактность», «отвлеченность», поэтому субстантивированное прилагательное цвета своим лексико-грамматическим компонентным составом наиболее адекватно отражает неопределенную, изменчивую сущность «воображаемого мира» Г. Тракля, насыщенного метаморфозами цвета.

Субстантивированные прилагательные цвета часто являются доминантой абсолютной цветовой метафоры, сущность которой заключается в освобождении поэтического образа от референтных связей с действительностью. Цветовые концепты, формирующиеся вокруг абсолютных цветовых метафор, обладают сильным эффектом очуждения и труднее все-

го поддаются интерпретации: «*Armer Sünder ins Blaue versehnt*» [Тракл 1970: 178] ‘Грешник, вчарован в морок голубой’ (О. Бараш) [Траклъ 2000б: 433]. Переводчик вынужден игнорировать всякого рода эквивалентность, чтобы сохранить в переводе хотя бы некое подобие эффекта очуждения оригинала.

Рассмотрение существующих теорий описания структуры концепта выявило наличие полевой внутренней структуры и у художественного цветового концепта. Анализ известных методик описания структуры концепта показал, что для описания художественных цветовых концептов в поэзии Г. Тракля и сопоставления их с соответствующими концептами в текстах переводов данных методик не достаточно. Так, несмотря на продуктивные идеи, разрабатываемые в методике описания структуры концепта М. В. Пименовой, в указанной методике не предлагаются системные принципы выделения, описания и сопоставления признаков художественных цветовых концептов.

Анализ смысловых и чувственных ассоциаций цвета в творчестве поэта, а также контекстов, в которых он употребляет цвет, позволил очертить границы и выявить содержание цветовых концептов, организующих его лирический мир и «законы природы» этого мира.

Каждый из цветовых концептов Г. Тракля многослоен и состоит из нескольких сегментов, регулярно воспроизводящих один или несколько эстетических и символических смыслов, крайне важных для замкнутой художественной системы поэта. Так, концепт *weiß* (белый) связан с образом человека-странника, нерожденного, призрачного лунатического существа, он позиционируется как цвет судьбы, рока и неизбежности. Белый цвет несет в себе образ вечной жизни, жизни после смерти, заранее оплаченной страданием. Отсюда «*Sonjas weißes Leben*» «белая жизнь» Сони (Мармеладовой), ее «белые брови» «*Sonjas weiße Brauen*» (из стихотворения «Sonja»).

Все цветовые концепты Г. Тракля в его лирических произведениях сопряжены с различными фрагментами его субъективной картины виде-

ния. В их наполнении, помимо самого цвета, принимают участие конкретные предметы, абстрактные явления и умозрительные «фантомные» сущности. Ощущение цвета в творчестве поэта чрезвычайно уплотняется и метафоризируется. Цветовые концепты выступают не как поверхностные характеристики вещей, а как знаки их внутренне-ценностной иерархии.

Анализ эстетического и символического наполнения цветовых образов в рамках художественного концепта Г. Тракля позволил выделить его основные структурные элементы.

На основе полевого описания структуры концепта в структуре каждого цветового концепта Г. Тракля было выделено ядро, которое составили прилагательные/наречия цвета, ближнюю периферию, где расположились прилагательные/наречия со сниженной интенсивностью цвета, и дальнюю периферию, к которой были отнесены субстантивированные прилагательные цвета. Такое распределение структурных элементов цветового концепта и наибольшая удаленность от ядра именно субстантивированных прилагательных связано с указанной размытостью их семантики.

Для определения семантических характеристик цветовых образов, которые были обозначены как признаки художественных цветовых концептов Г. Тракля, в данном исследовании разработана методика выделения данных признаков, предполагающая использование когнитивно-дискурсивного и литературоведческого методов, а также метода интерпретации текста и включающая три этапа: 1) общий литературоведческий анализ и критический анализ исследований творчества Г. Тракля; 2) структурно-семантический анализ поэтического микро-контекста концептообразующей цветовой метафоры; 3) структурно-семантический анализ поэтического макро-контекста концептообразующей цветовой метафоры.

В результате трехэтапного выделения признаков цветовых концептов Г. Тракля мы получили распределение **ядерных (сквозных и спорадических) признаков** по цветовым концептам. Так, цветовой концепт *schwarz* (*черный*), наиболее частотный в творчестве Г. Тракля, обладает такими признаками, как поливалентный, негативный, порочный, незро-

тичный, неодоухотворенный, неререференциальный, антропоморфный, принадлежащий земле, внереальный, имманентный, оптически неустойчивый.

Таким образом, каждый из цветовых концептов Г. Тракля обладает устойчивым набором **сквозных и спорадических ядерных признаков** и набором **спорадических периферийных признаков**, непосредственно связанных с дополнительной эстетической информацией, заключенной в контексте.

Результаты рассмотрения эстетического и символического наполнения цветовых концептов Г. Тракля, результаты анализа их структуры и набора признаков можно, по нашему мнению, считать объективным и достаточно надежным основанием для сопоставительного анализа оригинальных цветовых концептов с их аналогами в тексте художественного перевода с целью оценки его качества.

Библиографический список

- Пестова Н. В. Случайный гость из готики: русский, австрийский и немецкий экспрессионизм. – Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2009. – 297 с.
Тракль, Г. Избранные стихотворения. – М. : Carte Blanche, 1994. – 83 с.
Тракль, Г. Полное собрание стихотворений. – М. : Фазус, 2000а. – 192 с.
Тракль, Г. Стихотворения. Проза. Письма. – СПб. : Symposium, 2000б. – 640 с.
Trakl, G. Dichtungen und Briefe. – Salzburg : Otto Müller Verlag, 1970. – 335 S.
© Мальцева И. Г., 2010

Миронова Д. А.

Челябинск, Россия, daria28@mail.ru

Факторы, определяющие степень переводимости трансформированных прецедентных высказываний (на примере англоязычной публицистики)

Каждому лингвокультурному сообществу свойственны «стереотипы речевого общения», заключающиеся, как отмечает И.В. Захаренко, в том числе «в использовании стереотипных языковых единиц (конструкций, моделей)» [Захаренко 1997: 105-106]. Ключевую роль в рассмотрении этого вопроса играет явление прецедентного феномена (ПФ), под которым, по определению Ю.Н. Караулова, понимаются феномены «1) хорошо извест-

ные всем представителям национально-лингвокультурного сообщества; 2) актуальные в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане; 3) обращение к которым постоянно возобновляется в речи представителей того или иного национально-лингвокультурного сообщества» [цит. по Захаренко, Красных, Гудков, Багаева 1997: 82].

К вербализируемым ПФ относятся прецедентные высказывания (ПВ), в число которых мы, вслед за Д.Б. Гудковым, включаем цитаты, названия произведений, полное воспроизведение небольшого по объему текста [Гудков 2003: 107], а также речевые клише в виде фразеологических единиц. Как отмечает И.В. Захаренко, ПВ подразделяются на две группы: (а) канонические, т.е. высказывание выступает как строгая цитата, не подвергающаяся изменениям, и (б) трансформированные [Захаренко 1997: 110]. Использование трансформированных ПВ (ТПВ) как особого способа вербализации ПФ обусловлено авторской интенцией добиться комического эффекта, основанного на неожиданном для реципиента изменении инварианта восприятия, представляющего собой «национально детерминированный набор признаков в минимизированном, редуцированном виде» [Захаренко, Красных, Гудков, Багаева 1997: 84]. Данный прием приводит к созданию языковой игры, или каламбура, перевод которого, как отмечает В.С. Виноградов, «относится к области узкоспециальных переводческих вопросов» [Виноградов 2001: 199]. Как отметил А.Д. Швейцер, языковая игра «требует совмещение несовместимого – одновременной передачи «и буквы, и духа» текста» [Швейцер 1988: 107]. Тем не менее, речь, безусловно, не идет о принципиальной невозможности осуществления перевода. По точному замечанию Н. Галь, «примечание «непереводимая игра слов» - это расписка переводчика в собственном бессилии» [цит. по Влахов, Флорин 1980: 286]. В данном отношении мы считаем правомерным говорить скорее о различной **степени переводимости**. К определению степени переводимости мы относим критерии полноты эквивалентности, успешности сокращения лингвокультурологической дистанции между исходным языком

(ИЯ) и языком перевода (ПЯ) и количества потерь (семантического, экспрессивного или прагматического свойства) при переводе.

Одним из ключевых факторов, влияющих на то, насколько полно переведенное трансформированное прецедентное высказывание (ПТПВ) будет отражать все аспекты содержания оригинала, является *тип трансформации*, которым подверглось ПВ. В зависимости от того, что является предметом искажения – исходная форма и, как следствие, содержание ПВ или его значение при сохранении определенной структурной целостности – далее мы рассматриваем следующие два типа трансформаций: структурно-семантические и семантические.

В рамках структурно-семантического типа выделяются следующие трансформации:

Субституция: на основе созвучия (ТПВ: *Sex and the Sissy*; ПВ: *Sex and the City*; ПТПВ: *Назвалась груздем - ползай в кузов*) [www.inosmi.ru]; на основе лексической замены (ТПВ: *Sleepless in Tehran*; ПВ: *Sleepless in Seattle*; ПТПВ: *Неспящие в Тегеране*) [www.inosmi.ru].

Квантитативная замена: усечение состава (ТПВ: *Poland has failed to bury its ghosts*; ПВ: *To bury the ghosts of the past*; ПТПВ: *Польша никак не похоронит своих мертвецов*) [www.inosmi.ru]; расширение состава (ТПВ: *9/11 conspiracy theories: The truth is out there...just not on the internet*; ПВ: *The truth is out there*; ПТПВ: *11 сентября глазами конспирологов: истина где-то рядом, но в интернет не выложена*) [www.inopressa.ru].

Синтаксическая трансформация (ТПВ: *No Break in the Ice*; ПВ: *Break the ice*; ПТПВ: *Лед не тронулся*) [www.inopressa.ru].

Перестановка компонентов (ТПВ: *Better never than late seems to be Bush's motto in diplomacy*; ПВ: *Better late than ever*; ПТПВ: *Похоже, девиз дипломатии Буша - 'лучше никогда, чем поздно'*) [www.inosmi.ru].

Комплексная трансформация (ТПВ: *When It Comes to Pollution, Less (Kids) May Be More*; ПВ: *Less is more*; ПТПВ: *Снадите природу - рожайте меньше детей*) [www.inopressa.ru].

В большей части указанных примеров ПТПВ имеют калькированный характер, доля применяемых переводческих трансформаций незначительна. Исключение составляют переводы ТПВ, образованных путем комплексной трансформации и субституции на основе созвучия. В первом случае результатом использования целого ряда приемов трансформации (на основе одного ПВ) становится окказионализм. Переводческая трудность обусловлена необходимостью создания на основе данного индивидуально-авторского образования нового ТПВ на языке перевода с учетом сохранения не только семантического содержания, но и выразительности оригинала, что требует от переводчика привлечения творческого потенциала. Происходит процесс, который, по замечанию С.И. Влахова и С.П. Флорина, переходит грань непосредственно перевода, в данном случае более уместен термин «интерпретация» [Влахов, Флорин 1980: 300]. В случае с каламбуром-созвучием трудность при переводе возникает в виду наличия, по выражению В.С. Виноградова, формальной обусловленности, то есть «зависимости не только от функционально-смыслового содержания игры слов, но и от формы, от созвучия опорного компонента», под которым подразумевается основа «игровой конструкции» [Виноградов 2001: 201]. В подобной ситуации, как подчеркивает Н. Любимов, «переводчик вправе отступить от буквы оригинала, если иначе ему не создать того самого комического эффекта, которого добивался автор» [цит. по Виноградов 2001: 199]. Вопрос того, каковы пределы возможного отступления от исходной формы и содержания ТПВ, находится в зависимости индивидуального переводческого подхода. Так, в приведенном примере переводчик ни аппелировал к ПВ, которое лежит в основе трансформированного высказывания, ни использовал прием создания каламбура созвучия на основе лексических единиц ПЯ, а прибегнул к введению не эквивалентного, но смежного в тематическом плане ТПВ. Таким образом, указанные типы ТПВ имеют пониженную степень переводимости, что подразумевает под собой применение значительного количества переводческих трансформаций и неизбежно определенную долю потерь при передаче высказываний на русский язык.

Низкая степень переводимости характерна также для семантических трансформаций, в числе которых различаем следующие подтипы:

Буквализация значения (ТПВ: *Hitler's Jaws of Death*; ПТПВ: *Челюсти смерти Гитлера* [www.inopressa.ru] — в статье про скандал относительно хранящегося фрагмента черепа Гитлера ПВ *jaws of death* теряет свое образное значение «тиски смерти», в контексте на первый план выходит буквальное семантическое содержание компонента *jaws*).

Двойная актуализация (ТПВ: *BP's Russian partners pour oil on the flames*; ПТПВ: *Российские партнеры BP подливают масла в огонь* [www.inosmi.ru] — двойное восприятие достигается за счет реализации целостного идиоматичного значения ПВ и многозначности одного из его компонентов: *oil* в рамках контекста, касающегося конфликта совладельцев нефтяной компании, понимается также как «нефть»).

Переосмысление значения (ТПВ: *Russia Still Has Georgia On Its Mind*; ПТПВ: *Россия по-прежнему думает о Грузии* [www.inosmi.ru] — лексическая единица *Georgia* в названии песни *Georgia on my mind* изменила свое первоначальное значение «американский штат Джорджия» и приобрело новое: «Грузия»).

Переводческая трудность в указанных примерах обусловлена следующим явлением: происходит разрушение целостности ПВ, в результате выражение воспринимается как сумма значений ее компонентов, новые оттенки значения одного из которых начинают актуализироваться в рамках определенного контекста. Задача состоит в попытке подобрать аналог данного в тексте ПВ, также содержащий многозначный компонент. Это зачастую трудноосуществимо, поэтому переводчик сталкивается с необходимостью осуществлять выбор лишь одного содержательного аспекта элемента ПВ, «жертвует» реализацией другого при переводе.

Другим принципиально важным фактором, детерминирующим эффективность перевода ТПВ, является *тип ПВ* в зависимости от присущего ему уровня значения. И.В. Захаренко, В.В. Красных, Д.Б. Гудков, Д.В. Багаева выделяют в плане содержания ПВ поверхностное значение («равно

сумме значений компонентов высказывания»), глубинное значение («представляет собой семантический результат сочетания компонентов ПВ») и системный смысл («сумма» глубинного значения высказывания и знания ПФ и связанных с ним коннотаций) [Захаренко, Красных, Гудков, Багаева 1997: 95]. Таким образом, группы ПВ подразделяются на: обладающие (1) только поверхностным значением, (2) и поверхностным, и глубинным значениями, включая следующие подгруппы: (2.1.) ПВ, полное понимание которых не зависит от актуализации системного смысла высказывания и (2.2.) понимание которых возможно при условии установления их системного смысла [там же: 97-98]. Необходимо отметить, что ПВ группы 1 присуща наиболее высокая степень переводимости, конструкция исходной формулировки, как правило, «прозрачна», содержательный аспект может быть полностью понятен носителям ПЯ путем калькирования структуры без использования значительных переводческих трансформаций (ТПВ: *The Gas Wars*; ПВ: *Star Wars*; ПТПВ: *Газовые войны* [www.inosmi.ru]). Трудности при переводе ТПВ, образованных от ПВ подгруппы 2.1., могут возникнуть на стадии осмысления значения высказывания, а затем – поиска аналога в ПЯ со смежным глубинным значением, что зачастую приводит к отступлению от исходной структуры и, возможно, использованию нового образа (ТПВ: *Dieting? Put Your Money Where Your Fat Is*; ПВ: *Put your money where your mouth is*; ПТПВ: *Сидите на диете? Начинайте худеть - иначе похудеет ваш кошелек* [www.inopressa.ru]). Перевод ТПВ, в основе которых – ПВ подгруппы 2.2., требует от еще большего проникновения в содержание высказывания, установления его коннотаций и, что самое главное, определения межтекстовых связей. В отличие от ПВ других типов, ПВ 2.1. не утратили связь с первоисточником, она актуализируется в рамках контекста, поэтому задача переводчика - отразить это косвенное указание на прецедентный текст (ТПВ: *Russia Huffs and Puffs as the House Comes Down*; ПВ: *"Then I'll huff, and I'll puff, and I'll blow your house down!"*; ПТПВ: *Россия: Как дуну, как плюну: а домик-то разваливается!* [www.inosmi.ru]).

В отношении определения степени переводимости ТПВ также немаловажен культурологический аспект. Помимо указанных ранее факторов, эффективность передачи ТПВ на ПЯ зависит также от *меры проникновения ПВ в когнитивную базу* принимающего языкового коллектива. Когнитивная база (КБ) рассматривается как «совокупность знаний и представлений всех говорящих на данном языке» [Захаренко, Красных, Гудков, Багаева 1997: 82]. Ключевым в данном случае является факт прямой зависимости степени переводимости ТПВ от меры общности знаний реципиентов текстов на ИЯ и ПЯ, таким образом, чем универсальность и общеизвестность высказывания повышает вероятность его успешной передачи на ПЯ и наоборот: национальная окрашенность ПВ создает трудности в процессе перевода и снижает его эффективность.

В заключении, следует отметить, что указанные факторы влияния на степень переводимости ТПВ не должны рассматриваться в изоляции. Полный анализ возможности эффективной передачи того или иного высказывания на ПЯ возможен только при условии учета всех факторов в их тесной взаимосвязи.

Библиографический список

- Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). – М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. – 224 с.
- Влахов С.И., Флорин С.П. Непереводимое в переводе. – М.: Международные отношения, 1980. – 344 с.
- Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. – М.: ИТДГК "Гнозис", 2003. – 288 с.
- Захаренко И.В., Красных В.В., Гудков Д.Б., Багаева Д.В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. / Ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – М.: «Филология», 1997. – Вып. 1. – С. 82-103.
- Захаренко И.В. К вопросу о каноне и эталоне в сфере прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. / Ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – М.: «Филология», 1997. – Вып. 1. – С. 104-114.
- Швейцер А.Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. – М.: «Наука», 1988. – 215 с.
- www.inopressa.ru
- www.inosmi.ru

© Миронова Д. А., 2010

Нечаева Е. Ф.

Екатеринбург, Россия, nechaeva190@yandex.ru

Фундаментальное отношение «Я – другой» в русском и французском языковых сознаниях

В последнее время одним из самых популярных направлений и вызывающих наибольший интерес языковедов становится коммуникативная лингвистика. Базовой единицей в сфере коммуникации является высказывание, и его изучению посвящены труды многочисленных исследователей, как в России, так и за рубежом. Действительно, как выразился И.Пригожин, «Нам, живущим в конце XX века, накопленный опыт позволяет утверждать, что наука выполняет некую универсальную миссию, затрагивающую взаимодействие не только человека и природы, но и человека с человеком» [6: 21]. Однако, любое высказывание и любое обращение одного субъекта к другому базируется на нормах конкретного языка и на принципах конкретного языкового сознания, которое, как мне представляется, предлагает для каждого языка определенный уровень дистанции между субъектами, собственные приоритеты поведения.

Языковое сознание определяется сегодня, как «закрепленный в грамматических значениях специфический языковой способ отражения действительности народом, говорящем на данном языке». Как замечает Е.И. Горошко, «определение языкового сознания на сегодняшнем этапе развития лингвистики должно быть многоаспектным: либо это единство ментальных и языковых структур в противопоставлении их в совокупности структурам деятельности; либо это знание языка в его строении и в принципах его использования для достижения своих целей, либо это “оперирование языковыми структурами для прояснения когнитивных структур” [Сусов 1988: 174]» [2: 24]. Е.И. Горошко рассматривает языковое сознание в двух аспектах. «В широком значении языковое сознание включает в себя отражение объективного мира в двухстороннем знаке, в котором соединены представления о предметах и явлениях объективного мира со звукомоторными представлениями. Суть этой связи, например, по В. Гумбольд-

ту, отражает внутреннюю форму языка... В узком значении языковое сознание можно определить как отражение специфической языковой структуры в подсознании носителей языка. Это – совокупность законов, правил и закономерностей языка на уровне умений, проявляющееся в умении правильно выбрать и употребить языковые средства в процессе коммуникации» [2: 22]. Задача лингвокультурологического исследования сегодняшнего дня, как мне представляется, заключается в том, чтобы выявить языковые структуры, отражающие суть языкового сознания и отличить их от составляющих концептов, которые дают опорные представления о менталитете в целом.

В рамках лингвокультурологического подхода с привлечением достижений герменевтики выработан особый механизм поиска культурных кодов внутри языка и сущностных структур языкового сознания. Этот механизм предложен Т.Н. Снитко и базируется он на определении «предельных понятий культуры» (8). С моей точки зрения, наибольший интерес для исследования и представляют отношения между предельными понятиями, которые можно обозначить как *фундаментальные отношения* внутри лингвокультуры (Бытие–Обладание, Бог–Дьявол, Жизнь–Смерть). Мне представляется, что именно эти фундаментальные отношения и их воплощение в языке определяют особенности языкового сознания. Примером такого фундаментального отношения внутри лингвокультуры, на мой взгляд, является оппозиция «Я – Другой».

Этому вопросу в философской литературе посвящено огромное количество работ, однако их анализ позволяет сделать вывод о том, что понятия «Я» – «Другой» имманентны культуре, глубоко национальны. Репрезентацией этого отношения в языке являются личные местоимения, система вокативов и грамматические структуры, отвечающие за осуществление коммуникативной функции.

В своей книге «Как иметь дело с русскими» А.В. Павловская пишет: «Иностранцы, живущие в Москве с семьей, не перестают удивляться одной и той же ситуации. Стоит только в холодную погоду выйти погулять

с ребенком без шапки, как на вас обрушивается град советов и упреков в легкомысленном отношении к собственному ребенку. Советы на улицах от посторонних людей – дело привычное для москвичей... Русские чрезвычайно склонны к самокритике и самобичеванию. Но не надо забывать, что это оборотная сторона гордости и самолюбия. Не стоит покушаться на заявления типа: «В этой стране жить нельзя!» Русские часто жалуются на жизнь, но вряд ли они оценят столь же критическое отношение со стороны постороннего человека» [5: 18]. А.В. Павловская объясняет эти черты русского человека чувством коллективизма и особым русским патриотизмом, однако, полагаю, причины этого – гораздо более глубокого порядка и кроются они именно в особенностях русского языкового сознания, «поощряющего» проникновение в «зону другого». Проводя сопоставительный анализ концепта «обладание» в русском и французском языках (4) я констатировала существенное сокращение размеров «персональной зоны субъекта» в русском языке и ее стремление раствориться в «зоне межличностных отношений». Имплицитность фундаментальных экзистенциальных смыслов бытия и обладания в русской речи свидетельствует об уменьшении личностного начала в русской лингвокультуре. О неагентивности, пассивности, отсутствии личностного начала в русском языке говорят многие исследователи. Так Г.П. Мельников, в течение многих лет занимающийся внутренней формой русского языка и видя в ней «ключ к пониманию его особенностей на всех уровнях», пишет, что имплицитность выражения, неактивность, безличность – типичная характеристика русского языка на лексическом уровне. «Неактивность, безличность может быть и грамматической, когда называемое содержание трудно подвести под определенную грамматическую категорию. Например, человека упрекают за многообразные поступки и заключают: «Естественно, что все это мало кому может понравиться» [3: 10]. А. Вежицкая отмечает, что: «Богатство и разнообразие безличных конструкций в русском языке показывают, что язык отражает и всячески поощряет преобладающую в русской культурной традиции тенденцию рассматривать мир как совокупность собы-

тий, не поддающихся ни человеческому контролю, ни человеческому разумению, причем эти события, которые человек не в состоянии до конца постичь и которыми он не в состоянии полностью управлять, чаще бывают для него плохими, чем хорошими... Неагентивность – ощущение того, что людям неподвластна их собственная жизнь, что их способность контролировать жизненные события ограничена; склонность русского человека к фатализму, смирению и покорности; недостаточная выделенность индивида как автономного агента, как лица стремящегося к своей цели и пытающегося ее достичь, как контролера событий» [1: 33]. Действительно, когда русский человек не хочет что-либо делать, у него «руки не доходят», когда не хочет идти куда-нибудь – у него «ноги не идут»... Однако, отмеченное многими, слабо выраженное личностное начало в русском языке в зоне «Я», оказывается весьма комфортно себя чувствующим в зоне «Ты», и можно констатировать перемещение «персональной зоны субъекта» в «зону другого» (см. фактологический материал и доказательную базу в исследовании).

Что касается французского языка и французского языкового сознания, то там, напротив, констатируется ярко выраженное личностное начало и четкая граница между «я» и «ты». Для французского языкового сознания существует принцип: *Каждый для себя, и Бог для всех (chacun pour soi et Dieu pour tous)*.

Таким образом, самый главный вопрос состоит, на мой взгляд, в том, какие характеристики выставляет языковое сознание в качестве приоритетов, и что оно считает добродетелью, а что пороком. Наряду с лицемерием, которое наблюдается во французском обществе, с точки зрения русских, французов часто упрекают в скупости. Действительно, француз, скорее всего, не предложит заплатить за ваш кофе, но связано это опять же с разным пониманием скупости русским и французским языковыми сознаниями. С точки зрения русских, скупость – это нежелание поделиться своим. С точки зрения французов – подсознательное ожидание, что кто-то должен с тобой поделиться. Знаменитое русское гостеприимство, неодно-

кратно блестяще продемонстрированное русскими классиками, также является собой добродетель только с позиции русского языкового сознания, с позиции же французов – оно, порой, воспринимается в качестве насилия.

Знаменитый французский исследователь П. Рикер во время встречи с российскими учеными очень верно сформулировал мысль о признании взаимопонимания и взаимоуважения как высшей морали и высшей ценности человечества. «Понимание в процессе публичной дискуссии неминуемо ведет к уважению личности и, помимо этого, к самоуважению и взаимному признанию личности друг в друге». [7: 52]. Безусловно, самоуважение и признание личности друг в друге – есть главная общечеловеческая ценность, однако понимание ее и пути реализации для французского и русского языковых сознаний оказываются принципиально различными в связи с различным представлением в языке фундаментального отношения «Я – Другой». Во французском языке – это оппозиция, в русском – наложение.

Библиографический список

- Вежицкая А.* Семантические универсалии и описание языков – М.: Языки русской культуры – 1999 – 775с.
- Горошко Е.И.* Языковое сознание (ассоциативная парадигма). Диссертация доктора филол. наук, - Москва, - 2001. – 600 с.
- Мельников Г.П.* Внутренняя форма русского языка – ключ к пониманию его особенностей на всех уровнях // Беседы в обществе любителей российской словесности. – http://www.lgg.ru/slovo/Virtual_Sbornik.html
- Нечаева Е.Ф.* Концепт «обладание» как предельное понятие во французской и русской лингвокультурах. Дисс. канд.фил. наук, Тверь, –2008. – 178с.
- Павловская А.В.* Как иметь дело с русскими. Путеводитель по России для деловых людей. М.: Изд-во МГУ, 2003. – 96 с
- Пригожин И.* Философия нестабильности // Синергетическая парадигма. М., -2002, - 221с.
- Рикер П.* Герменевтика. Этика. Политика. Московские лекции и интервью. Москва, АО «КАМІ», Издательский центр «Academia». – 1995. – 160 с.
- Снитко Т.Н.* Предельные понятия в Западной и Восточной лингвокультурах / Снитко Т.Н. – Монография. – Пятигорск: Пятиг. гос. лингв. ун-т, 1999. – 156 с.

© Нечаева Е. Ф., 2010

Обухова Т. А.

Челябинск, Россия, tanyka84@mail.ru

Обозначения кратковременности в русском и французском языках

Фундаментальные категории пространства и времени традиционно считаются наиболее актуальными и одновременно длительно дискуссионными. Проблемы, с ними связанные, имеют различный характер, объем, разные аспекты, полимодальность и уровни. Они обсуждаются на теоретическом уровне в разных сферах знаний – в физике и математике, биологии и психологии и вычлняются в числе основных в философии.

Большинство философов рассматривают время как субъективный феномен. Яркая характеристика психологического времени – существование его в виде психологической временной перспективы, где прошлое время представлено памятью. Настоящее – созерцанием, а будущее – воображением – выделяется практически всеми авторами. Считается, что сущность времени можно раскрыть лишь в отношении его к человеку и поэтому время является некой формой «интуиции», которая соответствует внутреннему чувству. Так как объективного объяснения категории времени нет, оно интерпретируется субъективно. Субъективная оценка времени базируется на эмоциях и чувствах, которые непрерывно меняются, поэтому время может протекать быстро или медленно, останавливаться или менять свое направление.

Так как восприятие и конструирование времени по-разному осуществляется в разных культурах, то в современной цивилизации культуры делятся на «восточную» и «западную», полихронную и монокронную соответственно. Эти две культуры по-разному относятся ко времени. Полихронные культуры ориентированы на общение с людьми, налаживание связей, семью, а монокронные – на задачу, работу с формальными данными, личные достижения.

Одна из главных проблем европейской культуры – наилучшее использование времени. Человеческая деятельность является целенаправ-

ленной, то есть соотношенной с будущим. Таким образом, объективность времени, содержащаяся в социальных действиях, неотделима от его восприятия и концептуализации.

Время (*temps*) – это смысловая доминанта, представляющая собой ключевое слово, смысловую веху для определенных отрезков времени. *Час, минута, секунда, миг, мгновение* – входят в лексико-фразеологическое поле концепта *время* как видовые значения, обозначающие определенные отрезки времени, наполняя и дополняя концепт *время* новыми смыслами. Они способствуют более полному осознанию концептуальных признаков основного мыслительного образования, объективируемого словом *время*.

Каждое из слов, описывающих короткий интервал времени в русском языке (*минута, миг, мгновение и момент*), представляет собой неделимую единицу соответствующей временной системы. Большинство данных слов могут употребляться в тождественных ситуациях. В повседневной речи кратковременность некоторых действий описывается, как правило, с помощью слов *минута* и *секунда*.

Каждый из показателей кратковременности по-своему передает восприятие и переживание времени субъектом речи. Переживание времени подразумевает не просто констатацию длительности каких-либо временных единиц (*минут, секунд, мгновений*), но оценку – эмоциональную, рациональную и пр. – событий, заполняющих соответствующие временные промежутки. Так *миг* и *мгновение* передают особое эмоционально-насыщенное мироощущение говорящего. Сверхкраткость семантики этих слов сгущает и уплотняет само время, повышая ценность каждой его “частицы”. Как следствие, в сферу описания этих слов попадают значимые для говорящего, раритетные события. В различных высказываниях русского языка отдается предпочтение *моменту*, т.к. он является неким условным обозначением времени и свободен от ассоциаций с какими-либо “сроками”.

“Временной осью” для *минуты* является жизнь отдельного человека. «В самом деле, если в жизни человека возможны и *трудные моменты*, и *трудные минуты*, то в жизни социума – только *трудные моменты*;

трудных (или прекрасных) минут не переживает ни общество, ни государство; это удел человека» [Яковлева 1994: 126].

Аналогично русским обозначениям кратковременности, во французском языке существуют следующие обозначения промежутков времени: *heure* (час), *moment* (момент), *minute* (минута), *instant* (мгновение). В современном французском языке более частотны сочетания с существительным *heure* (час), в котором выделяются такие значения как: квантифицированное время, точный момент, точность, неопределённый момент. Так выражение *l'heure c'est l'heure* – обычно ставит русских людей в тупик и понимается дословно (*час – это час*, или, *время – это время*). Однако для французского сознания *час* ассоциируется с точностью, пунктуальностью.

Французское слово *minute* (минута), как и в русском языке находится на “оси жизни” отдельного человека, его эмоций и настроений. Однако, по сравнению с русским языком *minute* (минута) менее употребительна и наполнена другими семами: точность, аккуратность, пунктуальность. *Minute* проецируется на конкретную временную событийную ось и обозначает эмоциональное напряжение. В сравнении с *minute* (минута) *moment* (момент) является более употребительным во французском языке и обладает относительной свободой от идеи количественного времени. Слово наполняется семами, такими как *удобное время*, *досуг*, *условный момент*.

Французские *heure*, *minute*, *seconde* – знаки бытового времени частного человеческого существования, времени повседневного, которое подлежит измерению на оси отдельной человеческой жизни и может планироваться. *Moment*, *instant* – обычно используются для изображения особого эмоционального мироощущения. Это лексика надбытового времени. Знаки рационального аналитического восприятия времени, времени стечения обстоятельств и сплетения событий.

Контрастивное изучение описанных единиц позволяет усмотреть наряду с совпадающими признаками заметную разницу в восприятии временных категорий в русском и во французском языках.

1. В наивной картине мира человека время членится на определённые промежутки времени, интуитивно сближается с периодом жизненного существования, являясь при этом важнейшей универсалией человеческого бытия.

2. Русское языковое представление об отрезках времени носит больший эмоциональный оттенок, чем их французские эквиваленты. Время мыслится как нечто неуловимое, неосязаемое и быстротечное. Оно неизбежно связано, и с прошлым и с будущим: “Есть только миг между прошлым и будущим, именно он называется жизнь”.

3. С точки зрения восприятия, во французском языке наблюдается более длительное протекание времени по сравнению с русским языком, оно в большей степени структурировано и ассоциируется с точностью, пунктуальностью.

Библиографический список:

Гуревич А.Я. Время как проблема культуры // Вопросы философии, 1969, №3, с.105-116.

Дюркгейм Э., Мосс М. О некоторых первобытных способах классификации. К исследованию коллективных представлений (1903) // *М. Мосс* Общество. Обмен. Личность. (Труды по социальной антропологии) / Пер. с фр. М., 1996, с.6-73.

Зинченко В.П. От генезиса ощущений к образу мира // *А.Н.Леонтьев* и современная психология. М., 1983

Леонтьев А.А. Языковое сознание и образ мира // Тезисы IX Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. М., 1988.

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.

Леонтьев А.Н. Образ мира // Избранные психо-логические произведения. М., 1983.

РАС — Русский ассоциативный словарь. Кн.1 и 2. М., 1994, Кн. 3 и 4. М., 1996.

Савельева И.М. Полетаев А.В. История и время. В поисках утраченного. М., 1997.

Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры (опыт исследования). М., 1997.

Тарасов Е.Ф. Межкультурное общение — новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 1996, с.7-20 .

Уфимцева Н.В. Русские: опыт ещё одного самопознания // Этнокультурная специфика языкового сознания, М., 1996, с.139-163.

Яковлева Е.С. Час в системе русских названий времени // Логический анализ языка. Язык и Время. М., 1997, с.267-281.

Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира. М., 1994, с. 102-138.

Kiss G., Armstrong C., Milroy R. The Associative Thesaurus of English. Edinburgh: Univ. of Edinb. MGC Speech and Communication Unit, 1972.

© Обухова Т. А., 2010

Олешков М. Ю.

Нижний Тагил, Россия, oleshkov@rambler.ru

Когнитивный аспект лингвистического анализа текста/дискурса

В основе современных исследований дискурса лежит функционально-семантический анализ как один из наиболее известных современной лингвистике способов обеспечить выяснение роли того или иного языкового средства в организации текста (= продукта дискурсивной практики). При этом важное место отводится не только коммуникативной природе текста, но и когнитивной специфике его бытования. В частности, актуальность изучения когнитивной основы языковых явлений в связи с их функционально-коммуникативными свойствами подчеркивается Е.С. Кубряковой: «...каждое языковое явление может считаться адекватно описанным и разъясненным только в тех случаях, если оно рассмотрено на перекрестке когниции и коммуникации» [Кубрякова 2004: 11-12].

Сегодня появляется возможность исследовать коммуникативные процессы на когнитивном уровне в контексте их структуры (категориальный анализ), на интенциональном уровне (интент-анализ), в кодифицированном аспекте на уровне модели, в синергетическом плане (изучение динамики развития текста с учетом аттракторов) и др. Естественно, что релевантность подобных исследований во многом обусловлена уровнем разработанности теоретического аппарата таких направлений языкознания, как коммуникативная лингвистика, прагмалингвистика и лингвосинергетика.

Одним из актуальных направлений современной когнитивной лингвистики является изучение коммуникативных функций концептов и исследование их «бытования» в тексте/дискурсе.

Ментальной сферой (областью концептуализации) является актуализируемое различными типами текстов когнитивное пространство человека, включающее весь массив знаний об окружающем мире. При этом языковые значения слов, высказываний и т.п. «соотносимы с определенными контекстами – когнитивными структурами или блоками знания, которые стоят за этими значениями и обеспечивают их понимание» [Болдырев 2000: 25]. Основной единицей ментальности, по современным представлениям представителей когнитивной лингвистики, является концепт как «отпечаток духовного опыта человека определенной культуры» [Тильман 1999: 9].

В исследованиях последних лет концепт предстает не просто как единица уровня ментальных репрезентаций, а как явление, интегрирующее взаимодействие сознания, языка, текста и культуры, что позволяет исследователям акцентировать такое свойство концепта, как его динамичность.

Действительно, если концепты рассматривать как динамические явления, обеспечивающие взаимодействие языка, сознания и культуры, как единицы, характеризуемые потенциальностью смыслов, то можно констатировать, что они реально проявляют себя только на дискурсивном уровне в условиях взаимодействия всех перечисленных феноменов. Анализ функционирования концептов как структур хранения знаний в дискурсивной практике позволяет по-новому взглянуть на их структурно-содержательные и когнитивные свойства.

Концепт получает свою содержательную определенность только в коммуникации (на уровне дискурсивной реализации), поэтому изучение концептов (их структурно-содержательное моделирование, типологизация) должно проводиться с учетом не только ментально-психических характеристик, но и их функционально-коммуникативного измерения. Е.А. Сели-

ванова, характеризуя моделирование как основу концептуального анализа в когнитивной науке, подчеркивает, что «когнитивная теория дискурса рассматривает в качестве первоочередной задачи создание ментального прообраза всего информационного пространства коммуникативной ситуации, в том числе текста как ее семиотического посредника» [Селиванова 2002: 241]. Такой анализ позволяет исследователю осуществить корреляцию коммуникативно-дискурсивных характеристик концептов с их структурно-содержательными признаками. Когнитивно-культурологические параметры концепта, отражая в дискурсе единство языка, мышления и культуры, позволяют рассматривать его в качестве комплексной полевой структуры. Концепт является основной единицей концептосферы дискурса говорящего/слушающего. Он включает в себя ментальные «установки», которые свойственны коммуникантам, так как они отражены в коллективном сознании этноса и являются прагматически значимыми для членов социума.

Разные референциальные типы концептов характеризуются различными особенностями коммуникативно-дискурсивной реализации (особенно ярко эти процессы проявляются в институциональных дискурсах). Можно сказать, что в рамках реальной дискурсивной практики концепт выступает интегративным элементом в отношении сознания, культуры и языковой системы в целом. В. З. Демьянков отмечает: «Дискурс концентрируется вокруг некоторого опорного концепта; создает общий контекст, описывающий действующие лица, объекты, обстоятельства, времена, поступки и т. п., определяясь не столько последовательностью предложений, сколько тем общим для создающего дискурс и его интерпретатора миром, который «строится» по ходу развертывания дискурса» [Демьянков 1982: 7]. Другими словами, динамичность как свойство концепта заключается в дискурсивно-коммуникативной обусловленности его реализации в дискурсе, в функциональности его существования как единицы не только принадлежащей уровню ментальных представлений или уровню культуры, но и объединяющей эти уровни в реальной коммуникации. В

определенной мере концепт является «свернутой» моделью дискурса или его фрагмента, в которой латентно «присутствуют» все возможные потенциальные реализации.

Определение концепта как присутствующей в сознании носителя языка в «свернутом» виде и реализующейся в процессе коммуникации на уровне дискурса структуры хранения знаний подразумевает необходимость и обязательность его устойчивого обозначения в виде коммуникативно-релевантного понятия. Это может быть слово, сложная номинация, бытующая в общенациональном дискурсе, или же устойчиво релевантное (прецедентное) для отдельной социальной группы высказывание. Вербализация концепта как ментального стереотипа в дискурсивной практике позволяет коммуникантам адекватно воспринимать информацию; более того, индивидуальные системы концептуальных представлений во многом определяют содержание высказываний, продуцируемых участниками речевого взаимодействия, и структуру порождаемого дискурса в целом.

Наличие в сознании индивидов сформированных концептуальных систем (концептосфер), которые определяют их «персональные» ментальные пространства, во многом обеспечивает координацию коммуникативных действий участников общения (понятно, что уровень эквивалентности таких образований должен быть достаточным). Таким образом, когнитивный анализ дискурса возможен на основе исследования его «концептуальной» динамики, а изучение концептосферы может осуществляться в рамках функционирования концептов в дискурсе.

В частности, каждый тип институционального дискурса «содержит» в своей основе базовый концепт, который имплицитно проявляет себя на уровне макроинтенции говорящих (в юридическом дискурсе – «закон», в религиозном – «вера», в политическом – «власть» и т.п.). Его непосредственная вербализация (актуализация на вербальном уровне) может отсутствовать в «теле» текста/дискурса, а может, наоборот, явно проявляться в речи коммуникантов. Для когнитивно-дискурсивного анализа

процесса коммуникации наличие (и выявление) базового концепта имеет важное, но, в основном, методологическое значение: позволяет исследователю (наряду с другими существенными показателями) классифицировать тот или иной дискурс институционально.

Непосредственно в поле зрения исследователя оказываются только эксплицитно вербализованные «локальные» концепты. Базовый концепт проявляет себя в глобальной теме дискурса, в его макроструктуре, когнитивной схеме [Дейк, Кинч 1988; Макаров 2003], которая, в частности, эксплицируется в коммуникативном фокусе диалога на пропозиционном уровне, в метакоммуникативных компонентах организации текста/дискурса, в дейктических элементах и др.

Итак, коммуникативно-когнитивное пространство текста/дискурса интенционально задает номенклатуру концептов и репрезентирующих их языковых структур. Для когнитивного структурирования и моделирования концептосферы дискурса релевантными являются не только базовый, но и локальный тип концепта.

Локальные концепты, порождаемые в дискурсе, в отличие от базового, нельзя воспринимать как нечто заданное, фиксированное. Они постоянно производятся в процессе речевого взаимодействия на основе экспектаций коммуникантов и, соответственно, верификации вероятностных инференций. Их вербальное воплощение доступно исследователю на уровне выявления *концептуальных квалификаторов* – материально выраженных вербальных единиц (словоформ, высказываний и др.), обеспечивающих «концептуальную» основу общения, причем коммуникативно-прагматические параметры выделения квалификационных смыслов лингвистических единиц, вероятно, достаточно субъективны как со стороны коммуникантов, так и с точки зрения наблюдателя (исследователя).

Концептуальные квалификаторы могут быть выражены эксплицитно или проявлять себя на имплицитном уровне. Этот процесс связан с актуализацией концепта. Основным (но не единственным) эксплицитным актуализатором концепта является значение слова. «Любой частный ак-

туализатор концепта – слово, фразеологизм, синтагма и т. д. – не представляет собой изолированной единицы, а включается в общую систему актуализаторов, которую можно представить в виде ассоциативно-семантического поля» [Бобкова 2007: 8].

Экспликация концептов в виде системы актуализаторов осуществляется на пропозициональном уровне. Именно выстраивая «цепочку» пропозиций, то есть актуализируя (имплицитно или посредством квалификаторов) определенный концепт, говорящий сводит к минимуму интерпретативную деятельность реципиента. Фактически продуцент речи последовательно продвигается от одного кванта информации к другому (от одной пропозиции к другой), синхронизируя этот процесс с ментальной областью собеседника, обеспечивает оптимальные условия адекватного восприятия новой информации и когерентность дискурса в целом [Олешков 2008].

Итак, когнитивное исследование дискурса и текста как результата дискурсивного процесса может быть осуществлено на основе когнитивно-дискурсивного моделирования, включающего пропозициональный, контекстуальный и концептуальный анализ в их интеграции.

Такой дискурсивно-когнитивный анализ речевого взаимодействия возможен с учетом контекста, в котором выделяется смысловое ядро (базовый концепт), отражающее на онтологическом уровне структуру общения и деятельности, и периферия – совокупность интенционально обусловленных локальных концептов, пропозиционально «цементирующих» дискурс.

Библиографический список

- Бобкова Ю. Г. Концепт и способы его актуализации в идиостиле В. П. Астафьева (на материале цикла «Затеси»). Автореф. ... дисс. канд. фил. наук. 10.02.01. – Пермь, 2007. – 23 с.
Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. – Тамбов: Изд-во Тамб. гос. ун-та, 2000. – 172 с.
Дейк Т. А. ван, Кинч В. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 23: Когнитивные аспекты языка. – М.: Прогресс, 1988. – С. 153–211.

Демьянков В. З. Англо-русские термины по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста. Вып. 2. Методы анализа текста // Всесоюзн. центр переводов. Тетради новых терминов, 39. - М., 1982. - Вып. 2. - 90 с.

Кубрякова Е. С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Известия АН. Серия литературы и языка, том 63, № 3. - М., 2004. - С. 3-12.

Макаров М. Л. Основы теории дискурса. - М.: Гнозис, 2003. - 277 с.

Олешков М. Ю. Пропозиция как основа когерентности дискурса (опыт анализа устных дидактических текстов) // Коммуникация в современной парадигме социального и гуманитарного знания: Материалы 4-й международной конференции РКА «Коммуникация-2008». - М., 2008. - С. 355-357.

Селиванова Е. А. Основы лингвистической теории текста и коммуникации. - К.: ЦУЛ, «Фитосоциоцентр», 2002. - 336 с.

Тильман Ю. Д. Культурные концепты в языковой картине мира: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - М., 1999. - 25 с.

© Олешков М. Ю., 2010

Пасечник Т. Б.

Коломна, Россия, РТВ.65@mail.ru

Внутренняя форма как компонент семантической структуры фразеологизма (на материале сопоставительного исследования русских и английских фразеологизмов с числовым компонентом)

Во многих исследованиях по фразеологии отмечается важная роль внутренней формы в семантической структуре фразеологизмов. По отношению к слову А.А. Потебня рассматривал внутреннюю форму как его исходно-этимологическое значение или как образные элементы в его значении: «...Этимологическое значение ... тоже есть форма, только внутренняя» [Потебня 1982: 102].

Многие лингвисты подчеркивали различия между внутренними формами ФЕ и слова. Различие между ними заключается в том, что если внутренняя форма слова способна отражать какое-либо отличительное свойство, признак предмета, то внутренняя форма ФЕ, как правило, отражает конкретный, единичный и вместе с тем мыслимый обобщенный образ, созданный на базе представлений о сумме отличительных признаков, образующих составное значение того или иного

прототипа, который лег в основу ФЕ (например, переменного сочетания слов) [см. Хостай 1997].

Внутренняя форма ФЕ значительно более стойкая, чем внутренняя форма слова, что объясняется преобразованным характером фразеологического значения, преобладанием мотивированных фразеологизмов, их раздельнооформленностью, а также спецификой их взаимоотношений с прототипами.

А.В. Кунин полагал, что «все ФЕ восходят к потенциальным фразеологизмам, которые обозначают познанные человеком объекты вне языковой действительности. Но это не означает, что все ФЕ проходят один и тот же путь развития, так как в их основе лежат разные прототипы» [Кунин 1996: 166]. Он различает прототипы четырех видов - речевые, языковые, внеязыковые и смешанные, а внутренние формы - простые и сложные. Эта классификация основана на едином принципе, так как учитывается материал, на основе которого возник фразеологизм. Речевым и языковым прототипам соответствует простая или сложная внутренняя форма, а внеязыковым и смешанным - только сложная.

К ФЕ, восходящим к речевым прототипам - переменным словосочетаниям, относятся обороты с прозрачной внутренней формой: (англ.) *to kill two birds with one stone* (букв. убить двух птиц одним камнем) – (рус.) *убить 2-х зайцев (одним выстрелом)*; (англ.) *one side of the medal* (букв. одна сторона медали) – (рус.) *одна сторона медали (ситуации, явления)*. В данных примерах внутренняя форма ФЕ основана на образном переосмыслении ситуации, предмета.

Внутренняя форма свойственна не только ФЕ со структурой словосочетания, но и ФЕ со структурой предложения, восходящим к переменным предложениям. Так, в основе поговорки *when one door closes, another opens* (букв. когда одна дверь закрывается, другая открывается) лежит образ двери как вновь открывающейся взамен утраченной возможности.

По классификации А.В. Кунина прототипом второго фразеосемантического варианта часто является первый, компоненты которого име-

ют буквальное, но осложненное значение. Так, к языковым прототипам относятся ФЕ, от которых в рамках третичной номинации образованы другие ФЕ. Например, английская ФЕ *birds of a feather* (в значении «люди одного склада, один другого стоит») не восходит непосредственно к переменному словосочетанию, а опосредована соответствующей пословицей (*birds of a feather flock together* (букв. Птицы одного пера держатся стаями) - Рыбак рыбака видит издалека). Фразеологические дериваты включаются в словари как отдельные единицы наряду с их фразеологическими прототипами.

К внеязыковым прототипам (осложненная внутренняя форма) относятся различные экстралингвистические факторы, с которыми ФЕ связаны деривационными отношениями. К таким факторам, способствовавшим появлению ФЕ, относятся легенды, традиции, исторические факты и др.

В.Н. Телия, осмысливая культурно-национальную специфику фразеологизмов, отмечает, что «система образов, закрепленных в фразеологическом составе языка, служит своего рода «нишей» для кумуляции мировидения и так или иначе связана с материальной, социальной или духовной культурой данной языковой общности, а поэтому может свидетельствовать о ее культурно-национальном опыте и традициях» [Телия 1996].

Примером ФЕ с внеязыковым прототипом в английском языке может служить фразеологизм *baker's dozen* (букв. пекарская дюжина)–чертова дюжина. По старинному обычаю, торговцы хлебом получали от пекарей тринадцать хлебов вместо двенадцати, причем тринадцатый шел в счет дохода торговца. Русская ФЕ *чертова дюжина*, обозначающая число 13 приобрела негативную коннотацию из-за суеверного отношения к этому числу, ассоциируемому с несчастьем (чертова – исходящая от нечистого).

К смешанным прототипам относятся ФЕ, восходящие к тому или иному литературному источнику, от которых образованы другие ФЕ путем фразеологической деривации.

Хотя внутренняя форма является компонентом семантической структуры фразеологизма, приведенный выше анализ показал тесное взаимодействие внутренней формы с различными прототипами фразеологизмов как в рамках семантической структуры, так и за ее пределами. Подобное взаимодействие приводит к образованию простой или осложненной внутренней формы. На характер внутренней формы оказывает также влияние фразеологическая абстракция, полное или частичное переосмысление фразеологизма, безобразное семантическое преобразование и его раздельно-оформленность.

Таким образом, внутренняя форма ФЕ как один из формальных элементов, организующих содержание фразеологизма, подчинена потребностям выражения определенного фразеологического значения и является фактором, определяющим его своеобразие.

Библиографический список

- Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. - М.: Высш. шк., Дубна: Изд. Центр «Феникс», 1996. - 381 с.
Потебня А.А. Мысль и язык. – 2-е изд. - Харьков, 1982. - С. 102.
Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический прагматический и лингвокультурологический аспекты. - М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. - 284 с.
Хостай И.С. Системно-функциональные характеристики фразеологических единиц библейского происхождения в английском языке: Дис. ... канд. филол. наук. - Москва, 1997.

© Пасечник Т. Б., 2010

Пестовская С. Н., Хромова А. С., Федуленкова Т. Н.
Архангельск, Россия, pestovskaysveta@rambler.ru

Деловая фразеология в межкультурной коммуникации

В настоящее время, в период бурного развития международных отношений, знание делового английского языка как общепринятого сред-

ства общения необходимо для большинства специалистов в области экономики. Изучение языка бизнеса не только упрощает процесс вхождения в профессионально-деловую сферу, в сферу трудоустройства в зарубежных и российских компаниях, но и, естественно, способствует дальнейшему самообразованию и профессиональному совершенствованию молодых специалистов. Спрос на специалистов, не только владеющих деловым английским языком, но и способных творчески подойти к решению важных задач, постоянно увеличивается [Федуленкова 1999: 120]. Овладение иностранным языком как носителем информации об особенностях характера народа и культуры страны играет неопределимую роль в формировании творческой личности [Федуленкова 2000: 17]. В целях обретения свободы владения деловым языком недостаточны знания только лишь лексики, синтаксиса и стилистики делового английского языка. Правильное оформление деловой корреспонденции, а также непосредственное общение с зарубежным партнером требуют адекватного понимания фразеологических единиц, т.е. устойчивых сочетаний слов с полностью или частично переосмысленным значением [Кунин 1970: 210]. Именно фразеологизмы отражают особенности восприятия и отношения народа страны изучаемого языка к окружающему миру [Fedulenkova 1997: 67].

Поэтому необходимой частью обучения молодых специалистов в области экономики, финансов, аудита считаем обучение основам фразеологии делового языка. Достойным внимания в этом процессе считаем программу факультативного курса «Фразеология делового английского языка» [Федуленкова 1997б: 133], который был внедрен в вузовские планы в целях ознакомления студентов-экономистов с особенностями употребления фразеологических единиц в языке бизнеса.

Отметим, что не только в деловой сфере, но и среди филологов [Федуленкова 1999: 117] широко распространено мнение о том, что язык бизнеса состоит лишь из фактов и цифр и лишен образности и переосмысления компонентов исходных словосочетаний. Однако проведенный анализ

делового лексикона свидетельствует об обратном процессе: фразеологический фонд делового английского языка постоянно пополняется в следующих направлениях:

а) выражениями, свойственными лишь языку бизнеса и понятными узкому кругу специалистов, например: *rest-of-world account* (досл.: счет мирового остатка) – *счет заграничных операций в системе национальных счетов*, *little dragons* (досл.: маленькие драконы) – разговорное название *азиатских стран* – Сингапура, Гонконга, Тайваня, Южной Кореи, которые благодаря своей динамичности и эффективности составляют угрозу доминирующим позициям Японии («большому дракону»); *free astray* (досл.: свободная потеря пути) – *бесплатно как засланный*, о грузе, ошибочно разгруженном не на станции назначения и отправленном бесплатно по правильному назначению;

б) фразеологическими единицами, заимствованными из общеразговорного английского языка, например: *wear and tear* (досл.: носка и износа) – *уменьшение цен на грузовые машины из-за их старости или разрушения*, *take a bath* (досл.: принять ванну) – *понести большие убытки по инвестициям или спекулятивной цене*, *turn the corner* (досл.: повернуть за угол) – *преодолеть самый тяжелый период кризиса, пройти самый трудный отрезок пути*; *to catch a cold* (досл.: поймать холод) со значением *потерять деньги в деловой сделке* и др.

Освоение фразеологии делового английского языка способствует разрушению барьеров межкультурного восприятия, субъективных и односторонних устойчивых представлений об особенностях той или иной нации или культуры. В связи с этим считаем необходимым обратить пристальное внимание на экономические термины-фразеологизмы [Федуленкова 1997а: 95], на ФЕ-термины с компонентом именем собственным, особенно подчеркивающим национально-культурное своеобразие изучаемой фразеологии [Fedulenkova 2002: 257]: *Lloyd's List* – ежедневная газета, в которой публикуются передвижения судов во всем мире; *Parallel Market* – фондо-

вый рынок со сниженными требованиями при фондовой бирже Амстердама (в Нидерландах); **Park Avenue** – улица, пересекающая Манхэттен с севера на юг и являющаяся средоточием финансово-кредитных институтов и мн. др.

Фразеологические единицы такого характера способствуют более глубокому ознакомлению обучающихся с историей развития международных экономических отношений [Fedulenkova 2004: 2]. Так, значительную часть деловой фразеологии представляют выражения с компонентом – географическим названием места принятия акта или соглашения, например: **Jamaika Agreement** (досл.: Ямайское соглашение) – *соглашение о переходе к плавающим курсам и выведении золота из международной валютной системы в 1976 г.*; **Rio Agreement** (досл.: соглашение Рио) – международное соглашение о введении системы *специальных прав заимствования*; **Bretton Woods** (досл.: Бреттонские леса) – *Бреттонвудское соглашение о послевоенной валютной системе в 1944 г.*

При ознакомлении с деловой фразеологией английского языка важно проследить генетические корни особенностей культурологического восприятия англичанина в процессе формирования деловой терминологии фразеологического характера, в составе которой имеются компоненты, обозначающие национальность или название страны, например: **Dutch auction** (букв.: голландский аукцион) – *такой аукцион, когда аукционист называет цену, постепенно снижая ее, пока не найдется покупатель*; **Yankee bonds** (букв.: облигации Янки) – *долларовые облигации, выпущенные иностранцами на рынке США*; **Chinese Walls** (букв.: китайские стены) – *принцип «китайских стен»: жесткое разделение функций инвестиционного банка в сфере корпоративных финансов и торговли ценными бумагами во избежание злоупотреблений*; **Chinese accounting** (букв.: китайский бухгалтерский учет) – *фальшивое счетоводство*. Дефиниции приведенных примеров выявляют отрицательную коннотацию при употреблении имен собственных *Dutch* и *Chinese* в деловой фразеологии.

Дифференциация семантики фразеологизмов, например, определение мотивированного или немотивированного характера словосочетания, учит соотносить экономические реалии с реалиями общественной жизни: **blind partner** (досл.: слепой партнер) – *партнер, не дающий о себе информации*; **black knight** (досл.: черный рыцарь) – *лицо или компания, пытающаяся купить, взять под контроль другую компанию, не желающую продаваться*; **red chips** (досл.: красные фишки) – *первоклассные китайские акции на фондовом рынке Гонконга*; **green card** (досл.: зеленая карта) – *право на работу в США*; **sin tax** (досл.: налог на грех) – *налог на алкоголь, сигареты, азартные игры или другую деятельность, которую традиционно считают греховой*; **tequila crisis** (досл.: текиловый кризис) – *финансовый кризис и крах национальной валюты в Мексике в 1994 г.* и др.

Изучение фразеологии английского языка в области аудита, финансов и кредита дает возможность повысить культурный, гуманистический потенциал специалистов, т.к. в этом случае фразеология делового английского языка становится не только средством познания сходств и различий культурологических особенностей страны изучаемого языка, но и адекватным и выразительным средством коммуникации.

Библиографический список

Кунин А.В. Английская фразеология. – М.: Высш. шк., 1970.

Федуленкова Т.Н. Взаимодействие нового и традиционного в преподавании английского языка в МИФУБ // Традиции и новаторство в развитии образования: Материалы межрегион. науч.-практ. конф. – Тюмень, 1999. – Ч. II. – С. 117–119.

Федуленкова Т.Н. Новые тенденции в организации преподавания иностранных языков в вузе // Человек, рынок, образование на рубеже XXI века: Материалы международной науч.-практ. конф. – Томск, 1999. – С. 120–122.

Федуленкова Т.Н. О роли иностранного языка в деловой коммуникации // Россия и Европейский Север в начале XXI века: Сб. докл. и материалов междунаро. науч.-практ. конф. студентов. – Архангельск, 2000. – С. 17–18.

Федуленкова Т.Н. Проблемы онтогенеза фразеологической терминологии // Терминоведение / Под ред. В.А. Татарникова. – М., 1997а. – Вып. 1–3. С. 95–97.

Федуленкова Т.Н. Спецкурс по английской фразеологии: методы, опыт, эффективность // Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики: Сб. науч. тр. – Тюмень, 1997б. – С. 133–141.

Fedulenkova T. Business Phraseology in ESP: Cross-Cultural Approach // The Role of English in Institutional and Business Settings: an Intercultural Perspective / ESSE 7 Conference: Abstracts of Seminar 37 / Ed. G. Garzone. – Zaragoza, 2004. – P. 2.

Fedulenkova T. Idioms as an Effective Means in Intercultural Approach // Approaches to Teaching English in an Intercultural Context / Meta Grosman (ed.). – Ljubljana: University of Ljubljana, Faculty of Arts, 1997. – P. 67-74.

Fedulenkova T. Idioms in Business English: Ways to Cross-cultural Awareness // Domain-specific English: textual practices across communities and classrooms / Giuseppina Cortese & Philip Riley (ed.). – Bern; Berlin; Bruxelles; Frankfurt am Mein; New York; Oxford; Wien: Lang, 2002. – P. 247-269.

© Пестовская С. Н., Хромова А. С., Федуленкова Т. Н., 2010

Пименов Е. А., Пименова М. В.

Кемерово, Россия, EAПimenov@rambler.ru, imenovaMV2010@rambler.ru

Общее и специфичное социальных концептов БЕДНОСТЬ и POORNNESS

В рамках когнитивной лингвистики сейчас выделяется особое направление – концептуальные исследования. Когда в науку вводится новый термин, он должен «вписаться» в существующую терминологическую систему. При этом обычно происходит изменение содержания и других терминов, входящих в эту систему (подсистему). Одним из таких терминов является *концепт*. Концепт является отражением определенных ценностей общества, хранящихся в сознании индивидуумов. Н.Д. Арутюнова даёт следующее определение «концепта»: понятие практической (обыденной) философии, возникающее в результате взаимодействия таких факторов как национальные традиции, религия, идеология, жизненный опыт и образы искусства, ощущений и системы ценностей [Арутюнова 1999: 3]. Концепты

– части национальной концептосистемы, они не только мыслятся, они переживаются. В языковой картине мира каждого народа отображена значительно большая доля общего, чем уникального для каждой культуры, опыта. Общая картина мира служит посредником и основой как при взаимопонимании индивидов, так и целых культур. Именно общая часть картин мира делает возможным существование системы стабильных (постоянных и вариативных) языковых соответствий.

Одной из насущных задач современной лингвистики является изучение отражения системы мировоззренческих знаний человека о мире в языке и его когнитивном каркасе, т.е. речь идет об исследовании концептуальной системы и языковой картины мира. Работы по этому вопросу появились сравнительно недавно [Маслова 2007; Пименова 2007]. Язык в них рассматривается как определенная система вербализованных концептов и как средство оформления концептуальной системы знаний о мире. «Язык не мог бы выполнять свои функции, если бы не был тесно связан с концептуальной картиной мира» [Маслова 2007: 254]. Язык начинает восприниматься как путь, по которому можно проникнуть не только в современную ментальность, но и увидеть картину мира людей, живших до нас, изучить их взгляд на природу, на общество и на самих себя. В центре внимания исследователей оказывается проблема взаимодействия человека, языка и культуры.

В последние годы все более актуальными становятся вопросы этноспецифики концептуальной систем носителей разных языков, особенностей интерпретации мира и жизни отдельного человека. Современные исследования по проблемам «Язык – культура – этнос» ведутся на базе различных данных и касаются таких вопросов, как лингвистические и социокультурные дифференциации, лингвоэтнические общности, социально-этнические нормы, лежащие в основе коммуникации, функциональное взаимодействие языка и культуры в ходе исторической эволюции этноса. Для современного развития науки характерны поиски методологических

схем анализа проблемы «Язык – культура», попытки установления связи языка и культуры на основе их онтологической общности, онтологического единства.

Особый интерес представляют так называемые социальные концепты. Эта часть концептуальной системы является предметом изучения политической лингвистики.

Класс **социальных концептов** образуют: а) концепты стран (*Россия, Германия, Франция, Китай, страна, общество, государство*), б) концепты социального статуса (*элита, «верхи-низы», крестьянин, рабочий, богатырь, правитель (вождь, князь, царь, император, генсек, президент), богатый, бедный*), ремесленник (*гончар, плотник, кузнец*), *интеллигент, ученый, хозяин, раб*), в) концепты национальности (*русский, немец, китаец, американец, француз*), г) концепты власти и управления (*демократия, диктатура, свобода, воля, анархия*), д) концепты интерперсональных отношений (*влияние, независимость, соборность, рабство, подчинение, власть, родство; мир, война*), е) моральные (этические) концепты (*честь, долг, обязанность, совесть, стыд, раскаяние; корысть, лесть, подлость, измена, верность*), ж) концепты занятий (*труд, ремесло, лень, игра, образование, праздник, дело*), з) религиозные концепты (*Богоматерь, Бог, святой, икона, мессия, пророк*). Об этом см. подробнее в [Пименова 2006: 46]. Следует сказать, что границы между классами концептов размыты. Так, *совесть* – концепт из класса социальных (моральных) и при этом – класса концептов внутреннего мира, в наивной картине мира *совесть* – воплощение конфессиональной принадлежности человека (*Менять веру, менять и совесть*) и его национальности (*Душа христианская, а совесть цыганская*).

В статье рассматриваются концепты *бедность* и *poorness*. Социальные концепты *бедность* и *poorness* объективируются посредством концептуальных метафор, свойственных для вербализации всех абстрактных концептов. Анализ концептуальной метафоры показывает, что её значение формируется на основе взаимодействия двух компонентов – обозначаемого

и образного средства. Обозначаемое метафоры определяет её направление в зависимости от представления говорящего об объекте. Признак, находящийся в основе переноса, выбирается среди ряда возможных в зависимости от того языкового понятия, которое он выражает и которое согласуется с намерением говорящего – обозначить определённую грань непредметного объекта. Несмотря на распространение концептуальных исследований, социальные концепты сейчас стали привлекать к себе пристальное внимание исследователей (см., например: [Пиирайнен 1997: 92-100]).

Традиционному понятию «область метафорического отображения» в когнитивной терминологии соответствует упорядочение по определенным признакам знания об окружающем мире. Вслед за Дж. Лакоффом, под концептуальной метафорой (*conceptual metaphor*) подразумевается способ думать об одной области через призму другой [Lakoff 1993: 206]. Фреймы (конкретные концептуальные структуры), сохраняющиеся в языковом фонде, берут свое начало в знании окружающего мира. Под фреймами понимается концептуальная структура, которая охватывает определенную лексическую единицу как ассоциативный контекст или же при помощи которой она воспроизводится, причем сценарии имплицитно определяют временной отрезок происходящего.

Концепт *бедность* в русском языке объективирован разнообразно. Семантическое поле *бедность* представлено в большей части фразеологизмами, пословицами, поговорками, которые можно объединить по нескольким образ-схемам. М. Джонсон является автором термина образная схема (или образ-схема, *image schema*). Образ-схема – это схематическая структура, вокруг которой организуется наш опыт; «образная схема – это повторяющийся динамический образец (*pattern*) наших процессов восприятия и наших моторных программ, который придаёт связность и структуру нашему опыту» [Jonson 1987: xiv]. Образные схемы имеют отличительные особенности, они (а) не пропозициональны, (б) связаны с разными способами восприятия, (в) являются частью нашего опыта, основанного на особенностях восприятия, образности и структуры событий, (г) обеспечивает связ-

ность индивидуального и общественного опыта через разные типы познания, (д) выступают в качестве гештальт-структур (т.е. являются связными, значимыми едиными целыми в нашем опыте и познании).

Выделены регулярные модели концепта. Первую образ-схему можно сформулировать как *БЕДНОСТЬ – ЭТО НЕДОСТАТОК В РЕСУРСАХ*. Эта схема связана, например, с такими понятиями, как материальные блага, степень обеспеченности (*бедный дом, бедная одежда, скудный завтрак*), наличие еды/ голод (*Сытый голодного не разумеет*), наличие/ отсутствие одежды (*гол как сокол*), наличие/ отсутствие денег (*за душой ничего/ ни копейки/ ни гроша нет*). Образ-схема *БЕДНОСТЬ – ЭТО НЕДОСТАТОК В РЕСУРСАХ* реализует значение «скудости, недостаточности средств к существованию» (*поражать своей бедностью; бедность замутила*). Бедность концептуализируется по признаку ‘степень проявленности недостатка средств’. Недостаток средств может быть охарактеризован как скудость, нищета. В ряду синонимов *бедность* занимает среднюю (нейтральную) позицию, выступая доминантой синонимического ряда. При этом необходимо отметить, что бедность затрагивает не только сферу материальных средств, но и духовных (в том числе, ментальные ресурсы); ср.: *скудоумие, нравственная/ духовная нищета, нищие духом, обнищать души, нищая душа, душевная нищета*. Другими словами, в метафорах духовной сферы оценочность чаще выражается признаками крайней степени бедности (нищета).

Во второй образ-схеме речь идет о совершенно другой концептуальной метафоре *БЕДНОСТЬ – ЭТО ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ОГРАНИЧЕННОСТЬ*. Данная схема более абстрактна, она не опирается на такие бытовые темы, как пища, одежда, дом, а, скорее, лишена определённых коннотаций. К тому же языковые единицы, выражающие данную модель *бедности*, синкретически связаны с *ФИНАНСОВЫМ ЗАТРУДНЕНИЕМ* – целевая область которого в той же мере концептуализируется как *ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ОГРАНИЧЕННОСТЬ* (*быть стесненным в средствах*). Образ-схема *БЕДНОСТЬ – ЭТО ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ОГРАНИЧЕН-*

НОСТЬ связана с абстрактным, обобщённым значением «проживания, существования в пространстве, характеризующемся скудостью, ограниченностью» (*жить/ существовать/ прозябать в бедности*).

Для русского языка характерны специфические образ-схемы **БЕДНОСТЬ** – ЭТО ФИЗИЧЕСКОЕ ОГРАНИЧЕНИЕ, которая представляет изменение физических соматических характеристик человека (*Без денег и окольных худенек*), **БЕДНОСТЬ** – ЭТО НРАВСТВЕННОЕ ОГРАНИЧЕНИЕ, за которой закреплено значение «ограничение в действиях, связанных с нравственным переживанием» (*стесняться своей бедности; скрывать/ прятать свою бедность*).

Все эти образ-схемы основываются на нашем повседневном опыте, который продиктован правилами и приёмами семантических соотношений. Другими словами, эти образ-схемы суть универсальные когнитивные процессы, отображённые в языке.

Например, для сравнения, соответствующий концепт в немецкой фразеологии соотносится с несколько иными смыслами. Речь здесь идёт о двух совершенно различных видах *бедности* (которые не так ясно осознаются через семантическую перифразу). *Бедность* концептуализируется через признаки ‘ограничение в передвижении’, ‘ограниченность в реализации планов’, ‘быть вынужденным придерживаться тесных границ’; все это передаётся метафорами тесноты, описывающими *бедность*, словесное оформление которой опирается на образы материального и пространственного ограничения (Пименов 2009: 58).

В английском языке бедность имеет некоторые похожие ассоциативные связи. Ведущая образ-схема – **POORNNESS** – ЭТО НЕДОСТАТОК В РЕСУРСАХ – определяет следующие ассоциативные ряды: материальные блага (*poor* «бедный, неимущий»; *poor man* «бедняк, неимущий»; *poor peasant* «крестьянин-бедняк»), степень обеспеченности (*poor furnished room* «бедно обставленная комната»), наличие еды/ голод (*Poor as a church mouse* «беден как церковная мышь»), наличие/ отсутствие одежды (*poor clad* «бедно одетый»), наличие/ отсутствие денег (*poor ten shillings* «жалкие

десять шиллингов»). Бедность в английском определяется основным признаком 'степень проявленности недостатка средств', т.е. те же скудость и нищета (*poorness* «бедность, недостаточность»; ср.: *poorness of supply* «плохое/ недостаточное снабжение»). Но уже здесь можно отметить черты этноспецифики английской бедности: **POORNESS – ЭТО НЕУДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ**, которая проявляется, например, в оценке качества произведенного продукта (*poorness of workmanship* «плохое качество работы»).

В английском языке бедность относится не только к сфере быта и материальных благ, но и к духовным и моральным качествам человека, которые определяют его роль в социуме (*poor-spirited* «робкий, трусливый, малодушный»), а также к ментальной области (*he became poorer in ideas* «мысль его оскудела»).

Вторая образ-схема, которая актуализирует значение **ФИНАНСОВЫХ ЗАТРУДНЕНИЙ**, отличается от русской: **БЕДНОСТЬ – ЭТО КАЧЕСТВО ЖИЗНИ** (*my poor retirement* «моя скромная уединенная жизнь», букв. бедная; *poorly lighted streets* «слабо освещенные улицы»). Эта образ-схема представляет бедность как некое качество существования, характеризующегося скудостью (*to live poor* «жить в бедности», букв. жить скудно). Качественные характеристики жизни зависят от оценки качества пищи (*poor food* «скверная еда», букв. бедная; *poor butter* «некачественное масло»), качества потребления товаров и услуг (*goods of poor quality* «товары низкого качества»), урожая (*poor crop* «низкий урожай»), доходов (*poor income* «скудные доходы»).

Общей образ-схемой для сравниваемых языков является **БЕДНОСТЬ/ POORNESS – ЭТО НЕОБХОДИМОСТЬ МОРАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ – ь СОЧУВСТВИЕ/ ЖАЛОСТЬ/ СОСТРАДАНИЕ** (*It's a poor heart that never rejoices* «Заслуживает жалости тот, кто не знает радости»; *poor beggar/ poor soul/ poor thing* «бедняга, бедняжка»). Эта образ-схема фиксирует значение «несчастный, возбуждающий жалость, сострадание» в

таких русских производных, как *бедняга*, *беденький*, *бедняжка*, (*просить/выпрашивать на бедность; бедность не порок; ср.: быть бедным не грех*).

В английском языке выделены специфические образ-схемы *POORNESS* – ЭТО ФИЗИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ, ассоциативные связи которой распространяются на человека, животных (*poor health* «слабое здоровье»; *in poor condition* «в плохом состоянии (о здоровье)»; *I am feel poorly* «мне нездоровится»; *poor horse* «тощая лошадь») и даже на состояние почвы и полезных ископаемых (*poorness of the soil* «неплодородность почвы»; *poor in coal* «с ничтожными запасами угля»; *poor ore* горн. «убогая руда»), *POORNESS* – ЭТО НЕГАТИВНОЕ ОТНОШЕНИЕ, через которую реализуется значение «отрицательное мнение, пренебрежение; неудовлетворенность» (*to have a poor opinion of smb.* «иметь плохое мнение о ком-л.»; *to think poor of smb.* «быть плохого мнения о ком-л.»; *he spoke very poor* «он говорил очень плохо»; *We have a poor time* «Мы плохо провели время»), *POORNESS* – ЭТО НРАВСТВЕННАЯ ОГРАНИЧЕННОСТЬ, актуализирующее значение «низость; неблагородность» (*poor sort of conduct* «дурное, неблагородное поведение»).

Отношение к бедным имеет в английском обществе законодательную базу: есть так называемое *poor-law* – законодательство «бедных», закон, регулирующий вопросы оказания помощи неимущим. В церквях среди посетителей было принято опускать деньги в *poor-box* – кружку для сбора в пользу бедных. Существовали особые *poorhouse* – богадельни или работные дома.

В русской культуре существуют писанные и неписанные правила поведения по отношению к бедным. Бедного нельзя обижать (*Нищего не обидь!*), грабить, *забирать последнее* (*Нищего ограбить – суюмо пахнет*), не помогать (*Счастью не верь и от бедного не затворяй дверь*). Тем, кто не богат, рекомендуется не вступать в тягбу с богатыми (*С сильными не борись, с богатыми не судись/ не тянись*).

Концепт *бедность* в русском определяется признаками ‘ограничение в материальных ресурсах’, ‘ограничение в жизненном пространстве’, ‘нравственные ограничения’. Этноспецифика русской культуры выражается в таком глаголе, как *прибедняться*. *Прибедняться* означает «скрывать истинное материальное положение». Табуированность материальной обеспеченности связана, в первую очередь, с ограничением огласки (нельзя преувеличивать размер дохода), с другой стороны, с возможностью потерять все сразу. Богатство, в свою очередь, определяется признаком достаточности, самоограничения (*достаток* «богатство, обеспеченность»). Концепт *богатство* в русской концептосистеме связан с особыми семантическими полями. Важной и актуальной до сих пор остается образ-схема *БОГАТСТВО – БЕРЕЖЛИВОСТЬ*, она сохранилась в пословичном фонде языка (*Бережливость довеку кормит трудовыми деньгами*; ср.: *Копейка рубль бережет*).

Концепт *poorness* актуализируется через признаки ‘недостаток в ресурсах’, ‘неудовлетворенность’, ‘качество жизни, обусловленное финансовыми затруднениями’, ‘физическое состояние (физические ресурсы человека, животного, почвы, земли)’, ‘негативное отношение’, ‘нравственная ограниченность’. Богатство же определяется признаками изобилия в еде и соответствующего соматического состояния человека, могущего себе позволить ее (*rich repast* «обильная трапеза», букв. богатая; *rich dish* «питательное блюдо; *rich milk* «жирное молоко»). Богатство в английском языке ассоциируется с изысканностью и красотой (*rich wine* «изысканное вино»; *richness* «красота, великолепие»).

Сопоставимым признаком сравниваемых концептов выступает ‘то, что вызывает жалость, сочувствие, сострадание’. Доминирующим в моральной шкале ценностей в сравниваемых лингвокультурах оказывается христианское отношение к бедности. Заповедь «Блаженны нищие духом» правильно толкуется не как позитивное отношение к блаженным, а как «блаженны те, кто отказался от материальных благ в пользу духовного самосовершенствования».

Бедность обозначается преимущественно концептуальными метафорами не только потому, что это относится к абстрактной сфере, которая не поддается другому словесному оформлению (как это имеет место при обозначении психического состояния «страх», «гнев» или иных эмоций), а потому, что речь идет о запретной теме (ср. эвфемизм: *не в деньгах счастье*). Если речь идет о «бедном» человеке, бедняке, то это будет означаться не как *он беден*, а, скорее, *он ограничен в средствах* книжн.; *голь перекатная* прост. Обычно будет выбрано стилистически окрашенное выражение, состоящее из неспецифических слов, которые только намекают на лежащую в основе концептуальную метафору, понятную только посвященным. Фразеологизм выступает не как «экспрессивная конкурирующая форма», а как важное средство для выражения чего-то отрицательного, что не должно облекаться в слова, однако можно выразить, не нарушив общественные нормы коммуникации. Метафорично-когнитивные процессы, показанные здесь, оказывают, тем не менее, непосредственное влияние на прагматику. Жизнь человека, ценности материальной и духовной жизни, отношения между людьми и отношение к себе – все эти явления так или иначе обозначаются в языке, создавая образ общества и образ индивида – носителя определенного языка.

Библиографический список

Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека [Текст] / Н.Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 895 с.

Маслова, В. А. Homo lingualis в культуре [Текст] / В.А. Маслова. – М.: Гнозис, 2007. – 320 с.

Пиирайнен, Е. Область метафорического отображения – метафора – метафорическая модель (на материале фразеологии западно-мюнстерского диалекта) [Текст] / Е. Пиирайнен // Вопросы языкознания. – 1997. – №4. – С. 92-100.

Пименов, Е. А. Социальные концепты *бедность* и *богатство* [Текст] / Е.А. Пименов // Новое в славянской филологии; отв. ред. М.В. Пименова. – Севастополь: Рибэст, 2009. – 614 с. – С. 56-62. (Серия «Славянский мир». Вып. 4).

Пименова, М. В. Введение в концептуальные исследования: учебное пособие [Текст] / М. В. Пименова, О. Н. Кондратьева; ГОУ ВПО «Кемеровский

государственный университет». – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2006. – 179 с.

Пименова, М.В. Концепт *сердце*: образ, понятие, символ [Текст] / М.В. Пименова. – Кемерово: КемГУ, 2007. – 500 с. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 9).

Словарь русского языка: в 4-х т. [Текст]; АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой; 2-е изд., испр. и доп. – М., 1981-1984.

Снегирев, И. М. Словарь русских пословиц и поговорок; Русские в своих пословицах [Текст] / И. М. Снегирев; сост., предисл., коммент. Е.А. Грушко, Ю.М. Медведев. – Н. Новгород: Русский купец; Братья Славяне, 1996. – 624 с.

Фразеологический словарь русского литературного языка: в 2 т. [Текст]; сост. А.И. Фёдоров. – Новосибирск, 1995.

Dictionary of Phrase and Fable [Electronic Resource]. Mode of access: <http://www.bibliomania.com:80/Reference/PhraseAndFable/>

Encarta® World English Dictionary, North American Edition [Electronic Resource]. Mode of access: <http://a-z-dictionaries.com/dictionary.html>

Jonson M. The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason [Text] / M. Jonson. – Chicago: University Chicago Press, 1987.

Lakoff G. The Contemporary Theory of Metaphor [Text] / G. Lakoff // Metaphor and Thought / Ortony A. (ed.). – Cambridge: Cambridge University Press. Second Edition, 1993. – P. 202-251.

Infoplease Dictionary [Electronic Resource]. Mode of access: <http://www.infoplease.com/dictionary.html>

Webster's Revised Unabridged Dictionary (1913 + 1828) [Electronic Resource]. Mode of access: <http://machaut.uchicago.edu/>

© Пименов Е. А., Пименова М. В., 2010

Смирнова Ю. Л.

Челябинск, Россия, privet_julia@mail.ru

Политические эвфемизмы в средствах массовой информации

Существование особой группы эвфемизмов, которые используются в текстах политической коммуникации, отмечают многие отечественные и зарубежные лингвисты, исследовавшие проблему эвфемии [Holder 1995; Lawrence 1973; Neaman, Silver 1990; Bolinger 1981; Burridge 1996; Гальперин 1981; Крысин 1996; Москвин 1998; 2001; Павлова 2000].

Термин «политический эвфемизм» для обозначения этой группы эвфемизмов не является вполне устоявшимся, но активно используется в

современной лингвистике. В настоящее время в лингвистической литературе имеется несколько определений политического эвфемизма [Гальперин 1981; Москвин 2001; Павлова 2000], в которых обозначены особенности, выделяющие их среди других эвфемизмов: функционирование в текстах политической коммуникации с целью сокрытия неприятных сторон действительности за счет смягчения и искажения смысла описываемого факта.

Широкое использование политических эвфемизмов в текстах политической коммуникации обусловлено несколькими факторами:

- рядом ограничений правового характера на использование языковых средств выражения прямой негативной оценки в текстах политической коммуникации [Дедюлина 2000];
- необходимостью соблюдения правил культурной корректности, существующих в современном обществе [Терминасова 2000; Бессарабенко 2000; Burridge 1996];
- большей эффективностью воздействия на аудиторию при имплицитном способе передачи информации [Имплицитность в языке и речи 1999; Geis 1987].

Актуальность темы состоит в том, что в современной ситуации, когда воздействие на массовую аудиторию через политический язык является целенаправленным и должно осуществляться в соответствии с требованиями правовой и культурной корректности, использование политических эвфемизмов приобретает особую значимость. Однако до сих пор не имеется четких критериев выделения словаря политических эвфемизмов, определения сфер политической эвфемизации, политические эвфемизмы не систематизированы.

Применительно к теории политической корректности целесообразно разделить эвфемизмы на следующие группы.

I. Эвфемизмы, непосредственно отражающие идеи политической корректности, то есть смягчающие различные виды дискриминации. Данная группа состоит из нескольких подгрупп:

1. эвфемизмы, исключаящие расовую и этническую дискриминацию: англ. member of the African Diaspora, person of color, Jewish person;

2. эвфемизмы, смягчающие дискриминацию по половой принадлежности, созданные с целью повышения статуса женщины и исключения проявлений сексизма в языке: англ. domestic partner (companion), flight attendant;

3. эвфемизмы, созданные для исключения дискриминации по социальному статусу.: англ. economically disadvantaged, low-income (вместо poor) environmental hygienist, sanitation engineer, vehicular consultant; рус. "неимущие", "малообеспеченные";

4. эвфемизмы, смягчающие возрастную дискриминацию: англ. middlecence, golden ager, senior citizen; рус. "пожилые", "люди старшего поколения";

5. эвфемизмы, направленные против дискриминации по состоянию здоровья: physically challenged, aurally inconvenienced, visually challenged, immuno-compromised; рус. "люди с ограниченными возможностями";

6. эвфемизмы, направленные против дискриминации по внешнему виду: vertically challenged, full-figured, big-boned;

7. эвфемизмы, связанные с защитой окружающей среды, животного мира: animal companion, free-roaming animal (вместо wild animal), organic biomass.

II. Эвфемизмы, так или иначе соотносящиеся с идеями политической корректности, среди которых выделяются:

1. эвфемизмы, отвлекающие от негативных экономических последствий: англ. period of negative economic growth, to downsize; рус. "свободные цены", "сокращение штата";

2. эвфемизмы, направленные на прикрытие антигуманной политики государства, особенно агрессивных военных действий: англ. pacification, limited air strike, air support, device, collateral damage и др.;

Изучение способов образования политически корректных эвфемизмов позволило выделить следующие типы.

1. Номинации с общим смыслом, использующиеся для обозначения конкретных понятий: англ. companion "компаньон" в значении spouse "супруг/супруга", the disadvantaged "попавшие в менее благоприятные обстоятельства" в значении the poor "бедные", special "особый" в значении retarded "умственно отсталый", device "устройство" в значении bomb "бомба", рус. "либерализация цен" в значении "повышение цен", "контролер" вместо "надзиратель", "люди старшего поколения" вместо "старики".

2. В отдельных, более редких случаях, можно наблюдать обратный процесс - замену многозначного слова словом или словосочетанием с более узким значением: англ. low-income "малооплачиваемый" вместо poor "бедный", sex worker "работник сферы сексуальных услуг" вместо prostitute "проститутка".

3. Образование сложных слов. Обычно в таких словах присутствует один постоянный и один изменяемый компонент. В английском языке сложные слова, созданные с целью исключения различных видов дискриминации, часто включают следующие компоненты:

а) abled "имеющий определенные физические возможности": differently abled или otherly abled "с иными физическими возможностями" (корректные эквиваленты handicapped и disabled);

б) challenged "не обладающий некоторыми физическими или умственными качествами, не имеющий определенных навыков": physically challenged "с проблемами в физическом развитии", mentally challenged "недостаточно умственно развитый", visually challenged "с недостатками зрения";

в) impaired "имеющий ограниченные возможности": hearing impaired "с ограничениями слуха";

г) disadvantaged "лишенный чего-либо": economically disadvantaged "лишенный материальных благ", hair disadvantaged "лишенный волос".

Основной функцией политически корректных эвфемизмов следует признать функцию смягчения. Политически корректные эвфемизмы образуются преимущественно по морально-этическим причинам и тесно связаны с установкой на преодоление различных видов дискриминации. В некоторых случаях политически корректным эвфемизмам присуща и функция маскировки отрицательного понятия, вуалирования сущности обозначаемого.

Библиографический список

- Артёмов В.Л. Основные направления исследования и современное состояние теории массовой коммуникации за рубежом / В.Л.Артёмов // Психолингвистические проблемы массовой коммуникации. – М. : Наука, 1984. – С. 18 – 27.
- Арутюнова Н.Д. Лингвистические проблемы референции /Н.Д. Арутюнова // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1982. – Вып.13. – С. 5 – 40.
- Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. / Р.Барт. – М. : Издательская группа «Прогресс», «Универс», «Рей», 1994. – 616с.
- Блакар Р.М. Язык как инструмент власти / Р.М.Блакар// Язык и моделирование социального взаимодействия. – М. : Прогресс, 1987. – С.88-125.

© Смирнова Ю. Л., 2010

Ширнужева Н. В.

Екатеринбург, Россия, schir@mail.ru

ЛСП «Действие животного» на основе лексикографических источников русского языка

Множественность подходов к изучению единиц и явлений языка Е.С. Кубрякова обозначила как полипарадигмальность. Это наблюдается и в области изучения словарного состава, особенно – в изучении лексической семантики. При этом, по словам Л.Г. Бабенко, «каждый новый взгляд на словарный состав и лексическое значение позволял ученым выявить специфику их организации» [Бабенко 1999:7]. Лексикографические источники создают «ословаренную» картину мира в рамках конкретного языка. Тематическая выборка очерчивает фрагмент языковой действительности,

позволяя осмыслить объем и глубину проработки данной языковой действительности.

Из толковых и толково-идеографических словарей русского языка способом сплошной выборки нами были выявлены глаголы, характеризующие жизнедеятельность животных.

Основным критерием выборки материала было наличие в словарных дефинициях конкретизаторов «о животных», «о птицах», «о рыбах» и т.д. Эти конкретизаторы обычно представлены в скобках после словарного определения. Статус этого компонента в семной структуре глагола определяется научной литературе по-разному: ограничительный компонент (Михайлова 1997), включенный актант (Плотникова 1999), субъектный конкретизатор. В любом случае заключенный в скобки компонент определяет денотативную отнесенность глагола к сфере «Жизнедеятельность животного». В случае отсутствия субъектного компонента (например: кочевать-Передвигаться стадами или стаями с места на место/ *МАС*; встрепенуться -Вздрогнуть, встряхнуть перьями/ *МАС*) глагол включается в исследуемый класс на основании метода ступенчатой идентификации:

кочевать- Передвигаться стадами или стаями с места на место (*МАС*)

стая - Группа животных одного вида, держащихся вместе (*МАС*)

Группа мелких животных одного вида, рыб или птиц/ (*Толковый словарь Ефремовой*).

стадо - Группа животных, птиц, рыб одного вида, держащихся вместе; стая (*МАС*)

Другим основанием включения глаголов в исследуемый класс было наличие специальных помет «с.-х.», «зоол.», «биол.», «охот.», указывающих на терминосистему, в которой функционируют глаголы. При этом следует отметить несогласованность и непоследовательность в применении помет, которые используются в толковых словарях для указания на сферу использования слова.

Поэтому при выборке глаголов мы опирались на совокупность изложенных критериев: семантика слова, характер пометы, наличие конкретизатора.

На материале выбранных из словарей глаголов было выделено лексико-семантическое поле (ЛСП) "**Действие животного**", которое в свою очередь формировалось лексико-семантическими группами (ЛСГ). Основанием выделения лексико-грамматических группировок слов является одновременно категориально-лексическая сема и уточняющий ее существенный семантический признак.

Лексико-семантическое поле "**Действие животного**" состоит из 3 ЛСГ:

1. **ЛСГ физического воздействия** (например, бодать, брыкать, жалить, клевать, когтить, кусать, лягать);
2. **ЛСГ звучания** (например, блеять, ворковать, гавкать, каркать, квакать);
3. **ЛСГ физиологических действий животного** (например, жрать, клевать, лакать, лизать, склёвывать, тебеневать, щипать).

В ЛСГ **физического воздействия** входят глагольные единицы, специализированные для обозначения физического воздействия/нанесения удара.

Их объем ограничен тем, что способы физического воздействия, исходящего со стороны животного, ограничены. Нанесение ими удара возможно ногами/лапами/когтями, рогами или зубами/клювом. Глаголы группы можно подразделить на подгруппы: глаголы нанесения удара, глаголы давления, глаголы повреждения тела живого существа и глаголы лишения жизни живого существа. Глаголы содержат позицию субъекта, инструмента (клювом, ногами, когтями), способа (вонзая, сдавливая, впиваясь). Другие аспекты значений в процессе анализа словарных дефиниций не выявлены. Контексты позволяют восстановить следующие аспекты:

1) множественность объекта (**перегрызть** - перекусать или загрызть **всех, многих** друг друга);

2) способа действия, который указывается не последовательно, иногда. Последовательно он указывается в дефиниции глагола, например, *впиваясь жалом, зубами*. Инструмент является неотчуждаемым, т.е. представляет собой часть тела.

СК глаголов физического воздействия состоит из следующих компонентов: субъект, инструмент, способ. Позиция объекта не представлена, но она возможна.

ЛСГ звучания Лексикографические источники с разной степенью тщательности определяют характер звука: например, *ухать - издавать характерный крик (о филине, сове, сыче)*

кукарекать - издавать "ку-ка-ре-ку" (о петухе)

блеять - издавать дрожащие, прерывистые звуки (об овцах и козах).

В дефиниции характер звука описывается с указанием на его особенности или передается через звукоподражание. Звукоподражательные глаголы воспроизводят фоносемантические особенности звучания.

Группы глаголов звучания складывается из двух типов: обобщенно представляющих звуки, производимые млекопитающими (стонать, рвать, кричать) и птицами (щебетать, шелкать). Далее обобщение проводится по группам: животное/птица; насекомое/птица; домашние и дикие животные. Дальнейшая дифференциация происходит по принадлежности к одному семейству (псовых, кошачьих, лошадиных, КРС, земноводные), выделяются в разные подгруппы хищные и певчие птицы, т.е. полное включение объекта в семантику глагола. Глаголы, действие которых специализировано относительно одного актанта (каркать/ворона, ворковать/голубь, крикать/утка, кудахтать/курица, кукарекать/петух, куковать/кукушка, ухать/филин, чирикать/воробей, курлыкать/журавль, квакать/лягушка, жаба, тетерев – чуфыркать, токовать) можно характеризовать как специальные.

Звукоподражательных глаголов достаточно много и они специализированы не по принадлежности к виду (птица или животное), а по акустически воспринимаемому звуку. Причем лексикографический источник

фиксирует синонимические пары и ряды с учетом областных, разговорных и др. вариантов: *газакать/гоготать*, *клекотать/клекта*, *блеять/мекать*, *мяукать/мяучить*, *свистеть/свиристеть*, *цвирикать/цвиркать*, *чивикаать/чиликаать*, *клоктать/квохтать/клохтать/кудахтать*.

Следует отметить, что картина действительности более детально проработана глаголами звучания в отношении лесных птиц. Противопоставление звуков, издаваемых мужской и женской особью наблюдается у домашних птиц (кукарекать/кудахтать), у диких птиц выделяются звуковые сигналы только самцов (тетерев – чуфыркать, токовать). Противопоставляются звуки, издаваемые крупными и мелкими животными (реветь, трубить/тявкать, пищать). А глагол «урчать» предполагает два противоположных типа поведения: урчать от удовольствия и выражая угрозу.

В ЛСГ физиологических действий животного

В исследуемую группу входят глагольные единицы, специализированные для обозначения физического действия животного. Типовая семантика глаголов отражает денотативную ситуацию протекания физиологических процессов в организме животного, и состоит из следующих компонентов: 1) живое существо/животное/птица 2) ест/клюет/пьет 3) поддерживая жизнеспособность организма.

Эта группа немногочисленна, что объясняется преобладанием глаголов, описывающих типичную ситуацию физиологических действий любого живого существа, человека или животного: приема пищи и жидкости, выделения и дыхания и т.д.

Глаголы содержат позицию субъекта, инструмента (клювом, зубами и др.), способа (защемляя, отрывая, отрывивая, растопыривая перья). Контексты позволяют восстановить аспект цели:

пурхаться - купаться в пыли, растопыривая перья, для освобождения от пероедов, блох; **метить** - ставить на ком-чем-н. отличительный знак, метку, **маркируя** запахом, слюной, мочой **территорию обитания**

Способ действия, который указывается последовательно в дефиниции глагола, например, вылизывать - *вычистить*, *пригладить языком*

шерсть, волосяной покров. Инструмент представляет собой часть тела (язык, зубы) или физиологические жидкости.

СК глаголов физического действия состоит из следующих компонентов: субъект, инструмент, способ, цель. Позиция объекта не представлена, но она может быть восстановлена.

Таким образом, ЛСП «действие животного» в лексикологических источниках русского языка состоит из следующих компонентов: субъект, инструмент, способ, цель, характер производимого действия.

Библиографический список

Бабенко Л.Г. Изучение лексики в пространственном измерении, в Монографии «Русская глагольная лексика: денотативное пространство», Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 1999.

© Ширпужева Н. В., 2010

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ ГЕРМАНИСТИКИ
РОМАНИСТИКИ И РУСИСТИКИ**

Часть I

Материалы ежегодной международной научной конференции

Подписано в печать 03.04.2010. Формат 60x84 1/16.

Бумага для множ. аппаратов. Печать на ризографе.

Усл. печ. л. 17,13. Уч.-изд. л. 20,1. Тираж 200 экз.

www.uspu.ru

Оригинал-макет изготовлен Т. В. Чекановой